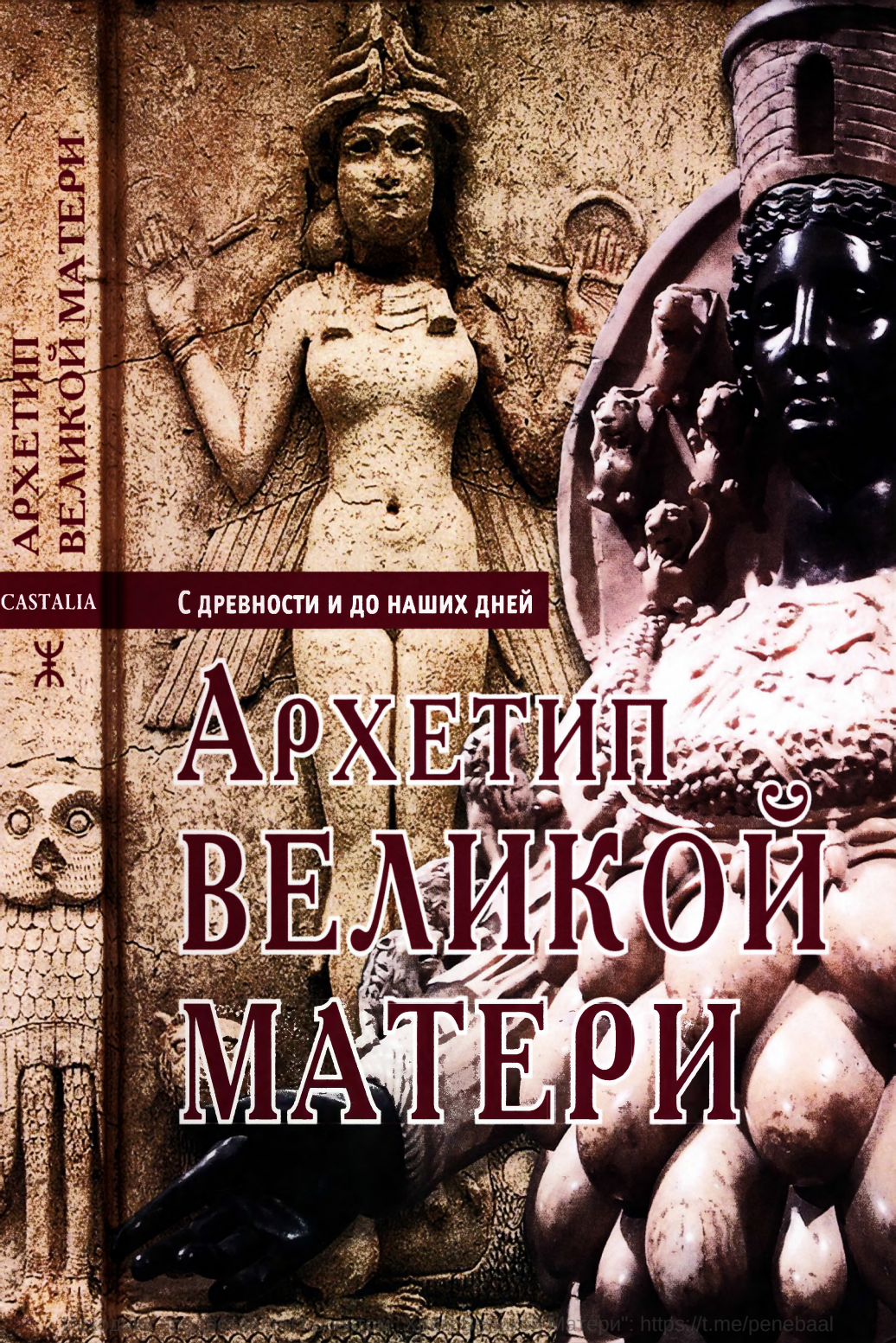

АРХЕТИП
ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ

CASTALIA

С ДРЕВНОСТИ И ДО НАШИХ ДНЕЙ

АРХЕТИП ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ

АРХЕТИП
ВЕЛИКОЙ
МАТЕРИ
С ДРЕВНОСТИ
И ДО НАШИХ ДНЕЙ

КОНФЕРЕНЦИЯ ЭРАНОС

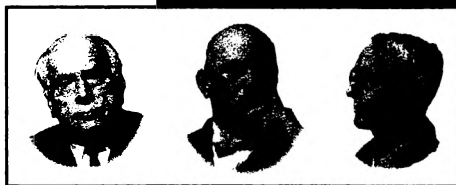
Москва
2018

УДК 291.14
ББК 71.1
А 87

^{А 87} **АРХЕТИП ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ
С ДРЕВНОСТИ И ДО НАШИХ ДНЕЙ**

М.: Клуб Касталия. 2018 — 328 с.
ISBN 978-5-519-60551-9

Перевод: Юрий КАРПЕНКО, Дмитрий РЕУТОВ
Компьютерная верстка: Ольга ИВАНОВА
Обложка: Ольга ИВАНОВА

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КЛУБ «КАСТАЛИЯ» ЮНГИАНСТВО. ОККУЛЬТИЗМ. ТРАНСГРЕССИЯ.

«Касталия» — это грандиозный культурный просветительский проект, не имеющий аналогов в информационном пространстве. Цель нашего проекта — дать вам знания. Знания в области глубокой психологии и серьезных оккультных традиций.

«КАСТАЛИЯ» — ЭТО:

- **Постоянно издаваемые НОВЫЕ КНИГИ.**
- **ЛЕКЦИИ И СЕМИНАРЫ**, которые проходят в Москве (еженедельно по пятницам), Санкт-Петербурге (дважды в месяц) и других городах, куда нас довольно часто приглашают.
- **САЙТ** с ежемесячно обновляющейся информацией из эксклюзивных переводов и авторских материалов. Большое количество ценной информации мы выкладываем в открытый доступ, то есть предоставляем совершенно бесплатно: это видеозаписи, книги и переводы книг, статьи и прочее. Поэтому, даже если у вас нет денег для участия в собраниях нашего клуба или приобретения всех изданных нами книг, очень многое вы можете почерпнуть совершенно бесплатно!
- **ВИРТУАЛЬНЫЙ ЛЕКТОРИЙ**, где вы можете получать уникальные видеолекции, посвященные юнгианской психологии, арканам таро, рунам, астрологии и другим духовным наукам. Находясь в любой точке мира, вы можете связаться с нашим координатором и заказать заинтересовавшие вас лекции и курсы.
- **ЛУЧШИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ**, готовые помочь вам пройти духовный кризис. Консультации психолога, таролога и астролога — тот спектр услуг, которые мы готовы вам предложить.

Наш проект — это, кроме того, **ЗНАК КАЧЕСТВА**. Сейчас, когда эзотерика в сознании даже образованных людей с трудом отделяется от псевдоэзотерики, а «духовный эфир» заполнили лаварены, трехлебовы, ахшенины, торсуновы и прочие шарлатаны и мошенники, наш проект даёт уникальную возможность соприкоснуться с серьезными и аутентичными духовными и психологическими школами.

**КАСТАЛИЯ ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
АВТОРОВ, ПЕРЕВОДЧИКОВ, А ТАКЖЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ**

CASTALLIA

Содержание

Шарль Виролло

ВЕЛИКАЯ БОГИНЯ В ВАВИЛОНЕ, ЕГИПТЕ И ФИНИКИИ. 5

Жан Прилузский

ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТА БОГИНИ-МАТЕРИ 33

Жан Прилузский

МАТЬ-БОГИНЯ КАК СВЯЗЫВАЮЩЕЕ ЗВЕНО
МЕЖДУ ЛОКАЛЬНЫМИ БОЖЕСТВАМИ
И УНИВЕРСАЛЬНЫМ БОГОМ 51

В. Ч. Ч. Коллум

СОЗИДАЮЩАЯ МАТЬ-БОГИНЯ КЕЛЬТСКИХ НАРОДОВ,
ЕЁ ИНСТРУМЕНТ, МИСТИЧЕСКОЕ «СЛОВО»,
ЕЁ КУЛЬТ И СИМВОЛЫ ЕЁ КУЛЬТА 67

Генрих Циммер

ИНДИЙСКАЯ МАТЬ МИРА 149

Эрнесто Буаноюти

МАРИЯ И ДЕВСТВЕННОЕ РОЖДЕНИЕ ИИСУСА 187

Шарль Пикар

ЭФЕСИЯ АНАТОЛИЙСКАЯ
ВЕЛИКАЯ МАТЬ ОТ КРИТА ДО ЭЛЕВСИНА 235

Густав Хайер

ВЕЛИКАЯ МАТЬ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА 283

ШАРЛЬ ВИРОЛЛО

ВЕЛИКАЯ БОГИНЯ
В ВАВИЛОНЕ, ЕГИПТЕ
И ФИНИКИИ

ИШТАР, ИЗИДА И АСТАРТА

Иштар, Изиды и Астарта — три великих имени, три великие Богини, в какой-то мере символизирующие три цивилизации, несомненно, отличающиеся друг от друга, но, тем не менее, на протяжении тысячелетий оказывавших друг на друга большое влияние. При этом, не удивительно, что эти три Богини имеют некоторые сходные черты, так как они, под определенным углом зрения и при определенных обстоятельствах, представляют одну и ту же фигуру. В чем же схожи эти три богини и чем отличаются? Хочу представить это Вам на примере документов, об одних из которых уже давно известно, другие же появились на свет совсем недавно.

Иштар была великая, можно даже сказать, единственная Богиня народов Тигра и Ефрата, ассирийской и халдейской империй, или, как сейчас принято говорить, ассирийцев и вавилонян. Она была так же единственной богиней, у которой была легенда и, которая обладала четко очерченной личностью. Другие богини были всего лишь именами, которые представляли собой грамматически измененные имена богов. Например, о богине Анту, жене бога Ану — бога неба, нам известно только имя, да и древним вавилонянам, скорей всего, было известно не намного больше.

Мы не собираемся здесь исследовать значение имени Иштар. Это одна из тех задач, которую пытались неоднократно решить, но, как это часто бывает, результат не соответствовал приложенным усилиям. И даже если бы мы знали, какие значения имеют два слога ее имени, стало бы ясно, что такие короткие слова могут отобразить только один из аспектов ее личности. Как уже часто и по праву говорилось, эти слова являются всего лишь знаками, а не определениями. Даже если была бы принята во внимание или доказана связь между именем Иштар и словом звезда (нем. — *stern*, санскрит — *star*, греч. — *aster*), становится понятно, что такое имя к богине Иштар

может применяться только тогда, когда она воплощает собой планету Венеру. Но кто мог бы поручиться, что это было изначально характером Богини, то есть, другими словами, что Иштар изначально представляла или воплощала собой звезду, и только потом снизошла на землю, чтоб принять участие в земной жизни и, особенно, в жизни земных людей, охранять их любовь и направлять их борьбу? Ведь именно в Ассирии Иштар была королевой баталий; это объясняется тем, что ассирийцы были гораздо воинственнее халдеев.

Нет никаких сомнений в том, что Иштар с древних времен не только сравнивалась с Венерой, но и отождествлялась с ней. Но все же, в первую очередь, и это стоит подчеркнуть, она была богиней в человеческом облики. Он так же не являлась богиней-матерью в прямом смысле, но все же, должно заметить, что она страстно любила жизнь и была самой жизнью, была воплощением и даже обожествлением жизни. Даже если это самое имя — Иштар кажется нам чаще всего применимым и используемым в клинописях, все же были у богини и другие различные имена, большое количество отличительных признаков и нарицательных имен, смысл и значение которых очень часто непонятны, но они, несомненно, соответствовали тем ролям, которые в определенных обстоятельствах играла Богиня.

Стоит так же заметить, что хоть Иштар и было именем богини в Месопотамии, все-таки не является женским именем, в то время как Астарта, на самом деле является женским именем; с другой стороны, Иштар в некоторых регионах восточного мира, как южно-арабский регион, было именем бога, а не богини. Вполне возможно, что имя пришло с юга Аравийского полуострова и, возможно, Иштар была изначально богом в Месопотамии. Кстати, существует множество примеров, которые указывают на подобного рода изменения пола у божеств мифологического мира, в особенности солнца и луны. Если же мы продолжим изучение Иштар, мы увидим, что эта богиня только тогда была женского пола, когда воплощала вечернюю звезду, в то время как в своем другом аспекте, как утренняя звезда, была мужского пола.

Из мифов, окружающих Иштар, мы знаем только несколько эпизодов, которые являются отдельно стоящими или, связь между которыми для нас не совсем узнаваема. И не важно, по какой причине, толкование этих сказаний является делом весьма не легким. Но о каком древнем мифе можно сказать, что его толкование является легким? В вавилонском героическом эпосе о короле Урука Гильгамеше

находится то, что можно назвать романом Иштар, историей ее любви. Вот только это история втиснута в такие тесные рамки, что ее смысл остается для нас не совсем ясным. Я напомним эти события: король Гильгамеш возвращается в Урук, что в нижней Халдее, после своей победы над исполином кедровой горы. Он отполировывает свое оружие, одевает роскошные наряды, распускает волосы и украшает свою голову диадемой. И так случилось, что не только все женщины страны с восхищением взирали на победоносного короля, но даже сама богиня Иштар «вознесла к нему свой взгляд», как гласит традиционное выражение. И когда Иштар вознесла свой взгляд на него, она обратилась к герою и сказала: «Иди, Гильгамеш, и стань моим супругом! Я хочу подарить тебе колесницу из ляписа-лазури и золота, и ты запряжешь в нее крепких жеребцов. Так въедешь ты в наш дворец, и как окажешься тут, сразу бросятся все властители, правители и короли в пыль к ногам твоим и в почтении принесут тебе в дар растительность равнин и гор».

И как отвечает Гильгамеш на эти, без сомнения заманчивые, обещания богини? Каково же его отношение, или как сегодня говорят, как реагирует он на это? Реакция в любом случае неожиданна. Король Урука не только далек от того, чтоб с радостью воспринять предложения богини, он отвергает ее, да еще с особой резкостью и вспыльчивостью. В резких выражениях он обвиняет Иштар в ее непостоянстве и, прежде всего, в ее предательстве, которое она совершила в прошлом. Она действительно снова и снова покидала всех тех, кому когда-то дарила свою любовь, и не только это, всех до одного она превращала в животных и преследовала их со всей жестокостью, за исключением Таммуза, который был ее первой любовью. Но Таммуз умер всё-таки довольно рано. Автор Гильгамеша не упоминает, каким образом Таммуз ушел из жизни. Он сообщает лишь о том, что Иштар в напоминание о своей боли приказала, чтоб раз в год в день его смерти все люди и вся природа оплакивали молодого бога. После чего она обратила свою любовь к другому. Она превращала каждого своего неверного мужа — очевидно, чтоб отомстить за измену — в птицу. Но так как этого ей было не достаточно, она ломала этой птице крылья. Несчастный укрывался в отдалённом лесу, где он, не переставая, бесконечно жалобно кричал: «О мои крылья!», что на вавилонском звучало как «каппи». Скорей всего это сказание должно было объяснять происхождение крика некоторого определенного вида

птиц, звучание которого было похоже на «каппи». Возможно, это и есть весь смысл данного сказания. Но кто может это с уверенностью утверждать? Также многие другие должны были пострадать от непостоянства Иштар: один был превращен во льва, другой в коня, третий, который был пастухом, в леопарда, и собаки этого пастуха загнали после этого своего хозяина и беспощадно разорвали его в «пух и прах» своими острыми зубами. Подобным способом, согласно греческим сказаниям, был превращен в оленя и разорван своей же сворой собак охотник Актеон, вызвавший недовольство Артемиды.

Гильгамешу все это известно. Наученный судьбой других, он отвергает любовь Иштар и говорит ей об этом напрямую в конце своей речи: «Ты любила бы меня, но ты превратила бы и меня в животное». Или вкратце, эта халдейская или вавилонская Иштар оказывается, по крайней мере, как это показывает эпос о Гильгамеше, похожей на Цирцею, и Гильгамеш не желает разделить участь тех, кто несколько позже назывался друзьями Одиссея.

К наиболее упоминаемым сказаниям древней Месопотамии относится стихотворение о спуске Иштар в ад. Это короткое стихотворение, состоящее не более чем из 140 строк и, почти полностью, сохранившееся до наших дней. Но, не смотря на это благоприятное обстоятельство и вопреки бесчисленным комментариям, его истинное значение и подлинный смысл до сих пор не прояснены.

Там рассказывается, что однажды Иштар решает спуститься в подземный мир, в ту страну, откуда еще никто не возвращался, где в печали и без света томятся усопшие души; пищей им служит лишь земля, в которую они забились. Иштар проникает внутрь земли и просит стража на пороге темного мира открыть ей ворота. Но страж, состоящий на службе Эрешкигаль, царицы ада, колеблется и сопротивляется, так как Эрешкигаль не была заранее предупреждена о приходе ее сестры Иштар. Иштар грозит разрушить ворота, она желает войти и она войдет, во что бы то ни стало. Зачем же нужно Иштар любой ценой прорваться в ад? Об этом она говорит нам сама: она желает поднять мертвых на поверхность земли, но не для того, чтоб освободить их, вернуть к жизни и повелевать ими в верхнем мире, как можно было бы подумать. Нет, а исключительно для того, чтоб мертвые уничтожили живых. Ее задача облегчается тем, как объясняет сама Иштар, что «мертвых гораздо больше, чем живых». Так глубока и ужасна ненависть Иштар к живым, что их уничтожение

для нее уже предreshено, и чтоб этого достигнуть, она обращается к темным силам земли. В чем же обвиняет она живых? Нам это неизвестно, мы можем только предположить, что живые в чем-то провинились, в некоем непростительном проступке перед самой богиней, в одном из тех проступков, за которыми неминуемо следует смерть.

В мифологии можно найти бесчисленное количество раздоров между людьми и богами, где люди отказывали богам в поклонении, хотя боги только для того людей и создали, чтобы последние им, бессмертным, служили. Самым тяжелым из этих конфликтов, который навсегда остался в нашей памяти, был великий потоп — «ужасная кара», утвержденная и приведенная в исполнение богом Бэлом¹. Однако тогда Иштар защищала людей перед Бэлом, людей, которых она сама создала, как она объясняла, но создала не для того, чтоб они как рыбная икра наполнили море.

Но отношения уже не те, как во времена великого потопа, они полностью изменились. Иштар больше не защищает людей, ни перед Бэлом, ни перед кем-либо другим. Она хочет их уничтожить из-за своей личной враждебности. Именно поэтому мы видим ее спустившейся в бездну, о да, она уже в самом сердце земли. Богиня ада, Эрешкигаль, неприятно удивленная этим визитом, и после долгих прений разрешает Иштар войти в ее царство, но только на том условии, что Иштар, каждый раз проходя через ворота, отдаст одну из своих вещей, которых у нее семь. Корона, ожерелье, пояс, ... и так далее, одну вещь за другой, в конце концов, она должна отдать даже свое одеяние. Иштар соглашается с поставленным условием и таким образом проходит все отрезки этого опасного и унижительного путешествия. Но когда она достигает своей цели, как только она входит в самое сердце этого темного места, она обречена на бессилие². Потому как на ней нет больше знаков ее власти, она обезоружена и заключена с мертвыми; она сама теперь ничем не отличается от мертвых.

И на время ее затянувшегося пребывания среди мертвых, вся жизнь на поверхности земли замирает. Посевы не зреют, растения увядают, люди и звери перестают размножаться. Миру угрожает гибель. Как показал этот опыт, место Иштар на земле, а не в царстве теней. Это попытка была не в пользу Иштар и была близка к тому, чтобы погубить весь мир, включая богов, так как они тоже нуждались в жертвах в виде еды и питья.

И вот богиня Эрешкигаль отправляет гонца к Эа — богу мудрости, и Эа решает, что Иштар должна вернуться так же, как и ушла, и что при прохождении семи ворот ей положено вернуть все ее одеяния и признаки власти, которые она до этого отдала. Как только богиня появляется на поверхности земли, вновь возрождается жизнь и от трагического события не остается и следа. Необходимо также упомянуть, что в самом конце этого повествования о спуске в ад, очень коротко упоминается Таммуз — бог, о котором мы знаем только то, что он был первой любовью Иштар. Некоторые исследователи, исходя из этих последних строк, пытались охарактеризовать по последнему эпизоду всю поэму, будто в них содержится заключительная мораль и сделали вывод, что Иштар своим спуском в ад хотела вернуть жизнь Таммуза — души и духа всего растительного мира — которая проходила в зимнее время в царстве мертвых, и что позже было так же участием Адониса.

Я же не думаю, что по этим последним словам можно сделать подобный вывод, не извратив смысл этих слов. Подобное толкование имеет целью отождествление Таммуза с Адонисом. Но, скорее всего между этими двумя богами существовала такая же большая разница, как между Иштар и Астартой. Я нарочно говорю «скорей всего», так как опыт показывает, что в этой, как и в других областях, однозначные выводы приводят к ложным заключениям. На самом деле, вавилонский Таммуз недостаточно известен. Тексты редкостны, коротки и часто не совпадают. Характерным для этих документов является гимн или заклинание, в котором Таммуз сравнивается с растением, которое растет на плохо орошенной земле и никогда не цветет. Так же и Адонис будет позже сравниваться с садом, в котором растения хоть и очень быстро прорастают, но живут совсем недолго. Можно сказать со всеми оговорками, о которых я упоминал выше, что Таммуз не занимал такое же большое и исключительное место в жизни Иштар, как Адонис в жизни Астарты или Осирис в жизни Исида. Таммуз был первой любовью в жизни Иштар и это, без сомнения, было уже немало. Но Адонис был для Астарты единственной любовью, так же, как и Осирис был единственной любовью Исида. Исида, великая богиня Египта, является в первую очередь, если не исключительно, защитницей Осириса, а Осирис является богом зерна и земледелия, покровителем и основателем цивилизованной жизни.

Теперь выясняется, что сказания об Исиде все еще, даже сегодня, не достаточно известны и не до конца исследованы, несмотря на многочисленные исследования. Не то, чтобы не хватало текстов, но они довольно часто содержат много пробелов и из-за этого возникают большие отличия в толковании и несовместимые противоречия. То же самое характерно и для египетских текстов религиозного характера, даже если последние хорошо сохранились. И даже если не утверждать, как Вольтер, что вещи подходящие под различные толкования, вообще не стоят никакого толкования, становится ясно, что многочисленные интерпретации одного и того же документа должны служить сигналом к осторожности и сдержанности для изучающего их.

Итак, об Исиде у нас имеются, наряду с египетскими иероглифическими и иератическими текстами, еще несколько страниц одного трактата, которые посвятил великой богине известный грек Плутарх. К теме, которую мы здесь рассматриваем, один из отрывков имеет настолько особую связь и большое значение, что мы его, не смотря на широкую известность этого отрывка, особо тщательно рассмотрим и разберем.

Осирис, как повествует Плутарх, был подло убит, спрятан в саркофаге и выброшен в море своим братом Тифоном или Сетом, который был воплощением нецивилизованной жизни и варварства. Саркофаг, подхваченный волнами, разбился у берегов Библоса³, где он застрял в ветках тамариндового дерева. В то время, как дерево дальше росло и развивалось, саркофаг Осириса вращался в ствол дерева. Исида, супруга Осириса, узнав о случившемся, решает поехать в Библос, чтоб найти тело ее мужа. Но обстоятельства сложились так, что царь Библоса, восхищенный размерами дерева, отдал приказ повалить и привезти тамаринд к нему во дворец. Исида, прибывшая к тому времени в Библос, повстречала на берегу служанок Царя и рассказывала им о своем несчастье. Ей удалось заслужить их доверие тем, что она раздала им благовония и научила укладывать волосы так, как это делали египетские женщины. Так Исиде удалось проникнуть во дворец царя. Там она вновь поведала о своей беде. Она рассказывала о своем желании, и царь, тронутый таким горем, отдал ей ствол, в котором находилось тело Осириса.

Это повествование, как было сказано, было передано Плутархом, великим греческим писателем, который жил в 50—125 годы нашего летоисчисления. Это сказание особенно и подтверждено только лишь Плутархом. Это и останавливало людей до недавнего времени,

полностью поверить Плутарху, таким невероятным казалось то, что драма египетского Бога, да и к тому же самый драматический момент всего египетского мифа, разыгрались так далеко от Египта, в Библосе — сердце Финикии.

Но в последние годы, начиная с 1921 года и до наших дней, земля античного «святого Библоса» была тщательно изучена. Были проведены грандиозные раскопки, и они показали, что Египет с начала своей истории и с самых древних времен, которые мы смогли изучить, находился в постоянных и очень оживленных отношениях с Библосом, отношениях, которые продолжались сквозь всю древность вплоть до завоевания финики македонцами.

И действительно, в руинах библосовского храма были найдены каменные кувшины, в основном из алебаstra, на большинстве из которых были нанесены имена известных фараонов Хэопса и Микерина, которые построили в 28-м веке до нашей эры две величайших пирамиды. Эти драгоценные кувшины представляют собой жертвенные дары, которые египетские фараоны прислали божеству Библоса — культовой фигуре, которая была не богом, а богиней и в более поздние времена звалась Астартой; но тогда, во втором-третьем дохристианских веках, звалась она Баалат Гебал, что означает «Жена или повелительница Библоса»⁴.

Если Египтяне еще с древних времен посещали берега Сирии, то уж не только потому, что их привлекала слава святынь и богиня Библоса, даже если они тогда в большом почете были. Для этого должны быть и другие причины, а именно практического и экономического характера. И действительно, Финикия — прибрежная полоса и предгорная местность, — была в те времена заросшей не только кедровыми лесами, но там так же росли ели и пихты в больших количествах. Древесина этих деревьев подходила очень хорошо для столярных и строительных работ, в то время как в Египте вдоль Нила росли только пальмы, из пористой и волокнистой древесины которых нельзя было смастерить ни столов, ни дверей, ни саркофагов.

Таким образом, египтяне нуждались в финикийцах, и в их интересах было поддерживать хорошие отношения с богами этой земли, и прежде всего с великой богиней — госпожой Библоса. Их привязанность к этому божеству, которому они с большим почитанием молились, и, о помощи которой великим фараонам молить не подобало бы, стала еще сильнее, когда они не могли уже не замечать большого

сходства, которое показывала госпожа Библоса с их собственной богиней Исидой.

В свою очередь Финикийцы из Библоса, или Гебалийцы, как их называли, были в постоянном контакте с египтянами, и образ Исиды был им хорошо знаком. Они знали, без сомнения, как ее внешний вид, так и ореол легенд вокруг нее. И могло так случиться, что если они хотели изобразить свою богиню Баалат, будь это статуя или барельеф божественного лика, они его создавали в форме Исиды, то есть как женщину в длинном одеянии, волосы с пробором по середине и уложенные по сторонам, над ними возвышался диск, украшенный двумя рогами, точнее, рогами молодой коровы, а точнее — Хатхор; так как сложность личности Исиды именно в том, что божественная женщина, то есть сама Исида, постоянно перевоплощалась в божественную корову Хатхор.

Так богиня Библоса, которую мы для простоты будем называть Астарта, с самых древних времен вплоть до и во время персидской эпохи, постоянно путалась в иконографии с Исидой. Так что по поводу многих статуй и памятников возникают по праву сомнения, изображена ли там Астарта, одетая как Исида, или сама Исида собственной персоной; так как в Библосе было много египтян, которые образовали некий вид колонии и, несомненно, должны были иметь святыню, посвященную богине дельты Нила. Вероятнее всего, такая «иконографическая путаница» объясняется отчасти неспособностью финикийцев представлять человеческие и божественные формы на свой лад, так как финикийцы не были мастерами в области изобразительного искусства, что настолько широко известно, что даже не требует особых указаний.

К тому же путанице с Астартой и Исидой способствовало сходство некоторых внешних и внутренних черт, свойственных этим богиням. Конечно же, существовали и отличия. Но их, по ряду некоторых причин, трудно определить и соизмерить, так как все египетские мифы, даже те же об Исиде и Осирисе, недостаточно известны. Ко всему этому добавляетсяотягчающее обстоятельство, что миф или легенда о владычице Библоса абсолютно неизвестна. Как бы важны ни были результаты раскопок в Библосе, они все же имеют свои пробелы в том, что они не способствовали выявлению ни одного, даже короткого или отчасти уничтоженного религиозного текста.

Если принять во внимание финикийские легенды позднего эллинистическо-римского периода и, особенно, находки Рас-Шамра,

о которых мы сейчас будем говорить, то можно утверждать, что великая богиня финикийцев, так же как и у египтян, была в первую очередь покровительницей жизни, всего растительного становления и, в особенности, развития. Жизнь растений же символизировал и воплощал собой один из юных богов, бог, который всегда оставался молодым, потому как преждевременно умирал каждый год, чтоб возродиться в следующем году. Этот бог, звавшийся в Вавилоне Таммуз, в Египте Осирис, носил в Финикии имя «Господин» — Адон, слово, из которого греки позже создали имя Адонис.

Если в классических или поздних легендах Адонис находится в обществе Астарты, то в более раннюю эпоху, во времена пирамид, и еще несколько столетий после Хэопса и Микериноса, мы постоянно видим Астарту, великую повелительницу Библоса, без него. В то время еще не существует молодого бога, который играл бы ту же роль, что Адонис. Мы, как уже упоминалось, не владем ни какими гебалийскими текстами, в которых упоминалась бы Астарта. Но у нас есть большое количество изображений, где она постоянно изображена одна; но в ее компании находится еще одна фигура, которая принадлежит фараону Египта или царю Библоса, который поклоняется ей либо приносит жертву; но это не молодой либо старый бог, это точно не Адонис и не кто-либо из его предшественников.

В то же время нам известно из некоторых коротких и редких легенд, имеющих отчасти Египетское, отчасти гебалийское происхождение, что в древние времена в самом Библосе или его окрестностях находился бог, которого звали Хай-тау, который был покровителем того региона, называемым египтянами землей Нега. В том же районе находилась хорошо известная египтянам долина, которую они называли «долиной елей» (асх)³. В этой долине произошла особенная и запутанная история, о которой повествуется в папирусе из Орвиния, так называемая «Сказка о двух братьях». Некоторые исследователи рассматривают это сказание, как популярный в народе вариант легенды об Осирисе. Поэтому, не будет ошибкой, парой слов упомянуть здесь о ней.

Героя этой сказки о двух братьях, которая носит его имя после первой, нас не интересующей, части этой истории, зовут Ба-тау. Он египтянин, который, как и многие другие, приехал, чтоб поселиться в финики, а точнее в долине елей, вероятнее всего, чтоб открыть свое дело по торговле древесиной. Однажды, в один из серых и грустных

дней, когда Ба-тау находился в долине, он вырвал свое сердце из груди и повесил его на верхушку дерева. Этот жест, при котором Ба-тау вырывает у себя сердце и водружает его на одном из деревьев, под которым он потом проводит свою жизнь, является довольно своеобразным, но относится к тем немотивированным поступкам, которые мы часто встречаем в старых легендах, и которые, надо заметить, можно найти во всех легендах мира. Подобные жесты принадлежат фольклору всех времен.

Далее повествуется, что жена Ба-тау покинула своего мужа, чтоб уехать с египтянами, которые возвращались на родину. Возможно, Ба-тау вырвал свое сердце из груди именно потому, что он был ею брошен. Вернувшись в Египет, жена Ба-тау вскоре стала любимой женой фараона. Но однажды произошло так, что группа египетских солдат отправилась в Сирию, а точнее, в долину елей; неверная жена рассказала им, на каком дереве висит сердце Ба-тау, и они спилили указанное им дерево по ее повелению. В тот же час Ба-тау умер. Но позже, намного позже, Ба-тау вернулся к жизни. Он возрождается в форме Быка и в этом новом обличии должен вернуться в долину Нила. Это, без сомнения, очень странная история, близкая связь которой с мифом Исиды-Осириса, возможно, на первый взгляд и не заметна.

Может быть, в действительности речь идет о легенде бога Хай-тау, которая, в свою очередь, полностью не известна. Такое сравнение можно оправдать тем, что имена Ба-тау и Хай-тау имеют нечто общее, а точнее, второй слог и, кроме того, на одном из сохранившихся древних изображений из Библоса Хай-тау изображен в облике быка. Но в образе быка, как мы увидели, должен возродиться Ба-тау. Также Хай-тау был покровителем земли Нега, к которой принадлежала и долина елей. И здесь жил Ба-тау, здесь он умер, и здесь же он должен был возродиться.

Как бы ни обстояло дело с проблемами мифологическо-исторической древности, история Ба-тау доказывает в любом случае то, что между Финикией и Египтом существовали тесные связи, что неоднозначно подтверждается раскопками Библоса. К тому же надо заметить, что по мнению египтологов имя Хай-тау обозначает «горящий»⁶. Подобный эпитет, подходящий солнечному божеству или богу со свойствами солнечного сияния, не может быть обозначением того божества, которое подобно Адонису или Осирису становится жертвой солнца и его сияния.

Даже если предположить, что этот бог Хай-тау состоял в некоторых отношениях с повелительницей Библоса, то речь может идти только о враге Богини, а не об одном из ее подопечных. Так появляется Баалат-Гебал как отдельное божество. Она стоит отдельно, абсолютно одна⁷, точно так же, как богиня Сидури из эпоса о Гильгамеше, которая живет одна в прекрасном саду на берегу моря; или как нимфа Калипсо на своем острове до прибытия Одиссея, и после того, как он его покинул.

И даже если раскопки в Библосе не обнаружили никаких изображений, на которых можно было бы увидеть Адониса, то надо заметить, что в начале раскопок в 1921 году была обнаружена целая коллекция изделий из слоновой кости, имеющих форму египетских фетишей, которые у египтян было принято называть «джед». Это был весьма популярный в народе Египта символ Осириса, так как джед занимал очень важное место в церемониях праздника, который праздновался на протяжении всей долгой египетской истории, начиная с первых династий вплоть до римской эпохи, и символизировал воссоединение царя с Осирисом, то есть превращение фараона в бога.

На протяжении 19-го столетия были предложены различные объяснения для этого джеда. Шампалион узрел в нем эдакий «ниломер», то есть замеритель уровня воды в Ниле. Другие наоборот считали его неким видом мольберта, либо видели в нем алтарь с четырьмя водруженными друг на друга плитами или столб с четырьмя колоннами. В самом же древнем Египте утверждали, что джед представляет собой позвоночник Осириса. Сегодня археологи и египтологи сошлись в мнении, что джед представляет собой дерево, ветки которого обрезаны под самый ствол, или, как это могло бы в геральдике называться, дерево с подчищенным стволом, во всяком случае мертвое, а не живое дерево. Если это определение правильно, или, другими словами, если Осирис везде и в самой дельте Нила символизировался деревом или стволом дерева, то можно допустить, что происхождение этого символа надо искать не в Египте, где вообще не было лесов, а в Финикии, в стране, с которой египтяне находились в постоянных отношениях, а конкретнее, занимались оживленной торговлей дерева и смолы. Кстати, египетские поэты имели обыкновение сравнивать смолу со слезами, капающими из глаз Осириса.

Сама мысль, представлять дух роста не в виде колоска, а в виде дерева, могла родиться у людей, живущих около леса и оттуда

черпающих свое богатство, как это было у гебалийцев. Но все-таки надо сказать, что дерево, у которого все ветки под самые сучья обрублены, нельзя назвать характерным финикийским деревом.

Так представить себе ель или кедр финикийцы точно не могли: даже и сегодня, хоть в Ливане и осталось не так много кедров, это дерево занимает почетное место на гербе Ливана, но только как разросшееся, полное силы дерево, а не как голый ствол, лишенный ветвей. Египтяне же, как минимум, живущие в дельте Нила и никогда не бывавшие в Библосе — коих было большинство, знали деревья Ливана, его пихты, ели и кедры только в спиленном состоянии, как голые стволы без веток, в том виде, в каком доставляли их торговцы древесиной в порты дельты, откуда они потом отправлялись в другие города Египта.

Теперь, чтоб вернуться к началу: ствол дерева, о котором рассказывал Плутарх, — ствол тамаринда, разросшийся вокруг тела Осириса, и который из-за его красоты был доставлен во дворец царя Библоса, должен был представлять собой большой джед, или, наоборот, найденные в Библосе джеды из слоновой кости являются миниатюрными изображениями дерева Осириса. Благодаря этому, рассказ Плутарха выглядит не таким уж невероятным по сравнению с тем, как это было раньше на самом деле. И таким образом, сейчас становится очевидным, что между верованиями египтян и финикийцев, и в особенности между фигурами Исиды и Астарты, было много общего.

Но, чтоб исчерпывающе изучить обстоятельства, нужно иметь на руках гораздо большее количество документов, чем мы сегодня имеем, документов, имеющих прямое Библосское происхождение, на подобии тех, что совсем недавно были обнаружены в кургане Рас-Шамра на севере Сирии, и о которых я должен буду рассказать.

АНАТ — АСТАРТА

С тех пор прошло десять лет — это было в апреле 1928 года — когда археологи впервые, совсем случайно обратили свое внимание на местность Рас-Шамра. С тех пор, с 1929 года и до теперешнего времени на этом месте сирийского побережья, находящегося точно напротив острова Кипр, были проведены прекрасно организованные крупномасштабные раскопки. Было найдено огромное количество предметов в захоронениях, дворцах и храмах города, построенного примерно в 1100 году до н. э. и звавшегося Угарит. Самым дорогим из всех вещей, обнаруженных в руинах, были терракотовые пластины, на которых повествовались легенды античной Финикии так, как их записал один из писателей по имени Элимелех в 14-м или 15-м веке до н. э.

В этих мифологических повествованиях, которые можно было бы назвать почти стихами, представлена пожалуй самая живая и впечатляющая фигура той самой богини, иногда называемой Астарт, в действительности же Астарта, но чаще всего обозначаемой как Анат. Даже если эти два имени — Анат и Астарта — являются абсолютно различными, принадлежат они одной и той же богине. Или же речь идет о двух богинях, которые изначально были двумя разными персонами, но, в конце концов, еще в очень древние времена, объединились в одной фигуре.

Синкретические примеры подобного рода, между прочим, довольно часто представлены в мифологиях древних народов ближневосточного региона. В самом Рас-Шамра существуют аналогичные случаи, и для Египта можно указать на Исиду-Хатхор, о которой я рассказывал и которая является богиней-женщиной и богиней-коровой.

Кстати, имя Анат было не безызвестным еще до раскопок в Рас-Шамра, даже если до этих раскопок в 1930 году было известно не более чем имя. Из некоторых египетских памятников архитектуры

18-й и 19-й династий можно сделать вывод, что Анат была богиней войны, или выражаясь точнее, воинствующей богиней.

Это был примерно 1750 год до н. э., когда ханаанская богиня Анат во время вторжения гиксосов⁸, вторгшихся в дельту Нила и поселившихся там, попала в Египет. Точно известно, что она была наилучшим образом принята на берегу Нила и обладала собственным храмом в самих Фивах, столице Египта еще во времена Тутмоса III, величайшего завоевателя Сирии. Также известно, что основатель 19-й династии Сети I давал своим любимым коням, запряженным в боевую колесницу, имя «Анат довольна».

Под властью Рамзеса II, сына Сети, то есть в 13 веке до н. э., Анат становится настоящей покровительницей фараона и даже всего Египта. Даже любимая дочь фараона носила, либо как имя, либо как второе имя, обозначение «дочь Анат». Богиня Анат, была финикийка или финикийского происхождения, но в действительности ставшая к тому времени египтянкой, была представлена на египетских изображениях сидящей на троне. Щит и копье в одной и топор в другой руке. В праздничные моменты, когда Рамзес стоял перед принятием решения, важного для его правления или империи, он призывал в свидетели не какое-либо египетское божество, а Анат, точнее «победоносную Анат». И, наконец, Пьер Монте несколько лет назад нашел в руинах Таниса, немного восточнее дельты, очень красивую иероглифическую надпись, где Рамсес зовется вскормленным Анат или, точнее сказать, вскормленным Анат-Астартой.

Что же мы видим с другой стороны, если рассмотреть археологические находки Палестины или Ханаана? В Палестине находились много городов с названиями как Куириат-Анат — город Анат, или Бет-Анат — дом или храм Анат. Один из этих городов по имени Бет-Анат находился на одинаковом расстоянии от Тира и Иорданской долины. Так же в земле Вениамина⁹, несколько километров к северу от Иерусалима, находился город или крепость Анатот, в котором позднее, намного позднее, в 7 веке до н. э. должен был появиться пророк Иеремия. Это имя — Анатот, является, скорей всего, множественным от Анат. Но это не значит, что было множество богинь с этим именем, а обозначает женщин, посвященных в культ богини Анат. Так же в Рас-Шамрахе называли тех мужчин сепасимами, которые были посвящены в культ солнца и служили богине Сапас¹⁰.

Анат использовалось в Ханаане и как человеческое имя, но ни в коем случае как женское, как можно было бы подумать, а как мужское. Так, например, звали отца Шамгара, одного из судей Израиля, Анат. И, наконец, наиважнейшие раскопки в Бейт-Шеан в верхней долине Иордана показали, что Анат во времена фараона Сети I была главной богиней этого города и к ней взывали как к «царице небес и повелительнице всех богов».

В 5 веке до н. э. снова всплывает имя Анат в арамейских папирусах, которые происходят из иудейских колоний Элефантина в Египте. Но там это только имя, которое встречалось в некоторых образованиях имен мужчин и божеств, как Яго или Бет-Эль.

С другой стороны в одной двуязычной, финикийско-греческой надписи 4-го века до н. э. с острова Кипр, посвященной Анат, «силе жизни», имя Анат заменено на имя Афина. Но это очень произвольное и искусственное приближение, происходящее из похожего звучания афинской и ханаанской богинь, последняя из которых у египтян звалась Анта.

В стихах Рас-Шамра богиня никогда не появляется одна, как повелительница Библоса как минимум в иконографии, а других источников у нас нет, так как в самом Библосе мифологические тексты не были найдены. Итак, в источниках Рас-Шамра Анат появляется постоянно в сопровождении молодого бога, или вернее, Анат сопровождает всегда одного и того же Бога, который общеизвестен под именем Баал, это «хозяин».

И вот в классической легенде об Астарте, которая к нам пришла исключительно из греческих источников, спутника Астарты зовут Адонис, или Адон, т.к. слог «-ис» является чисто греческим окончанием. Но Адон означает в ханаанском или финикийском языках «господин», в то время как Баал — «хозяин». Речь идет о двух равнозначных выражениях, взаимозаменяемых синонимах, которые часто используются вместо друг друга, как в ханаанском, так и в финикийском языке более позднего времени. Так становится видно, что между обеими парами Анат-Баал и Астарта-Адонис, как в именах, так и в символизируемых ими представлениях, должны были существовать некоторые связи, очень схожей природы. Это то, что и надо проверить.

Мы все знаем, кем был Адонис, и достаточно будет только коротко об этом напомнить. Адонис был молодым охотником, который во время цветения анемоны¹¹, то есть весной, повстречал богиню Астарту

в лесах Ливана. Через несколько месяцев Адонис был убит на охоте диким зверем, по одной из версий диким кабаном, по другой — медведем. Астарта, оставшаяся одинокой и не находя утешения, решает спуститься в подземный мир, чтоб отобрать Адониса у смерти. И ей действительно удалось, вынести молодого бога под лучи солнца. Затем она смазала его раны чудодейственными благовониями и, к своему величайшему удовольствию, вернула его к жизни.

Это было коротко о содержании трагической идиллии, которая пересказывалась в Финикии, Александрии, Афинах, как и на всем побережье средиземного моря. Это не просто какая-нибудь история, которых существует большое множество, а поэтическая форма одного из самых популярных религиозных учений, так широко распространенных именно потому, что было поэтическим. Это учение имело своих последователей вплоть до конца 4-го века н. э., так как святой Иеронимус сообщал, что еще при его жизни женщины в окрестностях Вифлеема в определенные дни в году собирались, чтоб оплакивать Адониса.

Если мы теперь соберем различные стихи из Рас-Шамра часть за частью, в порядке наиболее вероятной хронологии, то получим следующую картину легенды об Анат и характер богини, о которой мы пока ничего не знаем, кроме того, что она была довольно воинственной. И так она раскрывается уже в первых строках первой поэмы, тех редких строках, которые у нас сохранились, так как мы ни в коем случае не обладаем полными документами.

Тонем, не терпящим возражения, Анат приказывает людям из своего региона, служить Баалу и чтить его, и, в особенности, подносить ему еду и питье, так как это являлось основной формой почитания божества в примитивных религиях. Анат сама, как мы уже видели и еще увидим, при каждой возможности постоянно и с усердием служит Баалу, который является одновременно ее братом и ее супругом, или в первую очередь братом и после супругом, так как перед именем Анат очень часто стоит слово Бетулат, что означает «девственница».

Мужчины и женщины, которым Анат отдала приказ, сперва с полной силой служили и чтили Баала. Но позже, по причинам, которые нам вследствие многочисленных пробелов в текстах не известны, усердие в поклонении стало убывать. Культ Баала не уделялось должного внимания, возможно он был даже совсем заброшен, а вместе с ним очевидно и культ самой Анат. Богиня впадает в неистовую ярость. Она убивает жителей города, возможно самого Бет-Анат.

Затем она убивает жителей побережья моря(hofyam), под которым очевидно понимается средиземное море, а затем и людей в земле восхода солнца, или, как звучит это выражение, «людей востока», что неоднозначно или не совсем ясно, так как это может означать народ восточнее Иордана или регион восточнее Бет-Анат, при условии, что только окрестность города было местом разрушений. Наш текст не содержит никаких данных о месте происшествия, там говорится только, что бойня происходит в долине; но этой долиной может быть так же, долина Иордана.

После того как резня окончена, которая, кстати, описана только несколькими словами, Анат видит, конечно же, к своему полному удовлетворению, гору голов у своих ног, которые она отрезала, в то время как над ней в воздухе, подобно туче саранчи, летают руки, которые она отрубила. Тогда она берет руки и черепа и закрепляет их, как трофеи, на холме, на котором построен храм.

Но на этом конец еще не достигнут. Жители города и побережья, а так же жители востока уже нашли свою гибель, но есть еще другие богохульники, да еще и в храме самой Анат. Служители храма виноваты, пожалуй, в самом большом преступлении, так как их обязанность в том, чтоб служить богам и обеспечивать их едой и питьем. И вот мы видим, как Анат уверенно приближается к своему дому, и там, за неимением другого оружия, собирает убранство храма, стулья, столы и скамьи, и кидает их в головы неверных служителей не переставая, пока ее жажда мести полностью не удовлетворена. Она стоит по колено в крови. Она радуется от всей души или, чтоб передать выражение поэта, ее печень наполнена смехом и сердце радостью, И под конец Анат умывает руки в крови, которую она сама пролила рекой.

Такой была Анат, если надо было отомстить за гордость Баала. Гордость же Баала была постоянно под ударом, и становится понятным, что египтяне со времен завоеваний и великих воин от Тутмоса до Рамзеса возвели жестокую ханаанскую богиню в царицу войн. У египтян самих была богиня, которую можно было бы сопоставить с Анат — Сехмет или Сехет, с львиной головой. В Египте было известно, что люди в самом начале, следуя примеру богов, замыслили заговор против бога Ра, бога солнца. И богиня Сехет устраивает кровавую резню среди смутьянов. Резня длится целый день. Когда же Ра на склоне дня взглянул на кровавое зрелище, его охватило сочувствие и он решил, что все, кому до того момента посчастливилось

избежать смерти, останутся в живых. Он разбавил кровь, покрывшую землю, пивом и соком корней мандрагоры. Когда Сехет утром проснулась, она испила от этого напитка. В одночасье смягчился ее гнев, и она опьянев забыла все.

Оба повествования о Сехет и Анат обнаруживают определенное сходство. Но все же, остаются значительные различия, важнейшее из которых сразу становится заметным. Только один единственный раз, в начале времен, Сехет устраивает бойню, которая длилась почти целый день. Это был всего один эпизод, безусловно, трагический, но оставшийся без последствий. История же Анат ,напротив, является одной большой борьбой, одна непрерывная череда битв по абсолютно различным причинам, но все из которых служили поддержанию господства Баала. Так Анат решилась однажды, отправиться на север, в землю, называемой Сафон. Это должно было быть высоким горным хребтом, возвышающимся где-то на севере, но мы не знаем, где точно. Вероятно, глубоко внутри скал было спрятано нечто драгоценное, а точнее золото, которое называется на финикийском языке хароус, слово, из которого греки сделали хрисос.

Но чем ближе Анат подходила к этому северному горному хребту, она должна была одолеть два страшных чудовища, которые преграждали вход к этому секретному золотоносному месту. Эти чудовища звались Тнн (=Таннин) и Лтн (= Лотан). Таннин является драконом, имя которого упоминается в ветхом завете. Лотан является короткой и архаичной формой Левиафана, который упоминается в ветхом завете вместе с Таннином, так же и в Рас-Шамра они оказываются вместе. К этому нужно добавить, что имя Лотан в стихах Рас-Шамра появляется вместе с двумя прилагательными, а точнее, с теми же самыми, что и в Книге Исаии 27:1 обозначают Левиафана, *bariah* и *aquallaton*, что означает бегущий и извивающийся. Если в псалмах говорится, что левиафан обладал множеством голов, то в стихах Рас-Шамра сообщается, что у него было семь голов. И если в книге Иова Господь лишает Левиафана дара речи и делает его беззащитным тем, что протягивает тростник через его нос и прокалывает ноздри рыболовным крюком, то Анат в стихах Рас-Шамра надевает Лотану, который и есть Левиафан намордник, заставляя его умолкнуть, и тем самым открывает себе путь к горе Сафон. (Из всех доказуемых схожестей между стихами Рас-Шамра и ветхим заветом, самым очевидным является сравнение между Лотаном и Левиафаном).

После того, как Анат преодолела и заставила умолкнуть Таннина и Левиафана, она продолжает свой путь, сопровождаемая Баалом, который служит ей проводником и которого она одновременно ведет за собой. Анат и Баал входят в северные горы и вскоре достигают Сафон. Они изгоняют царя, который правил теми окрестностями, они даже отрезают ему уши, и завладевают сокровищем, которое охранял царь. Теперь они обладают золотом Септентриона¹². Так как «золото приходит с севера», как говорится в книге Иова 37:22, и так же в греческом эпосе аргонавты направляются на север, чтоб добыть золотое руно.

Итак, Анат и Баал добыли себе золото гор Септентриона. Но что они собираются с ним делать? Они строят из него храм для Баала, или золото служит как минимум для того, чтобы украсить и обставить храм, который должен быть построен для Баала. Ибо, как бы странно это не звучало, но у Баала изначально вообще не было храма, не было собственной обители, хоть он и был «господином», что является смыслом слова Баал, которым он звался. И даже если он должен когда-нибудь стать «господином» и заслужить полностью свое имя, то раньше он был только простым богом, как многие другие. Он был одним из служителей, одним из сыновей бога Эль, отца всех богов и людей, который представлялся старцем с седой бородой, и полнота власти которого шла к тому времени на убыль. Эль очевидно знает и предвидит, что Баал однажды займет его место, и всей своей убывающей силой сопротивляется восхождению юного бога, поддерживаемого и поощряемого любовью Анат.

Между Анат и Баалом снова и снова появляется совсем другая фигура, которая является двойником или отражением Баала; это Алейн-Баал, сокращение от Алейн-бен-Баал, что означает «Алейн сын Баала». Алейн-Баал выступает ревностным помощником Анат в подготовке предстоящего достойного владычества Баала. В частности, Алейн посвящает Анат в секреты леса и гор, он открывает ей, о чем шелестят деревья и шепчутся камни. Алейну удастся подслушать секреты, которые рассказывает ночью небо земле, и он знал, что означает вздыхающий звук, постоянно исходящий от волн океана и поднимающийся к звездам. Все эти наполненные тайной, почти неразличимые звуки, которые может уловить только божественное ухо, Алейн раскрывает богине Анат и открывает ей их смысл и значение.

Но о чем говорят и шепчутся все эти голоса? Каков, говоря словами поэта, их послания смысл? Это невозможно объяснить

простыми словами, но из всех событий до и после, и их взаимосвязи, можно без сомнения сделать вывод, что эти затянувшиеся жалобы в многочисленных звуках, волнующих всю природу, являются ни чем иным, как фразой, которая, словно припев, снова и снова повторяется в нашей поэме и представляет собой упрек богу Эль: «Лишь один из всех богов Баал не имеет дома, у него нет своего храма, как у сыновей Ашерат». Ашерат была супругой бога Эль — «божественная жена», как это звучало на финикийском языке.

Ввиду этой всеобщей жалобы элементов и как ответ на бесконечно взывающие голоса из всех уголков природы, эхом и союзником которых является Алейн, Аанат решается найти бога Эль. Она хочет попросить его отменить однажды высказанный запрет, вследствие которого Баал был исключен из общества богов и единственный из всех семидесяти сыновей Ашерат был лишен собственной обители. И вот Анат пешком отправляется в дорогу. Она торопится в землю, где реки впадают в океан, так как там чаще всего, если не всегда проживает бог Эль. Равно другим богам он живет на берегу моря, — человеческого моря, то есть на земле, а не на небе, где боги однажды позже, гораздо позже, поселятся.

Как только бог Эль замечает вдалеке Анат, приближающуюся к нему, он возвышает свой голос в торжественном восклицании, истинный смысл которого остается нам неизвестен и которое дословно звучит: «В семи святых покоях». После этого восклицания, он просит Анат рассказать о причине ее прихода. Анат же, обычно очень смелая, в этот раз не решается сразу заговорить. Этот момент в действительности является очень торжественным и важным. Наконец она находит слова, но только для того, чтоб подать голос в благословении наивысшего из всех богов. С этой целью она дает ему обещание: она желает омолодить его, желает вернуть изначальный цвет его бороды и волос, который был раньше красным, даже кроваво-красным.

Если Анат дает подобное обещание и имеет возможность исполнить его, то благодаря дару, которая она сама называет «арукат», что можно перевести как «длина» и что, очевидно, является сокращением часто используемого выражения «длина дней», что значит «долгосрочность». Кстати, известно, что на Сицилии, на горе Ерикс на высоте 800 метров — великолепном ландшафте, откуда видно побережье Африки — находился храм посвященный богине, которая была известна на западе под именем Венеры Эрикской, которая на самом

же деле была финикийской богиней, Астартой с прозвищем Эрек Хаим, что значит «длина жизни».

Бог Эль не мог устоять перед лестным предложением богини Анат. Но он был так же очень опытным богом, и не поддался сразу на ее предложение, а ответил двумя короткими предложениями: «Я знаю, дочь моя, что ни одна из богинь не сравнится с тобою в ловкости, но чего желаешь ты? Скажи мне». Тогда Анат берет слово и собирается высказать свое желание. Но она не делает этого сразу, несмотря на довольно воодушевляющий прием, который ей оказал Эль. Она ограничивается тем, что высказывает Элю свое почтение, в котором она не стесняется в похвалах: «Твоя воля», — говорит она, — «есть высшая мудрость. Как истинно то, что тебе предречена вечная жизнь, так же и мудрость есть часть тебя. Твоя воля — закон для нас».

Так Анат подчиняется прежде всего закону Бога. Она доверяет, она знает, что божественное решение мудро, что оно будет истинным проявлением справедливости. После этого Анат сообщает без увливания, что ее прислал Алейн, который, как говорит она, является нашим судьей, нашим суффетом¹³. Кстати она принесла богу Эль от имени Алейна различные сосуды, которые очевидно содержали подарки, предположительно благоволия. Наконец Анат говорит о причине своего прихода. Она упоминает в нескольких пламенных словах, что некоторых из богов беспокоит странная ситуация с Баалом, который единственный из них всех не имеет обители, которые есть у (других) сыновей Ашерат.

Очень хотелось бы знать, каков был ответ Эля Анат. Но здесь у нас нет текста и, пока что, нет никаких данных, чтобы его дополнить. Неоспоримо то, что ответ был удовлетворительным, так как, когда снова вступает текст, мы видим двух божественных архитекторов Кашира и Хазиса занятых собиранием материала для строительства храма для Баала, который должен быть построен из кедра и кирпича. Дровосеки собираются рубить высочайшие из кедров Ливана. Заготовка кирпича была поручена женщине, вернее сказать богине второго уровня по имени Аамат-Ашерат, что означает «служительница Ашерат».

Тем временем божественный кузнец Хайин или Хийон поднимается в свою мастерскую. Он поднимается — значит, его мастерская находится на высоте, то есть в горах. Он берет клещи в руки и кует тысячи и десятки тысяч серебряных и золотых заготовок, а точнее

говоря, тысячу серебряных и десять тысяч золотых заготовок, так как в районе Рас-Шамра было в десять раз больше золота, чем серебра. Золото, обрабатываемое Хийоном, без сомнения то самое, которое Баал и Анат искали в северных краях и, как мы видели, присвоили себе. Так как материал был готов и в достатке, дом был очень быстро готов. Он был освящен большим празднеством, причем ритуалы этого освящения были очень схожи с теми, которые были применены при освящении Иерусалимского храма царем Соломоном.

Баал победил, победил благодаря Анат. Теперь у него есть свой храм, своя собственная обитель прямо в Сафоне, если не на его же вершине, на горе севера, божественной горе. Но судьба бога Баала была такова, что его победы всегда были проходящими.

Однажды он ускользает от бдительной Анат и покидает дворец, чтоб поохотится в одиночестве на равнине у подножия Сафона. Там ему встречается не косуля и не стая газелей, а толпа чудовищ, которые звались «пожирающие», существа с человеческими лицами и бычьими рогами. Враги божественного охотника подослали к нему «пожирающих». Хоть Баал и оборонялся со всех сил, но вскоре был побежден в неравном бою, и его безжизненное тело осталось лежать на равнине, пока богиня Анат, в беспокойстве обыскивающая горы и долины, не нашла в конце концов его. Его, который, как было уже сказано, был самым красивым в мире. С помощью богини солнца уносит Анат тело бога на своих плечах, тяжело и со стоном взбирается она на высокий Сафон, где и хоронит его. Затем на могиле она приносит большую жертву, или, точнее говоря, шесть жертв, каждая из которых состоит из семидесяти животных, чтобы бог на время своей подземной жизни до дня своего воскресения был обеспечен едой.

Нельзя забывать, что все это происходит в той земле и в те времена, где смерть, как выразился поэтически Ренан¹⁴, не представляет собой ужасный и окончательный факт, а скорее является соблазном, которому отдаются как приятному сну. Во всяком случае Анат и ее подданные знали, что так было и со смертью Баала. Они знали по своему опыту, что с незапамятных времен эта смерть происходила каждый год снова, и так же регулярно после шести месяцев Баал возвращался к жизни. Но вопреки опыту и обычаю, все же каждый год для приближенных Анат и, быть может, для нее самой, приходило время беспокойства и волнения, когда первые дожди заставляли себя ждать или были недостаточно сильными.

Каждый год заново вставал вопрос, не наступает ли конец света, И если гибель и конец света были предотвращены или откладывались, кому была обращена благодарность, как не богине Анат? Воскресение Баала происходило, кстати, не само собой или спонтанно. Было не достаточно, просто оплакивать бала и приносить жертвы. Надо было так же и, прежде всего, искать и преследовать виновника, убийцу Баала, которого звали Мот, что означает «смерть». Только, когда его находили, травили и наказывали, когда его разрывали на куски и пускали прах по ветру, только тогда Баал и Алейн могли вернуться, именно тогда земля покрывалась молодой зеленью, которая является не просто украшением и символом новой жизни, а есть сама жизнь, без которой как люди, так и боги могли бы впасть в погибель.

Только Анат знает место, где прячется Мот. При помощи богини солнца она преследует его и призывает к ответу, за то, что он причинил Баалу — своему брату. В конце концов, она убивает его серпом, как жнец срубает колосок. Главная задача Анат, и это становится ясно, даже если мы упустим смысл ее имени, — это воплощать жизнь. Она не просто одна из многих сил природы, она сама Сила Природы, сама душа всего.

Чтоб достигнуть своей цели, Анат не страшится ничего. Она истребляет, как мы видели, если надо, целые народы. Но это происходит не из-за злобы или по настроению. Она неуклонно преследует свою цель, а именно — сохранить здоровье мира. Если Анат, после того, как она появляется в Египте, становится богиней войн и управляет захватом земли, то таким образом по пути с берегов Иордана до Нила в корне меняется ее характер, так как изначальная ханаанская легенда не знает ее как богиню войны. Лучшим доказательством этому является то, что в одном единственном повествовании о войне, найденном в стихах Рас-Шамра, не упоминается имя Анат.

Таким образом богиня Анат должна в сущности рассматриваться как богиня жизни. Благодаря только ей, дыхание жизни снова и снова наполняет легкие творения и распространяется от поколения к поколению. Баал символизирует не постоянно продолжающуюся жизнь, а проходящую, которая каждую весну заново просыпается, летом достигает своего пика, осенью увядает и в конце совсем исчезает. Баал является жизнью растений, от которых зависит существование людей, животных и даже богов, так как боги могут жить, только если люди снабжают их пищей. Чем же должны люди кормить богов, если

не мясом животных, чем утолять их жажду, если не «кровью винограда», как это звучало на финикийском?

Почему прекрасные дни преходящи? Почему растительная жизнь длится только несколько месяцев? Почему земля не дает все, что необходимо жизни живых существ, круглый год? Так стоял вопрос и ответ был: потому что Эль, отец богов, не желал этого и потому, что Мот, имя которого «смерть» тоже не желал этого. Эль и Мот решили с самого начала и навеки, что Баал, будь он сыном бога и сам бог, не должен быть бессмертным. Поэтому Баал должен был иметь защитника или защитницу, и это задача богини Анат, вся активность которой служит одной цели, а именно удерживать власть Баала и возвратить его к жизни, если с ним случится несчастный случай или, иначе говоря, если он умрет.

Без сомнения существуют другие вопросы связанные с богиней Анат, которые можно было бы рассмотреть или проверить, но я верю, что главное уже сказано. Как я с самого начала сказал, имя Анат встречается гораздо чаще в поэме из Рас-Шамра, чем имя Астарта. Но и Астарта встречается тоже, особенно в цикле стихов бога моря Йам, а точнее в местах, где обычно стояло имя Анат. Подчас Астарта тесно связана с Анат, например когда поэт описывает жену царя и говорит, что она красива как Анат и миловидна как Астарта. В Египте же Рамзес II горд тем, что вскормлен грудью Анат-Астарты.

Здесь речь действительно идет об одной и той же богине, которая обозначается двумя разными именами, или вернее, речь идет об изначально разных богинях, которые, в конце концов, в силу своей схожести, соединились в одной единственной фигуре.

В традиции Рас-Шамра, которая является очень древней, богиня жизни зовется Анат. В других частях Финикии и в другие времена богиня жизни звалась Астартом или Астартой. В более позднее время, в римскую эпоху, имя Астарта является более распространенным, чем Анат, пока полностью его не вытесняет, точно так же, как Адон(ис) заступает на место Баала. И так как финикийская мифология до недавнего времени была известна только из документов имперских¹⁵ времен, очевидно, что имя Астарта более употребляемо чем Анат. Но если однажды будет найден старый текст легенды об Астарте — Баалат-Гебал, можно быть уверенным в том, что в нем будут найдены тесные связи с легендой об Анат, так как это выяснилось при раскопках в Рас-Шамра и так, как я это тут представил.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бэл — обозначение верховного бога, которым был Энлиль (прим. перев.)
- ² так же, беспомощность или бессознательность (прим. перев.)
- ³ Библос — древний финикий город, находится на территории современного города Джейбель (прим. перев.)
- ⁴ Гебал — другое название города Библос (прим. перев.)
- ⁵ более распространенное название этой местности — пихтовая долина (прим. перев.)
- ⁶ Хай — тот, кто появляется; Тау — горящий, но это может быть так же семитским именем переписанным на египетский манер
- ⁷ даже если Баалат-Гебал, как например, на так называемом «большом барельефе» изображена вместе с двумя богами рядом, то речь в данном случае идет о египтянах; да и весь барельеф указывает скорей на политический, чем религиозный характер изображения, на союз двух стран Египта и Библоса, если в данном случае для такого давнего времени можно вообще говорить об отличии этих двух категорий — религии и политики
- ⁸ Гиксосы — группа кочевых скотоводческих азиатских племён из ближнего востока, захвативших власть в Нижнем Египте в середине XVII в. до н. э. и затем, около 1650 г. до н. э., образовавших свою династию правителей (прим. перев.)
- ⁹ одно из колен Израиля (прим. перев.)
- ¹⁰ правильное название — Шапаш (прим. перев.)
- ¹¹ род многолетних травянистых растений, включающий в себя около 120 видов цветковых в семействе лютиковые (прим. перев.)
- ¹² римское название северного ветра, эквивалент греческого Борея (прим. перев.)
- ¹³ высшее должностное лицо
- ¹⁴ Жозеф Эрнест Ренан (28.02.1823—2.02.1892) — французский писатель, историк и филолог (прим. перев.)
- ¹⁵ речь идет, очевидно, о римской империи (прим. перев.)

ЖАН ПРИЛУЗСКИЙ

ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТА БОГИНИ-МАТЕРИ

К 3000 году до нашей эры — начало исторического времени на востоке Средиземноморья — некоторые народы уже достигли достаточно продвинутого уровня цивилизации. В Египте, в Халдее и в Ханаане на болотистых землях возникли богатые и процветающие общины земледельцев. В течении третьего тысячелетия Осирис в Египте стал духом-покровителем зерна и в то же время, воды, и его союз с Землей получило живописное выражение как бракосочетание с Изидой (Moret, M^{pl}anges Capart, стр. 314). Также и в Передней Азии, плодотворное действие бога земледелия символизировалось его браком с богиней плодородия, Иштар в Шумере-Аккаде, Астартой, Баалат, Шхала и Анат в Сирии и Ханаане. В трех местностях, где человечество достаточно рано достигло значительного прогресса, в Египте, Месопотамии и Ханаане, боги плодородия демонстрируют тенденцию принимать вид божественной пары, Великого Бога и Великой Богини.

В то же время, и даже еще ранее, на огромных просторах между Индией и Средиземным морем, люди почитали культ Богини-Матери. В захоронениях в Индостане обнаруживаются небольшие статуи в виде женских фигур, почти обнаженных, но с поясом, украшениями на шее и в тюрбане. Эти статуи напоминают находки в Белуджистане, которые, в свою очередь, очень похожи на фигурки из Крита и Микен. Сегодня считается, что эти статуи, равно как и другие в Иране, Сирии, Южной Европе и в Египте, изображают Богиню-Мать¹. Богиня, которая не всегда имеет человеческую форму, иногда сопровождается двумя спутниками, которые могут изображаться в виде разных животных.

Иногда это триада с Богиней на переднем плане, иногда пара, в которой Бог и Богиня равноценны. Географическое распределение мест находок и все наши знания об истории верований позволяют предположить, что диада моложе триады: пара появляется сначала в местностях

с развитой культурой, в то время как триада Матери и ее двоих спутников сохраняется долгое время среди менее продвинутых народов. Мы попытаемся отследить истоки этого культа и его развитие.

Так как нам не хватает письменных свидетельств со времен более древних идолов, для проявления археологических следов мы полагаться на имеющиеся остатки. Эти остатки разных видов — проявления в языке, верования, ритуальные обычаи — являются для исследования доисторических религий тем же, что и ископаемые для геологии. Возьмем несколько примеров, относящихся к Богине-Матери.

Известный факт, что названия нескольких рек Южной Европы, таких как Дон, Дунай и т. д. содержат общий корень. Этот же корень появляется в слове Танаис, еще одном названии Дона². Танаис — это также и одно из имен Великой Богини³. Также назывались у греков и данаиды, изначально хранительницы ручьев⁴. Эти пережитки языка указывают на связь между Богиней-Матерью и культом воды.

В обширной местности между Грецией и Индией почитание Великой Богини было связано с бичеванием. С помощью сравнений с подобными обычаями дикарей мы приходим к выводу, что ритуальное истязание⁵ считалось «встряхивающим», средством пробуждения сил к моменту обновления, и подобные обычаи находятся в культе Великой матери, покровительницы обновления.

Богиня вод и богиня плодородия — оба этих аспекта явно сочетаются в том, что любой рост на плодородной земле зависит в первую очередь от воды. Но порой Богиня протягивает свою власть до самого неба. В Индии она появляется под именем Адити, как мать семерых богов, чей характер однозначно определяется созвездиями⁶. Следует обратить внимание на развитие, через которое власть богини распространялась все дальше и дальше. Данаиды, которые защищали ручьи, были сначала нимфами, орошающими небольшие местности. Танаис, имя которой получил Дон — имя богини, которая даровала плодородие более обширной местности. Когда же Великая Богиня стала считаться матерью Солнца и иных созвездий, она пришла к пику своей власти; ей стал подчиняться весь мир⁷.

Мы увидели, что Великая Богиня управляет приносящими плодородие водами. Как богиня обновления, она также и богиня возрождения после смерти. Во многих частях Азии находили следы очень древнего способа захоронения: тело было уложено в позу эмбриона и закопано в землю в большом сосуде⁸. Это расположение, похоже, указывает

на то, что таким образом мертвые в погребении ожидают свое перерождение. Сходство между расположением мертвецов в могиле и сном зерна, которое покоится зимой в земле, чтобы взрасти весной, бросается в глаза.

Богиня-Мать господствовала над плодородием, обновлением, перерождением, и в определенное время она была, сверх этого, великой владычицей, матерью богов, повелительницей всего мира.

Как получилось, что одно и то же божество выступало в таких разнообразных аспектах? Как могла мифическая фигура, изначально возникшая как сила, ограниченная своей местностью, продвинуться до статуса всеобщего божества? Без сомнения, это восхождение было очень медленным. Можно попытаться реконструировать это развитие в течении столетий по пережиткам древних мифов, которые долгое время оставались в религиозном восприятии людей наряду с продвинутыми верованиями. Мы хотим проследить, как унифицировался культ местных божеств, прежде чем установилось универсальное понимание.

На чаше обета третьего тысячелетия в музее Стамбула изображены два ряда нимф, льющих воду из своих кувшинов. Одни парят в облаках и заставляют воду литься вниз, другие находятся на земле и заставляют течь ручьи⁹. Таким образом, уже в древности люди верили в единый источник воды на небесах и воды на земле. Тем не менее, нимфы дождя отличаются от нимф ручьев, так же как и богиня потока воды отличается от окрестного ручья. Один источник дает воды только одному небольшому ручью, другой, более удачливый, питает реку, третий же является истоком многоводной реки. Иерархия имеет значение и здесь; без лишних слов становится понятно, что для жителей берегов Инда или Дуная все божества вод подчинялись богине, которая дала свое имя большой реке.

Если земные источники и дожди, все воды, находятся в распоряжении невидимого божества, в какой форме можно представить это божество, дарующее благо? Два древнейших символа — священный камень и священное дерево. В Карамендересе находился священный камень, который могли увидеть только почитатели Великой Матери во время мистерий. Фригийцы почитали другие священные камни, которые в основном были валунами, окатанными реками. Это поклонение камням сохранялось долгое время, так как уже в 204 г. до н. э. черный камень Великой Матери был доставлен в Рим из Пергама¹⁰.

Но древние ионийцы, возможно, в 11 веке до н. э. знали Богиню в форме дерева. Дерево, которое, как казалось, умирает к началу зимы, чтобы снова покрыться листьями к началу цветения, пробуждает чудесным образом представление о том, что нимфы занимаются своей плодородной деятельностью снова и снова. Каллимах изобразил, как амазонки обнаружили в дубе первый ксоан Артемиды. Дионисий Перигет расположил первое святилище около букового пня. Но деревьям с опадающими листьями предпочитались хвойные деревья, которые своей неизменной зеленью символизировали постоянность Богини. Ей принадлежала священный кипарисовая роща в Ортигии. Кипарис был также связан с культом Реи на Крите. Идолом из кипариса была также и статуя, посвященная Ксенофонтom в храме Артемиды в Сциллонтии¹¹.

Применим представления о большей и меньшей власти, определяющие соотношения между богинями вод, к царству растений. В разных местах мы встречаем священное дерево, которое выделяется среди других ростом и пышностью. Где находится это мифическое дерево? Очевидно, на возвышенности, так как вершины гор покрыты сетью как вод дождей, так и вод ручьев. Тем самым дается общий символ плодотворного действия небесных и земных вод. Этот символ — гора; она соединяет небо и землю. Поэтому от Индии через Месопотамию, до Средиземного моря, горы считались местом жительства Великой Богини¹². Гора, на которой возвышается божественное дерево, представляется схематически. И гора, и дерево вместе становятся огромным столбом, который, с опорой на землю, держит на себе небо. Из этой высокой колонны, в которой астрономы видели ось мира, проливались на землю небесные воды в огромном водопаде, который был источником всех земных рек¹³. Таким образом, узконаправленный миф о священном дереве вырастает до мифа, охватывающего весь мир. Из образа единственного дерева на самой высокой вершине можно вывести представление о мировой оси, соединяющей небо с землей, своего рода водяной горе, из которой текут реки в направлении четырех сторон света.

Наряду с этим мифом, одухотворяющим природу, Богиня рано принимает человеческую форму. По отношению к человеческому, богиня плодородия могла быть только Богиней-Матерью. Ее родство с деревьями было показано с помощью идолов, чья цилиндрическая форма была подобна стволу дерева¹⁴. Толстый покров из каунакиса¹⁵,

в которой они часто были покрыты — символ древесной кроны. Но когда примитивный художник хотел сделать образ плодородия еще более человеческим, он изображал преувеличенно-широкие бедра и выводил вперед полные кормящие груди. С другой стороны, сосуды, в которых располагались тела мертвых для погребения, символизировали лоно Матери-Земли; этот символ отражает в то же время очень распространенные представления: Богиня, дающая мертвым новое рождения в своем теле, является никем иным как Матерью-Землей, в которой ждет своего восхождения каждое семя. Таким образом, символы человека и природы сливаются вместе без противоречий, дополняя друг друга. Земля — это Великая Мать, из которой возникли все существа.

Наконец, в последнем своем рывке Богиня распространяет свое господство над водами и землей и до богов, чьей матерью она становится. Ее власти больше ничего не противится: она — королева небес, воды и земли. Она управляет тремя мирами, которые она поддерживает непоколебимой колонной¹⁶. Только лишь на этой стадии она становится Великой Богиней. Сначала мир был населен нимфами вод и растений. Со временем самые могущественные из нимф были приравнены к Богине-Матери, чья власть постепенно распространилась на весь мир.

Нимфы вод и растений, позднее Мать-Земля, и наконец, Великая Богиня — это три стадии развития. Какие интересы и движущие силы воздействовали на это развитие? Без сомнения, теологические спекуляции играли роль лишь в том, что они соединили существующие представления в единую систему; их источник, тем не менее, следует искать в другом месте.

Пока человек занимался собирательством и жил за счет охоты и рыбалки, он был только добывающим питание. Большим шагом вперед было то, что он, перейдя к возделыванию почвы и скотоводству, начал создавать себе еду сам¹⁷. Земледелие, как и приручение и разведение мелкого скота, требовало не столько физической силы, сколько терпения и ловкости. Можно предположить, что в этом женщины превосходили мужчин. В любом случае, положение женщины значительно повысилось с тех пор, как люди начали создавать еду сами. Ранее мужчины опирались на охоту или рыбалку, в то время как женщины занимались собирательством. До создания семьи в кочующих племенах дело еще не дошло. В противоположность этому,

для обработки земли требовались совместные действия и длительный союз мужчины и женщины. С помощью тесной совместной работы женщины получили более значительные права и авторитетное положение. Их занятия, тем не менее, не были ограничены одним лишь ведением хозяйства. Возникли новые верования, о которых можно говорить как о религии плодородия: ее самой важной целью была сохранность потомства. Что ожидалось от домашних животных и возвращаемых растений? Размножение! И на обработанной земле, которая теперь кормила более плотное население, люди надеялись на множественное потомство в семьях, которые теперь создавались. Религия плодородия возникла из общей потребности к продолжению рода и размножению. Культ Великой Богини отличается ростом этих тенденций. Она — женщина, а женщины, безусловно, оказали значительное влияние на возникновение новых обычаев и верований. Материнские чувства, живое воображение, острая чувствительность — все это позволило женщинам стать движущим духом и жрицами религии плодородия.

Достаточно ли у нас фактов, чтобы подтвердить эти выводы? В своем руководстве по восточной археологии Контенау привел набор фактов, свидетельствующих о том, что в азиатском обществе женщина занимала особо почитаемую позицию¹⁸. И похоже на то, что в азиатском мире почитание Великой Богини достигло особого расцвета. В этой связи много говорится о матриархате. Это впечатление не совсем точно, так как оно заставляет думать о семейном устройстве, в котором мать имеет те же права, что и отец в патриархальном обществе. Конечно, является данностью то, что матриархат известен нам только по его пережиткам, и некоторые из его учреждений нам полностью чужды. Остается только желать, чтобы была проведена общая работа в области народоведения, исследования античности и лингвистики, чтобы углубить схематические знания по этому вопросу.

На данный момент имеются определенные отправные точки, подходящие для того, чтобы подтвердить представленную здесь точку зрения — то, что есть связь между культом Богини-Матери, развитием религии плодородия и почитаемым положением женщины в семье и в обществе. Пока кочевые племена жили без связи с почвой, захватнические войны были бессмысленны, и поэтому неизвестны. Они возникли с началом использования почвы. Рассмотрим общину земледельцев, которая желает расшириться, и поэтому нападает

на своих соседей. Эта община объединяется вокруг Богини-Матери. Союз с богиней — это сила, удерживающая вместе людей и домашних животных. Когда люди и скот возрастают после удачного налета, это происходит из-за того, что их богиня была могущественней и сильнее, чем у соседей. Война, разведение домашних животных и возделывание почвы являются для нас сегодня явлениями, между которыми мало общего. С рассматриваемой здесь точки зрения, они тесно взаимосвязаны. Та же божественная сила, что превращает противников в пленных, укрощает диких зверей и прогоняет духов пустыни и диких мест с еще необработанной почвы. Таким образом, завоевание включает в себя все высшие формы человеческой деятельности.

Тем самым мы подходим к загадке, которая казалась неразрешимой. У различных народов Великая Богиня покровительствует войне и охоте, она укрощает диких зверей. Как вышло так, что такие насильственные действия, требующие значительной физической силы, подпадают под влияние богини? Теперь ответ дается легко. Не стрела несет смерть, не плуг возделывает почву, и не цепь связывает как зверей, так и людей. Только божественная сила способна оковать и принудить. Та же сила приносит победу как на войне, так и в мирное время — вездесущая сила Богини-Матери.

Тем самым мы определили принцип, дающий объяснение политическому и религиозному развитию. Это нравственные силы, на которых основаны великие религии и царства. Подчинение божеству и подчинение завоевателю — это две данности одного порядка. Без этого связывания победа не продлится долго. Подобное связывание также способно принести господство без насилия. Мы увидели, что Богиня-Мать заняла место местных божеств, и что Великая Богиня сменила Богиню-Мать. Можно попытаться объяснить это развитие с помощью политических фактов: примитивные группы земледельцев сплотились вместе, из чего возникли царства, а затем и большие государства, и объединение земель привело к религиозному объединению. Это объяснение, следующее из поверхностного взгляда, не схватывает сути вещей. Религиозные проявления не всегда были обусловлены политическим развитием. Есть два аспекта побуждения к развитию человеческого общества. Дух не всегда подчиняется внешним событиям. Постепенно он освобождается, кристаллизуется в высших культурных формах, пока наконец не умножается до такой степени, что определяет ход истории.

В своей работе *Italische Graberkunde* Дун доказал существование двух волн итальянских завоеваний, следующих одна за другой; латины, которые сжигали своих мертвых, и оскско-умбры, которые их хоронили. Италики оттеснили более древний народ, который хоронил своих мертвых в скорчившейся позе, в круглых хижинах. Таким образом, похоже, что вторжение индо-европейцев в Италию привело за собой значительный религиозный переворот. Культ Матери-Земли, связанный с захоронениями в сидячем положении, соединился с иными, очень сложными формами верований, которые повсеместно манифестировались в кремации. Было больше не принято погружать всех умерших в лоно Матери-Земли в ожидании перерождения. Их предавали богу огня, такому же всеобщему божеству, чей небесный образ был солнцем. Культура новых завоевателей отличалась тремя основными чертами: они занимались разведением крупного скота (рогатый скот и лошади), они разбирались в обработке железа, и они жили при патриархальном укладе. Эти черты без сомнения были взаимосвязаны с древних времен, так как кузнечное дело и разведение крупного скота давали несомненное преимущество мужскому полу. С другой стороны, обработка металлов, почитание огня и сожжение мертвых также связаны друг с другом.

Можно предположить, что вторжение завоевателей с патриархальным укладом стало причиной исчезновения Великой Богини. Тем не менее, ее культ пережил вторжения; различными способами она приспособилась к новой цивилизации. Под измененной формой ее можно часто узнать по чертам, выдающим ее первоначальную сущность. Нам не хватает времени, чтобы отследить пережитки древней религии плодородия у всех народов, где она оставила след, у итальянцев, греков, кельтов, иранцев, индийцев и у семитских народов, так как и они смешивались с древними народами, почитающими Великую Богиню. Во многих местностях эти исследования практически не начинались. Поэтому я ограничусь тем, что опишу рамки, в которых начали проводиться будущие исследования.

В своей монументальной работе об Эфесе и Кларосе Шарль Пикард показал, что в этих двух религиозных центрах Артемида и Аполлон были «божественными заместителями». Они заняли место более древнего божества, которое было никем иным как Богиней-Матерью. Это осталось в «священном камне в Эфесе, который стал принадлежал Артемиде, и священном источнике бодрящей воды

в Кларосе, поблизости которого позднее стал пророчить будущее Аполлон»¹⁹. Риджвей, Мисс Гаррисон и другие исследователи объяснили эти факты тем, что «уранические» боги оттеснили старых «хтонических» богов. Мне кажется ошибочным останавливать внимание на новых божествах. Под иными именами и в новой форме продолжала жить Великая Богиня, которая — даже с изменением пола — приспособилась к новой роли.

Этому перевоплощению богини под влиянием чужих мифов способствовало развитие тенденции, стремящейся возвысить ее до универсального божества, находящегося над любыми различиями расы, происхождения и пола, являющегося одновременно отцом и матерью, деревом и солнцем, Богом и Богиней.

В Иране, почве, на которой религии сливались с особым пристрастием, она представляется нам в иной форме. Как Анахита, она призывается в ахеменидских записях вместе с Ахура-Маздой и Митрой²⁰. До времени Ахеменидов Великая Богиня считалась паредрой небесного бога, и в этом качестве Геродот называет ее Уранией. К этому времени можно также говорить о совместном правлении великого иранского бога и великой доиранской богини. В другой религиозной системе, в зурванизме, Зерван приравнивался к небу — он породил близнецов, одного светлого, другого темного, Ормузда и Ахримана. Зерван, тем самым, не является богом-отцом или богиней-матерью в прямом смысле. Он — в то же время и отец, и мать, гермафродит²¹. Это необычная фигура, связывает оба представления — о боге-отце, принадлежащем индо-европейским народам, и о богине-матери, которая, безусловно, предшествовала вторжению индо-европейцев в Иран.

Схожее слияние возникает в Индии с ведического периода. В Ригведе Дьяус, воплощение неба, в общем является мужским божеством и богом-отцом, подобным Зевсу и Юпитеру, которым он соответствует. Но до этих пор небо и землю называли богинями-матерями, и слово Дьяус нередко было женского рода²².

С другой стороны, Геродот рассказывает о том, что персы почитали великую богиню под именем Митра. Митра, тем не менее, определенно мужское божество. Таким образом, в Иране мы видим долгий ряд развития форм. Великая богиня возникает в виде триады, или в союзе с богом неба; позднее она становится андрогинном, и наконец, превращается в бога-мужчину.

В истории индийских религий великая богиня принадлежит каждой эпохе. Даже сегодня она почитается под именами Дурга и Кали. В буддизме периода упадка Тара является матерью всех будд, как и богиня являлась матерью всех богов²³. В древнейшей буддистской мифологии богиня носит имя Варуна, что означает, что она была паредрой небесного бога, как и Урания в Иране. В синкретизме вед она — Адити, мать семерых адитьев, которых несомненно символизируют семь планет²⁴. Дурга, оседлавшая льва, необычным образом похожа на вавилонскую Иштар²⁵. Помимо этого, на древних индийских колоннах, чей орнамент сильно напоминает Иран и Вавилон, можно увидеть львов, несущих солнечный диск²⁶. Связь между осью мира, львами и солнцем доказывает, что уже задолго до нашего времени солнце и великая богиня в Индии стремились к слиянию. В самом деле, начиная с ведической эпохи, Сурья, имя солнца, могло обозначать как бога, так и богиню.

Вернемся из Индии снова на Запад. Базальтовый рельеф из Тель-Халаф, предположительно двенадцатого столетия до н. э. изображает великую богиню как косматое божество, несущее балдахин, на котором покоится солнце. Здесь богиня и солнце связаны вместе с конца второго тысячелетия, и божество, несущее солнце, двуполо, подобно косматой великой богине Кипра и гермафродиту Кибеле, подобно Астарте Карфагена и Финикии или Адонису из Библии и Фортуне Барбата Рима.

Теперь мы можем лучше понять, как Артемида Эфеса и бог Солнца Клароса могли оттеснить богиню-мать. В то же время находится объяснение двойственной форме, Афродите и Афродитосу, эллинской богини в ее качестве покровителя возрождения. Наконец, в Италии великую богиню плодородия, чьими святынями были священные места союза этрусков, латины называли Вольтумной и Вертумнусом²⁷. Соответственно, великая богиня этрусков была двуполой; как Фортуна, она была включена в латинский культ богов, и ее символ, колесо, также олицетворяет солнце.

Не привело ли нас на этот след, принесший нам так много различных народов, ошибочное представление? Я могу перечислить целый ряд примеров для доказательства моей позиции; например, я могу указать на то, что там, где оставила след великая богиня, реки ручьи носят ее имя²⁸. Из-за ограниченности во времени я возьму лишь факт, который кажется мне наиболее отличительным: присутствие двух слуг по обе стороны от великой богини.

Великая богиня часто изображалась между двумя фигурами, животными, людьми или духами²⁹. Иногда жесты или поза этих фигур указывает на отношение подчиненности или зависимости: богиня подчиняет зверей своей воле, или они ей смиренно покорны³⁰. Группа из богини и ее спутников должна полностью олицетворять власть госпожи, указывая на то, как она приручает диких зверей, заставляет служить себе людей и домашних зверей, или как ей преклоняются духи. Но между ней и спутниками имеется еще одна связь. До того, как великая богиня стала считаться андрогинном, она, без сомнения, принадлежала к своему полу, и, как покровительница продолжения рода, должна была быть оплодотворена. Это была роль обеих фигур, находящихся возле нее. Почти везде, где можно найти следы Великой Богини, встречаются также и ее спутники. Это заключение важно, так как оно доказывает, что наши выводы не являются ошибочными.

Иштар — одно из семитских обозначений Богини-Матери — приручала львов, жеребцов и ястребов. Как и у Цирцеи и Артемиды, у нее была власть превращать своих любовников в животных³¹. Возможно, тем не менее, что подобные легенды скрывают соитие, не одобряемое моралью. В Вавилоне, в Малой Азии и в Сирии Великая Богиня изображается сидящей на спине прирученных зверей или седлающей домашних животных³².

Среди домашних животных рогатому скоту, несомненно, положена особая роль в истории ведения хозяйства. На Крите и по всей эгейской местности в рамках культа богини-матери приносили в жертву быка. Женщине с быком поклонялись в Колофоне³³. На вышеупомянутом рельефе из Сирии спутники по обе стороны от богини изображены в виде получеловека-полузверя³⁴.

Но везде, где побывали индо-европейские завоеватели, лошадь считалась самым благородным животным, и спутники великой богини всегда принимали форму подобную лошади, как Асвин в ведийских песнях и Наонхя в Иране³⁵. По всему эллинскому миру часто встречаются изображения женщины с лошадьми, равно как и у галлов Эпона была женщиной с лошадьми³⁶. В классической мифологии, Диоскуры — божества лошадей, из которых произошли оба образа спутника-человека и спутника-лошади.

Наши знания о великой богине и ее обоих спутников помогают нам понять миф об Атлантах, держащих на себе небо. В общих традициях греков, латин и этрусков, их двое — Атлант и Геракл. Было бы

удивительным не обнаружить в их обществе великую богиню, чьей обязанностью было поддерживать небесный свод. В самом деле, ее или ее символы можно встретить, если обратиться к более древним формам этих мифов. Для Геродота Атлант был горой в Северной Африке, которую аборигены называли опорой небес. Согласно Гомеру, предусмотрительный Атлант поддерживает огромные столбы, отделяющие землю от неба. Таким образом, Геродот упоминает мировой столб, символ великой богини; Гомер обособляет Атланта и мировой столб еще сильнее. Тем самым, мы снова получаем мифическую трицу богини и ее двоих спутников. Одна из метоп Олимпии чудесным образом подтверждает этот вывод: на ней видно Геракла, принявшего на себя вес неба; возле него стоит женщина, в которой многие исследователи видят Афины, и помогает ему держать тяжелую ношу; возле них находится Атлант, срывающий золотые яблоки со священного дерева³⁷.

Подобно великой богине, у божественной триады тоже долгая история. В начале доклада мы увидели, что богиня обновления изначально была только лишь божеством ограниченной местности, затем распространила свою власть на всю землю, и в конце-концов стала повелительницей Вселенной, всемогущей и всезнающей, согласно Апулею. Естественным образом, в своем восхождении богиня тянула за собой и своих спутников, и эти, ранее незначительные фигуры, позже стали важными божествами. Случалось даже, что один из этих богов становился на место Богини, отодвигая ее на задний план. Эти перевороты можно наблюдать в разных частях Европы и на Ближнем Востоке.

Под влиянием культа Солнца, в Сирии и Индии богиня очень рано слилась в одно целое с дневным светилом. Этому есть доказательство в сравнении двух рельефов в Алеппо: на одном из них изображена богиня со своими спутниками, с солнечным диском над ними, на другом она проявляется в двойном символе солнца и луны³⁸. Эти астрологические представления получили распространение в семитском мире, где спутники солнечного божества стали вечерней и утренней звездой.

В одном месте сочинений императора Юлиана в качестве паредра Солнца представлены два божества, Моним и Азиз. Феврье видел в них утреннюю и вечернюю звезду, и отследил арабское происхождение этих богов. С другой стороны, Клермон-Ганно связывал Монима и Азиза с Даяну и Мишару, вавилонскими паредрами

Солнца. Без сомнения, это те же самые два бога, которые изображены на рельефе с Митрой по обе стороны от него, с факелами в руках. Таким образом, астрологическая триада великой богини и ее двоих спутников, изображенных в виде солнца и звезд утренней и вечерней зари заняла очень обширные территории³⁹.

Когда сирийские жрецы почитали Баала, «господина небес», как верховное божество, этот Баал был не одинок — он был частью триады. Так, в Пальмире верховный бог Бел сопровождался Алгиболом и Ярхиболом, которые считались луной и солнцем. В этом видится доказательство того, что эта триада оттеснила более древнюю, которая состояла из Великой Богини и ее спутников — так как в некоторых частях Сирии и Карфагена великая богиня принадлежит к высшей триаде. В Карфагене это группа с Баал-Амоном и Танит, в которой Эшмун или Танит — никто иной как богиня Танаис. В Иераполе, Гелиополе и в Сирии это три бога: Хадад, Атаргатис и Симиос, которые в латинских текстах обозначаются как Юпитер, Венера и Меркурий⁴⁰.

Так, в семитских религиях триединство, хоть и с изменением своего содержания, все же сохранилось. Группе, состоящая из богини и ее паредра, было положено господство над миром, но бог небес, под влиянием астрологической мысли и патриархальных порядков, одержал победу над богиней, принц-консорт сбросил с трона королеву.

То же самое развитие можно наблюдать и в Этрурии. На зеркалах этрусков можно увидеть богиню между двумя фигурами, Диоскурами⁴¹. Этрусской мифологии знаком образ, соответствующий доэллинской триаде богини и ее двух аколитов. В склепе Волюмни в Перудже представлена группа из нескольких частей: богиня в центре окружена двумя птицами и двумя мужскими божествами. Богиня — это Медуза, боги, судя по всему — Аполлон и Бахус. А. Л. Фротингэм уже признал родство Медузы и Великой Богини, и нам известно, что иногда великая богиня изображалась между двух птиц⁴². Таким образом в склепе Волюмни мы снова обнаруживаем древний образ женщины с птицами, но дополненный двумя великими богами.

Еще одна триада почиталась в Риме в этруском храме с начала 5 столетия; она состояла из мужского бога, Бахуса, и двух богинь, Цереры и Прозерпины⁴³. Наконец, в других храмах этрусски поклонялись совсем иной троице, богу небес Юпитеру и двум богиням, Юноне и Минерве. Плиний докладывает, что девять божеств этрусков владели

силой бросать молнии; восемь могли посылать только одну молнию, и только Юпитер мог бросать три молнии сразу⁴⁴. Здесь также вышел мужской бог на первый план. В Этрурии, как и в Сирии и Иране, бог небес занял место великой богини. Во многом люди остались верны культу триады; но из-за изменений сместился порядок ранга божеств. Триада оказалась более долговременной, чем сами боги, которые ее составляли.

Свидетельством этой протяженности во времени является форма храма. Деление святыни на три части, соответствующие божественной триаде, имеет место быть в различных частях доэллинистического мира, от Крита до Микен. То же самое верно и для Италии. От этрусков римляне унаследовали храмы, разделенные на три части, которые были распространены по всей империи⁴⁵. Эти религиозные верования пережили тысячелетия, несмотря на смену рас, языков и цивилизаций.

Как можно объяснить, что подобные соотношения развились среди настолько разных народов, на территориях, настолько далеких друг от друга? Исследование этого вопроса будет темой второго доклада.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Самые древние египетские статуи обнаженной богини прослеживаются назад как минимум до 3500 года. В Халдее «обнаженная богиня появляется на печатях около 2100 г., на терракоте около 2750» (Contenau, *Lade?esseneuebabylonienne*, p.104, 110). Американская экспедиция в Ираке опубликовала два изображения из терракоты, происхождением из четырехугольного храма в Тель-Асмар, которых относят ко времени между 3000 и 2800 гг. (Oriental Institute of the Univ. of Chicago, Comm. No.19 Fig. 24,28). О фигурах Индостана см. J. Marshall, *Mohenjodaro and the Indus Civilisation*, p.50.
- ² J. Rozwadowski, *Don-Tanaisettes Cimmeriens*, RO, II., p. 142-144
- ³ Roscher, *Lexikon*, p. 332, 45; Daremberget Saglio, *Dict. Antiq.*, Diana. Об ирландской богине Дана или Дану см. Dumezil, *Festind 'Immortalite*, p. 161-152
- ⁴ О связи между дана и дамии источниками см. Daremberget Saglio, *Dict.Antiq.*, *Danaides*

- ⁵ Sal. Reinach, *Laflagel lationrituelle, Cultes, Mytheset Religions*, I., p. 180ff.
- ⁶ Oldenberg, *Religiondu Veda*, p. 155-161; Bergaigne, *Religion vedique*, p. XIX; *The threef actors of Vedic Culture, Indian Culture*, I., p. 377-378.
- ⁷ A.Jeremias, *A;torient .Geisteskultur* 2. p .388. Обиндийской Ригведе, I. p .89, 10.
- ⁸ В музее Анкары можно увидеть большие, некрашенные сосуды, найденные в Алишаре. Они содержат в себе целые скелеты,и относятся к древнему бронзовомувеку (2400-2100). Делапорт находил подобные сосуды в Хасуюке. В обоих случаях, этот способ погребения относится к дохеттскому периоду. Погружение в сосуд практиковалось от Месопотамии до Пудучерри. В Вавилоне оно прослеживается назад до примерно 2000г., в то время как на востоке Мохенжо-да ро его не обнаружить до железного века. См. Lafitte, *Rapportd'ensemble surlesfouillesex?cut? esdanslesudde l' Inde*, Paris, E. Hollebecq, 1932, Madeleine Colani, *Megalithesdu Haut-Laos*, II., p.110-111.
- ⁹ Эти священные чаши были посвящены Нин-гир-су (ок.2600г.)
- ¹⁰ Picard, *Eph?seet Claros*, p.474
- ¹¹ Picard, *Eph?seet Claros*, p. 377-378, 475
- ¹² «Госпожа гор» Нинхурсагу же обозначенана Стеле Грифов. Богиня гор Стала известна под именем «Госпожа полей». Позднее, схематичная гора изображается как скамья, на которой стоит обнаженная богиня (Contentau, там же, p. 124, 126, Fig. 12, 19, 22, 31). Надпись, найденная на рельефе в Персии, сообщает, что царь Анубанини «установил свое изображение и образ богини Иштар на горе Батир» (Contentau, там же, p.11). В Индии Великая Богиня зовется Парвати, имя, что происходит от «парвата», гора. О Парвати и ее иных именах см. Hopkins, *Epic Mythology*, p. 224-226.
- ¹³ *Le symbolism edu Pilierde Sarnath*, M?langes Linossier, p.493
- ¹⁴ Picard, там же, хоана.
- ¹⁵ Каунакис, материал с востока, *JRAS*, April 1931, p. 339-347
- ¹⁶ Атхарва-Веда, X.,7
- ¹⁷ “*Lestroisphasesdud?veloppementmental enrelationavecl?volution?conomiqueetsociale*”, *Scientia*, April 1936, p.213)
- ¹⁸ Contentau, Manuel, I., p. 298ff.; Cumont, *Religionsorientales*, Kap.

III.; Frazer, Atysand Osiris XII.; Schayer, Pre Aryan Elementsin Indian Buddhism, Bull. derpoln. Ak.fprKunst und Wissensch., Krakau, 1934, p.59; C.W.Kpnig, Mutterrechtund Thronfolgeimalten Elam, Festschrittdter Nationalbibliotekin Wien, 1926.

[19] Picard, там же, p. 451.

²⁰ Cumont, Textes et Monuments figures relatif saux mysteres de Mithra, II., p. 87-88

²¹ Benveniste, The Persian Religion, p. 113-114; Nyberg JA 1931, II., p. 240.

²² Keith, Religionand Philosophy of the Veda, p.95. Дюмезиль в своем Festind 'Immortalite исследовал ряд индийских, германских и иных повествований, в которых бог появляется переодетым в богиню. Дюмезиль придерживается мнения, что этот бог-«наследник» персидского Дьяу (p. 15, 255 и указатель, см. Тур). Позднее я надеюсь продемонстрировать, что андрогинные боги или боги, переодетые в богинь, как и сам Дьяус, являются заместителями Великой Богини. Уже сейчас должно быть видно, что в А йтарея Брахмана, I., 27 (см. Kausitaki Br. IX., 1) Вач служит богам тем, чтобы выкупить Сому, похищенную гандхарвами. Здесь у богини тоже предназначение, что и у Тира в скандинавских сагах.

²³ См. Marcelle Lalou, L'iconographie de set off espeintes, p.38, Nr.4. J. Przyluski, Le Bouddhism et antriquea Bali, JA, Januar-Mprz 1931, p.164. О Харити, еще одной индийской форме Великой Богини, многочисленные издания Perl, BEFEO, XVII., 3.

²⁴ В Атхарва-Веда VIII.10 Великая Богиня, называемая Вираз, тождественна Вселенной, чьих живых существ она создает. В другом месте (там же, X., 7) она — стамбха, великий космичесий столб.

²⁵ О богине сольвами см. R. Dussaud, Civilis, prehell. 1914, p. 375; Contenau, Deessenue, p. 11, 127; Picard, Epheseet Claros, Indexs. v.l ion; Chapouthier, Les Dioskuresauservice d'unedeesse, p. 223.

²⁶ Le symbolism edu Pilierde Sarnath, Mplanges Linossier

²⁷ Ducati, Etruriaantica, I., p. 104

²⁸ См. Paylu-Wissova, Realencykl., Flp?g?tter; Daremberget Saglio, Dict. Antiq., Volturnus.

²⁹ Об изображениях священного древа на горе между двух козоподобных существ (ок.2000г.) см. Douglasvan Buren, Clayfigurines of Babyloniaand Assyria, No. 863, 864, Fig. 228, 229. Мотив дерева

- между козоподобных существ появляется уже в царских могилах Ура (Contenau, Manuelp. 994). Столб сольвами в Микенах — отображение богини. О тождественности столба и богини см. A.Evans, *The Palace of Minos at Knossos*, Bd.IV, p.610-613.
- ³⁰ Picard, там же, p. 499-516.
- ³¹ Picard, *Melanges Holleaux*, p.191ff.; *Ephese et Claros*, p.492,510
- ³² Contenau, *Deesseneue*, p.85; Chapouthier, там же, p.220-223
- ³³ Picard, там же, p. 509,515.
- ³⁴ Dussaud, *Syria*, 1931, p.90ff; Contenau, *Glyptiques syro-hittite*, Nr.180, 237, 248; Chapouthier, там же, p.276
- ³⁵ *INHQ*, IX.1933, p.276
- ³⁶ См. H.Hubert, *Lemythed'Epona*, *Melanges Vendryes*, p.187ff.
- ³⁷ Daremberget Saglio, *Dict. Antiq.*, s.v. *Atlas et Herkules* (p.97)
- ³⁸ На множественных статуях, найденных в Иламе, надета «своего рода подвеска, состоящая из солнечного диска и лунного серпа» (Contenau, *Deesseneue*, p.127).
- ³⁹ См. Dussaud, *Rev. Archeol.* 1903, I., p. 128ff.; Azizoset Moni mosparedres du die usolaire; J.Fevrier, *Religion des Palmyrenies*, p.29ff. Иногда вечерняя и утренняя заря являются спутниками Луны, Chapouthier, там же, p.277-281.
- ⁴⁰ Cumont, *Religions orientales*, гл.V; J.Fevrier, там же
- ⁴¹ Chapouthier, там же, p.292, 303-304.
- ⁴² *AJA*, XV., 1911, p.370ff.; Picard, там же, p.409,514ff.
- ⁴³ Ducati, *Etruria antica*, p.100-101
- ⁴⁴ Buonamiciet Neppi Modana, *Guideto Etruscan Antiquities*, p.62, 63; Ducati, там же, p.97ff.
- ⁴⁵ Ducati, там же, p.98.

ЖАН ПРИЛУЗСКИЙ

МАТЬ-БОГИНЯ
КАК СВЯЗЫВАЮЩЕЕ ЗВЕНО
МЕЖДУ ЛОКАЛЬНЫМИ
БОЖЕСТВАМИ
И УНИВЕРСАЛЬНЫМ БОГОМ

В первом докладе мы рассмотрели возникновение и развитие культа великой богини. Теперь мы хотим исследовать, какие причины могли сподвигнуть к этому развитию.

Сначала мы должны заняться вопросом, соответствует ли религиозное развитие какому-нибудь обдуманному и сознательному устремлению, или же проявлению инстинктов. Теоретики колебались между этими двумя объяснениями. Похоже, что обе точки зрения соответствуют действительности, пусть и касаясь разных времен. Когда говорят об обдуманном и сознательном устремлении, невольно думают об философских рефлексиях, и предпринимаются попытки противопоставить философское творчество народному творчеству, считая первое сознательным и индивидуалистичным, второе — коллективным и эмоциональным. Подобная постановка вопроса, тем не менее, не самый подходящий зачин, так как каждый религиозный образ по сущности является коллективным, в то время как философская мысль более остро представляет собой нечто индивидуальное. Невозможно полностью понять, как философские спекуляции могут непосредственным образом повлиять на духовные позиции религии и на развитие верований.

Философское творчество не должно быть противопоставлено народному творчеству; гораздо более необходимо принять позицию между этими обеими полюсами. Между спонтанными представлениями, положенными в основу мифа, и философской мыслью есть место для работы посредника, которая формирует религиозное учение и является в определенной мере сознательной и обдуманной, но не исключительно философской. Вероучения — это результат обработки мифов с помощью теологической мысли. Подобно тому, как в области права ученые-правоведы развивают существующие обычаи и тем самым готовят поле деятельности для законодателей, в области

религий теологи превращают мифы в вероучения и прокладывают путь для философии. Теологи принадлежат к классу духовенства, к клиру в самом широком смысле этого слова; им принадлежит власть, которая среди некоторых народов возрастает до теократии, но которая в общем смысле наличествует даже без политического влияния. Если ее действие упустить из виду, становится вовсе невозможным понять, как мифическая мысль перешла к философской. Теология предоставляет свободное пространство между мифологией и философией, для того, чтобы получить объяснение развитию религиозного мышления, а именно, становлению универсальных религий. Теперь, перед нами стоит задача, как можно более исчерпывающе определить долю эмоциональных верований и теологической обработки в развитии культа Великой Богини.

Как уже было изложено в первом докладе, сначала почитались силы, действующие на ограниченной местности, пока не совершился постепенный переход к представлению о Великой Матери как единственном божестве, чья власть распространялась на всю Вселенную. Но одно лишь определение того, что ее царство не имеет границ, было бы слишком несовершенным. Эта политическая характеристика также и близко не исчерпывает все присущие ей черты. Ее власть распространяется не только на определенный округ или страну, но и, в конечном итоге, на весь мир; в то же время, она также стирает все временные ограничения. Ее владычество содержит в себе все прошлое и все будущее. Это распространение власти во времени и пространстве идет рука об руку с изменением ее сущности. С древнейших времен, она — жена и мать, постепенно становящаяся всевышним божеством, в котором соединяются признаки обоих полов и всех живых существ. Чтобы дать точное определение этому многостороннему развитию, мы скажем, что богиня стала мирозданием, обобщенным в одну-единственную сущность — «Все в Одном».

Мы прослеживаем развитие несоизмеримой важности, чье действие ощущаются во всех областях; до сих пор, современный человек не сделал из него все необходимые выводы. Так как Богиня-Мать стала всевышним божеством, так как она — Все, и в то же время, Одно, можно заключить, что это представление имело глубокое и длительное влияние на восприятие стран, в которых был распространен ее культ, следовательно, на весь континент, состоящий из Европы и Азии. Это влияние несло за собой тенденцию

к уничтожению всех границ между людьми: так как если все народы происходят от Великой Матери, какое значение имеют тогда физические формальности, различия цвета кожи, языка, класса или касты? Уклон ко всеобщему человеческому братству, впоследствии часто провозглашаемому, но на практике, конечно, всегда отрицаемому, был заложен в культе Богини-Матери.

В развитии этого культа можно различить два временных отрезка, первый, в котором правит миф, плод инстинктивных представлений, и второй, в котором перевес имеет влияние теологической мысли, догмы. Разумеется, между этими двумя периодами нет четкой границы, они не разделяются внезапной революцией. Как и везде, так и в области религий, революция — это только лишь выражение изменений, которые готовились задолго до этого. Схоластике теологов и даже ходу мысли философов всегда присуща заметная часть более древнего мифологического мышления. Эта непрерывность религиозной жизни коренится в глубокой необходимости, которую мы не должны упускать из виду.

Для земледельческих народов произрастание было великой реальностью, то есть, непреодолимым импульсом, благодаря которому в начале периода роста каждый год зеленеют деревья и распускаются растения, и который есть причина того, что растения в постоянном изменении своей формы порождают все, что необходимо для жизни людям и животным. Человек не сразу воспринял эту огромную силу в ее полном объеме. Чтобы ее осознать и почитать, чтобы ее направить, ему нужно было сначала мысленно ограничить ее в пространстве, и ввести конкретные представления о ней. Можно наблюдать каждый день за тем, как вода является предпосылкой для любого роста. Таким образом, вода оказывается непременно связанной с силами роста. Ручей, тем самым, кажется таинственным и священным местом, из которого проистекает не только вода, но и вся растительная жизнь. Здесь есть возможность повлиять на божественные силы, оказать им почести. Но и ручей недостаточно постижим для того, чтобы прийти к нему от мироощущения, мало склонного к абстракции. Ручей сам по себе не имеет формы. Следовательно, к нему можно подойти ближе с помощью схожих предметов, которые привлекают к себе внимание издалека, или легко запечатлеваются в памяти, с помощью скалы, из которой он течет, или с помощью деревьев, которые его окружают. Дерево и камень, как правило, являются символами священного места,

из центра которого истекает ручей, который, в более широком смысле, представляет собой также и силу текущих вод, и растительную жизнь, для которых священное место является высшим проявлением, местом их жительства и их соединением.

Гораздо позднее, после того, как богиня приняла человеческую форму, ей строили храмы и посвящали в них статуи. Мы, тем не менее, находимся во времени, в котором божественные силы еще не имеют человеческой формы, а следовательно, у них нет ни статуй, ни дома. Священное место выполняет это предназначение. Оно — река, дерево, урожай в их наброске, в их становлении. Одного камня или одного дерева достаточно, чтобы пробудить этот образ. В предыдущем докладе мы обсудили значение этих древних символов; человеку нужно было прочувствовать посвященную местность, ее возвышенную святость, стоящую за упрощенным отображением, которое ее олицетворяет.

Как произошел этот переход от конкретных объектов, символизирующих силы природы, к образу богини в человеческой форме? Мы не можем это так просто себе представить. Прогресс, который сегодня кажется нам вряд ли заслуживающим внимания, так как с тех пор прошли тысячелетия, означал поворотный момент в развитии человечества. Этот поворот с психологической точки зрения является следствием могущественных процессов приспособления. Человек осознал, что те же божественные силы, что дают рост урожаю, порождают так же и людей с животными. Образ матери теперь создает не только представление о человеческом материнстве, он напоминает также о плодородии в любой форме, в царстве как животных, так и растений. Теперь человек почитает не только одну лишь растительную жизнь, локализованную в священных местах, он теперь поддерживает культ плодородия в форме Богини-Матери. Из срубленного дерева и грубого камня, которые изначально были символами благотворных свойств воды и сил роста, человек создает все больше фигур в виде человека. Речь идет не просто об эстетическом улучшении навыков. Развитие формы определилось развитием мифа. Символы божества изменились, так как изменилось само понятие божества.

Как произошли эти изменения? По этому поводу мы можем только делать предположения. Возможно, прогресс состоял в том, что течение года роста урожая представлялось как рождение в начале и смерть в конце; иными словами, жизнь растений была приравнена

к жизни людей и животных. Этому пониманию мог поспособствовать прогресс в материальном плане. После того, как дерево на протяжении долгого времени было наиболее значимым растением, зерно стало более важным для питания людей. Из-за этого начало и конец периода роста все больше совпадали с посевом и урожаем. Как только земледелие стало объектом мифа, ступени развития года урожая непременно должны были вступить в соответствие со ступенями человеческой жизни. Посевное зерно проникало в землю, как семя в лоно женщины. Зерно оставалось в почве на время роста, которое соответствует беременности. Ростки — это рождение, за которым следовала жатва. Наконец, зерно мололи, и оно умирало. Человек пришел к тому, что стал рассматривать ростки злаков как рождение, а землю — как мать зерна и всех растений. Таким образом, Мать-Земля, которая дарит жизнь растениям и тем самым дает питание людям и животным, рассматривалась земледельческими народами как принцип и символ всего плодородия.

Как оплодотворялась божественная мать? Ей часто предоставлялись двое прислуживающих; иногда это были дикие звери, виды оленей или змеи, иногда — домашние животные, виды коз или единороги, иногда — боги в человеческой форме. Возможно, чтобы передать образ наиболее внушительного плодородия и большого урожая, отдавалось предпочтение тем животным, чье стремление к размножению было общеизвестным: козлы, олени, ослы. Похоже, что только позднее человек отказался от этих грубых образов из-за более утонченного мировосприятия. Возможно, подобным образом, под влиянием размышлений, проистекающих из более утонченного нравственно мировоззрения, очень рано в Египте и позднее в других местах оба зверя рядом с богиней были заменены не чем-то вроде двух человекоподобных Диоскуров, а одним родителем мужского пола, ее единственным супругом.

Так, под действием новых представлений и восприятий, возможно, вместе с прогрессом в обработке почвы, новые мифы постепенно оттеснили старые. Теперь люди почитали не просто рост, локализуемый на священных местах, теперь они поклонялись самому плодородию в форме Богини-Матери. Часто при ней были двое слуг, иногда — единственный супруг, ее спутник; или же божество возле нее было божеством злаков, ее сыном или дочерью. Эти группы принимают разные формы, в соответствии с местностью и общественным устройством.

Триада, пара родителей и диада матери и ребенка даже соединялись в своего рода священную семью с отцом, матерью и ребенком. Религиозное восприятие в древности изображало группу из Богини-Матери и ее свиты в форме мифа, как живые, воплощенные явления. Но впоследствии в своей проницательности жрецы развили значение мифа. Они попытались изменить сущность формы, и в то же время, расширить ее содержание, слить ее в одну всеобъемлющую единицу. Мы хотели бы по очереди рассмотреть диаду и триаду.

Пара из мужского бога и Богини-Матери, прежде всего, имела половой смысл. Ее предназначением было продолжение рода. Ее сфера влияния расширилась до того, что ей стали приписывать создание мира. Ее миссией было не просто продолжение жизни, она были источником всех живых существ и всех вещей. В то же время, диада Бога и Богини несет в себе тенденцию сливаться в единицу в виде андрогинного божества. Это явление имело преимущество в том, что вместо двух однополых существ, которые как таковые непременно являются несовершенными, появляется совершенное существо, способное порождать само по себе, без необходимости в другом. Оно создает мир, хранит его и управляет им, иными словами, оно — в то же время создатель, время и судьба. На этот долгий процесс развития, как мы увидели, безусловно повлиял прогресс социальных учреждений. В развитых цивилизациях, как правило, патриархальные институты перекрыли очень древние следы матриархата, приведя к его уничтожению, так, что древнее господство Богини-Матери освободило место для всецелости Бога-Отца и в религиозной сфере. Но это оттеснение одного пола другим — лишь одно из проявлений общего процесса, трансформации Богини в андрогина и, наконец, в Бога, который становится все более бесполом.

Зерно в разных странах олицетворялось то богом, то богиней. Пара Богини-Матери и зерна, которое она породила, развивается подобно двойному образу жена-муж. Мать-ребенок, изначально две обособленных фигуры, пусть и связанные кровными узами, иногда омраченные кровосмешением, были в итоге приравнены друг к другу и срослись в одну единственную фигуру, которая, благодаря чудесному процессу обновления — насильственной смерти с последующим возрождением — поочередно сменяла свой возраст от старика к ребенку и наоборот. В мифологиях многих стран вместо насильственной смерти и возрождения встречается схождение в Ад

с последующим восхождением в Высший Мир. Различные мифы, наконец, приводят к тому, что неограниченное время становится атрибутом божественной сущности, которая находится в непрерывном обновлении.

Как уже упомянуто, Богиня-Мать стала не только неограниченной во времени; она еще и неограниченна в пространстве. Также и эта отличительная черта стала присуща ей только после длительного развития. Сначала будучи привязанной к священному месту, затем приравненной к Матери-Земле, в итоге Богиня-Мать распространяет свое господство на бесконечное небесное пространство. Она принимает звездный характер, вскоре считаясь то богом или богиней Солнца, то богом или богиней Луны. Оба ее слуг также становятся небесными божествами, и олицетворяют, например, вечернюю или утреннюю звезду. Вездесущие Богини символизировались гномом или космическим древом, что для обоих вариантов означает, что Богиня-Мать становится связана с осью Вселенной. В таком случае, она проявляется как столб, поддерживающий небесный свод, или как прочные балки, соединяющие между собой три мира, небо, воздух и землю.

Великую Богиню, будь она безграничное пространство или время без конца, начинают понимать как Единое, то, что заключает в себе Вселенную, всеобщность, что содержит множественность, и эта множественность символизируется двумя или тремя мифическими фигурами. Еще один шаг в сторону абстракции привел теологию к пониманию единой сущности как отдельной от триады, иными словами, к тому, чтобы считать триаду саму по себе особой четвертой фигурой, что приводит к построению тетрады. В это же время теология состязалась с наукой о числах; жрецы приспособились к любым уловкам схоластики.

Я прошу вас отнестись снисходительно к этому несколько абстрактному изложению. Тем не менее, было необходимо предоставить более широкие рамки и прояснить основные отличительные черты бесконечно расширяющегося и сложного объекта. Теперь мы можем заняться отдельными фактами, не опасаясь затеряться в деталях, хотя я, само собой, и должен ограничить себя несколькими характерными случаями. Их рассмотрение позволит наблюдать действие обозначенных тенденций в различных сферах. Я буду придерживаться примеров из четырех стран, Греции, Италии, Ирана и Индии.

Грекам была знакома ужасная фигура, чье происхождение, несомненно, было на Востоке. Речь идет о Горгоне, когда у нее есть человеческое тело, или о горгонейоне, когда она обозначена маской. Шарль Пикард доказал, что Горгона и Медуза тождественны Великой Богине. Мы наблюдали, что Великая Богиня в общем имеет тенденцию идентифицироваться с временем и смертью. К особым отличительным чертам Горгоны принадлежит то, что она приносит смерть тем людям, на кого она посмотрит. Часто она изображалась как женщина с бородой. Это сочетание женского тела с признаком мужского пола, вне сомнения, показывает, что Горгона, как и андрогинные божества Востока, возникла из слияния двух фигур, мужчины и женщины. По сути, допускается, что горгонейон связан с богом Бесом, уродливым карликом, которого почитали от Египта до Финикии и Греции. Бес — символ Востока; среди его свиты находится паредра, представляющая Запад. Горгона, как и горгонейон, очевидно, считалась связью двух мифических миров, олицетворяющих как оба пола, так и обе половины пространства. Из этого объединения вырастает полноценная сущность, как продолжение Великой Богини, подобно ей, единое со временем и смертью.

В Италии схожее развитие привело от богини Дианы к богу Янусу. Согласно воззрению, принятому еще Нигидием Фигулом, Янус был мужской формой Яны, что есть то же самое, что и Диана. Если это мнение верно, Янус — еще один пример мужского божества, занявшего место Богини-Матери. Этим происхождением можно объяснить все отличительные черты Януса. Он — создатель мира и всех вещей (*rerum sator*), отец богов (*Janus Pater*), он управляет зачатием, он связан с реками и ручьями, он, в конце-концов, бог времени, и его влияние в войне было значительным.

Имя «Янус» можно вывести из слова *janus*, что обозначает «общественные врата в виде арки, через которые проходят оживленные пути». Янус, бог начинаний и отправлений в путь, был назван в честь врат, где начинались путешествия и смена мест. Тем не менее, то, что имя бога происходит от этих ворот, находится под вопросом. Куда более вероятным является то, что триумфальная арка была названа так в честь бога. Врата — это места перехода, и каждый переход напоминает о времени и пространстве. Всеобщий бог, как бог пространства и времени, непременно также управляет и пространственным переходом, роль которого играет любой вход и выход; этот

бог — защитник временного перехода, такого как рождение, смерть и начало нового года. Когда богиня Диана была преобразована в бога Януса, всеобъемлющая сущность нового бога была выражена тем, что ему дали два тела, смотрящих в обе стороны пространства. Таким образом была выражена также и двойная суть времени, его два лица, одно, повернутое в прошлое, и второе — в будущее. Подобно тому, как карлик Бес и его паредра смотрели в противоположные стороны, взгляд Януса направлен к обеим сторонам горизонта. Поэтому его имя было подходящим для обозначения огромных ворот, открывающихся в обе стороны. Январь, первый месяц года — это месяц Януса, и это показывает, что этот бог управляет особыми днями, днями перехода от старого к новому времени.

В то время как Янус и Горгона, без сомнения, составляют божественную диаду, на примере культа кабиров мы можем проследить развитие триады. Согласно Геродоту, почитание кабиров пришло от пеласгов, доэллинского народа, населяющего Грецию и северо-запад Малой Азии. Согласно Ферекиду, в Троеде, как и в Лемносе и в Имвросе, было трое кабиров. Эта группа присоединилась к Богине-Матери, которая до этой поры носила имя Кабира, Кабири или Геката. Из сравнения источников следует, что группа кабиров состояла иногда из трех, иногда из четырех божеств. Как можно объяснить это различие?

В Ватикане находится известный памятник, так называемое мраморное изваяние из Шабле. На нем — Гермес с тремя лицами на одном единственном пьедестале. Первое лицо изображает Аксиокерсосу, который был приравнен к Аполлону, второе — Аксиокерсу, приравненному к Афродите, и третье — молодого бога Касмилоса, отождествленного с Эросом. Так как согласно письменным источникам тетрада кабиров включает в себя четвертого бога по имени Аксиерос, вполне можно предположить, что четвертая фигура — это сам Гермес; таким образом, он рассматривается как отдельное явление, независимое от трех богов, которые его составляют. Также и на вазе Блакад, на которой изображены божества-кабиры, триада, состоящая из бога Пана, Афродиты и молодого бога Эроса дополняется Гермесом. Гермес пеласгов, бог роста и плодородия (Геродот II, 51), возможно, был мужским заместителем Великой Богини. Согласно целому ряду источников, тем не менее, именно божество, занимающее первое место в тетраде кабиров, было Богиней-Матерью. Это

Деметра, согласно орфикам, как и Мнасею, а также Дионисодору, и это Юнона согласно Сервию и Варрону. Вкратце, из этого следует, что кабирская тетрада состояла из более древней триады, включающей в себя женское божество и двоих мужских спутников, и присоединившейся к ним Богини-Матери или ее мужского заместителя.

Рассмотрение этрусского зеркала показывает нам еще одну последнюю ступень в развитии верований. Трое кабиров на нем изображаются как трое братьев, младшего из которых убивают оба старших. Мертвеца, поверженного на щите, снова пробуждает к жизни Гермес, который и здесь дополняет кабирскую тетраду.

Тем самым, в развитии представлений о кабирах определяются четыре различных ступени. В древнейшее время, без сомнения, начинающееся еще с доэллинистического периода, кабирская триада состояла из богини с двумя спутниками-мужчинами. Позднее богиня разделилась на Богиню-Мать и Богиню-Дочь. Это соответствует паре Деметра-Кора. Подобное разделение можно наблюдать в различных местах, где встречаются две формы Афины, Афродиты или Артемиды, каждый из которых имеет свои особые функции. В дополненной таким образом тетраде кабиров первое место занимает Богиня-Мать, иногда как Деметра, иногда как Юнона. На третьей ступени место Богини-Матери занимает бог-мужчина, который в наших источниках называется Гермесом или Аксиеросом. Теологические спекуляции породили две следующие ступени развития, независимые друг от друга. С одной стороны, бог-мужчина, вступивший на место Богини-Матери, становится соединением трех кабиров, что означает, что тетрада кабиров становится группой из трех божеств, из которых возникает гипостатическая триада, которая сверх этого еще и становится особой, четвертой фигурой. Об этом очень продвинутом понимании дает хорошее представление мраморная табличка из Шабле; оно является очень конкретным, так как скульптор хотел выразить учение с помощью известных образов греческой мифологии.

То же развитие, что мы смогли проследить в Италии и Греции в ходе трансформации культа Горгоны, Януса и Кабиров, мы, как будет продемонстрировано, можем противопоставить также и со стороны Ирана и Индии. Даже в своих самых древних частях, в гатах, Авеста передает не древнейшую религию Ирана. Как недавно показал Найберг, и как еще ранее заметил Франц Кумон, религия гат была реакцией против культа Митры. Согласно Геродоту (I, 131),

персы называли Афродиту Митрой. Тем самым кажется, что иранский Митра был порожден слиянием Богини-Матери с индоиранским богом Митрой. Здесь же Геродот говорит о том, что персы переняли у ассирийцев и арабов обычай приносить жертвы Урании. Эта Урания, без сомнения, соответствует богине, которую индийцы называют Варуной. Таким образом, древнейшие греческие свидетельства открывают для нас культ Богини-Матери в Иране, олицетворяемый мужским божеством Митрой и женской богиней Уранией, Анахитой и т. д. Эта пара сравнима с диадами в Греции, Фригии, Сирии, которые известны под именами Афродитос и Афродита, Аполлон и Лето, Кибела и Аттис.

Реформатор Зороастр отдал первое место в ранге божеств богу Ахура-Мазда, которого Геродот отождествил с Зевсом. Эта реформа действовала на протяжении длительного времени, так как и Дарий, и Ксеркс в своих надписях взывали только лишь к Ахура-Мазде. Тем не менее, позднее, под властью Артаксеркса, древняя пара Анахиты и Митры вместе с Ахуда-Маздой составила триаду. Является ли это результатом соединения религии Зороастра со старым культом божественной пары? Разве эта новая триада не является в определенном смысле продолжением более древней группы, состоящей из Богини-Матери и ее спутников? Эти два объяснения не исключают друг друга, и каждое из них может содержать в себе часть правды.

Иные мифические фигуры встречаются нам в триаде Ахеменидов. Но теологические спекуляции в Иране начались довольно рано. В одном месте гат (яшт 30,3) сказано, что добрый и злой дух есть «правители-близнецы». Являются ли эти близнецы сыновьями Богини-Матери или мужского родителя? Вторая точка зрения больше подходит к учению гат.

Благодаря Евдему Родосскому, одному из учеников Аристотеля, нам известно, что уже во времена Ахеменидов одни признавали высший принцип касательно времени, другие — касательно пространства. Это соответствует общему развитию верований. Из «Зерван Акарана», что означает «неограниченное время», в европейских языках возникло понятие «зурванизм», как обозначение религиозной системы, проявлявшейся в основном по поздним свидетельствам. Здесь время выступает в роли высшего принципа, как андрогинной божество, порождающее все, начиная с обоих принципов добра и зла. Этот андрогинный бог, в котором мы видим заместителя Великой

Богини, становится понятием, обозначающим время, в ходе процесса, который можно наблюдать в Греции. Как недавно изложил Бидез, Хронос, чье всеисие признавали в начале своей космогонии орфики, а затем и Ферекид, похоже, никто иной как Зерван Акарана, чьи всеохватывающие и неизменные законы записали халдейские жрецы, которые затем способствовали их почитанию (*Melanges Capart*, p. 41).

С другой стороны, переход от триады к тетраде можно увидеть в первом веке до н. э. по записям Антиоха I Коммагенского. Старая группа, состоящая из двух мужских божеств и одной богини, олицетворялась Аполлоном-Митрой, Гераклом-Веретрагной и персонификацией Коммагены. К этой триаде присоединился Зевс-Ормузд, Великий Бог, который, разумеется, занял первое место. Подобная тетрада почиталась и среди Сассанидов, но тогда женское божество звали Бедукт, дочь бога (*Christiansen, L'Iransousles Sassanides*, p.154).

Схожесть тетрады Зервана с тетрадой кабиров еще больше бросается в глаза, если рассматривать не только официальную религию, но и теологические трактаты Пехлеви. Основываясь на исследованиях Шедера, Найберг показал, что можно распознать многие триады, в которых Зерван возникает в трех различных аспектах, которые относятся к его действиям и манифестациям. Каждый раз он присоединяется к группе трех фигур, создавая таким образом тетраду. В этих группах Зерван рассматривается как бог неба или судьбы, что значит, в его соотношении с пространством и временем. Мифический образ времени присоединяется к триаде возрастов. Зерван, управляющий годами полового созревания, зрелым возрастом и старостью, обозначается как «тот, кто делает взрослым». (Ашокар и Аршокар), как «тот, кто дает мужскую силу» (Фрашокар) и «тот, кто дает состариться» (Зарокар). Когда сам Зерван присоединяется к этой группе, он создает тетраду, подобную той, что на мраморной табличке в Шабле, где Гермес присоединяется к трем богам, которые являются его тремя ликами. И также как и на этрусском зеркале Гермес и три кабира — мужчины, так и в тетраде Зервана он сам и его три ипостаси мужского пола.

Если мы обратимся к Индии, мы увидим такое же развитие верований. Во времена вед, Адити — одно из имен Богини-Матери. Боги адитьи — сыновья Адити, подобно тому, как в эллинском мире кабиры были сыновьями богини Кабиры. Этот способ обозначения богов именем их матери в обоих случаях позволяет предположить

продолжение доэлинического или доарийского влияния. Уже в одной из строф Ригведы (I, 89, 10) появляется уклон к тому, чтобы приравнять богиню к безграничности времени и пространства, отождествить ее со Вселенной:

Адिति — небо, Адिति — воздух;
Адिति — мать, она — отец, она — сын;
Адिति — все боги и пять видов созданий,
Адिति — то, что уже родилось,
Адिति — то, что еще должно родиться.

Но в Индии, как и везде, значителен разрыв между народной мифологией и ученой теологией.

Один из текстов Упанишад показывает, как понятие единого принципа было приведено в соответствие с мифом о паре создателей. Согласно *Bṛh.āraṇ. UpI. 4, 1*, первое существо распалось на два существа человеческой формы, на мужчину и женщину. Они оба соединились и создали человечество. Затем они приняли формы животных, и «породили все, что спаривается, вплоть до муравьев». Здесь есть четкое напоминание об изначальном андрогине, который разделился на два разнополюх существа. Упанишадам знакома космология гуны, что учит о Вселенной как о трех мирах — небо, воздух и земля, которые возникли из соединения трех стихий, огня, воды и земли. К трем мирам нужно присоединить только лишь Великую Богиню или ее мужского заместителя, чтобы получить тетраду; это те же мысли, что и лежат в сути Упанишад. Праджапати, Бог-Создатель, согревает миры, чтобы породить триады, представленные стихиями, ведами, магическими слогами и т. д. Суть Праджапати, тем самым — тепло (тапас), принцип всего сущего. В *Chand. Up. V. 10,1*, праведники обозначены как «те, кто почитают богиню Сраддха как тапас», и я уже доказал в прошлом году на этом же месте, что Сраддха — это Великая Богиня. Праджапати, создатель, чья сущность есть тапас, тождественен Великой Богине, и тапас, единственный принцип, составляет вместе с тремя стихиями тетраду. Праджапати, тождественный Великой Богине — Одно, то, что присоединяется к Трем — трем стихиям или трем мирам.

Мы можем бесконечно следовать этими разветвленными тропами, так как эти мысли были приняты в индийскую теологию.

В Атхарва-Веда и эпической литературе бог, правящий над всеми живыми существами, тождественен «кала», времени и судьбе, и превосходство «кала» выражается в мифологии, которая очень отличается от учения Упанишад. Тетрада появляется до начала христианского летосчисления в очень различных религиозных системах.

Патанжали, который, возможно, писал около 150 г. до н.э., указывает на четыре формы Кришны. Теология кришнаизма знает в своем полном развитии четыре «вьюха», или ипостаси высшего Бога: Вашудева, Самкарсана, Прадьюмня и Ануруддха.

В древнем буддизме Брахма занимает место высшей сущности. Конечно, в канонической литературе он уже утратил заметную часть своей значительности. Тем не менее, в одном из архаизированных текстов, таком как Махасамая суттанта, пар. 20, Брахма составляет тетраду, так как принято различать Махабраhma, великого Брахму, и его трех сыновей, которые на самом деле есть три отображения и эманации высшего бога: Субрахма, Параматта и Санамкумара.

Взглянем еще раз на путь, который мы прошли. Проблема, которую мы подвергли рассмотрению, наполняет всю историю религий. Ее можно очертить следующим образом: как из примитивных культов возникли великие всеобщие религии? В этот вопросе есть два главных аспекта: с помощью какого развития религии, которые были в состоянии собрать вокруг себя все человечество, оттеснили множественные локальные культы? Как материальные объекты, такие как камни и деревья, растения и животные, освободили место чистому, вечному и вездесущему Духу? Мы увидели, что в ходе этого развития на переднем плане стояло почитание Великой Матери. В первом докладе мы уделили особое внимание первому аспекту. Мы пронаблюдали за тем, как на место сил локального роста вступило божество, чье могущество постепенно расширялось, пока оно не распространилось на весь мир. Во втором докладе мы исследовали суть Богини, которая сначала олицетворяла рост определенного места, затем стала дарительницей плодородия, и наконец стала символом неизменного хода небесных тел, непреодолимой власти судьбы. Тем не менее, не будет ошибочным заметить, что наше внимание в отношении обоих этих аспектов занимала одна и та же проблема: постепенный переход от частного к общему.

У этого вопроса есть еще и третий аспект, которым я сегодня еще не занимался, но на который тем не менее хотел бы указать.

Религия — это не просто концепция Вселенной, для людей она еще и средство к освобождению. Когда человек помещал разумных божеств на место бессознательных, инстинктивных сущностей, которым он поклонялся до этого, он прокладывал путь для себя самого и для общества к господству сознания и разума. Когда необузданная чувственность азиатских богинь сменяется супружеской любовью Изиды и Осириса, когда неизменная закономерность небесных тел вступает на место жестокой своенравности и кровожадности богини смерти, это происходит из-за того, что человек пытается в той или иной мере установить нравственный закон, обуздать инстинкты и насилие, и получить свободу. Человечество соединила это продвижение и общность всех людей в любви к единому богу, но полностью осуществить это все в реальности не удалось. Можно ли, в таком случае, говорить о неудаче религий? Это было бы суждением, подобным мыслям дикаря, который, видя закат солнца, верит в его затухание. Религия — это феномен, превышающий наши способности к пониманию. Мы можем знать о ее прошлом, но ее будущее лежит для нас в потемках. Если создатели мифов и теологи и сказали свое последнее слово, все же — как мы можем предположить — это стало началом времени философии, и философия есть продолжение религии.

В. Ч. Ч. КОЛЛУМ

СОЗИДАЮЩАЯ
МАТЬ-БОГИНЯ
КЕЛЬТСКИХ НАРОДОВ,
ЕЁ ИНСТРУМЕНТ,
МИСТИЧЕСКОЕ «СЛОВО»,
ЕЁ КУЛЬТ
И СИМВОЛЫ ЕЁ КУЛЬТА

І ЧАСТЬ

Рассматриваемый под этим названием материал является обширным, это исследование космической матери, её действительного «слова», её культа и символов этого культа — и как они нам себя многообразно демонстрируют: во-первых, в мегалитических памятниках (особенно хотелось бы отметить «крытую галерею в Трессе», дольмен в Северной Бретани и дольмен «Ле Дехус» на острове Гернси (Нормандские острова); во-вторых, в средневековой аллегорической литературе Ирландии и Уэльса; в-третьих, в гэльском фольклоре. Кроме того, хотелось бы исследовать происхождение этого культа из космических религий Востока, а также скрытое продолжение его существования в кельтском гностическом христианстве.

В восприятии Матери-Богини — насколько оно улавливается в культовых символах, фольклоре и аллегорической литературе — актуализация созидającego порыва является неотъемлемой частью именно идеи космической богини. Созидающая богиня рассматривается как возможная или действительная «мать», с любовником и сыном, или сыном-любовником, либо она демонстрирует в себе два взаимодополняющих принципа, которые лучше всего выражаются китайскими символами «инь» и «янь». То есть она одновременно воплощает оба принципа, мужское и женское¹.

Поэтому восприятие Богини-Матери в кельтских странах не является примитивным. Это зрелая космическая философия, представленная в поэтической или в более или менее аллегорической форме. В качестве таковой она была импортирована в полностью развитой форме в те страны, где кельтские языки существуют и в настоящее время.

Мои исследования этого вопроса ведут к тому, чтобы рассмотреть восприятие созидающей Матери-Богини в качестве идеи поэта. Именно такой мы знаем ее с Древнего Востока, там мы встречаем первые следы этого восприятия. Это поэт, рожденный в среде, где

уже глубоко задумывались о происхождении и гибели мира. Я рассматриваю космологию, с которой связано восприятие, как поэтическую аллерию. Таким образом поэт попытался понятно выразить действие тех основных законов, которые управляют вселенной. Благодаря созидающему гению то поэтическое изложение событий, до которого дошли величайшие мыслители тех дней, стало убеждением современников. Это произошло, потому что оно, как и любая созидающая религиозная поэзия, выражало религиозный пыл общества, и при этом не было ограничено подробными доктринальными интерпретациями. И эта аллериическая космогония излагалась и трансформировалась вновь и вновь, в каждом цивилизованном обществе, при этом каждая поэтическая школа адаптировала частности для своей местной аудитории. Я думаю, что этот мой взгляд, хотя его не обязательно разделяют другие докладчики, в значительной мере подтверждается тем, о чем они рассказывали в рамках этого собрания Эранос. Он не противоречит психологическому учению профессора Юнга: за поэтами признается ведущая роль в придании идеям выразительности. Именно благодаря этому менее созидательная сила воображения могла помещать свои собственные бесформенные ощущения в уже подготовленное русло потока и таким образом отвести наводнение, воды которого иначе были бы потеряны в болотах и песках.

То, что мы на Западе называем «мифологией» — я подразумеваю великие классические мифы цивилизованных народов — и рассматриваем как рационализацию антропоморфного политеизма, это было, как я думаю, народной вульгаризацией таких поэтических аллериий. Хорошо известные черты олимпийских богов в пантеоне любого народа, вероятно, были заимствованы из символического облика, включая маски и эмблемы, которые использовались в национальных танцевальных драмах. Возможно, эти танцевальные баллады переводили аллериии на уровень драмы во время годовых празднеств, возникших из симпатически-магической церемонии, которую вели жрецы-короли в критические для земледелия и мореплавания периоды года на Крите. Сам по себе такой ритуал наверняка был чрезвычайно официальным; еще вероятнее то, что жречество организовывало эти танцевальные представления в своих местных штаб-квартирах, чтобы получить от собравшегося на праздник народа различные вещи, сокровища и средства обмена, необходимые для жрецов и их объединения в качестве частной собственности. Те танцевальные драмы

были аллегорическими, вероятно именно из них в процессе развития получились так называемые «мистерии» и «посвящения» в цивилизованных обществах, например, у греков. Но нам нельзя путать эти «мистерии», которые изначально были задуманы в качестве представлений, хотя и религиозного характера, с посвящениями возмужания примитивных обществ. При изучении описаний ритуалов посвящения, существующих еще и сегодня среди отсталых народов, с точки зрения этнолога, незамедлительно бросаются в глаза отличия, если сравнить их с отчетами, например, в «Кого сю» («Собрание упущенных прежде древних речений») начала 9-го столетия от Р.Х.) о различных «традициях» и «легендах» японской драмы творения. Также следует обратить особое внимание на описание «действия» и части диалога главных действующих лиц в строфах и противострофах².

Для населения эти представления были всего лишь развлекательными постановками. Естественно, народу подавались фигуры посвящения, которые представляли действующих лиц этих драматических эпосов; не в абстрактной форме, но в виде известных местных действующих лиц. Это были мужчины и мальчики, также переодетые женщинами или животными, например, птицами, рыбами, а также деревьями. Они пользовались масками, шкурами животных, зелеными ветками, цветочными гирляндами, перьями. Эти мнимые создания мира животных и растений — это всегда следует учитывать — зачастую должны были олицетворять силы и функции вселенной, для чего использовались характерные символы, звуки или жесты. Например, рыба могла символизировать безграничный, богатый рыбой океан, птица — благосклонное, дающее плодородие небо, рычащий лев или бык — могущественный гром небес. Они также подражали соответствующим действиям.

Но актеры также могли облачаться в образы монструозных созданий, это могли быть комбинации индивидуально типовых, различных или даже противоречивых сил и способностей, которые люди хотели бы видеть объединенными в одном сверхъестественном образе, чтобы намекнуть о божественной разносторонности. Как в детских стишках или шарадах. Все это приводило к стереотипизации удачных представлений, так что традиционные символы через некоторое время становились своего рода знаком качества для того, что изначально было поэтическими метафорами во вдохновенной аллегории. Доктор Юнг вероятно указал бы на то, что такие представления

были успешными в той степени, в которой они придавали символическую форму латентным и аморфным идеям, которые были общими у поэтов и народа, хотя нужен был гений поэта, чтобы идея нашла выражение в форме, отвечающей силе воображения народа. Здесь я хотела бы обратить внимание всего на одно такое фантастическое создание, которое во все эпохи было представителем неисчерпаемой и неразрушимой созидательной силы, — это Велика Рыба, змея или динозавр, из которых возник известный дракон (и L-T-N, Левиафан, о котором нам рассказал в своем докладе «Великая богиня Финикии» профессор Вироло), поднимающийся из вод или из первоисточника плодородия и бытия. А в категории символов я хотела бы указать всего на три: топор-молот (инструмент металлурга); музыкальный инструмент и стилизованная комбинация лингама и йони. Из них всех ни один не мог стать символом, пока человеческое общество не достигло ступени развития, когда начали обрабатывать металл, сочинять достойную упоминания музыку и достигло знания о том, что именно существо мужского пола обеспечивает зачатие (в отличие от просто любовной игры).

Из-за местного подчеркивания локальных версий таких аллегорий (тех, которые здесь описали мои коллеги и которые они рассматривали в качестве «мифов») должны были броситься в глаза и хорошо известные аномалии в отношениях между членами олимпийских семей. Как только выяснялось, что актеры (в ролях, которые население рассматривало как разные) в соперничающих постановках показывали по сути одного героя, хитроумные жрецы, которым хотелось славы своей местной постановки, объясняли аномалию своей простой публике тем, что группа актеров в постановке истории в соответствующем населенном пункте является вторым поколением группы, которую они видели в соперничающей постановке. Благодаря этому не возникали споры по поводу того, какая версия является правильной. Вследствие этого, пожалуй, возникли и большие генеалогические древа так называемых классических мифологий. По крайней мере это было разумное объяснение, но произвольное. И ни в коем случае это не был естественный процесс развития, аналогичный биологии Дарвина.

Мои результаты по танцевальным драмам и религиозным аллегориям были дополнительно усилены личными наблюдениями сакральных танцев на ежегодном храмовом празднике на острове Тикубусима, озеро Бива, Япония, где располагается святилище

Риобу-Синто, синкретического буддизма, а также тем, что я слышала от очевидцев о танцевальных представлениях лам в местности на границе между Китаем и Тибетом. Эти очевидцы показывали мне и соответствующие сделанные ими фотографии. Исследование древнейшего поэтического материала, так называемых «легенд» в более поздней прозаической литературе, а также остатков традиционных храмовых танцев и популярных «мистерий», и также одновременно эмблем и символов религиозной космологии в искусстве подтверждает эту гипотезу о постепенном процессе дегенерации увиденной поэтами аллегории до уровня популярного, бездуховного антропоморфизма, когда речь идет о космической Матери-Богине.

Мы, жители Западной Европы, последовавшие за древними греками и римлянами, перенявшими популярные «легенды» о «богах и богинях», на протяжении столетий путали результат этого процесса дегенерации с изначальными космическими аллегориями. Центральное место в этих фундаментальных аллегориях о космологии занимала идея о созидательной Матери-Богине. Но определенное смятение не только скрыло от нас изначальный символизм, но и его дальнейшее развитие следующими поколениями поэтов и мыслителей Востока. Это привело нас к тому, что мы начали смотреть на религиозную идею сверху вниз, а не поднимать свой взор к ней, как следовало бы поступать. Мы на Западе никогда не поднималось до уровня этой идеи, что касается провидческого взгляда на природу приводящих в движение вселенную сил и законов, ведь мы были даже еще более антропоцентрическими, чем древние греки. И действительно, наши точные науки сейчас лишь с неуверенностью доказывают существование космических сил и законов, существование которых первопроходцы Древнего Востока предугадали в результате проникательных наблюдений и чистой концентрации конструктивного мышления, хотя и выразили их только в образной форме.

Мыслителями, признанными интеллектуальными лидерами этих первопроходцев были поэты. Мы знаем об этом из письменных источников, а также из устных преданий. Их важнейшими науками были космогония и металлургия. Поэт, звездочет и кузнец вместе создали форму, которая послужила для отливки всей последующей цивилизации. Поэт вдохновлял правителя, жреца и народ. Он был их оракулом, он формировал пропетое, а позднее рассказанное и записанное слово в качестве соединительного звена, он был посредником между вечным

истокom созидającego познания, как люди его понимали, и светским, законодательным и административным авторитетом людей. А звездочет измерял движение небесных тел и рассчитывал времена года, подходящие для сельскохозяйственных работ и путешествий. Кузнец, то есть металлург, который умел получить из земли железо, плавить и ковать его, вооружал правителя мощной силой, которая, основываясь на техническом оснащении и оружии, сделала возможным организованное общество. Такое общество могло поработить своих менее организованных или менее агрессивных соседей, воспользовавшись торговлей или политическими шагами, если ему, например, больше не хватало собственных ресурсов. И таким образом мы обнаруживаем, что во всех древних восточных космологиях, центральная идея которых состоит в существовании созидающей Матери-Богини, эта богиня подразумевается не только в смысле биологической плодovitости, но также как мать божественного «слова» (иногда она сама понимается как «слово»); как хозяйка или владычица небесных тел; как мать небесного кузнеца (или она сама является кузнецом). Это в равной степени касается и космологии стран с населением, говорящим на кельтских языках. Читатели, которые знакомы с философией Юнга, могут с легкостью вспомнить многие символы, включая символ источника — то есть родника, из которого вытекает вода, — в которых подчеркивается эта двусторонность их созидающей силы. Все представление является не просто представлением поэта, но представлением поэта-провидца, высокоразвитого духа, тренированного в деле наблюдения за процессами, а также в упорном умозрительном и стремящемся к целостности мышлении, который рассматривал себя как переводчик истины и красоты вселенной, это был страж сказаний и часовой на сторожевой башне, который пытается приоткрыть темные покровы будущего.

Поэт древних времен действительно боролся за то, чтобы придать выражение как вселенной, так и создателю. Человечество было всего лишь частью этого, а он сам был всего лишь «гласом в пустыне». Поэт сегодняшнего времени старается выразить свое я как индивидуальность.

Великое открытие древневосточных мыслителей, которого придерживались образованные слои кельтских народов вплоть до времени Иоанна Скота³, заключалось в том, что вселенная представляла собой единое целое и всюду действовали одинаковые принципы и законы;

что это единство было существенно более синтетическим и многообразным, и что хотя целое всегда оставалось целым, оно непрерывно изменялось в форме своего проявления, следуя постоянному потоку и движению, двойственность и переменчивость которых описывают китайские символы «инь» и «янь», восходящие, как мне представляется, к шумерским понятиям «Ин» (или «Нин») и «Ан». Аморфный источник вселенной форм казался этим ранним наблюдателям и мыслителям вечным, но периодически переходящим в «жизненное целое», а затем снова вследствие распада и растворения возвращающимся в бесформенное состояние. Так возникла — в художественном видении поэта — прелестная Афродита из пенных волн Хаоса. В его представлении все живое гило, чтобы вернуться в землю и чтобы — согласно кошмарному видению поэта — быть разорванным на клочья кровавыми зубами Кали. Эта аллегория получила дальнейшее развитие, и Богиню изображали попирающей тело прекрасного спящего Шивы. В данном случае она является «каузальной», формулирующей или исполняющей силой, которая в надлежащее время соединится с Шива-Шакти и вследствие этого из бесформенного будут созданы новые формы, образующие целое. Эта идея символическим образом воспроизводилась как «танец» Шивы-Шакти и стала настолько популярной, что изображение «танца» очень часто встречается в нарисованном или вырезанном виде.

Поэтически это понятие было выражено в большой группе аллегорий, которые рисуют Инициатора Творения как божественного музыканта. Постоянно повторяющейся эмблемой действенной силы созидающей богини является музыкальный инструмент — это может быть барабан, флейта, трещотка, раковина или лира. Все эти инструменты можно было настраивать с помощью измерений, при чем объем, длина или вес (например, кишки) приравнивались к тональности или частоте. Это открытие приписывается Пифагору, но современная археология встречает доказательства его гораздо более раннего существования⁴. Человеческий голос (как рот или язык), который формулирует мысли, и молния, которая оповещает о громе (звук), выражали идею в метафорической поэзии⁵.

Это же представление было передано в «скорописи» символов такими символами как точка в круге или два равносторонние треугольники, поставленные вершинами друг к другу таким образом, что они образовали символ-«бабочку». Идея была показана в аллегории

божественного «слова» как направленная и полномочная сила созидатель богини — это могли быть корова, як или бык, разные птицы (голубь, ястреб, сокол, ворон, ибис, журавль, дикий гусь, дикая утка, дикий лебедь и т. д.) или хорошо нам известная антропоморфная фигура — «Таммуз», «Тот» или «Гермес» — в зависимости от конкретной страны. Язык как таковой, стих, воспринимался как творение, которое дало форму и содержание тому, что раньше существовало невысказанным. В народной легенде, которая несомненно происходит от религиозного балета, местным национальным эквивалентом «Гермеса» всегда был изобретатель букв, цифр, музыки, металлургии — синтез, который настолько приближался к философской идее формулирующего принципа в созидющем соединении, что возможным становилось ограниченное представление в форме танца.

Ничего из упомянутого не является примитивным, хотя оно старше, и не вторично по отношению к гораздо более широко известным стараниям греков рационализировать общее понятие созидания, которое поэты выразили в философском ключе. Также в Индии и в меньшей степени в Китае образность, в которую поэты облачали свою религиозную философию, ждала обычная судьба любого наглядного мышления, обязанного своим успехом поэтической силе. Она окаменела и стала доктриной в руках схоластических жрецов. Но именно это поэтическое представление в космической философии, центральной идеей которого является Мать-Богиня, является фундаментальным.

Тезис о том, что кельты Галлии, Великобритании и Ирландии были достаточно прогрессивными в культурном плане, чтобы интеллектуально понять такую религию-философию, может оказаться новым для психологов, которые зачастую вынуждены воспринимать историю на веру. Я же утверждаю это только об образованных слоях кельтов. Раньше — мы должны помнить об этом — пропасть между образованными и массой населения была гораздо глубже, чем сегодня. Кельтские массы, которые большей частью состояли из местного населения, но в экономическом и политическом отношении управлялись иммигрантами, понимали о божественных силах примерно столько же, что и массы в Греции и Италии — они представляли себе их в образе актеров храмовых представлений или культовых статуй, моделями для которых служили такие актеры. Они воспринимали космические драмы в большей или меньшей степени буквально, как дети воспринимают сказки. Я даже сомневаюсь в том, что примитивные

дикие народы имеют четкие представления о таких силах, за исключением того, что они узнают во время ритуалов и возрастных посвящений от своих жрецов и шаманов. Можно говорить, что обладающие особой фантазией кельты изобрели «фей», но местное население верило в существование этих созданий, проживающих в своем особом действительно существующем мире. В кельтских странах у нас нет прямой традиции драматических храмовых представлений, основывающихся на таких поэтических аллегориях, о которых я рассказывала. Но у нас есть свои «ряженные» и «переодетые» в Англии. Одной из их основных постановок является победа Святого Георгия над змеем, существует живая традиция церковных мистерий в Бретани, тексты которых сохранились с древних времен⁶. Есть у нас и народные танцы. Все религиозные танцы, существовавшие в наших кельтских странах, вероятно танцевал сам народ. Таким образом люди на своей новой родине сохраняли воспоминания о традиционных танцах, которые их предки танцевали в дальних странах, откуда они ушли в те времена, когда Греция была еще юной, а Рим принадлежал этрускам, и когда в регион Тичино, где проводится собрание Эранос, вторглась великая, конная, пользующаяся железом раса, имеющая много металлов. Воины этой расы пользовались огромными мечами и короткими железными скрамасаксами с односторонней заточкой; их находят в каменных гробницах, выполненных из необработанных каменных плит, закрытых диким камнем. Они были найдены и в песках Кибера, в Морбиане и в дюнах Сен-Урнеля в Финистере. Предметы обихода этих народов Джубиаско хранятся в краеведческом музее Цюриха. Переселение больших количеств племен, говорящих на кельтских языках, с европейских равнин на запад некогда принималось в истории на веру, затем над этим представлением смеялись, а сейчас оно кажется вполне правдоподобным. Современные политические события восстанавливают нашу веру в великое переселение народов в прошлом.

Сегодня мы знаем, что оба главных мотива таких движений являются следующими: 1. Политическое вмешательство в свободу угнетенного народа, так что он не может спокойно вести свою жизнь и следовать своей религии; 2. Истощение плодородной почвы, на которой они жили. Уничтожение лесов и вследствие этого засуха, которую некогда считали основной причиной уменьшения населения, являются следствиями постоянной оседлости, которая веда

к увеличению населения, интенсивному земледелию и хищническому использованию природных ресурсов. Мы должны изучать историю становления и упадка цивилизаций с этой новой точки зрения человеческой географии. Это неизбежно разрушит хронологически-типологический карточный домик, который построили старомодные академические праисторики из специально отобранных деталей своего рода конструктора. В свете этой направленной на запад тенденции переселения земледельческих народов в прадавние времена это новое объяснение происхождения народного танца в кельтских странах — хотя и не ортодоксальное — не кажется нелогичным. Старая теория представляет европейский народный танец как развитую и совершенную социальную постановку, произошедшую из примитивного ритуала дикарей. Конечно, в европейском народном танце может сохраняться и ритуальный элемент. Но переселившийся народ мог воспринять его от более древних местных жителей, которые начали заниматься земледелием под влиянием полностью развитого в этом отношении Востока. Этот цивилизованный Восток отправлял своих разведчиков-купцов, своих пастухов и охотников, даже спасающихся от мести, на неизвестные Север и Запад. И это происходило задолго до массового переселения кельтов.

Между тем у наших европейских народных танцев есть много черт, которые напоминают древние космические аллегории Востока, что совершенно не учитывает традиционный подход, сводящий все к примитивному ритуалу.

Недостающие соединительные звенья между кельтской аллгорией и кельтским народным танцем обнаруживаются в средневековой литературе Ирландии и в более позднем ответвлении от нее — средневековой литературе Уэльса, которая через Бретань оказала сильное влияние на норманнскую жесту (*Chanson de Geste*), чтобы затем, возвратившись в Британию, воспроизвести наши преисполненные фантазией кельтские аллегории, пришедшие с Востока, в ослабленной форме христианской рыцарской баллады. В Ирландии, где аллегории дошли и до более простого народа, драматическими второстепенными персонажами этих аллгорий стали — путем, на который я уже намекала — представители «маленького народца» или «народа холмов». Холмы в данном случае — это погребальные холмы или курганы. В фантазиях современного крестьянина они одеты как на иллюстрациях книг о феях времен Кейт Гринуэй.

Эта гэльская литература в значительной степени состоит из собрания преданий и историй в манускриптах⁷, разбавленных древними стихами, записанных средневековыми монахами. Эти монахи наивно верили в то, что все сообщенное было историческими фактами того же буквального и чудесного значения, что и, например, история творения в «Книге Бытия». Впрочем, переводчики на латынь и английский язык наверняка воспринимали это так же буквально. Многие из этих историй входили в число тех, которые должны были знать наизусть филиды⁸, то есть члены ордена поэтов, что видно из сохранившегося списка, который датируется шестым столетием от Р.Х.⁹ Хотя монахи-переписчики добавляли стихи в подходящих местах текста (вероятно по типу средневековых рассказчиков историй «шанахи», которые рассказывали свои истории на различных компанейских собраниях), как будто бы они были вдохновлены на это прозаическими рассказами, представляется, что именно прозаические истории были основаны на стихах. И именно стихи, вероятно, гораздо древнее длинных прозаических историй. Местная ирландская теория следовала вере христианских переписчиков, когда они рассматривали манускрипты так называемого «мифологического» цикла как исторический эпос¹⁰. За пару поколений до нас была модной пришедшая с континента теория: мол, истории «захватнических» циклов (то есть тех, которые я скорее причисляю к космологическим аллегориям, а не к «мифам») являются ирландскими версиями популярных «мифов», они относятся к тому периоду, когда гэльские группы еще не отделились от индоевропейского племени, от которого позднее отделились в том числе и говорящие на греческом языке племена¹¹. Немногие исследователи, которые хорошо знакомы с восточной религией, пришли к представлению о том, что так называемые мифологические истории содержали черты, исток которых скорее следовало бы искать в Индии, а не на Балканском полуострове, и в предшествующий нашей эре период или в период, сопоставимый с ее началом, а не в 8-м или 9-м столетии до Р.Х. Естественно, что дальнейшие исследования этого вопроса, которые неизбежно оживили бы старые споры на тему ортодоксального латинского христианства, а также кельтских и гностических «ересей»¹², были приторможены для предотвращения дальнейшего развития в двух главных центрах гэльских исследований: один под надзором римской церкви, а второй — под контролем англо-ирландского протестантизма. В Уэльсе современный ренессанс бардов

также направлялся духовенством, как из англиканской церкви, так и неконформистским. В Шотландии знание древних гэльских историй и гимнов большей частью ограничивается только кругом духовенства шотландской церкви.

Несмотря на то, что я была вынуждена обойтись переводами, критическое исследование этих ирландских стихов и историй, а также их сравнение с переводами гностической литературы (например, «Пистис София» и сообщений в «Философумене» (Философские мнения или обличение на все ереси)¹³) — с объяснениями в переводах тантрических текстов сэра Джона Вудроффа, — не оставляет никаких сомнений в том, что мы в важнейших из этих гэльских текстов (напр., тех, которые приводят захватнические истории и стихи), в которых имеется наивное воспроизведение ортодоксальными средневековыми монахами аллегорий, сохранившихся в устной форме в народе, и сочиненных ирландскими поэтами — провидцами или филидами, — имеем дело с сочинениями, датируемыми не позднее шестого, а вероятнее вторым или третьим столетиями от Р.Х. А также в том, что эти особенные аллегории содержат языческое космическое учение христиан, которые были тайными последователями гнозиса. Это учение приводится в замаскированной форме эпических приключений богов, богинь и ранних героев и поэтов племени, а также в форме «генеалогий» богов, богинь и поэтов-провидцев, маскировка которых настолько прозрачна, что любое другое общество могло понять, что к чему. Даже если это не ирландское общество, которое всегда было центрировано на генеалогических древах. Оно еще и сегодня остается таким. Обязанностью шанахи или семейного историка было рассказывать о предках вождя, который его содержал, петь песни героического содержания, славить мужественные и славные деяния этих предков. Именно поэтому крупные эпические сказания и генеалогии были удачным средством для распространения таких подрывных учений без привлечения к себе пристального внимания церкви.

Пробел в традиции, касающийся действительного происхождения этих историй, стихов и «генеалогий», можно объяснить фактом того, что они изначально не были предназначены для записи, а также тем, что средние века пережили реакцию и дикое преследование гностицизма в Европе, которое окончательно его уничтожило. Средние века видели и политические негативные влияния в Ирландии, вызванные норманно-английским завоеванием пограничной области (Дублина).

В те дни определенно более важную роль играла борьба, а не рассказывание историй, клирики и монахи стали естественными распорядителями собраний стихов и эпосов, историй и генеалогий, которые в свое время рассказывались при дворе и в замках каждого мелкого королька и вождя. Начало собраниям было положено еще в 11-м столетии и продолжалось это вплоть до 17-го столетия, зачастую при поддержке глав кланов. Вследствие реформации и бегства «диких гусей»¹⁴ многие из манускриптов попали в монастыри на континенте или в руки тех, кто охотно продавал их коллекционерам. В результате, к счастью, большое количество манускриптов попало в Бодлианскую библиотеку, Британский музей и библиотеки Ирландской королевской академии, а также в разные университеты. Многие из них еще не опубликованы.

Если указанным образом изучать публикации и переводы, несложно открыть вероятный источник «индийских» черт, которые я упомянула, потому что александрийский и эфесский гностицизм просто преисполнены ими. Система Симона (которая обыгрывается в некоторых из текстов, особенно в связи со смертью Иоанна Крестителя¹⁵) явно построена на индийской основе и может датироваться временем проповедования христианства апостолами Петром и Павлом. Но — по моему мнению — еще в дохристианские времена некоторые индийские черты историй были присущи натурфилософии ирландских филидов, функции которых в христианские времена, как они записаны в «Шенхус Мор», были фактически идентичными тем, которые приписывались галльским и британским «друидам» классическими и патриотичными писателями. Случайно в древнем стихотворном повествовании — процитированном в манускрипте 11-го столетия, в «Книге захвата Ирландии» — используется выражение «draoidecht» (адаптированный англоязычный вариант «druidry») в значении «наука друидов» в качестве эквивалента «filedecht» или «наука ордена поэтов-провидцев», так что мы можем сказать, что орден филидов или поэтов-провидцев с их тайным огамическим письмом (в качестве букв в нем использовались названия деревьев) в кельтской Ирландии с ранних времен рассматривался как наследник знаний и философии «друидов» или «предсказателей по деревьям»¹⁶.

Фольклор кельтских стран показывает, как в народе сохранилась традиция во внешней форме этого поэтического космического культа, центром которого была созидаящая Мать-Богиня. Триипостасная

богиня ирландской литературы Бадб, Маха и Морриган (или Ана), «Великая Госпожа Ворона» (то есть посланница), «Кипящая» (то есть источник) и Великая Владычица (или Высокая Мойра¹⁷) живет в ирландском фольклоре дольше Айнии в качестве Морриган и в качестве *Cailleach-Beartha*, то есть «старой женщины» или грубее «старой ведьмы¹⁸». Бригит Высокая была адаптирована церковью в качестве «Святой Бригитты» или «святейшей невесты Христовой», местом ее рождения был назначен Килдэр, место в сердце наиболее богатого ирландскими языческими сказаниями региона. Везде в Европе, где святые места были посвящены Бригит Высокой, церковь приписывала их не «Святой Бригитте», а просто «Пресвятой Деве».

Функции мужского светлого образа, Мила или Бриэна, были переданы Святому Михаилу — это не кто иной как «яркая звезда» или архангел более поздней семитской религии, второй стороной которого был Люцифер, Светоносный, Князь Тьмы, так что языческие обычаи, которые в кельтских странах связаны с ярмаркой Михаила, просто воспроизводят культ того же Светлого под новым именем! Бриэн (Бриан) и Бригит (Брида) по сути остались прежними, а имена вполне могут происходить от одного корня — Бриэн как мужская форма, а Брида — как женская, хотя в некоторых ирландских генеалогиях Бриду называют матерью Бриана. (В вавилонских литургиях шумерская Иннини или Нин-Анна, женский принцип Ан, иногда обращается к Таммузу как к супругу, но во всех литаниях на смерть и возрождение она является его матерью.) Всегда нужно помнить о том, что космические принципы и функции поэтически представляются в серии человеческих драм, при этом Великая Владычица показывалась в роли супруги или матери, в зависимости от космической стороны, которая должна была быть подчеркнута. В изначальном творении — женский принцип, в периодическом возрождении — мать умирающего и воскресающего сына¹⁹.

Сначала это воспринимается противоречивым. Ведь светлый принцип одновременно оказывается темным! Но если на минуту забыть о человеческих символах и подумать о космической драме, которую они представляют, это кажущееся противоречие исчезнет. Шумерский первопринцип Ан, Небо (ирландским эквивалентом является Дагда) как двухфазный инь-янь, активность-пассивность, свет-тьма, астрономически символизируется или представляется парой Солнце-Луна или день и ночь, оба глаза неба согласно прекрасному

поэтическому образу, который сохранился в египетской религии вплоть до христианских времен. Этот двухфазный ритм также является очень фундаментальной частью постоянного влияния акта созидания, как и дуальная природа самого созидającego воздействия, отсюда следует, что как персонифицированный мужской, так и персонифицированный женский принцип могут быть светлым или темным принципом, и что Солнце (Шамаш у вавилонян) не обязательно должно быть всегда мужского рода, а Луна (Син у вавилонян) — всегда женского. Арабское Син (ин-Харр-ан) может быть как мужского, так и женского рода²⁰. «Син» (шумерское «Нанна») является всего лишь другим аспектом высокого первопринципа (Ан), который также представляется как Иштар (Иннини), а Иштар иногда бывает мужского рода и нередко одновременно мужского и женского рода. Иногда она поэтически представляется как сестра, а иногда как дочь Син. Астрономически ее еще символизирует планета Венера (Ана-хид у персов, Анаит у греков, как показывает профессор Пжилуски²¹, Ана-хита в Авесте и Адити, Великая Мать или исток в Ведах), это также известный нам астрономический символ «рожденной из пены морской» Афродиты, прекрасной персонификации формы, возникающей из хаоса, причем речь идет именно о водах океана, как аморфного «истока» бытия, а не о речной воде из подземных источников.

В Ирландии изображение Солнца для космической силы света было убедительнее, чем свет ночного неба, а дарящее жизнь солнечное тепло представляло функцию космической созидающей силы мощнее, чем свет Луны или звезд. Хотя Бриан не был забыт как ночной свет (поэтому он приравнивается к Архангелу Михаилу²²), Бригитта-Бриан более популярны в народе как дневные свет и жара²³. Луг (Луд) — это другое имя Бриана, в других аллегориях литературы, где он представляет побеждающие ночь силы дня, это поэтический образ возрождения весны. Тема снова появляется в аллегорической истории о Мидире и игре в шахматы, в ней заметны следы представленной драмы. В цикле Луга место Бригитты занимает Этайн или Этан²⁴. Луг, сын Дагды, является одним из его трех сыновей, который выбил закрытый глаз у Балора (отца Дагды). Этот ужасного вида глаз излучал смертельные молнии, когда открывался, а второй обладал благотворным действием. Эта известная битва происходит в разных версиях в день праздника Самайн, первого ноября, это кельтское начало зимы.

В некоторых версиях особо подчеркивается схожий с Таммузом характер Луга в качестве создателя мира или Гермеса (божественного филида, музыканта и кузнеца). В одной молитве Ашшурна-сирпала к Иштар в Ниневии ее называют «дочь Син» (бога Луны), сестрой-близнецом Шамаша (Солнца)»²⁵.

В индийском мистицизме открытый и благотворный глаз Солнца является проявлением Брахмана, возвышенной первопричины в качестве деваты, сияющего огня, мирового глаза. В Гаятри-мантре адепт говорит — после произнесения слога А-У-М (Брахма, создающая сила, Вишну, поддерживающая сила, и Рудра, разрушающая сила): — «О, преклонимся перед истинным божественным солнцем, всевышним богом, освещающим всё, от кого всё исходит, к кому всё должно вернуться, кого мы призываем направлять наш разум в нашем продвижении к его святым стопам. А-У-М». (Четырехчленную цель можно резюмировать как проявление божественной и возвышенной самости и как следствие достижение надлежащего освобождения от нее.) Тибетолог Йохан Ван Манен писал в отзыве на *Shakti and Shakta, Essays and Addresses on the Shākta Tantrashāstra* сэра Джона Вудроффа в «Theosophist» за июль 1919 года: «Одна из загадок индийского мышления заключается в том, что его символизм является кинетическим, а не статичным, поэтому оно не поддается объективному формализму западного мышления. Поэтому бог в индуизме может быть другим, и еще другим, а затем снова другим — почти любой философский принцип является «аспектом» другого принципа, и он никогда не является четко очерченной, независимой вещью в себе». Для Манена «эти символы становятся психологической мифологией вместо космической». Давайте попытаемся улучшить это улучшение. Под «индийским мышлением» подразумевается «восточная образность», поэтому загадка перестает быть загадкой и ее можно применить также и к древним шумерским религиозным эпосам, гимнам и текстам. Не нужно забывать о том, что поэтическая образность в приведенной метафоре (или «аллегория») является признанным методом для умозаключений! Любое мышление в языке является переводом в наглядную форму идей осознанного духа в стремлении объяснить и разумно показать опыт, большая часть которого существует в бессознательном.

В древних гэльских преданиях и гимнах католических западных шотландских островов, собранных Кармихаэлем²⁶, Брида (Бригитта)

значительнее Мойры (то есть Девы Марии) и настолько сильнее, что возникает мысль об их изначальном языческом происхождении. Возможно, они были адаптированы для использования в христианстве, и сделали это гностики. Праздник Мойры отмечался 15 августа нового исчисления времени, то есть это была дата Лугнасад по старому исчислению времени в ирландской литературе, время собраний и праздников, которые проводились в период от двух недель до первого августа и до двух недель после в честь Луга и его приемной матери Тайльtiu. На этих праздниках принимались законы, проводились игры, а также поэтические и музыкальные соревнования. Современные игры Тайльtiu являются их возрождением.

На Гебридах Мойра Матар (Мать Мария или Великая Мать) во времена Кармихаэля почиталась в рамках церемоний, которые были вполне языческими. Среди других хорошо известных гностических светил Сет, Енох и Ноэ появляются в аллегорических генеалогиях богов, богинь и поэтов-провидцев одновременно в ирландской литературе; в эфиопских литургиях 15-го столетия²⁷ Мария, сияющая как белая жемчужина, спускается с небес с помощью Сета, Еноха, Кайнана (кузнеца?), Мафусаила и, среди прочих, Ноя, Авраама, Исаака, Иакова, Давида, Соломона и, наконец, Иоахима, супруга Ханны. При этом Мария идентифицируется как «Белая Птица» и к ней обращаются как к «Жемчужине Марии, Матери Света».

Там Ханна является одной из трех сестер — Марии, Софии и Ханны. Генеалогии Бриды или Бригит, сверкающих, возвращаются в ирландской литературе и в традиционных народных гимнах Гебрид, где ее действительно зовут «Святая Дева, Невеста, Сверкающее Золотое Пламя, Благодородная Приемная Мать Христа»²⁸. В эфиопских литургиях ее в приветствии Ханны называют «Сверкающая Жемчужина, из которой вышла Дева Мария, родившая Пламя» и о ней говорят: «Она родила благословенную Луну, которая родила Солнце... теперь то Солнце стало Девой Марией»²⁹.

На праздник Бриды, который по старому исчислению времени отмечается на Гебридах и на западном высокогорье 13 февраля, Брида в основном рассматривается как Дева. Во времена Кармихаэля там были записаны некоторые примечательные обычаи. Накануне праздника матери деревни устраивали кровать в форме овала для Бриды и туда укладывалась фигура из снопа пшеницы или ржи³⁰. Затем в кровать укладывалась очищенная от коры ветка березы. Вокруг

кровати по кругу сыпали золу из очага. Если утром в золе были видны следы ног, хозяева дома знали, что это Брида приходила ночью к своей кровати, и что в следующем году стада и поля будут богатыми. Днем змея Бриды символически растаптывалась. В дошедшем до нас гимне, который пели днем, эту змею называли «благородной королевой белых холмов, которая спустится с вершины горы³¹». С древнейших времен змея была символом созидающей богини на Востоке. Символом Иннини была змея, обвинявшая вокруг жезла, а одно из самых ранних имен Таммуз в литургиях было «Великая Мать Змей». Иннини в качестве Ис-ха-ра была Тиамат, драконом изначального хаоса, а в одном позже процитированном Лэнгдоном тексте Исхара упоминается как живущая в «Храме лона» в Вавилоне³².

В «Глоссарии Кормака» (на ирландском языке), датированном 900 годом от Р.Х., о «Бригит» написано следующее: Филида, дочь Дагды, Бригит, поэтесса или другими словами Бригит, Богиня, почитаемая филидами за мощную и известную защиту, которую она дает. Поэтому поэты называют ее «Богиней». Было три сестры под одним именем «Бригит»: кроме Бригит филиды существовала вторая Бригит, которая была врачевательницей, и третья Бригит, которая ковала железо. Все три были богинями, все три были дочерьми Дагды: у ирландцев именем богини Бригит обозначались все три.

В манускрипте десятого столетия, хранящемся в Британском музее, копия которого также имеется в Ирландской королевской академии, где приведен христианский вариант генеалогии Бригит, автор, поэт, называет себя сыном Мил-Скотах (*Mil-Scothach*), и он выводит предков Мил-Скотах через Луга, кельтского Гермеса, от «Руд-Роусса»: мастера великого знания, которого также называли богом Дагдой; и поэт делает этого «мастера великого знания» сыном «веры в Святого духа, Отца и Сына³³». Как оказывается, этот Мил «Блеск» (он также называется «Голамом») является всего лишь одним из прозваний Бриана, Сверкающего (чья мать Дана была богиней и изначально ее имя, вероятно, значило «источник»). Этот Бриан в аллегориях гибнет от молнии, которую бросает Луг (этот ирландский Луг отвечает британскому «Луду»). Доктор Кэте Мюллер-Лисовски сообщила мне, что Скотах значит «несущий, выносящий цветы». В аллегориях она является дочерью фараона и выходит замуж за Мил или Голама³⁴. В ирландской традиции существует известная мифическая могучая воительница и королева Скатах. У нее обучался

военному искусству известный герой Кухулин (и она была его возлюбленной). В ирландских преданиях она соотносится с островом Скай. В древнем стихе, который процитирован в «Книге захвата» (11-е столетие)³⁵, название ирландцев «скотты (скоты)» выводится от Скота или Скотах. (Это название было перенесено на их «колонию» Scotia Minor, сегодняшнюю Шотландию, которая раньше называлась «Альбионом». Это имя сегодня используется только для Англии.)

В «Диалоге двух докторов»³⁶ приведена аллегорическая генеалогия известного филида Неде (сына филида Адне, сына Утидера, верховного доктора Ирландии, который вернулся из Великобритании, где занимался исследованиями у Эхуида по прозвищу Лошадиная морда, чтобы потребовать высокую должность своего умершего отца. Он должен был оспорить требование своего соперника Ферсертне перед королем Ульстера Конхобаром). Если сравнить эту генеалогию с версией с христианским оттенком поэта Урарда МакКоиси, который сам себя называет сыном Мил-Скотах, видно, что христианская версия отождествляет великую герметическую богиню Бригит (Великую и ее супруга Бресса, то есть Прекрасного) с герметическим богом Лугом Илданахом (— Мастером всех искусств, мать которого Этэйн была дочерью Балора) и с триадическим сыном Бригит Брианом-Иухаром-Иухарбом с его сыном Экне (мудрость), внуком Эргнасом (знание), правнуком Рохондсом (великий суд), праправнуком Рофнисом (высокая ученость), прапраправнуком Имрадудсом (глубокое раздумье) и прапрапраправнуком Асмунтасом (высокое поучение) и отождествляет искусство его сына с «законодательными искусствами», с верховным олламом, с «хорошим вразумлением масс» и с «высоким именем».

Урард не объясняет свой титул «сын Мил-Скотах»; но я думаю, мы можем предположить, что «высокое имя» является ирландским эквивалентом тетраграммы имени бога, и что Мил и Скотах являются абстрактными обозначениями, которые скрывают абстракцию «день-ночь» или «свет-тьма», в более древних генеалогиях она была представлена как Бригит-Бресс. В манускриптах встречается разное написание. «Голам» зачастую пишется как «Голамх». Я полагаю, что «Скота», «Сгоута», «Сгота», «Скотаи» и «Скотах» (последнее имеет значение «несущий цветы») изначально было «Скатах» (от «Скат», то есть «тень, тьма»). Ирландский гностический христианин, гордящийся своим знанием особого языка поэтов-провидцев с

его огамическим письмом, возможно, искажил древнее языческое и космическое значение, чтобы оно отвечало техническим требованиям олама (доктора). В «Словаре ученого» (*Auraicept na n-Éces*) «скот» и «скат» употребляются как «слово», а «скотегна» как «словесная мудрость», в значении, которое таким образом объясняет красноречие³⁷. Голам, он же Мил, который женится на «Скоте», дочери фараона времен Потопа, в другой версии аллегории Мил становится Нелом, Нином или Ниулом, сыном Фейниуса Фарсайда («Древнего» в смысле «жившего давно», который, как утверждают, был изобретателем всех языков, включая огам), а «Скота» становится дочерью фараона Нектанеба, 32-го после Потопа. Между прочим, исследователи Каббалы должны отметить для себя, что у Голама и Скоты было восемь сыновей. С большой уверенностью можно сказать, что этот наполовину грамматический «Словарь» является тайной сокровищницей философско-религиозного учения. Приведу один пример: «В алфавите необходимо происхождение единицы, и изобретение двойки, расстановка с тройкой, подтверждение четверкой, слияние с пятеркой, расширение шестеркой, деление семеркой, правило восьмерки, доказательство девятки, установление десяткой. Единица вверху, а именно Фейниус Фарсайд; двойка — МакЭтеор с ним; тройка МакАингин; четверка — Цаэ; пятерка — Аимиргин, сын Наэнде, сын Ненуала; шестерка — Ферцертне; семерка — его ученик; восьмерка — Каэнфаэлад; девятка — его ученик; десятка — его установление в единицу, а именно, Трефокал³⁸». В процитированном О'Курри стихе³⁹ говорится:

«Это была Скатах из Буанаинн,
дочери Арт Гемме, из бритов,
Леты, которая обучала Кухулина воинскому искусству».

«Лета» согласно О'Курри символизирует Арморику и Италию. Поэтому если Скатах является абстракцией женского принципа в герметической генеалогии гальской мудрой поэзии, Скатах может показаться госпожой Луга «по всем искусствам» — воинским и друидическим. В некоторых интересных текстах, которые касаются Иоанна Крестителя и Мог Руит (опубликованы доктором Кэте Мюллер-Лисовски⁴⁰, а также в работе, отрывок из которой она мне прислала⁴¹, когда этот доклад уже был готов), Мог Руит (в одном месте Тигернах = господин,

мастер) учится у Скатах друидическому искусству. У Мога Руита, согласно сказаниям известного как главный друид Мунстера, была дочь Тлахтга, которая выходит замуж за триадического сына Симона Волхва и умирает при родах триадического сына. Она обладает тремя инструментами космического разрушения: колесом («колесо» в данном случае наверное можно приравнять к диску?), камнем (топором или болтом) и колонной (может байтилем?) — это все символы, и нужно отметить, языческого космического культа, как я описываю его в этом докладе. «Огни» Тлахтга кажутся идентичными с огнями Самайна (зимнего солнцеворота), сейчас это праздник Святого Мартина. А епископ «Мартин» сильно взаимосвязан с таинственным Марти или Папо-Силенусом, Марси, Марцином, Мардином или с Мерлином, в некоторых текстах его называют «Меллин», «Мелликус». Мог Руит — это убийца Иоанна Крестителя (праздник которого отмечается 29 августа, то есть огнем). В этих текстах у Иродиады было три супруга (или это был изначально один триадический?). Здесь нужно добавить, что исследования Леландом римско-этрусского фольклора дали ему материал для того, чтобы сравнить «Иродиаду» европейского фольклора с Арадией, богиней ведьм⁴². Исследователи гностицизма знают, что для гностиков Иоанн Креститель был «Элиасом» — хотя это и отрицается в Евангелии (в христианизированном виде он является Святым Элом, патроном кузнецов), одним из традиционных герметических посвященных⁴³.

Кажется, что в этих традиционных историях об известном друиде из Мунстера отражается кое-что из противоречия, которое царило между дохристианским герметическим учением, символизируемым данным Скатах указанием, и определенным христианским гнозисом, символизируемым Иоанном, предтечей Христа. Возможно, мы видим попытку продолжить с помощью аллегории древнюю традицию в хтонической Тлахтге (как принципе тьмы, смерти и зимы?) и Иродиаде, которая в руках монахов-переписчиков стала странной «мозаикой», как доктор Мюллер-Лисовски называет образ Мог Руит. Определенно ясно, что Элиас или Иоанн сохраняет свое место в кельтской традиции наряду с другими просветленными «мастерами», которые являются дохристианскими.

Кармихаэль приводит гэльское благословение на охоту, которое использовалось для посвящения молодого охотника перед его первой охотой. Там упоминаются «эльфийский лебедь» [*Eala Shith*] Бриде

со стаей птиц и «эльфийская утка [*Lacha shith*] Марии — Королевы мира». Это благословение призывает Иоанна Крестителя, Ариэля, Уриэля и Габриэля, а также другие почитаемые христианские образы⁴⁴.

Имеется много таких материалов, которые стоило бы изучить исследователям гнозиса. Имеются признаки того, что в кельтском населении в понятие созидающего «источника» входили не только развитие и рост материальной вселенной, но и божественное знание — поэтическое или творящее. То есть миропониманию кельтов был очень близок двойственный аспект универсального воздействия, когда он воспроизводил космическую аллегория или развивал космический символ. Для необразованных масс эти идеи были всего лишь фоном для их суеверий.

Это не только связь мегалитических памятников в фольклоре с древними созидающими богинями в Ирландии. Например, в Бретани беременные женщины тайно ходят к большим опрокинутым камням, которые находятся вблизи от руин дольменов, чтобы, как деликатно выражается Ле Рузик, «прижиматься к ним». Также полый камень считался «счастливым» в качестве символа созидающего женского принципа — йони. Приносящим счастье считался и любой фаллосоподобный камень (в качестве символа мужского созидающего принципа «Гермеса»). Итальянская волшебная формула, касающаяся «камня Дианы», начинается так: «Una pietra bucata l'ho trovato; ne ringrazio il destin, e lo spirito che su questa via mi ha partata, ch'è passa essere il mio bene, e la mia buona fortuna⁴⁵! Конический кельт, эмблема молнии и действительная форма для письменного символа «Тота», мог придать плодородность земле, так как в форме дождя действительно оказывал оплодотворяющее действие на животных или людей. Поэтому использование камня байтиля в тайном ритуале симпатической магии является совершенно логичным. Подобное использование мегалита являлось просто расширением идеи. Нужно понимать, что байтиль или конус имел это двойное значение в качестве воплощения оплодотворяющей силы и символа действенной силы «слова» или «Гермеса», потому что мистическое слово в равной мере символизировало молнию или гром (то есть действенный инструмент звука или грома), а также формулировало созидательное желание как для знаний или мудрости, так и для материального создания существ, и потому что трехсторонний конический камень с вершиной вверх был символом Гермеса или Тота. Это демонстрируется во второй части данного доклада.

В Бретани, а также на Нормандских островах (на которых когда-то жили армориканские галлы) руины мегалитических памятников традиционно связывают с ведьмовскими шабашами и оборотнями, а на Нормандских островах и в Ирландии — с «пука», «груагах» или «теус», духом, водяным быком или водяным конем, который подстраивает каверзы путешественникам. Его также вероятно можно идентифицировать с «дусии», «дусио» или инкубом, который, как Леланд слышал от крестьян в Южной Италии, дразнит девушек, иногда он является ночным кошмаром и часто вызывает похотливые желания. Но при этом Леланду говорили о том, что он «не плохой, а просто любит побезобразничать⁴⁶». Я думаю, мы в данном случае можем увидеть связь между многими различными драматическими представлениями этой активной, действенной силы (или «функции») латентной созидательной способности или незадействованной силы, символами которой являются классический «Гермес» (или «папосилен»), конический терм или фаллический столб, всадник или охотник, бык, смеющийся мальчик⁴⁷ или Марти. Я подозреваю, что с последним связан классический «Купидон». Эти формы проявления представляют то один, то другой аспект активного создателя или «слово».

Что касается шабашей ведьм, я думаю, что каждый, кто приложит усилия для изучения гримуара (вместе с доказательствами против женщин, которые были обвинены в том, что принимали участие в таких шабашах, изложенными в протоколах допросов ведьм), придет к выводу, что остатки древних драматических «мистерий», которые дошли до непосвященных — возможно во времена гонений на гностических тамплиеров — были приняты на веру такими же неуравновешенными и больными людьми, которые в наше время привлекаются магическими и медиумическими сеансами, служащими для выкачивания денег из этих глупцов со стороны людей, которые не верят в подобное, но также являются глупцами и хотят получить свою выгоду.

Если вы изучите указанные материалы, то согласитесь со мной и придете к выводу, что такие ночные собрания действительно имели место в уединенных и таинственных местах, например, поблизости от развалин дольменов (традиционное место проведения многих шабашей), причем мужчины были в масках и звериных шкурах (чтобы быть похожими на сатанинского козла — реликвию балетного танцовщика) и применяли определенное средство, чтобы

возбуждать и пугать женщин, вступать с ними в связь и посвящать их как ведьм и невест дьявола. Эти истерические женщины во власти таких мужчин, которых они сами считали Сатаной, выполняли вызывающие сожаление ритуалы и простым внушением добивались того, что соседи считали, что эти женщины могут их проклясть. Ведьмы получали от этого удовольствие и удовлетворение от того, что они имеют тайную силу над другими людьми, по отношению к которым у них было чувство неполноценности. Они верили в эти оккультные силы, но, как и все склонные к самовнушению, были достаточно умны, чтобы видеть, что эти силы действуют как по отношению к им самим, так и по отношению к другим. Что получал псевдодьявол от этого жестокого обмана? Наверняка хорошие деньги, которые ему жертвовали ведьмы. Ведь жертвы ведьм часто откупались от них. Несли им деньги, чтобы с них сняли проклятье. Я не могу разделить точку зрения о том, что такие шабаши в кельтских странах являются настоящими остатками языческих ритуалов, которые изначально проводились возле мегалитических памятников еще за тридцать столетий до Р.Х., как утверждает теософия. Но я считаю возможным, что в Италии сохранилась настоящая традиция языческих обычаев, которых придерживались в исторические времена и которые восходят к третьему и четвертому столетиям от Р.Х., и что итальянские ведьмы (и их ложные имитаторы в обществе) сохранили достойную презрения форму язычества даже если и не до наших дней, то до эпохи Леланда точно. Ведьминские гимны к Диане или Тане, которые он цитирует в «Арадии»⁴⁸, по-другому объяснить нельзя. Арадия — Иродиада в европейской легенде — была дочерью Дианы и ее брата Люцифера, «Бога Солнца и Луны, Бога Света (роскоши), который был так горд своей красотой и которого изгнали из рая из-за его гордыни» согласно манускрипту «Евангелие ведьм», который был приобретен в Съене, о чем Леланд сообщает в приложении, у собирательницы фольклора по имени Маддалена. (Он очень отличается от французского гримуара.) Леланд дает комментарий по этому поводу, который очень близок к нашей теме Матери-Богини, что «в ведьминском колдовстве женская сущность является изначальным принципом», и отмечает, что это Евангелие ведьм ценно, потому что показывает, что существовали странные мыслители, которые рассматривали творение как женское развитие или партеногенезис, из которого был рожден мужской принцип.

Люцифер или Свет находился во тьме Дианы, как жара скрыта во льду. Но обновителем или мессией этой странной доктрины является женщина, Арадия, хотя обоих, мать и дочь, путают, например, как Яхве и Элохим. И он выражает убеждение в том, что «в этих более поздних сообщениях имеется очень много ценных и интересных остатков старолатинской и этрусской народной культуры. Вероятно целые стихи, истории и призывы, которые взяты из древнего языка. Старая женщина повторяет целые главы слов и предложений, которые она не совсем понимает, но слышала их и выучила. Их следует проверить путем сравнения с другими историями и текстами... Я не оставляю надежды на то, что исследователи манускриптов какого-нибудь древнего еретика или мистика темных времен найдут параллели со многими местами в этом тексте⁴⁹». В данном случае действительно должно быть проведено исследование в рамках сравнительного религиоведения и психологии. Я сначала привлекла бы его внимание к «Зохар», а затем, во-вторых, к упомянутым выше ирландским текстам доктора Мюллер-Лисовски, в которых рассматриваются личности Иродиады и ее матери⁵⁰.

Критический обзор проведенных допросов ведьм и доказательств по делам обвиненных ведьм имеется в труде доктора Маргарет Мюррей⁵¹. Это исследование ограничивается культом «Дианы» в Великобритании, как говорит доктор Мюррей, и она начинает с гипотезы о том, что этот культ представляется «бывшей религией Западной Европы. Антропоморфный или териоморфный бог почитался в четко определенных ритуалах; организация была высокоразвитой; а ритуал аналогичен многим другим древним ритуалам». Она допускает, что «религия принадлежала расе, которая еще не достигла в своем развитии земледелия». Но она признает, что профессор Пирсон видит в главном образе культа Мать-Богиню, которая преимущественно почитается женщинами, и она сама указывает на то, что главный женский образ зачастую идентифицируется с королевой фей или эльфов.

В одной из собранных Леландом народных историй, которые рассказывают о Вергилии как о маге, «великий поэт и маг Вергилий» учит двух детей из обедневшей флорентийской семьи, как они должны молиться Диане, после того как маленькая девочка вернулась домой с цветами, которые ей подарили, и сказала ему: «Красивая женщина с луком должна получить несколько из них»! Это молитва:

Bella dea dell'arco!
Bella dea delle frecce!
Bella caccia e dei cani!
Tu vegli colle stelle,
Quando il sole va dormir
Tu colla luna in fronte
Cacci la notte meglio del dì.
Colle tue Ninfe al suono
Di trombe — Sei la regina
Dei cacciatori — regina della notte,
Tu che sei la cacciatrice
Più potenti di ogni,
Cacciator — ti prego
Pensa un poco a noi!

Заклинания в стихах есть и в «Евангелии». Они произносятся на собраниях ведьм, когда Диане посвящается священная трапеза из муки, соли, меда и воды в виде выпечки в форме лунного серпа, при чем «все садятся на вечернюю трапезу голыми, мужчины и женщины, и после завершения ужина они должны танцевать, петь, играть на музыкальных инструментах и потом во тьме, когда погашены все светильники, заниматься любовью; потому что это дух Дианы гасит их, и поэтому они танцуют и играют на музыкальных инструментах в ее честь»⁵². В одной из процитированных историй богиня приходит к некой девушке и говорит: «Если у тебя есть желание, следуй Евангелию Дианы, «Il Vangelo delle Streghe», как молятся Луне», и девушка идет одна ночью в поля, опускается на колени на камне в старых развалинах, молится Луне и выкрикивает «Diana, bella Diana» с обетом «sempre il Vangelo delle Streghe io asseriro»⁵³, если ее молитва будет принята.

Здесь, вероятно, видно единственное соединительное звено между шабашами и мегалитическими монументами — ощущение того, что молитвы к Матери-Богине лучше всего обращать в уединенных и таинственных местах, которые связаны с прошлым. Может даже быть так, что традиционное воспоминание о религии тех, чьими могилами являются эти памятники, не было забыто в Ирландии и Уэльсе как минимум до средних веков. А такие языческие ведьмы, которые изначально почитали эту богиню, поняли, что древние верили в тот же созидающий, обеспечивающий плодородие и дающий мудрость

принцип, который рассматривался церковью как враг, как нечто «злое» и вредное для организованного латинского христианства.

Прежде чем я перейду к вопросу о том, что действительно значит найденный в этих мегалитах культ и вырезанные на стенах и потолках мегалитов символы, я должна завершить первую часть объяснением следующего. Десять лет углубленного изучения убедили меня в том, что эти монументы северо-западной Европы не являются доисторическими. Они происходят вполне из исторических времен — мы уже давно поняли, что это касается и таких же символов, которые встречаются в Африке, Индии и на дальнем Востоке.

Я могла бы привести доказательства, но это займет слишком много места. Но вкратце следует сказать, что мои выводы направлены и против трех неприкосновенных подразделов исследований доисторических времен, которые выдуманы больше с целью классификации для управления музеями и имеют мало общего с тем, что я хотела бы назвать биологией человеческой истории.

Эти памятники являются смесью сделанных вручную и на гончарном круте изделий из глины, металла, включая нестойкие изделия из железа, камней очагов и полированных вотивных топоров, а также ожерелий-амулетов. Но ведь европейская «цивилизация» (так называемая «неолитическая») не существовала до вторжения первых волн переселенцев с востока. Именно они принесли с собой в Европу искусства гончарства, ткачества, земледелия и мореплавания. Только вместе с ними появились знания шлифовки камней, гончарного круга, металлургии, организованной торговли и организованной религии, а также в виде необходимого дополнения укреплений оседлых селений против захватчиков. Использование и распределение предметов роскоши, например, изделий из глины, выполненных на гончарном круте, или металлов и тягловых животных было вопросом экономической географии. Хотя медь обрабатывалась железными инструментами, а бронза железными молотами, бронза использовалась гораздо больше, чем железо, потому что готовые бронзовые слитки в форме полых топоров (так называемого «типа раннего бронзового века») и дальше использовалась для торговли, местные жители расплавляли ее и отливали в каменных формах (благодаря существенной добавке свинца), чтобы изготавливать инструменты и оружие (так называемый «тип

позднего бронзового века»). А изделия из железа умели изготавливать только пришлые металлурги, которые понимали, как добывать руду и получать металлы, а также знали практические процессы восстановления железа иковки. Естественно, прошло значительное время, пока такие кузнецы разошлись по всем новым завоеванным странам и устроили свои кузницы. Они не сразу были готовы поделиться своими тайными искусствами с местными жителями, потому что «черный» кузнец, как и поэт-историк, сначала был уважаемым служителем пришлого правителя племени или территории. Это был скорее изготовитель оружия и врачеватель животных, а не сельский кузнец. Сегодня кузнец больше автоматически не рассматривается как знатный человек. Новое ремесло широко распространилось, и те, кто им занимался, стали зажиточными. Но в фольклоре кузнец и дальше приравнивается к волшебнику, и это вполне соответствует факту того, что действенный фактор в созидании зачастую рассматривался как божественный кузнец, искусный мастер и металлург, изготовитель и мастер использования топора из рожденного небом металла (метеоритного железа), которое само было божественной молнией или «ударом грома». Сочетание умений и знаний делали изделия кузнеца «магическими» в глазах непосвященных.

Значительное время занял и процесс трансформации гончарства. Сначала этим занимались женщины дома, они лепили и, так сказать, «выпекали» посуду. И лишь значительно позднее этот домашний продукт был изгнан из жилищ бедных слоев населения изделиями гончарных мастерских, этим уже занимались мужчины.

А где не было руды, изготавливались имитации бронзовых инструментов из кремня: это было особенно распространено в Лохлине, то есть Скандинавии. В большом регионе для сельскохозяйственных орудий (мотыг) использовался диорит, кремень и даже сланец, а также обломки горных пород. (Большинство так называемых каменных «топоров» — это именно мотыги.) Плут стал нужен только для более масштабного земледелия, для более зажиточных поселенцев, которые могли нанимать работников и имели рабочих волов. Даже большой плут, чем кельтский, был введен в наше население северо-западной Европы германским элементом. Но это произошло только когда в долинах и на равнинах маленькие поля кельтов с разграничительными преградами между ними были заменены большими полями. Кельтские поля в древние времена появились как террасы на холмистой и гористой местности без лесов. Это начиналось в те времена, когда климат был более влажным по сравнению

с нашим. Ручьи и речки в холмистой местности давали больше влаги и трава была более сочной⁵⁴, она покрывала склоны плодородной почвой и делала возделывание зерновых на склонах (в смягченной мелом грунте) таким урожайным, что богатство кельтских народов вызывало зависть римлян. Топор не был нужен до тех пор, пока леса не начали вырубать на древесный уголь для нужд металлургических печей и промышленных гончарных мастерских. Кустарники, срезанные своего рода кинжалами, служили в качестве топлива для домашних нужд. Трава срезалась широким, похожим на серп, инструментом и заготавливалась на зиму в качестве корма для животных. Свиньи паслись в лесах. Там они питались желудями и плодами бука. Жилые строения в форме шатров с растительностью на крыше, изготовленные из камня или глины с плетеными конструкциями — в зависимости от доступного материала — на протяжении столетий сооружались на свободных юго-восточных склонах. Лодки очень долго изготавливались из выжженных стволов деревьев или шкур животных; лес просто выжигали. Дубовые дубравы и буковые леса долго сохраняли дополнительную ценность как источники корма для свиней, а не как источники древесины или место для будущих сельскохозяйственных полей. Даже для погребений не нужно было копать землю: использовались каменные курганы. Нужно помнить о том, что инструменты изобретаются только когда в них возникает нужда. А потребности более богатых и организованных пришельцев на протяжении длительного времени были более сложными, чем у местного населения. В общем достаточно часто забывают о том, что, например, молот был в основном инструментом металлурга, а для человека, который работал с деревом, он представлял пользу только в том случае, если у него под рукой были железные гвозди. Особый тип железного молота с прямой рабочей частью встречается еще и сегодня в долинах Тессина в Швейцарии. Вероятно, он использовался крестьянами уже в древние времена, чтобы подправлять выщербленные серпы. В национальном музее в Цюрихе представлены каменные топоры (названные «неолитическими»), это отличные копии галльских железных топоров, изготовленных в кузницах. Они воспроизводят даже характерное изогнутое ушко. Такие изготовленные из камня предметы были предназначены исключительно для даров богам⁵⁵. Обычай изготавливать каменные votивные дары с целью погребения, которые были копиями изделий из металла, очень хорошо известен по протоисторической Японии⁵⁶. В музее Lukis на Гернси, Нормандские острова, есть несколько красивых маленьких полированных votивных кирок, почти

точных репродукций железных кирок горнорабочих с короткой рукоятью, которые находили в доисторических галльских рудниках⁵⁷. Их также называют «неолитическими». В каждом европейском национальном музее имеются полированные каменные копии бронзовых топоров из Скандинавии, которые воспроизводят все подробности литейного процесса. Они увязываются с мегалитическими монументами и называются «неолитическими»⁵⁸. Такие предметы даже должны быть доказательством того, что места, где они были найдены, относятся к каменному веку.

Обычное раннее датирование мегалитических монументов основывается в основном на (таких) плохо обоснованных теоретических соображениях.

Эти мегалитические монументы в сочетании с культом Матери-Богини были, и это доказано, гробницами богачей и вождей народа. В архитектурном смысле они были компромиссом между открытой традицией степного погребения под земляным холмом в деревянном склепе и традицией мореплавателей, которая происходит из эпохи организованной религии и космической умозрительности Востока, где пещера или грот рассматривались как вход в землю, в лоно Великой Богини, к которой люди возвращаются после смерти. Поэтому считалось, что в этих местах можно было получить пророчества. В действительности они служили погребальными святилищами, но в определенных случаях были эквивалентом индийских ступ, где погребенные останки являются своего рода извинением для монумента, который таким образом служит для практических целей погребения. Древние традиции погребений в степи проявлялись в том, что усопший отправлялся в мир иной с предметами роскоши и в сопровождении людей, которые добровольно следовали за ним. Вероятно, менее добровольно следовали за ним его конь и собака. Если он был мореплавателем, вместе с ним погребали и его корабль. Похороны были очень дорогим делом и поводом для проявления чрезвычайного гостеприимства. Зажигали специальный костер и готовили на нем поминальную трапезу. Костер, вывод о котором делают некоторые исследователи на основании обнаружения пепла, не обязательно был связан с религиозной философией, которая с благоговением относилась к огню как к стихии. Сжигание трупов, если оно встречается в каком-то обществе, доказывает не только особую форму верований богатых слоев населения, но и социальные различия⁵⁹. Раскопки мегалитических памятников дали детальные доказательства, подтверждающие эти общие результаты. В большом, искусно выполненном кургане

Сен-Мишель в Карнаке, Бретань, был обнаружен — хотя исследована только половина его — своего рода входной короб, ведущий сквозь наружную часть земляного холма во внутреннюю центральную камеру и не меньше 15 так называемых каменных ящиков, расположенных вокруг центральной камеры, в которых содержались тщательно похороненные кости жвачных животных⁶⁰.

Ни один из этих мегалитических памятников в Бретани не дошел до наших дней в целости и сохранности, в этом я совершенно уверена после тщательной проверки отчетов о раскопках, а также многих из основных монументов. Грабители проникают в гробницы только если они ожидают найти там нечто ценное. Теория о том, что до прихода народа, который жил в контакте с восточной цивилизацией (а это наверняка можно сказать о кельтских племенах), в Галлию местное население имело достаточно золотых орнаментов и соответствующую организацию, которые могли бы служить доказательством сооружения этих сложных с технической точки зрения — ведь они только кажутся примитивными — монументов, а также их разграбления, никогда не была убедительной. Ле Рузик опубликовал изображения найденных в Морбиане раздавленных золотых изделий, которые указывают на ограбление⁶¹.

Результаты моих собственных исследований подтверждаются археологическими результатами двух важных раскопок мегалитических памятников, которыми я имела честь заниматься по поручению сэра Роберта Монда в 1931 и 1932 годах в инвентаризованных исторических монументах⁶², при чем в мое распоряжение было предоставлено достаточно времени, средств и рабочей силы. Мои результаты без сомнения относят эти монументы к периоду общениягаллов с эллинистической Грецией и имперским Римом. Мои сравнительные исследования религий, а также культовых объектов и каменных скульптур не оставляют у меня сомнений по поводу того, что ответственный за их сооружение культ был культом Матери-Богини и ее «инструментального» слова, именно так она в то время почиталась и на среднем Востоке. Она видела возникновение и развитие как языческого гностицизма, так и христианства, которые происходят из одного корня.

Очевидное доказательство этого тезиса дано во второй части данного доклада в Асконе, это 48 фотографий. Здесь доказательства менее полные, потому что приходится считаться с ограничениями объема, предоставленного в ежегоднике. Поэтому я могу порекомендовать моим уважаемым читателям обратиться к оригинальным документам.

II ЧАСТЬ

Я предпринимаю попытку на базе фактических культовых объектов и религиозных знаков и символов, скульптур, которые находят на скальных блоках, из которых сооружены мегалиты, доказать общий тезис о том, что Мать-Богиня кельтов является космической богиней древнего Востока; что культ этой созидающей богини и ее эффективного инструмента, мистического «слова», является ответственным за эти религиозные объекты и скульптуры; что этот культ продолжил существовать в христианскую эпоху под прикрытием гностического учения, которое эзотерически поддерживалось поэтами-провидцами, известными в Ирландии как филиды. Их орден был прямым наследником учения дохристианских «друидов».

Выбитые в камне мегалитических памятников символы были там еще до сооружения монументов. Они не служили для украшения, потому что декорированные таким образом плоскости частично вообще не были видны. Вероятно они выполнялись для посвящения и для защиты монумента и его содержимого.

Две пары женских грудей на двух вертикальных колоннах дольменов «крытая аллея» в Трессе (я имела счастье раскапывать один из них) были в маленькой нише или камере в северном конце, она была полностью отрезана от длинной узкой камеры, в которой располагалось само захоронение и которое образовывало собственно аллею⁶³. Натуралистичный рельеф, выполненный искусными мастерами с помощью молотов и металлических резцов, представляет пару полных материнских грудей и пару острых девичьих. Это мое открытие, совершенное в 1931 году, стало отправной точкой моих исследований на тему кельтской Богини-Матери⁶⁴.

Естественно, я сначала обратилась к Эфесу, чтобы найти объяснение. Я поняла, что содержимое гробницы в Трессе относится к первому и второму столетию от Р.Х. В моем отчете о раскопках⁶⁵

я опубликовала статуэтку второго столетия Дианы Эфесской, которая принадлежала спонсору моих исследований, сэру Роберту Монду. Для нее являются типичными сохранившиеся до наших дней большие статуи. Следует отметить, что ее миниатюрные дети, один ребенок мужского, а второй женского пола, по обе стороны ее торса цепляются не за похожие на гроздь винограда груди, покрывающие ее тело (которые — как показал наш коллега профессор Пикар в интересном докладе на этом собрании — были частью своего рода костюма, похожего на свитер, одетого на статуе), а за грушеобразные подвески ее ожерелья⁶⁶. Хогарт, который раскопал святыню Дианы для Британского музея, не обнаружил многогрудые фигуры среди многочисленных вотивных изображений богини, которые он раскопал⁶⁷. Две терракотовые статуэтки из Британского музея дают нам основание для возможного объяснения.

На рисунке I b показан маленький сомнительный предмет, символизм которого предельно ясен. Этот египетско-римский предмет, относящийся к периоду от третьего до первого столетия до Р.Х., указывает на принцип жизни, мужскую силу, плодovitость, рост — и вакханальное вдохновение: космическое двуполое божество, исток как физического мира, так и знания, которого достигло человечество. Я думаю, именно в птолемеевском и римском Египте развилась склонность — которая, вероятно, происходила из Вавилона и позже стала такой примечательной чертой гностического символизма — к тому, чтобы стараться комбинировать в едином синтезе как можно больше разных символов, представляющих одну идею. Разве не может быть так, что многогрудый образ, который гениальным образом стал народным, показывал созидающую Мать-Богиню в такой форме, что она — если следовать профессору Пикару — одновременно также напоминала стилизованную гроздь винограда?

Изначальный владелец терракоты второго столетия до Р.Х. (рис. Ia) утверждает, что статуэтка происходит из Эфеса. Британский музей не подтверждает этого, но и не отрицает. Груды на торсе этой фигуры напоминают гроздь винограда, а нижние члены фигуры, которые лишь обозначены, указывают на то, что гончар пытался создать своего рода «человеческую» гроздь винограда, которая растет из дерева. В данном случае символизм дерева и колонн переходит один в другой... Фон обозначен в виде так называемой фигуры *vesica piscis*, как в форме человеческой вагины, так и в форме капюшона

кобры. Это указывает на то, что кобра среди всех остальных змей в первую очередь рассматривалась как символ богини, именно потому что её капюшон напоминает врата в материнское лоно.

На терракоте (d) справа в верхнем ряду рис. I, имеющей сходные происхождение и датировку, гроздья винограда превратились в 12 звезд — древний символ божественности — или, еще вероятнее, в 12 колес с лотосом (стилизованное изображение цветка лотоса, четко очерченное колесо, которое также считается символом сияющего солнца, как это видно на рис. III, центральная фигура вверху). Группировка этих «розеток», если смотреть сверху вниз, — это четыре группы триад, которые могут иметь мистическое значение.

В случае с другой статуэткой из Британского музея типа «обнаженной богини», которая была найдена в гроте у Лапетоса на Кипре [(f) середина рис. I], космическая функция богини, дающая плодородие и поддерживающая жизнь, подчеркнута со всеми подробностями: стилизованные как листья волосы, ожерелье из висящих плодов, ястреб на груди, известный жест прижимания руки к груди «обнаженной вавилонской богини» и выступающий треугольник йони. По моему мнению, ее можно сравнить с Венерой из Кинипили, два старых печатных изображения которой у меня есть; на одном из них, это архитектурный чертеж 1844 года, статуя показана в анфас и в профиль, как она стоит и сегодня, на ней лобная повязка и не имеющая никакого значения стола, падающая вниз с середины груди, она достигает области половых органов. Второе изображение не датировано, на нем четко видны волосы до того как была выбита лобная повязка с фальшивой надписью, а также преувеличенная йони, достигающая пупка, которая затем умело была превращена в столу. Несмотря на значительные изменения статуя сохраняет типичную позу беременной женщины — плечи отведены назад, чтобы удерживать равновесие из-за дополнительного веса в районе живота; его интересная история наверняка свидетельствует о том, что фигура должна была воплощать беременную богиню.

Статуя в былые времена стояла в предгорьях Кастеннек, над рекой Блаве в Бретани. Это римско-галльская местность Сулим, вблизи от одного из поместий под названием Ла Куард, на полуострове Куард, в Бьези — отсюда пошло другое название статуи «Старая Куард». Место, где она по преданиям располагалась в период со второго по шестое столетие, позднее понадобилось для христианской часовни,

фундамент которой существует еще и поныне. В нескольких метрах от этих христианских развалин граф Авено де Ла Грансьер, старый бретонский археолог, раскопал красивый вотивный топорик из нефрита⁶⁸. Он также внес в протокол⁶⁹, что в нескольких метрах на северо-запад от поместья существовал яйцеподобный гранитный байтиль высотой один метр, который кажется вырубленным из цельной скалы. На его поверхности имелись совершенно грубые риски. Археологу они показались древними и он увидел в них человеческое лицо. Местные жители называли этот камень «мяч богини». Статуя богини была объектом пресловутого культа беременных женщин или женщин, желающих иметь ребенка, так что владелец поместья по желанию епископа Янне велел разбить ее и сбросить в реку — оттуда ее снова достали в 1664 году, с повреждениями на щеках, груди и других частях. Но несмотря на это — по словам французского манускрипта — *Histoire de St. Gildas et de l'Abbaye de St. Gildas de Ruis*, датированного 1668 годом, который хранится в Национальной библиотеке Франции⁷⁰, процитированного Мойном де ла Бордье в его *Histoire de Bretagne*⁷¹: «тем не менее, мы по-прежнему можем с легкостью увидеть, что речь действительно идет о фигуре Венеры Каллипига, как ее называли поэты».

И еще раз было дано распоряжение разрушить статую. Но работники графа Клода де Ланниона довольствовались тем, что отбили ей одну руку и одну грудь и затем бросили ее в реку. В 1696 году сын графа, Петер, велел достать ее из реки, потому что его тронули рассказы крестьян, поведавших ему, что причиненные богине поругания стали причиной плохих урожаев. В итоге ее расположили в Кинипили на территории замка на постаменте над украшенным источником. Для источника был использован четырехугольный каменный бассейн, приобретенный одновременно со статуей. Поговаривают, что он происходит с одного места с ней, даже если и не с одной эпохи. Однажды больше не выдающиеся части фигуры были обновлены, высечены заново, а на лобной повязке была нанесена надпись «Исида». Все это до такой степени изменило ее внешний вид, что М. Луи Марсиль, хранитель музея Янне, подозревает, что скульпторы уничтожили так почитаемую крестьянами статую и подсунули графу новую. Лично мне это кажется неправдоподобным, учитывая особенную осанку и смешную столу, а также из-за того, как именно показаны руки на груди и в низу живота. Кажется, что они просто были вырублены из уже выступавших ранее частей статуи⁷².

Такой реалистичный тип изображения плодородной Матери-Богини встречается в Бретани относительно редко, возможно потому, что большинство сохранившихся глиняных фигурок происходят из захоронений. Именно благодаря этому они легче сохранились по сравнению со статуэтками из храмов или алтарей. Эти типичные для захоронений дарственные изображения также известны по формам и фигурам, которые находят в развалинах гончарных мастерских на месте их изготовления. В развалинах гончарных мастерских также находят и другие типы изображений, которые общеизвестны как «Венера бесстыжая», вероятно, они были предназначены для домашних алтарей или для украшения.

Типы из гробниц — это в основном сидящая богиня в характерной позе (так называемая Леда или Лето, Латона и их дети) и рожденная из пены Афродита, все эти типы использовались одновременно, и существовал достаточный спрос для того, чтобы они изготавливались массово. Примеры характерных форм были обнаружены в нескольких погребальных камерах монументов в Морбиане, в частности во входном коридоре декорированной скульптурами камеры в Пети Монт в Арзоне (монумент G XXVI. 14-й фонд Морбиана).

Одно из самых распространенных из этих галльских изображений в связи с надгробными памятниками показывает богиню как голое существо женского пола, которое роняет из открытых рук Солнце, Луну и «звезды» (или лотосы?) или снопы зрелой пшеницы. Ожерелье является характерной чертой этого изображения. Пример этих галльских фигурок, которые происходят с места, где сейчас располагается Банк Англии в Лондоне (сейчас в Британском музее), приведен в процитированном выше отчете, рис. XXXI.

Прекрасная серия из Аллье и других мест опубликована в *Collection de Figurines en argile, œuvres premières de l'art gaulois*⁷³ Тудо, я выбрала три типовых предмета из этой коллекции: (e), (g), (h) см. рис. I, (g) делает жест прижимания к груди азиатской обнаженной богини. Кажется, что вторая рука также подчеркивает ее беременное состояние, заметное, но не преувеличенное; (e) — это отличный пример рожденной из пены Афродиты, и (h) — это сидящая фигура или тип Лето, на плетеном стуле, с близнецами у груди. На рис. II е следует обратить внимание на точки в кругах, на (g) на снопы пшеницы, а на (f) на ибиса или журавля, символ Тота в его аспекте созидательной эффективности, три из них связаны с

кельтским Тавросом и священным деревом, и значение при этом не меняется. За всеми этими символами мы видим одну и ту же космическую созидающую богиню, в прекрасной форме Афродиты, когда она восстает из бесформенного хаоса, как мать близнецов мужского и женского пола; как создателя вселенной; как дарительницу богатого урожая; как ту, кто придает форму всем вещам, воспринятым на уровне идеи. Так называемое «бесстыжее» изображение на самом деле не более непристойное, чем покрытое гроздьями винограда в форме груди, например, одежда Дианы Эфесской. Идея обоих образов удачно выражена в одном вавилонском гимне: «мать с верной грудью» (то есть никогда не отказывающей грудью).

На рис. II d, глиняной табличке из альбома Тудо, находящейся сейчас в музее Руана, мы снова видим детей, показанных на изображении многогрудой эфесской Дианы, которая вместе с Лето идентифицирована надписью, найденной Вудом в ходе раскопок для Британского музея⁷⁴.

Стилизация небесных тел вместе с цветком лотоса или «колесом», а также особое искусство подчеркивать руки богини, которое скопировано в том числе и в других менгирах-статуях, а также, очевидно, и в модифицированной статуе в Кинипили. Галльские фигуры Лето-Латоны сидящего типа также изображаются с детьми в пеленках (см., например, рис. 1h); иногда изображен лишь один ребенок. На этой пластинке они взрослые, и у нас снова возникает впечатление того, что в данном случае в одном культовом объекте стремились показать несколько символов, имеющих одно значение. Ведь если Аполлон и Диана в данном случае напоминают Адама и Еву, то жест и поза единственного ребенка вверх вызывает в памяти Гора, а также Христа. Эта странная пластинка кажется попыткой показать синтез любого возможного символизма созидающей космической богини, которая сама по себе воплощает двупольный принцип существования. Китайцы воспроизвели этот комплекс идей гораздо компактнее индусов и гностиков — это космический принцип инь-янь!

Менгир-статуя (b) непосредственно вверх — это хорошо известный камень из Сен-Сернен-сюр-Ранс в Авероне, сейчас он находится в музее Родеза. На тыльной стороне камня имеются канавки по типу определенных байтилей, обнаруженных в Западной Бретани. Я привожу пример на рис. VI (e) (с отломанным концом). Он сейчас находится на территории музея археологического общества

в Кимпере. Он сильно напоминает столпы Ашоки. Существенными признаками фигуры из Сен-Сернена являются женские груди, ожерелье, пояс или стола с бахромчатыми концами. На обоих камнях (а) и (с), которые я показала на иллюстрации рядом друг с другом и которые образуют колонны. В особенности в дольменах Бури в Белль Ай, Уаза, а также в крытой аллее в Обержанвиле, департамент Сена и Уаза, были изображены только груди и ожерелье. Представляется, что оба эти изображения вместе являются надлежащим символом Матери-Богини, как и обе пары грудей в Трессе или как менгир с грудями и рудиментарным ожерельем в Кастеле, Гернси (Нормандские острова) (иллюстрация 15 французского издания моего отчета о Трессе)⁷⁵. Средневековый мистик-тантрик рассматривал бы щедрые груди и символическое ожерелье как бинду и варнамалу или гирлянду букв. Это были древние символы космической религии, центральной идеей которой была Богиня-Мать. Сэр Джон Вудрофф, который произвел чрезвычайно результативные исследования тантрической религиозной философии, говорил об этих мистических буквах: «все звуки», «гирлянда букв», которую носит Божественная Мать, аспект которых в качестве ОМ или общего звука (саманья-спанда) является первым созидющим движением, являющимся истоком всех конкретных звуков и вещей⁷⁶». В тантрическом символизме этот звук представляется как космическая змея Кала (= время) и как кундалини, создатель пятидесяти букв, разделенных на девять групп или девять форм звука. Все, кто хотя бы поверхностно знаком с аллегориями гальской литературы, хорошо помнят о постоянном упоминании «девяти волн» и трехкратных триад богов и богинь, которые являются различными функциональными аспектами Великой Богини, напр., три Бригиты в глоссарии Кормака или три Бриана. А число девять было продолжительностью и окружностью круга желтого основного тона древней китайской музыки, практическое знание которого рассматривается как полностью утерянное уже в трудах второго столетия от Р.Х. Но в этих трудах объясняется, что из этой желтой ноты произошли «пять звуков»; а его «девять тонов», как утверждалось, равны «творению». Изначально и со всей вероятностью это была космическая «музыка», и ее продолжали представлять символически с помощью реальных инструментов, которые были настроены на традиционные соотношения между основными тонами. Мы знаем, что в большом храме Конфуция во время торжественной службы

великий колокол издавал звук, а на каждой из его четырех сторон были изображены груди или, возможно, почки лотоса группами по девять. Нам также известно, что пифагорейцы рассматривали цифры 4, 9, 8 и 27 как самые важные, это касалось и соотношений между этими цифрами, установленных экспериментальным и теоретическим путем. Как в индийской, так и в египетской религиозной философии звук или голос является истоком, а «слово» каузативно или вводит в действие, а также экспрессивно. Мы на западе привыкли рассматривать Логос как мужской принцип, но индийский принцип Вак является женским, а в эклектических гностических системах «слово» как София или мудрость также является женским.

Я нахожу достаточно много указаний в ирландской аллегорической литературе на существование этой гирлянды из 50 букв с различной символикой и с большим соответствием индийской модели, это также касается книги «Зохар». Но я думаю, что ранние каббалисты вероятно черпали свои знания из более древнего источника, который использовали также и индусы и вавилоняне, а не из Индии. Поэтому вполне может быть, что ожерелье нашей Матери-Богини в Европе, а также в Азии может иметь одинаковое мистическое значение. Аверон, который связан в особенности с этой формой байтиля богини с грудями и ожерельем, преисполнен мегалитических памятников. В некоторых аббат Церес, раскопавший множество из них, обнаружил железо, что указывает на позднюю дату их сооружения. Определенная неосведомленность в вопросах истории религиозных символов не является чем-то необычным среди историков, которые занимаются древними эпохами, и это привело к наивному предположению о том, что такие символы, которые являются лаконичными по форме своего выражения, следует рассматривать как примитивные. Как я указывала в статье *Stone Monuments, Primitive* в свежем выпуске *Encyclopaedia Britannica*, например, фаллические колонны совершенно не являются «примитивными», так как они предполагают знания в области физиологии об отцовстве, взаимодействии полов в деле рождения потомков, и таким образом доказывают продвинутую фазу человеческого религиозного мышления, когда у богов просили взаимодействия мужского принципа с плодородным. чтобы люди могли получить урожай на полях и в стадах. С этой точки зрения необработанный мегалит с грудями и ожерельем по всей вероятности скорее менее примитивный, чем реалистичная женская фигура с чрезмерно подчеркнутыми половыми

признаками. Также пояс с бахромой или столы, которые некоторые археологи ошибочно считали «ногами» изображения, не являются признаком того, что имеющие такие пояса менгиры-статуи являются примитивными. Рис. I i, небольшая вотивная фигурка из терракоты, находящаяся в Британском музее, происходящая из святилища Артемиды на Кипре (A 75, Case 4, Terracotta Room, Graeco-Roman Dept.), имеет тщательно обработанное ожерелье, а оба конца бахромчатой столы свисают под ее туникой или верхней одеждой. Во французском издании моего отчета по Трессе я привожу на рисунке 16 другую фигурку из того же святилища с бахромчатой столей вместе со статуэткой с Родоса, которую С. Рейнах показал на рисунке 256, том I в своем труде *Catalogue illustre du Musee des Antiquites nationales au château de Saint-Germain-en-Laye* — это богиня, которая несет голого ребенка, обе его руки касаются обеих ее грудей: ниже туники этой фигуры, которая соскользнула с правого плеча и таким образом обнажила груди и правую руку, свисают оба конца бахромчатого пояса или столы. Эта деталь одежды богини наверняка имела ритуальное или символическое значение. Имеются признаки пояса вокруг менгира в Кастеле, а также на больше известной «Великой Матери» Кирххофа из Сент-Мартина, Гернси (показана на рисунке 15 французского издания моего отчета по Трессе). В последнем случае на камне имеются блеклые следы бахромчатых концов свисающей ниже линии пояса столы. Воротник или накидка Великой Богини в действительности может быть ожерельем того же типа, что и у статуэтки с Кипра (отличная серия фотографий этого камня приведена в Kendrick's *The Archaeology of the Channel Islands*, Pl. III, камень из Кастеля показан на рис. V). Эти концы столы снова появляются на антропоморфных сланцевых дощечках из Испании и Португалии, многие археологи считают их схематическими изображениями богини.

Следует учесть, что статуэтка с Кипра играет на лире, то есть издает сформулированные звуки. Я уже указывала в части I на то, что образ играющей музыку богини в индийской так называемой «мифологии» символизирует в частности акт созидания. Ожерелье из букв, которое значит сформулированные звуки, и музыкальный инструмент в действительности являются двумя символами, каждый из которых указывает на одну и ту же космическую функцию, которая также могла быть выражена в образе беременной женщины или кормящей матери либо образе богини-бога, похожем на гроздь винограда или священного

древа. Жест галльской фигурки, создающей лотосы, точки в кругах или небесные тела, для чего она открывает руку и дает им упасть из нее, был другим способом показа этого же космического акта.

Я думаю, понятно, что для всех этих символических изображений в виде культовых статуй и фигурок были взяты за основу в первую очередь актеры религиозного балета, которые были соответствующим образом одеты и гримированы, в рамках драматических представлений показывали аллегории, первоначально созданные в эпической поэтической форме. Многие сложности интерпретации символических сцен древних изображений на камнях исчезают, если анализировать предметы и животных, а также представленные ими божества именно таким образом. Даже символические ритуалы до определенной степени принимают природу религиозной драмы, так как они требуют определенной «готовности». Так популярная в настоящее время теория о том, что «мифы» являются историями, которые происходят исключительно и только от таких ритуальных представлений, как я полагаю, должны уступить место озвученной мной гипотезе. Она заключается в том, что так называемые «мифы» являются историями, которые вместе со многими ритуальными представлениями, показываемыми изначально в форме религиозного балета, являются народными адаптациями таких балетов и аллегорий, на которых они основываются. А сами аллегории изначально декламировались как эпические стихотворные произведения поэтами-провидцами. Задача таких поэтов-провидцев заключалась в обучении космогонии и передаче наиболее таинственных законов вселенной, а также героических деяний королей и вождей в песенной форме, чтобы история группы или расы могла передаваться из поколения в поколение. Многие из их учения специально передавалось в такой форме, которую можно было легко запомнить, но при этом внутреннее значение оставалось скрытым от простого народа. Поющий поэт сам был создателем. «Жрец», вероятно, сначала выступал в роли своего рода организатора представления, его делом была традиция. Таким образом он неизбежно становился доктринальным переводчиком драматических ритуалов.

Как далеко нам нужно погрузиться в прошлое, чтобы сопоставить представления Матери-Богини в кельтских странах со стереотипами, изначально заимствованными на Древнем Востоке? При сравнении самих культовых объектов, а также памятников фольклора и ирландских манускриптов мы, как мне кажется, можем нащупать

непрерывный след, который в период третьего или четвертого века до или от Р.Х. ведет на Восток, это морской путь через Испанию, Балеарские острова, Сицилию, Мальту и северную Африку в Сирию, Индию и Месопотамию, а также наземный путь вдоль великих рек на Кавказ в древние страны, где действительно царила религия космической матери.

Сидящая галльская статуэтка (h) на рис. I из собрания Тудо из Аллье отличается сильным своего рода семейным сходством с целым рядом сидящих статуэток Средиземноморья периода от шестого до пятого столетия до Р.Х. Три статуэтки (i, j, k) на рис. I внизу находятся в Британском музее, они происходят из Джелы на Сицилии. Это место и время последователей Пифагора — задолго до того как была датирована первая многогрудая эфесская богиня. Самая совершенная из трех, в центре, имеет хорошо заметное ожерелье. У левой очевидно три ряда грудей, у правой серьги похожи на груди — или это в обоих случаях гроздь винограда? Эта серия действительно может быть примером развития подобной гроздьям винограда груди; многогрудые представления «свитера» высшей созидающей богини могли возникнуть в результате неумелого копирования ожерелья. Сидящая поза наверняка была скопирована с сидящей на троне статуи — но в Галлии из трона получился простой плетеный стул с подлокотниками.

Среди галльских статуэток Тудо опубликовал интересную маленькую фигурку, которую я воспроизвожу на рис. I с, это сидящая богиня из глины с шестью грудями. Он сообщает, что тогда — в 1860 году — она принадлежала М. Бодо из музея Дижона. Тудо приводит ее на странице, где показаны фигурки сомнительного происхождения, а также сомнительной подлинности⁷⁷. Но многие из них сегодня кажутся гностическими фигурками, что подтверждает их похожесть на изображения на гностических геммах, которые опубликовал Ц. В. Кинг⁷⁸ и о которых Тудо по-видимому ничего не знал. Богиня с шестью грудями держит лунный серп Исиды-Хатор в правой руке и священную змею в левой. Фигурка производит александрийское впечатление, потому что Макробиус считал александрийскую Исиду многогрудой, равно как и эфесскую богиню⁷⁹. Круглое основание этой статуэтки технически является чисто галльским керамическим изделием, хотя модель — по крайней мере в том виде, в котором она опубликована — не является чисто галльской по стилю, что не касается только ее позы и стула. Но эти черты имеются и на существенно

более древних сицилийских терракотовых фигурках внизу на странице. Очень вероятно, что три пары груди просто указывают на триадическую богиню. Маленькая фигурка может быть изделием галльского гончара для галльского клиента, попавшего под влияние египетского мистицизма, распространение которого поощрял в Галлии Адриан. Но кажется, что она может быть связана с многогрудой Диагной эфесской и многогрудым изображением в крытой аллее Трессе.

Впрочем мы не должны отвергать и следующую возможность. Шесть груди галльской фигурки Бодо могут быть переосмыслением эгейского изображения крылатого сфинкса. Кинг показывает одно такое изображение, вырезанное на гемме из зеленого халцедона⁸⁰. Нужно помнить о том, что сам сфинкс с его загадкой вероятно символизировал мистерию созидания как в непознаваемой и аморфной фазе, так и в фазе текущего становления с эволюцией бесконечно меняющихся форм, которые после смерти растворяются в небытии. Принятый ответ на загадку, который дали девять муз (согласно популярной греческой легенде⁸¹) предположительно входит в категорию вопросов и ответов по типу оракула, которые часто встречаются в галльской аллегорической литературе и начинаются со слов «Не тяжело...». Они скрывают за банальным ответом оккультные истины. Относящиеся к загадке вопрос и ответ без сомнения содержат мудрость философско-математического порядка. Кинг так сказал об этом в своем труде, который цитировался выше: «Примечательные свойства чисел возбуждали фантазию человека уже с момента изобретения арифметики как науки⁸²». Ролинсон говорит нам, что вавилоняне «присваивали каждому богу определенное число, которое может использоваться вместо его эмблемы и даже может стоять вместо его имени в надписях»⁸³. Кинг называет это явление «религиозной стенографией». Например, вавилонскому Ану (Ан)⁸⁴, эквиваленту Первого Принципа, соответствовало «60»; «господину» (Бей или Баал, каузативный или уполномочивающий бог, эквивалент Таммуз) — «50»; Милитте «с текущими грудями» (эквивалент Иштар) — «15»; Лун (Син) — «30» и так далее. (Следует учесть, что оба божества Луны имеют числа, которые отвечают растущей и убывающей Луне, что помогает понять, почему они иногда рассматриваются раздельно, а иногда как идентичные, иногда женского, а иногда мужского рода.) Но если подумать о том, что драматизированные и антропоморфизированные функции и аспекты космической эволюции — то есть «боги» и «богини» популярных религиозных балетных представлений — сами

являются символами, которые могут с гораздо большим эффектом использоваться в стихах, в образном и изобразительном искусствах и в храмовых представлениях, чем числа или знаки, — то мы можем предположить, что предпринимались настоящие усилия, чтобы доказать мистирию космоса научно с помощью закона чисел. И это происходило гораздо раньше традиционных дат жизни герметического учителя, которого древние греки называли Пифагором. Ямвлих действительно говорит о том, что Пифагор «усиленно занимался геометрией среди египтян»⁸⁵. Очевидно, это был предшественник ирландского создателя образа «Голама».

Имелась ли связь между шестигрудым сфинксом и шестигрудой галльской фигуркой Бодо или нет, Кинг действительно приводит псевдо-многогрудую «Диану», которую он идентифицирует как «Исиду», вырезанную на черной яшме⁸⁶. Головное украшение характерное для сирийской Матери-Богини и известное как «хатор», серп растущей Луны или рога коровы, они также напоминают капюшон кобры.

Змея, которую эта шестигрудая галльская фигура египетской Великой Матери держит в левой руке, сопоставима с созидательной богиней из Сирии, Египта и Индии, а двойные змеи известной критской статуэтки богини относятся, и об этом можно сказать с большой уверенностью, к широко распространенной серии космических символов змей, значение которых становится более ясным, если мы вспомним о петлевидных кобрах шиваизма и символической кундалини.

На конгрессе в Асконе я показала изображения двух золотых пластинок, обнаруженных во время раскопок в Минет-эл-Бейда в Сирии, которые я с любезного разрешения господина Клода Ф. А. Шеффера привела в англоязычном отчете по Трессе⁸⁷. На первой⁸⁸ стоит обнаженная богиня с согнутыми руками, в руках она держит длинные стебли, на верху которых очевидно находятся мужские и женские цветы пальмы, на голове у нее изогнутые вниз вокруг лица коровьи рога, вследствие этого кажется, что ее голову окружает капюшон кобры. Фигурка выбита на фоне барельефа в форме щита *vesica-piscis*, окруженного цветами лотоса, розетками или звездами. Вторая⁸⁹, похожая фигурка держит в руках вместо стеблей растений небольшие фигурки животных, а ее смотрящие влево стопы (как и у первой фигурки) покоятся на спине миниатюрного льва. Вместо длинных, покоящихся концами на почве стеблей первой пластинки эта держит по одной извивающейся змее с каждой

стороны. Круглые рога на голове в данном случае изображены как толстые косы парика. У обеих фигурок имеется ожерелье. На том же рисунке в моем отчете по Трессе я привела (показанную в Асконе) сделанную на месте фотографию бронзового изображения мумии, вокруг которой обвилась змея, как пассивный Шива в представлениях о Шиве и Шакти. Она была раскопана под трехсторонним алтарем, сооруженным на Яникулусе во времена Адриана и посвященным восточным богам храма, ее изображение я привела с любезного разрешения Французской школы в Риме⁹⁰. Треугольник является не только символом греческой Афины, эгейской Матери-Богини, космической созидающей богини пифагорейцев, он идентичен маха-йони, Великому Космическому Материнскому Лону в тантрическом символизме чакр мистического тела, по которым поднимается змея-кундалини в акте творения. Многочисленные подобные кулам фигурки, которые археологи в общем относили к неолиту и которые распространены по всей Европе, характеризуются тем, что женские половые органы показаны в форме выцарапанного треугольника. Математический символ (который также является образованной тремя тантрическими бинду фигурой) и природные линии женской фигуры похожи до такой степени, что почти неизбежным было принятие этой фигуры в качестве символа космического лона. Стоит вспомнить о том, что Адриан дал толчок к введению египетско-индийского религиозного мистицизма в Римской империи, включая Галлию, где он и так уже чувствовал себя как дома. Богатым последствиями заблуждением было предположение о том, что такой символизм был совершенно чуждым нововведением в Галлии, который относительно поздно принесли с собой римские завоеватели. Галлия еще задолго до римского завоевания имела торговые связи не только с Грецией, но и с Сирией и северной Африкой, что подтверждают находки молодой школы полевой археологии. Как всегда, римляне превратили в каналы существующие реки и сделали из существующих троп удобные крупные дороги, а также заимствовали уже имеющиеся формы искусства, философии и религии.

Это вложение из камня — оно было окружено яичной скорлупой (яйца связаны с символикой поднимающейся кундалини) — было завернуто как мумия или куколка бабочки. Кажется, что змея обвивается вокруг пять раз, и голова богини приподнимается из глубины этого своего рода воротника в форме капюшона кобры. Можно предположить, что этот символизм выражает идею бесконечного возрождения

из космического лона. Это такое же подтверждение веры, которое мы обнаруживаем на камнях с грудями в гробнице Трессе, только показанное другим образом и другими символами. Мать «с верной грудью» — это тот же космический источник силы для развития, тот же созидающий и разрушающий принцип, что и левиафан океана или змеиная сила кундалини.

Принятие змеи как символа созидающей богини на Востоке, пожалуй, произошло и от того, что змеи очень часто встречаются в священных источниках, бассейнах и пещерах — в них видели гения священного дающего жизнь источника в осязаемом образе.

Индия, где идея о кундалини, как я полагаю, разработана шире всего, богата нагами (священными змеями) и фольклором о них. На рис. III (а) я показываю пятиглавую кобру, как она изображена на рельефах известных буддийских ступ в Санчи, Центральная Индия; она соединена со Священным Древом, (d) почтительно украшена гирляндами, как семиглавая кобра. «Священное колесо» (или лотос или сияющее Солнце) также имеет почетную гирлянду на своей оси (b). Эти рельефы⁹¹ богаты религиозным символизмом, который был распространен в Индии в столетия непосредственно перед рождением Христа. Пятиглавая созидающая змея напоминала верующим ведические гимны, в которых Великая Мать Адити, Божественная Корова, як (это каузативное «слово») является истоком всего бытия, «пяти типов созданий». Семиглавая космическая змея символизирует другую категорию творения, но «пять типов созданий» остается популярным перечислением и снова проявляется в пяти источниках для крещения источника Гвиона, который ответвляется от бардовского источника познания в традиционную иерархию валлийских бардов, у которых пять источников связаны с девятью племенами или пнями.

Профессор Й. Пжилуски отождествил ведическую Адити с Анахитой из Авесты (символ: планета Венера), а также с персидской Ардви, которую он считает лидийской формой, а также истоком для этрусской Артумы и греческой Артемиды⁹² или «Дианы». Сама Диана, возможно, мне стоит это добавить, — это классическое латинское имя Артемиды, которое Леланд обнаружил в римско-этруских народных сказаниях в форме Тана, ее спутником был Меркурий, а братом-супругом Люцифер⁹³. (К слову: имеет ли Анахита какую-то связь с тантрической чакрой анахата, содержащей мистически соединенную одновременно мужскую и женскую утку или гуся Ханг-Са,

которая — это вселенная как Шива-Шакти[94]? Или с Анат из чрезвычайно интересного поэтического текста профессора Вироло, который недавно был открыт в Сирии и о котором профессор рассказал нам на этом собрании? Стоит вспомнить о том, что «ан» на санскрите — это корень, имеющий значение «быть», а в шумерском языке этот корень имеет значение «Первый Принцип». Ассириологам и санскритологам стоило бы поработать вместе, чтобы исследовать происхождение этого «ан» в обоих языках. Вполне может быть, что философские названия в обоих языках происходят еще из одного, более древнего, о котором нам еще ничего не известно, который мог быть записан еще не расшифрованными индо-шумерскими символами.) Пжилуски указывает на то, что Ардвиг — это Великий Источник или река, а также Великая Мать; что река Танаис также называется «Дон», и когда он сравнивает это с кельтским Дану-виусом, Дунаем, по лингвистическим причинам возникает предположение о том, что кельтские Дон или Дана (то есть гэльское «Великая Богиня-Бог», позднее Дагда, другие имена которого в зависимости от подчеркивания женского или мужского характера — это Бригит-Бриан) также может значить «Великая Река», мистический «источник» всего сущего. Полагаю, что символичность Даны ясна из ирландской аллегорической литературы. В Галлии у нас также есть бог-богиня «Борво-Борва», кипящий или пенящийся «источник», который встречается в названиях многих мест, в которых имеются горячие медицинские источники. Д'Арбуа де Жубэнвиль приводит хорошее доказательство идентификации древнего корня «borm» (отсюда Бормо-Бормана) — который он правильно или неправильно считает лигурийским — с кельтским «berv» или «borv», то есть «кипеть», в значении кипящего (или пенящегося) источника. В любом случае нет сомнений по поводу того, что бог-богиня Бормо-Дамона идентичны с Борво-Дамоней. С точки зрения этого специалиста по кельтским языкам корень «borm» значит журчание проточной воды. Он также указал на то, что *Sequana* (*Seine*) (Секуана (Сена)) состоит из корня «seiq» и суффикса «ана», женской формы от «ано», в значении «течь» (ср. санскритское прилагательное «секана-с» в значении текущий или кипящий). Он выводит Ротанос (*Rhotanos*), древнейшую форму Роны (*Rhone*) от «красный ход», от индоевропейского «get», «то, что движется, катится» как колесо повозки (санскритское «рата-с», колесница). Для подтверждения он приводит значение французского «cours», например, в «cours d'eau»

(также в английском: course = бежать или течь и «water-course», быстрый, в частности имеющий водопад ручей⁹⁵). Может и не стоит напоминать о «колесе» в качестве эмблемы, о Солнце, которое движется по небосклону. При этом колесо со спицами очень сильно напоминает небесное тело с его лучами. Как я уже отмечала, эта же фигура берется и как символ для лотоса, в смысле того, что цветок лотоса содержит «семя» бытия. (Ханг-Са также является второй половиной этого семени, как и в случае с Шива-Шакти.) Валлийская аллегорическая поэзия знает «источник Гвиона» как источник бытия и вдохновения бардов. Он кипит в котле созидающей богини Керидвен, висящем над зажженным девятью музами огнем. Это котел кельтского Великого Бога, Дагды — его сложно отличить от Даны, — хотя Дагда в аллегорических генеалогиях христианских времен выступает как отец Бриджет, а богиня играет роль герметического «слова». Из этого валлийского кратера или котла поток вытекает в пять источников для крещения, откуда появляются девять растущих ответвлений или бардов. Это указывает на гностическое или вероятно каббалистическое влияние. Валлийский фольклор хранит общий обзор аллегории в истории Керидвен, Старухи (жены Гвиона, который по одной из других версий истории является рыбаком). После того как Керидвен превратилась в курицу, она проглотила пшеничное зернышко, в которое превратился юноша, которому она поручила приглядывать за ее горшком и который, когда варево из горшка сбежало и обожгло ему палец, облизал палец, после чего немедленно обрел знания и мудрость видящего. Спасаящийся от ее гнева юноша прошел ряд превращений, но Керидвен также каждый раз превращается в нечто иное и догоняет его. «Старая ведьма» забеременела от этого «зернышка» и родила в надлежащее время поэта-видящего Тилиесина, которого также называют «Светлый образ». Этот бардовский псевдоним, намекающий на герметический характер ответственного за известную рапсодию⁹⁶ барда, может быть заимствован из каббалистических представлений, которые, в свою очередь, могли взять идею «отраженного изображения» с образа созидающего божества древней космической религии. В финикийской религии в символах имен пантеона это полностью разработанная идея⁹⁷ — особенно, что касается Татин пне Баал, Т-Н-Т, изображения или отражения Господина. Танит — это карфагенское название Астарты — Матери-Богини. Символ этой карфагенской богини, конус с прямоугольной фигурой на нем, состоит

из двух вертикальных прямых линий, которые внизу соединяются еще одной прямой линией, а под ними изображена точка в круге. Символика вполне понятна. Иногда обычные «рога» с каждой стороны несут голуби. Идея «отражения» разработана и в легенде о созидании из Японии. В так называемой «Хронике», которая была записана в седьмом и восьмом столетии от Р.Х., имеется такая легенда. Но в её ранних, фабульных частях это, по моему мнению, записанные воспоминания о вариативных версиях аллегорического религиозного балета, значение которого было утеряно в потоке буддизма, импортированного из Кореи и около 6 столетия овладевшего всей страной⁹⁸.

Идзанаги, мужской принцип, и Идзанами, женский принцип, торжественно соединяются на небесном мосту. По одной из версий она сгорает, когда порождает огонь; и когда ее супруг следует за ней в страну Ёми, где царил вечный мрак, он смотрит на нее, несмотря на ее просьбу, и видит истекающую гноем тварь, после этого он убегает в ужасе. Он совершает омовение в море и в процессе этого порождает девять богов. Он в ярости расшвыривает костер и порождает — по одной версии трех, по второй пятерых — богов и богинь. В их число входили Аматаэрасу, Богиня-Солнце, и ее брат Сусаноо, который однажды разозлился и загрязнил нечистотами ее дворец. Она носит ожерелье из 500 драгоценных камней. В разных версиях драгоценные камни или девятизубый меч являются «семенем», из которого рождаются триады и пятерки богов и богинь. (Имена и генеалогии могут дать интересные результаты для филологов и исследователей религий, которые знакомы с тантрическим и кельтским символизмом.) Эти «драгоценные камни» являются хорошо известными магатама, изогнутыми бусинами из драгоценного камня в виде запятой. Это знак японской Богини-Солнца, другими ее предметами являются меч и зеркало — как в знаменитом Исэ-Дзингу (Храме Исэ). Магатама и подвески из полированного камня часто встречаются в японских археологических коллекциях. По форме они похожи на фасолину, а иногда на эмбрион млекопитающего. Эпизод о Богине-Солнце, которая прячет свой свет в пещере и таким образом лишает землю солнечного света, хорошо известен. В одной из версий снаружи выставляются Священное Древо вместе с ожерельем из драгоценных камней и зеркалом с восемью ручками и произносится заклинание с названиями чисел от одного до десяти, при этом определенную роль играет барабан, но какую именно, четко не указано. Это заставляет богиню выглянуть, ее хватают и вытаскивают, а путь

назад в пещеру перекрывают. Зеркало отражает созидательную богиню. В тантрическом мистицизме (который сохранил древнюю космическую философию религии) Солнце, Луна и огонь являются техническими обозначениями, указывающими на три аспекта творения. При этом «Высшая Госпожа» рассматривается как чистое зеркало, которое говорит об опыте самости. Белая бинду (или семя), «Луна» (аспект Шивы высшего Ахам или «Я») и красная бинду, «огонь» (аспект шакти высшего «Я») соединены как двойное семя Ханг-Са, божественные супруг и супруга, а их соединение дает «смешанную» бинду, «Солнце». «Солнце» в свою очередь — это комбинация «Луны» и «огня», а их соединение является причиной возникновения Вак, «слова» и значения слова, Арта. Три бинду (изображаются как круги или точки в кругах) являются лицом (Солнце) и двумя грудями (Луна и огонь) созидательной богини⁹⁹.

Почти невозможно не увидеть в любой известной мне восточной космической системе символы, которые выведены из этой центральной идеи истока бытия. Это свет, который излучает Солнце (и одновременно приобретшие форму звуки или «слова», исходящие из бесформенного и потенциального звука) или поток воды, который течет из истока, чтобы затем снова быть поглощенным первоисточником — океаном; бытие, которое проявляется, отражается или формулируется вследствие созидательного или каузального деяния, и которое с течением времени растворяется, чтобы вернуться в резервуар непроявленной, но потенциально возникающей формы, или мистическое семя, которое умирает, чтобы снова прорасти из земли. Во всех этих поэтических, космических системах Востока океан и пещеры сравниваются с Великом Лоном и входом в него, из него получается символ силы созидания в форме великой змеи или ящера — из него, естественно, получился «дракон», которого позднее связали со злом, потому что он принимал участие в иллюзии, в аспекте лилы или майи формы; это удовольствие от формы представляется как искушение для человечества. Человечество хочет быть праздным и боится возвращаться к «истоку» своего бытия, если человек, «мыслитель» (из законов Ману) поддается искушению привлекательности формы (игра лила и искушение Лилиту). Числовая, связанная с параболой символика, следует из внутренних качеств чисел, которые уже в древности были поняты как лежащие в основе всех вещей, а также типичные для музыки, олицетворяющие могущественные и гармоничные силы звука.

Прошу прощения, если кажется, что я отклоняюсь от темы. Но это неизбежно, если я хочу сконструировать синтез, который должен учесть остатки восточной космической философии в культурах, символах и народных традициях кельтских стран. Я должна подчеркнуть существенное единство космического значения, которое скрывается за кажущимся отличием символов, например «водный поток, течение воды» (течение из естественного источника или из резервуара с водой, в который вода искусственно направляется из источника); — французские и английские слова «fount», «fontaine», «font» в точности сохраняют образ естественного и искусственного «источника» («source»), который сам является словом, используемым в обоих языках в двойном значении «источника» (воды) («spring») и истока («origin») — треугольник; материнское лоно; океан; пещера; полый камень; посев; плод или дерево с плодами; грудь; барабан; лира или флейта; удар грома и его видимая демонстрация — молния; колонна конической формы, фаллическая колонна и необработанная колонна или ствол дерева; топор или молот; сияющее небесное тело; колесо со спицами и «розетка»; бык или корова; сноп пшеницы; лунный серп или «рога»; гроздь винограда; морское чудище, осьминог или рыба; змея, и, если мы перейдем к письменным символам — точка в круге, двойные или тройные «запятые», простая или двойная спираль, зигзаг или символ «текущей воды», а также удвоенный круг с соединяющей его части перегородкой, проткнутой Z-м цветочным копьем. Я должна обратиться к их восточному происхождению и их ставшему обычным использованию.

Если вернуться к рисунку III и символу стилизованного Священного Древа на рельефе из Санчи (d) и на диске на поручнях ограды ступы в Амаравати, в президентском дворце в Мадрасе (датируется первым столетием до Р.Х.) на (e) (также упомянуто в уже цитированном труде Фергюсона), они похожи (g) и (j) на символ на фотографиях, которые я сделала в сводчатой мегалитической гробнице с коридором в Иль Лонж, там он несколько раз встречается на камнях (Monument H. XXIX. 23, фонды Морбиана).

Во время моего пребывания в 1926 году в Карнаке я присутствовала при случайном открытии показанного на (j) объекта. В нормальной обстановке поверхность камня со скульптурой находится над нами, если стоять в коридоре, ведущем в камеру. Открытие можно было сделать только при искусственном освещении. Тени, которые

возникают при падении луча света сбоку или при искусственном освещении, позволяют заметить отчасти почти полностью стершиеся рисунки на выветрившемся граните. Очень вероятно, что изначально эти рисунки были окрашены красным или черным пигментом, как в японских и некоторых испанских мегалитических гробницах и на рисунках на стенах пещер, (j) видно как рисунок только если пригнуться, в другом положении это место никак не увидеть. Я повторяю, что эти символы на камнях изначально не были предназначены для того, чтобы их видели, это не была своего рода декорация. Они должны были освящать строение, на части которого были нанесены.

Вверху, на (с), можно видеть священный байтиль или лингу, которую обвивают две соединившиеся трехглавые кобры, вырезанные на колонне центрального строения в ступе в Амаравати, и внизу священное дерево, и под ним стопы Вишну. На другом не воспроизведенном изображении шесть диких гусей несут сорванные с дерева листья, а еще на одном изображении байтиля со стопами Вишну под священным сиденьем имеется скамейка для ног, которую несут антилопы. Лебеди (или утки) и антилопы — это хорошо известные связанные символы — символы материнского принципа созидającego божества. На (е) показана комбинация колонн лучеобразной формы и дерева. Чтобы понять значение символа на армориканских камнях, который я назвала лучевым конусом или огненным байтилем, нам нужно обратиться к символам, показанным на (f), (h), (i) и (k), которые встречаются на раскопанных в Мохенджо-Даро в долине Инда¹⁰⁰ печатях. Они близки к огненным шивалинга более позднего тантрического символизма — (линга в треугольнике, от одной из чакр) — и иллюстрируют быкоголовый аспект Шивы как создателя, (h) — это увеличенное изображение рогатой головы фигуры Шивы на некоторых из печатей.

Сэр Артур Эванс опубликовал в своей работе *Mycenaean Tree and Pillar Cult* некоторые кипрско-микенские огненные символы колонн¹⁰¹, которые он сравнивает с египетским уреем, изображением кобры на царском уборе фараонов. Дуалистичный урей Иштар, который указывает на идею сияющего света божественной силы, обозначенный байтилем, был известен в связи с созидающей богиней в Вавилоне, а также в Египте, в доарийской северо-западной Индии и на Кипре. Египетские тексты действительно говорят о том, что Тот, Золотой Юноша, который появился из лотоса, жил на таинственном

острове в океане, «острове пламени» и был излучен — это эзотерическое выражение, которое могло бы указывать на «излученный» байтиль¹⁰². Бык символизирует во всех восточных системах зачатие материальной вселенной, это эмблема мужественности или передача при акте создания формы. Эти печати являются ранее неизвестным соединительным звеном между символом лучевой колонны на камнях Иль Лонж и рогатым божеством римско-галльского алтаря в Реймсе, а также Тарвосом, быком с алтаря в Соборе Парижской Богоматери, там он идентифицируется со Священным Древом, листья которого срывает триада журавлей. Эти алтари, рисунки которых были показаны в Асконе, приведены в *Bertrand: La Religion des Gaulois*¹⁰³.

Это рогатое божество снова появляется как часть оформления известного серебряного котла из Гундеструпа в Ютландии, с даты публикации которого Софусом Мюлером прошло почти 40 лет¹⁰⁴. Он датируется периодом до начала нашей эры. Примечательны правая пятка бога в позиции йоговской медитации и антилопа созидающей богини справа от него. Змею с головой кобры, которая свивается и поднимается к его голове, как это делает кундалини в тантре, он держит в левой руке. Положение бульдога в левом углу напоминает бульдогов на некоторых печатях из Моженджо-Даро, на которых также имеются нерасшифрованные надписи. Антилопа и бульдог также держат сиденье рогатого бога на алтаре из Реймса, тут его сопровождают Гермес и музыкант. Триадаический Гермес с больницы в Париже, из музея Карнавале и с трехголового алтаря из Реймса (рис. VIII [e]), а также с целого ряда других алтарей, относится к этой серии восточных космических божеств и напоминает одновременно триадаического Бриана и триадаическую Бригит или богиню Дану из ирландских аллегорических стихов и рассказов, где — как я уже указывала — Бригит-Бриан приравниваются в Гермесу и Тоту. Возможно, нашему рассмотрению символа бульдога и указаниям в первой части на 72 мистических языка в ирландской аллегории о завоеваниях, собранным Фениусом Фарсайдом, известным благодаря «башне Нимрода», будет соответствовать мое упоминание о том, что для индийского ведического языка иногда предъявляется требование признать его стандартным языком. Это, мол, «вечная система естественных имен, все стальные являются лишь ее вариациями», например, слово «гаух», то есть «на протяжении вечности» является стандартной формой для «коровы»¹⁰⁵. Хотя ортодоксы понимают это буквально,

я подозреваю о существовании изначального мистического обозначения, вследствие которого наименование вещей — функция «вак» коровы как «слова» — могло соответствовать измеряемой вибрации звука, и то, что создатель является рогатым или имеет голову быка, соединяло космическое значение с этой герметической или формирующей слово функцией. Сарасвати, дочь Ваджры (молнии), она играет на вине, и действительно является «матерью вед», как Вак. Ее имя значит «река» или «движение» (сарас), и она родилась на мистической птице Ханг-Са, это слово имеет еще одно значение кроме указанного выше, а именно «дыхание, выдох и вдох». То есть «слово» ритмично движется между отливом и приливом, между проявлением и возвратом вглубь¹⁰⁶.

На рис. IV я воспроизвела несколько рисунков из работы Ривет-Карнак о змеином символизме¹⁰⁷. На них показаны (а) Нага или Священная Змея, обвившаяся вокруг Махадео или верховного бога в форме байтиль линга, в святилище в дворце радж Нгруппа в Бенаресе на Ганге; (b) пятиглавая кобра вокруг похожего на глобус каменного байтиля в древнем храме в Нагпуре; и (с) обратная сторона металлического святилища, в котором колонна имеет форму Священного Древа, а кобра имеет семь голов. Может (а) — это символический исток кельтского петлевидного орнамента, который мы видим в полностью стилизованной форме на ранних христианских кельтских изображениях? На (l), (m), (o), (n), (r) и (q) (репродукции из *Crawfords Handbook* с дружеского разрешения Королевского общества антикваров Ирландии) можно изучить реконструированные узоры на выпуклости панели на южном кресте в Клонмакнойсе (рис. XXVI, 20 а, цит. работа); на панели креста Беалин (№ 79); на панели на северном кресте, Дулик (№ 80); на панели на рыночном кресте, Кейлс (№ 81); на северном кресте, Дулик (№ 82 и 84); на кресте в Мардох, Монастербойс (№ 83) — все с рис. XXXII процитированной выше работы. На последнем изображении тройные извивы петлевидных змей включают три человеческие головы, возможно это христианское отражение кельтского трехглавого Гермеса на римско-галльских алтарях, которое я приравниваю к триадическому Бриану из литературы¹⁰⁸.

На этом же рисунке (f) изображена древняя каменная плита, которая вделана в стену спуска к священному источнику нага, и (g) соседняя плита. На них изображены змеи жезла Гермеса, который

является каузативным и созидающим «словом», символом, который показывает две змеи, «обвившихся вокруг березового жезла», при этом запутавшиеся узлом змеи взяты из Египта, а березовый жезл имеет более скрытое значение. Молоко или сок березового молока («сула», согласно Меёе родственное санскритскому «суноти», значит: принуждать давлением к течению) в древние времена использовалось на севере для изготовления опьяняющих напитков. Возможно, это способность березового сока вызывать вдохновение была причиной того, что береза считалась священной и была использована для жезла Гермеса. Поэтому и ее название было выбрано для наименования первой буквы огамической письменности бардов «б», в одном огамическом трактате¹⁰⁹ сказано «семь «б» на березовом пруте». Возможно, отсюда происходит и название палки от метлы ведьмы в народных поверьях, этот вопрос должны решить филологи, (k) — это Махадео в нише на ступенях, которые ведут к тому же источнику. Обвивающая байтиль кобра в центре махайони, пожалуй, имеет такое же символическое значение, что и соединенные змеи на описанном выше изображении. Очевидно, Ривет-Карнак думал, что кобра являлась символом линги. Естественно, она действительно символизирует латентную созидательную силу, кала в качестве кундалини, которая в виде спирали раскрывается в ходе акта творения и выходит из врат махайони, когда этот резервуар латентного и невыразимого бытия (или «звука») приводится в действие в результате вхождения янь или мужского принципа, который — на тантрическом языке — «пробуждает его ото сна», что символически представлено лингой. Здесь мы видим эквивалент индийского геометрического символа точки в круге, который представляет «точку» или начало воспринимающего бытия, семя бинду до его пробуждения, окруженное вечным небытием. Для простого человека в Индии этот символ просто показывает махадео в махайони. Для него это просто физическое значение. Возможно, именно это видел в указанном символе и непосвященный кельт. Тантрическое объяснение символа состоит в том, что точка прочности, Ану, неисчерпаемо могущественна в спиральной форме при движении вверх и обвивании шива-бинду; вследствие этого точка в круге идентична махадео и махайони¹¹⁰.

Если мы обратимся к рисунку V, то там первая группа, которую часто называют «символы на кубках», — это репродукции рисунков Ривет-Карнака, на которых изображены скульптуры на поросшей

скале в горах Кумаон в Индии¹¹¹. Остальное — это репродукции похожих символов, выцарапанных острыми инструментами, собранных Брюсом Коллингвудом в Нортумберленде и Аргайле и опубликованных частным образом в 1869 году¹¹². Еще до меня Ривет-Карнак пришел к выводу, что они похожи на символ махадео, хотя он сам точно не знал, какое значение имеют змеи. Объекты, показанные справа вверху, происходят из Доддингтона, Дад Ло, у Хортон Моор, Нортумберленд; слева в центре — из Вествуд Бэнк, Нортумберленд; внизу слева — из Раутинг Линн, Нортумберленд; и справа внизу — из Лохгилпхед, Аргайл. Я должна добавить, что все эти скалы расположены непосредственно рядом с кельтскими укрепленными «лагерями» среди мегалитических монументов; эти руины согласно традиционной точке зрения разделяют около 25 столетий¹¹³. Ни один из археологов никогда не мог дать удовлетворительного объяснения, чтобы заполнить громадное время между этими объектами, поэтому данное место просто считается покинутым, ведь лучшего объяснения все равно нет.

После того как я посвятила около десяти лет изучению мегалитических памятников и в этой связи наскальным скульптурам, я пришла к выводу, что вырезание таких символов на скалах и вертикальных камнях как в Индии, так и в Европе имело определенное религиозное значение, например, это мог быть своего рода отчет или выполнение обета. Или это выполнялось для того, чтобы сделать камень или скалу вечным свидетелем некоего торжественного соглашения. Такой обычай, как мы знаем из надписей на камнях с божественными символами, существовал в Месопотамии. Полюе камни даже относительно поздно использовались в Азии и Европе для торжественных договоров, а также чтобы устроить божий суд. Так было с «Устами истины» (*Bocca della Verità*), галльской каменной плитой, частью колодца в Риме, с изображением мужской маски Горгона. Однажды ее использовали, чтобы закрывать отверстие канализации в галльском месте расположения на берегу Тибра (см. рис. VIII [c]). Дети, которые страдали от паралича или других болезней, проходили через такие символические махайони (этот обычай сохранился до наших времен в каждой стране, где существуют мегалиты с отверстиями) в надежде, что в результате этого ребенок мистическим образом выздоровеет, как бы родится заново. «Камень справедливости» — популярное французское название для мегалитов — мог

быть освященным символическим камнем, который после призыва человека, который приносил клятву, становился свидетелем его правдивости; ведь человек, который приносил клятву у камня, несущий на себе символ вечных сил, тем самым призывал эти силы в свидетели и отвечал перед ними за клятвопреступничество. В уже цитированном «Глоссарии Кормака» девятого века используется слово «индельба», которое, очевидно, уже тогда было древним. Потому что в глоссарии говорится следующее: «слово «индельба» — это название алтарей идолов, потому что они вырезали на них формы (дельба) элементов, которых они там почитали, *verbi gratia*, «*figura solis*», то есть «*figuir pa greine*»¹¹⁴». Известные как «метки на чашах и кольца» фигуры в махайони мне кажутся шаблонизированными махадео, они имеют то же космическое значение, которое символ имел еще в Индии, когда писались тантрические тексты.

Ривет-Карнак также показывает некоторые колонны с фаллосоподобным навершием из Кумаона в Индии, где они также представляют ту же жизненную силу Махадео в форме янь или каузативном аспекте. На рис. VI (a), (c) и (d) я воспроизвела эти типичные три формы. Следует обратить внимание на концентрические круги, которые окружают цветы лотоса, (a). На (c) представлена очень интересная техника вырезания изображений созидающей божественной силы в образе людей на одном из четырех обличий фаллической колонны, ее можно сравнить с (g) — известной конической стелой высотой три метра, выкопанной в деревне Кервадель в Плобаннелеке, Финистер, в 1878 году господином Полем дю Шателлером и установленной на территории его замка в Кернузе. Там, в Пон-л'Аббе, я сфотографировала четыре панели в 1932 году. Коническая стела была найдена среди обнаженных и разрушенных дольменов и укрытых галерей, в соседних холмах, похоже, скрываются и другие интересные предметы. Недалеко отсюда, в Сен-Жан-Тролимон, находятся оппидум Троноен с галльскими и римско-галльскими остатками, занимавший 25 гектаров, а также церковное кладбище Кервилтре, где имеются могилы и урны с прахом, а также колонна с фаллическим навершием, подобную которой я показала на рис. (b). Они были собраны в окрестностях и выставлены на территории музея в Панмарке, вблизи от Пон-л'Аббе. (Снято при свете автомобильных фонарей). Эта местность очевидно была крупным кельтским судоходным центром, здесь на протяжении очень большого времени жили люди. Закругленная коническая стела имеет четыре

панели, на которых изображены семь человеческих фигур, из которых самой интересной является Гермес, представленный в греко-римской манере с мешком и жезлом, он ведет маленькую «душу» к Гадесу. (На моей фотографии изображена одна из других, менее известных панелей.) У меня всегда были сомнения по поводу этой детской души. Я полагаю, что четыре панели показывают состоящую из четырех аспектов манифестацию тетраграмматической высшей силы, которую символизирует конус. Мистически она выражается тетраксисом — «причиной и корнем и источником вечно текущей природы», как говорит Ямвлих. Маленькие шаровидные и яйцевидные байтили, как те, которые отчасти показаны слева спереди на воспроизведенном мною изображении, а также те, которые видны позади них, являются характерными для гробниц каменного века в Бретани. Их также часто находят погребенными на древних церковных погостах. Армориканские байтили имеют разный размер и происхождение, как видно на моих фотографиях: с фаллическим навершием, конические (гладкие и с рельефом) и яйцевидные. Маленькие яйцевидные камни зачастую закруглены от природы. Вероятно поэтому их и выбрали. В связи с этим я также должна упомянуть ископаемых морских ежей, которых так часто находят в мегалитических погребальных холмах в Бретани. Байтиль имеет двойное, а может и тройное происхождение. В качестве конуса или пирамиды он представляет мистический треугольник в теле; в качестве фаллоса он представляет божественную созидательную силу; его рифленая поверхность указывает на силу, излучающую свет. Но в качестве маленького яйцевидного камня или вотива «кельт» это пример глубоко почитаемой «керауния» или эмблемы молнии. Как правило, это метеориты, поэтому они рассматривались как эмблема мистической молнии, ваджры, в которой видели сохраняющую или дающую равновесие силу в манифестации божественной воли. Они стали магическими камнями в народных верованиях, так как рассматривались в качестве созидательных предметов, им, как и каменному фаллосу, приписывалось свойство приводить к зачатию потомства у существ женского пола. Маленькие полые камни, такие как махайони, также почитались теми, кто понимал их значение¹¹⁵.

А теперь посмотрим на интересный объект, показанный на рисунке VII (а). Он происходит из Аберлемно, Форфаршир, Шотландия (высотой 1,85 м над землей). Символ был широко распространен в Шотландии в эпоху раннего христианства, но патриотические

шотландские археологи не подозревали о его гностическом значении и думали, что он был изобретен в Шотландии. Они не нашли более подходящего имени и называли этот символ «очками и изогнутым прутом». Предмет внизу — который так похож на индийские махайони на рисунке IV (d), (h), (i) и (k) и на предмет из Нортумберленда на рисунке V (b) — они называют зеркалом, а маленький предмет рядом — «гребнем». Предмет сверху мог бы в равной степени быть рогами Хатор или змеей, потому что он очень похож на головной убор восточной Богини-Матери. На (d) виден символ, который напоминает так называемые «очки». Брюс Коллингвуд обнаружил его в пещерах в скалах Доддингтона в Нортумберленде (рис. XVI, цит. выше). Он представляется связующим звеном между двойной спиралью и этим распространенным шотландским символом. Хронологическая связь имеется на (b), это изображение я сфотографировала в 1930 году на одном из вертикальных камней у входа в разрушенную мегалитическую гробницу в Конгаше, Инвернессшир, в частном землевладении. Эта гробница относится к хорошо известному типу каирнов Клава, традиционные шотландские археологи относят его к доисторической эпохе. Мне кажется, что два круга «очков», как и двойная спираль представляют собой более глубокое значение принципа инь-янь, он удерживается в равновесии копьем-молнией, ваджрой — эмблемой Сарасвати, дочерью молнии, которая создает музыку. Раньше я уже упоминала, что развернутая спираль в форме змеи кундалини или в геометрической форме в древней Индии была символом течения жизни. Разворачивающаяся и снова сворачивающаяся спираль была символом ритмического расширения и возврата к истоку проявляющейся созидательной воли (иччхи), которая как круг символизировала признание непрерывности жизни: нет начала и конца, существует только непрерывная трансформация. Но тантрическая космическая философия осознавала, что действие этого непрерывного процесса — это непрерывное «созидание» Великой Матери — можно было представить как состоящее из трех движений: созидующее построение, разрушительный распад и равновесие между этими двумя противоположными силами. Первым проявлением силы (шакти) была нада, а силой в акте творения была бинду, троича форм энергии. Частями этой троичды были воля (иччхи), знание (джнана) и действие (кроя), мистически представляемые как «Солнце», «Луна» и «Огонь», в драматической традиции «Три Сверкающих», Брахма, Вишну и Рудра, триадические

аспекты или особые проявления Единой Божественной Силы, стопы которой, как сказано в Шаштре, и почитают Брахма, Вишну и Рудра (см. рис. III (с) и (е) по поводу представления такого** почитания). Брахма (Солнце, воля) создает вечно и всегда; Рудра (Луна, знание) всегда разрушает материю во всех ее пяти формах; Вишну (действие, огонь — пламя или удар молнии) поддерживает равновесие между ними. Это мировоззрение было фундаментальным в космическом культе Матери-Богини и было тщательно разработано в тантрах, как кратко упоминалось выше. Оно также было присуще гностикам, которые выражали его разными способами; они сохранили общую космическую схему развития и подчеркивали мужскую и женскую образность и великую функцию знания. Изображенный шотландский символ представляется мне чрезвычайно подходящим для представления описанного выше космического процесса. Он был представлен в более простой форме как разворачивание и сворачивание спирали. В качестве примера я привожу известный объект из Ньюгрейндж в Ирландии (h), а также (по Брюсу Коллингвуду, цит. выше, рисунок XXXII) объект с острова Идей в Оркнейском архипелаге, на (i). (h) — это камень у входа в мегалитическую гробницу в Ньюгрейндже, Бру-на-Бойн, и (i) — это объект с плиты в каменной гробнице. На (g) можно увидеть, что концентрические круги (a), (b) и (d) — как и на многих других примерах — (они могут быть упрощенными спиралями или точками в кругах) уступили место популярному кельтскому орнаменту с завихрением. Возможно не нужно указывать на то, что этот орнамент, составленный из своего рода идентичных запятых, полностью соответствует принципу инь-янь из символического китайского и японского искусства. В кельтском искусстве двойные запятые зачастую изображаются трехкратными, как на (е), где каждый их трех вихревых элементов состоит из двойных запятых¹¹⁶.

В том же индийском космическом символизме, который показан в переводах и исследованиях тантрических текстов, выполненных сэром Джоном Вудроффом, содержится и двойная сила развития и разрушения в кундалини, змее с созидательной силой (кундалини-шакти). В одном из этих текстов сияющая ваджра проходит через кундалини от половых органов до головы. Сэр Джон Вудрофф указывал на то, что кундалини согласно тантрическим текстам является аспектом вечного Брахмана. Свернувшаяся змея в покое — это сознание в дреме. Когда в бесформенном сознании появляется

желание проявиться в форме, кундалини разворачивается из свернутого состояния. Ее сила является спиральной, она сворачивается вокруг постоянной «точки» потенциальной энергии, при этом ее обороты в количестве 51 отвечают 50 «буквам» уже описанного ожерелья. Некоторые из этих текстов говорят о трех бинду следующее: Солнце как пингала, река Ямуна; Луна как ида, река Ганг; и огонь как сушумна, река Сарасвати. Эта сушумна является молнией и разбивает калу (время)¹¹⁷, (f) на рисунке VII может быть изображен символ, который имеет значение обратного всасывания материи как формы в вечное сознание, молнии, которая пронизывает неразвернутую змею. Символ происходит из Ньютонштейн Гарих в Шотландии. (с) это крест в Риксбью, остров Колонсей, Шотландия. Если это и не однозначно гностический символ, мне кажется, что он все равно восходит к индийскому мистицизму, в котором две из трех бинду являются грудями космической матери, а третья бинду — это ее лицо, имеется даже своего рода копье, которое «идет от половых органов и достигает головы». Если мы хотим дойти до истока этих символов, мы можем, как мне кажется, взять за исходную точку драгоценный камень или запятую, которые почитаются как прорастающее зерно, возможно, боб, который пифагорейцы почитали как священный. Кажется, что спираль изначально была символом роста, ее взяли от гелиотропного усика быстрорастущего выходящего растения, например, винограда, так как вершина растения указывает на восток, направлена на восходящее Солнце и следует за ним до самого захода, при этом круговое движение совершается вокруг центральной точки и продолжается на следующее утро с увеличением спирали. Змея символизирует эту силу роста, особенно если ее изображают обвившейся вокруг колонны.

Символ часто встречается на камнях мегалитических монументов в Бретани, он известен и в Уэльсе. Мой друг и коллега Ле Рузик видит в нем подобную змее форму, но мне кажется, что это традиционное представление источника или водного потока. На рисунке VI (f) представлена фотография, сделанная мной в музее Карнак с гипсовой отливки, которую он выполнил с покрытого землей основания менгира в Манио, расположенного поперечно к ряду вертикальных камней в известных Карнакских камнях. При раскопках было обнаружено, что под ним находится могила в виде каменного ящика (на ее крышке нанесен символ топора), все это находилось

под длинным, едва заметным холмом, на котором располагаются менгиры Кермарьо¹¹⁸. Символ также встречается в Пети Монт, на монументе, на котором я еще останавлиюсь. На мегалитическом монументе в Тибете и на вертикальном камне в Нкейла в западном Марокко¹¹⁹, где «вода» течет двумя ручьями над вертикальной фигурой, пол и лицо которой нельзя определить, на ее плечах и боках имеются метки, которые очень похожи на колонны на острове Гаврини (монумент Н. XXIX. 22). Священные египетские монументы познакомили нас с зигзагом как традиционным символом для вылитой воды, но волновой символ для «текущей воды» также является обычным в древнем искусстве Китая и Японии. После всего, что было сказано о космическом символизме «истока», нас уже не должно удивлять наличие таких символов на камнях погребальных памятников в Бретани и Уэльсе.

Осьминог также является известным символом богини в Эгейском море, он встречается и на армориканских мегалитах. Символ топора также известен как символ Матери-Богини, когда он встречается, как это часто бывает на Крите, в качестве двойного треугольника — в тантрических текстах он объясняется как мистический символ Шивы-Шакти или, как мы сказали бы сегодня, принципа инь-янь. Топор встречается не только на бретонских монументах, прежде всего на острове Гаврини, как священный символ, но и как вотивный объект в гробницах. У некоторых из них, известных как «haches à bouton», толстый конец выполнен таким образом, что делает этот предмет миниатюрным фаллическим байтилем.

Я дважды останавливалась на индийских так называемых стопах Вишну на рисунке III. Один из самых примечательных символов в бретонских мегалитических гробницах показан на рисунке VIII (d) — пара «стоп Вишну» на рельефе колонны в камере холма в Пети Монт, Арзон, где на другом камне четко виден выбитый символ лотоса или колеса. (Последний символ также встречается на дольмене Табль-де-Маршан (монумент А. II. 12) в Локмарьякер). В обоих случаях они обычно рассматриваются как сияющее солнце. Памятник с отпечатками стоп согласно надписи в Бодх-Гая был сооружен в 57 году до Р.Х. в честь Вишну — (Вишну является одним из триады божеств Брахма-Вишну-Шива, последний в качестве разрушителя занимает место Рудры) — как символ «подобающей формы творения»¹²⁰. В Бретани были найдены и другие пары стоп, нанесенные на скалах,

но ни одни из них не являются такими четкими, как в Пети Монт, которые единственные являются частью рельефа. Мы можем рассматривать их как «стопы Вишну» или как почитаемые стопы Божественной Шакти как создательницы, их присутствие в этой местности кажется нам неопровержимым доказательством того, что мегалитические памятники были созданы в рамках культа, который достаточно поздно пришел с Востока.

Но для поддержки этого тезиса имеется и еще более сильное доказательство. Это показанная на рисунке VIII (а) маска. Ее сфотографировала доктор Флоренс Эйскью. Этот снимок приведен в моем отчете о раскопках дольмена Ле Дехус на Гернси, Нормандские острова. Она выцарапана на нижней части камня, закрывающего камеру. Остаток фигуры непонятен, он производит примитивное впечатление, особенно это касается частей, которые можно толковать как руки. Лично мне они кажутся пчелой и крабом. Что бы ни было изображено на маске — я решаюсь на то, чтобы видеть в этой фигуре герметическое «слово», с байтилем в центре камеры под ней — стиль несомненно тот же, что у головы Горгоны на щите Сул Минервы из Бата (b) и на «*Vocca della Verità*» в Риме (c), оба изображения приведены в уже упомянутом отчете. Р. Г. Коллингвуд в своем труде «Римская Британия» идентифицировал его как кельтскую работу и привлекал внимание к умелому изображению ощущения ужаса¹²¹ и к лучшему по сравнению с резкой по камню чертежному искусству исходя из правильной формы круга. Рассмотрение причин, почему я идентифицировала эту голову на плите крышки колодца с романтической легендой (для которой я нашла очень интересное доказательство в одном манускрипте в Национальной библиотеке в Риме) с кельтским Борво, заняло бы слишком много времени. Но стиль маски намекает на кельтское вдохновение. (Изначально плита находилась в квартале, где проживали кельтские речные моряки.) Свисающие кельтские усы бросаются в глаза здесь и на маске из Ле Дехус, а также на трехглавом галльском алтаре (e) в Реймсе, опубликованном Бертраном¹²², а также на маленьком трехглавом камне высотой всего 15 дюймов (g), который стоит в нише над аркой в одном старом доме в «*La Rouquelaie*» на Гернси¹²³. Я хотела бы отнести его к той же эпохе, что и известную фигуру «бабушки». Похоже, что место, в котором он находится сегодня, не является

его изначальным местом расположения. После всего сказанного здесь о триадическом аспекте создающего божества в индийской космической религии и о триадическом Бриане (Бриан-Иухар-Иухарба) и Бридгет, такие трехглавые фигуры легко рассматривать как монументы кельтской космической религии. Даже маску Горгоны следовало бы рассматривать как эмблему разрушительной фазы космического творения. Это истина, которая казалась грекам такой приводящей в ужас, а в индийской религии она драматически изображалась как ужасная Кали. В принципе три фазы творения в представлении в качестве триадического божества или силы, то есть в форме шотландского символа «очков и изогнутого прута», идентичны символике маски Горгоны; каждый из них указывает на то, что смерть является разрушающей частью процесса, рождение — это всего лишь другая фаза этого процесса — никогда не оканчивающаяся «игра» Лилы. Теперь я должна представить миниатюрную терракотовую маску Лилиту (f), персонифицированный женский принцип («Лилит» в еврейской космологии), которая в вавилонских космических стихах и ритуалах соблазняет мужчину Адамаса в бесконечную цепь повторяющейся материи. Имеются причины для того, чтобы предположить, что основные идеи космической религиозной философии и их символизм, которые находились на такой высокой степени развития в Индии и повлияли на кельтские народы, еще до этого были развиты в Вавилоне или Шумере. Археологические находки в области цивилизации Инда указывают на то, что Шумер и северо-западная Индия черпали свои знания из общего до сих пор неизвестного источника, который является еще более древним. Передаваемые поэтами или целыми школами поэтов интерпретации позволили этим знаниям в определенной мере сохраниться почти вплоть до нашего времени, прийти из Азии в Европу и здесь при посредничестве кельтских народов распространиться почти по всей её территории. Они указывают на то, что в религиозном мышлении цивилизованного человечества имеется большее единообразие, чем мы это иногда готовы признать: мы действительно едины и «Бог» един. Как сказал второй Адам: «Я и отец — это одно». В эти времена распрей, всеобщих подозрений и уничтожения такой результат представляется желанным лучом надежды для будущего человечества и оправдывает все эти исследования древней истории религиозных воззрений.

Рис. I. Вотивные статуэтки Матери-Богини. Средиземноморье (a, b, d, f, i, j, h, l), галльские (c, e, g, h), Брит. музей (с друж. разр. владельца прав) и из Тудо: Coli, of Karly Gaulisli pipe-clay ligurines

Примечание переводчика:

рисунок отсутствует в оригинале.

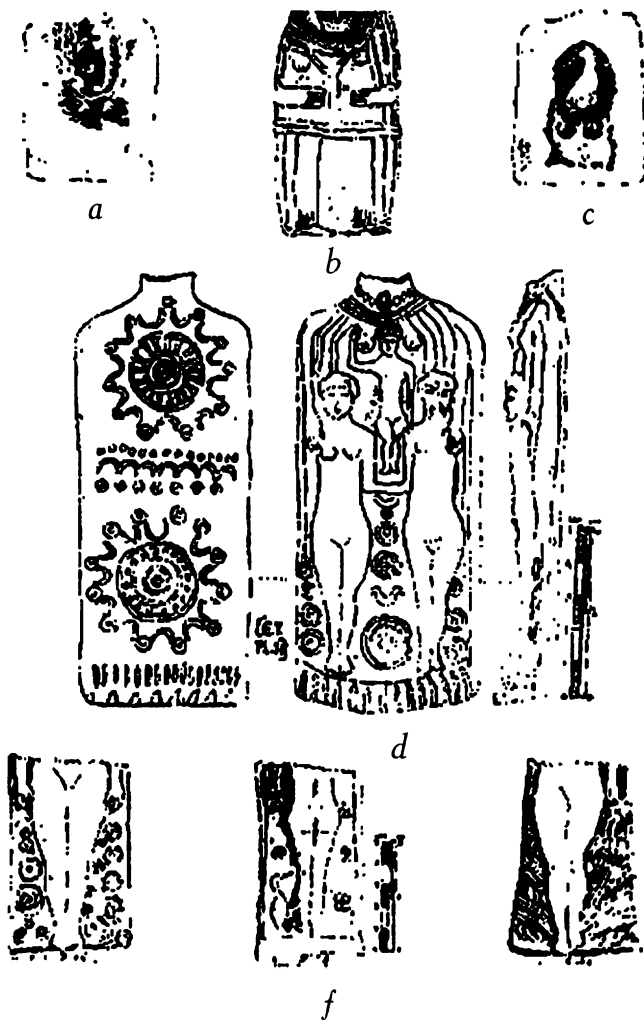

Рис. II. Французские статуэтки из менгиров (a, b, c) и галльские вотивные глиняные таблички (d, e, f, g) из коллекции Тудо

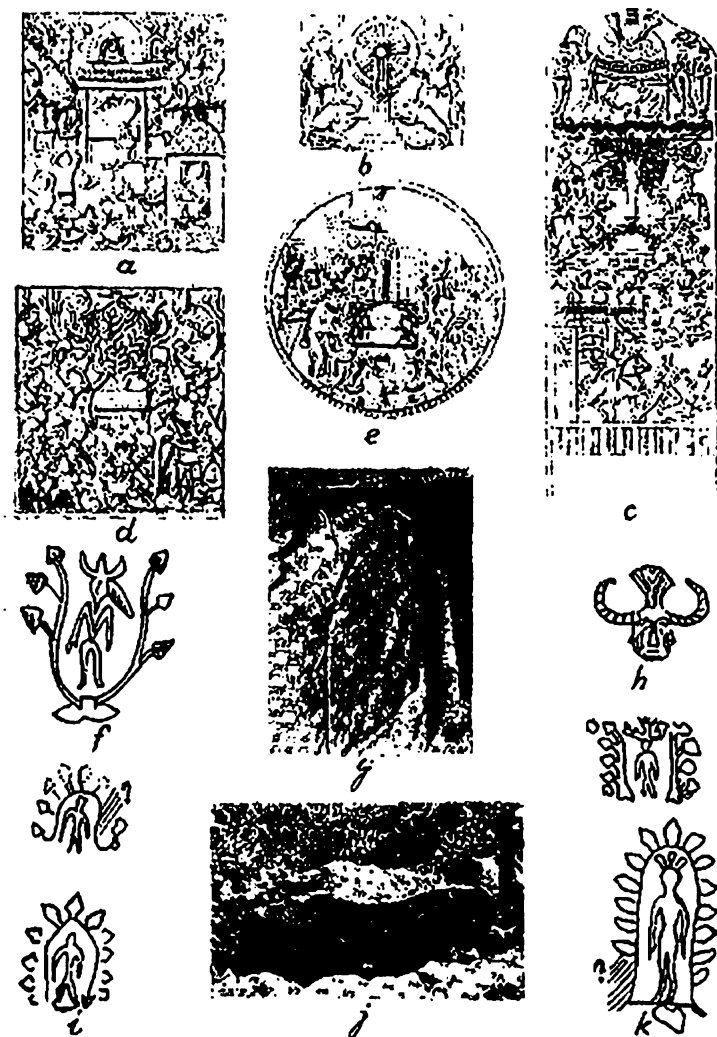

Рис. III. Колонны в виде деревьев и лучей, культовые символы (а, б, с, d, e) ступ в Санчи и Амаравати в Индии (по Фергюссону) в связи со «стопами Вишну» и священной коброй; из мегалитического холма с погребальными камерами в Бретани (g, j), снято автором; печати из долины Инда, Мохенджо-Даро (f, h, i, k)

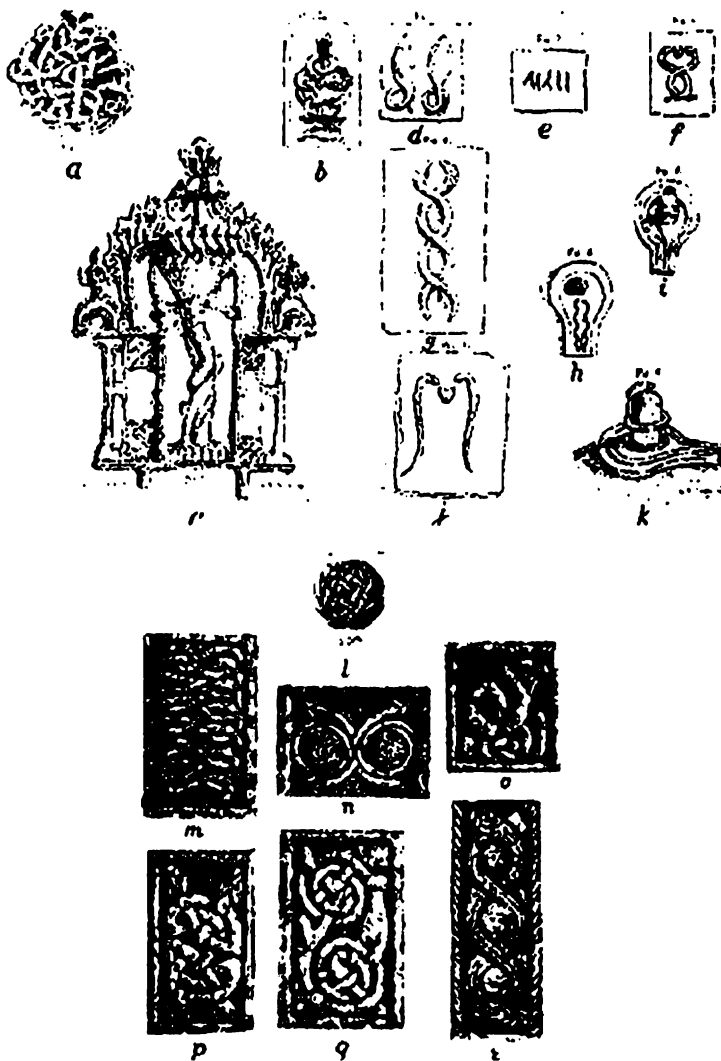

Рис. IV. Священная змея с символами «махадео» и «махайони» в индийском почитании Шивы (а — к); кельтский петлевидный орнамент (l — r) по Handb. of Carved Orn. fr. Irish Mon. (С изобр. из Koyul Soe. of Antiquaries nf [relanci])

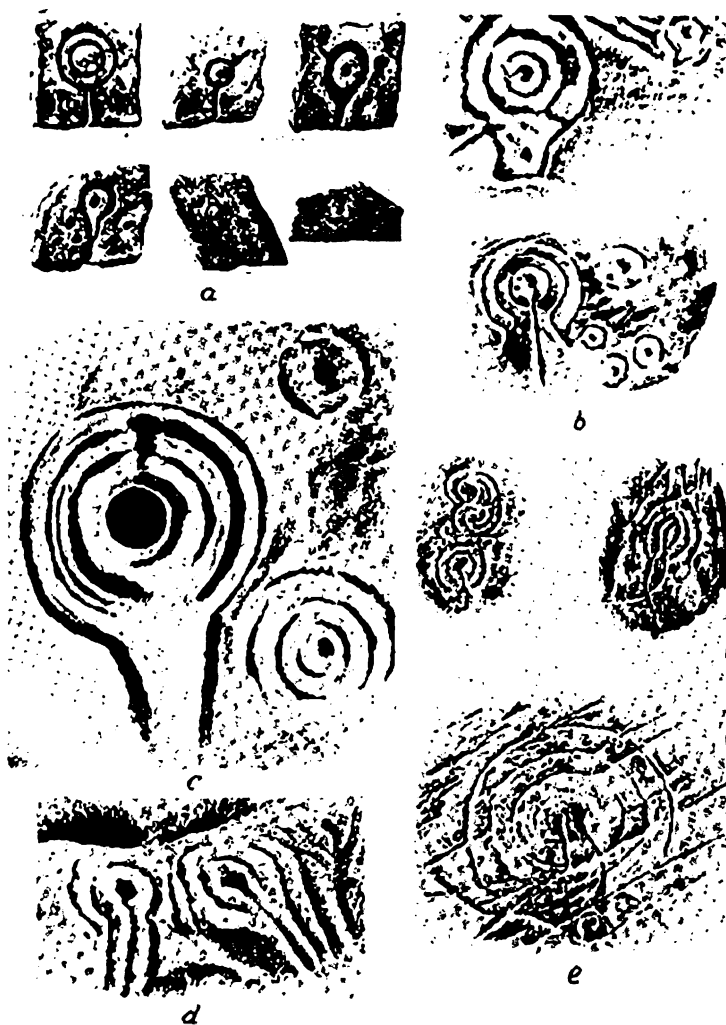

Рисунок V. Скульптуры «махайони» (а) из гор Кумаон, Индия, по Ривет-Карнаку и из Морбиана (b) и Шотландии (с, d, e), по Брюсу Коллингвуду.

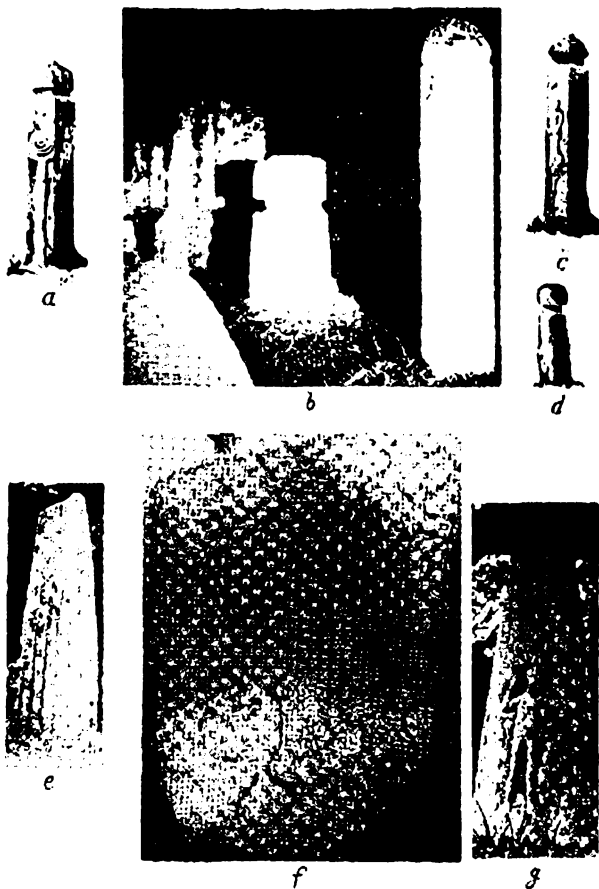

Рис. VI. Священные байтили в горах Кумаон, Индия (а, с, d), по Ривет-Карнаку; в Kiriislere (b, e, g). Снимок автора: символ «текущей воды» на мегалите в Карнаке (f). Снимок автора гипсовой маски в музее Карнака.

Примечание переводчика: рисунок отсутствует в оригинале.

Рис. VII. «Инь-янь» в кельт. символикe с христианскими (гности-ческими?) орнаментами в Шотландии (а, с, e, f, g) по Андерсону: на мегалите в погребальном холме в Шотландии (b). Снимок автора: на наскальных скульптурах в Северной Англии (d) по Брюсу Коллингвуду; двойная спираль на мегалитических монументах в Ирландии (h), снимок автора, и на Оркнейских островах (i) по Брюсу Коллингвуду.

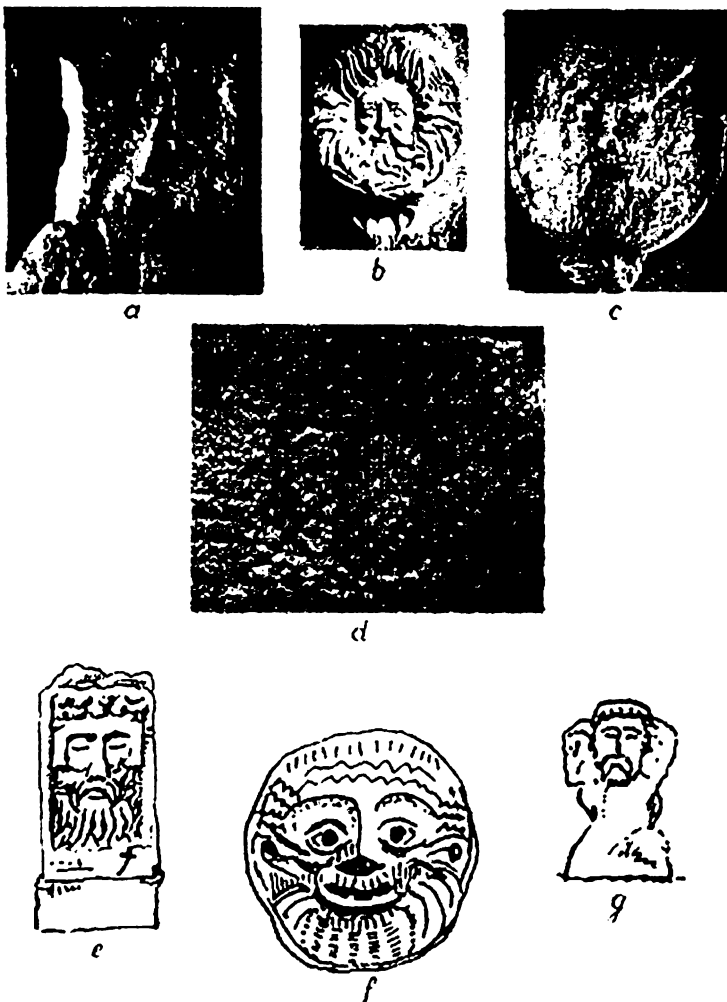

Рис. VIII. Кельтские антропоморфные изображения масок горгон (а), из мегалитического погребального холма на Гернси. Снимок доктора Флоренс Эйскью, Мак-Нейр, предст. в отчете автора о повторных раскопках; (b). Щит сул Минервы в ее храме в Бате (с друж. разрешения Музея Эшмола, Оксфорд); (c), на «Vocca della Verità» в Риме.

Снимок автора; и (f), миниатюрная глиняная маска «Лилиту». Символ «стоп Вишну» (d) из мегалитического погребального холма в Бретани, снимок автора; трехглавый кельтский алтарь, Реймс (e); трехглавый камень неизвестного происхождения и времени, Гернси (g)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ По поводу того, что проф. Пикар сказал в ходе собрания Эранос в этом году об истории и ритуалах Деметры, к слову следует заметить, что в идее «матери» существуют версии в качестве раздвоенной личности: невесты-девственницы и матери — определенные версии существуют и касательно представления отца и сына. Но представляется, что эти версии не встречаются у народов, говорящих на кельтских языках. Возможным является одно исключение, культ матери-дочери, «Дианы-Ариадны», у приверженцев «черной магии».
- ² Kogoshui, *Gleanings from Ancient Stories*, transl. with an Introduction and Notes, by Prof. Gencin Kato and Prol. Hikoshiro Hoshino, 3rd ed. 1926 Meiji Japan Society, Tokio. Для предварительной зарисовки вышеуказанной гипотезы см. мою критику в Man, 20 февраля 1928 года.
- ³ Иоанн Эриугена или «Рожденный ирландцем», проклятый как еретик. См. мое примечание касательно ирландского происхождения его идей в Appendix II, *Re-Excavation of the Dehus Chambered Mound, Guernsey*, 1935.
- ⁴ См. «The stringed harp in the Ur burial», обнаружено сэром Леонардом Вули. Об оценке техники древневосточной музыки см. «The Music of the Sumerians» by F. W. Galpin, Cambridge, 1937. Эа или Энки был в действительности булагом, «барабаном», «словом» создателя, голосом быка, громовиком — за 20 веков до Р.Х., согласно обнаруженным текстам.
- ⁵ В египетских литургиях 18-й династии Тот является посредником Маат. Он — это магическое слово (Ma-khrou) или голос-слово. Ср. *The Tresse Iron Age Megalithic Monument*, глава о «The Sculptured Stones and their Significance as Symbols of a World-Wide Cosmic Cult», 1935, London, p. 56 ff.
- ⁶ Мистерия святой Варвары (Барбары) была опубликована в переводе Эмиля Эрно на французский язык: «Le Mystere de Sainte Barbe» в «Archives de Bretagne», 1885. Это текст на среднебретонском языке 16-го столетия, очевидно дополненное каким-то клириком изложение более древнего предания. В Португалии

существует танец в ее честь. Соединение ее христианской легенды с языческими монументами байтил, пожалуй, является причиной того, что был перенят культ «Наша дева с байтилом». В любом случае в одном регионе, где распространены мегалиты, в заброшенной церкви я видела ее средневековую деревянную статую на постаменте из полого языческого камня — но жертвоприношения после свадьбы получал именно камень, а не святая.

⁷ Их список (напечатанных до 1913 года и частично переведенных на европейские языки) дает доктор И. И. Бест «Bibliography of Irish Philology and of Printed Irish Literature», publ. by the National Library of Ireland, on sale by the Stationary Office, Dublin. По запросу в Национальной библиотеке туда добавляются названия более поздних переводов или напечатанных текстов.

⁸ Слово «Filh» значит «видящий», «провидец». Существовало десять категорий филидов, высшей из которых были олламы (Ollamh). Они должны были знать наизусть 350 историй, что было записано в «Шенхус Мор», сборнике древнеирландских законов. После шестого десятилетия шестого столетия звание «оллам» — эти люди по значимости приближались к местным правителям — было заменено христианским доктором наук. Но в социальном смысле его ранг все еще соответствовал знати. Его литературная роль совершенно не уменьшилась.

⁹ Introduction à l'Etude de la Litterature celtique, I, Bd. III, Kap. VIII II. d'Arbois de Jubainville, Paris 1883.

¹⁰ Взгляд, который, возможно, был усилен подделанной О'Коннором «историей». Это был гениальный блеф, опубликованный той же фирмой, которая опубликовала и сфальсифицированные Макферсоном поэмы Оссиана. Такие взгляды преодолеть тяжело. Это, например, доказывает недавняя публикация перевода О'Коннора на немецкий язык. И, кажется, эта публикация предпринята на полном серьезе.

¹¹ d'Arbois de Jubainville (Le Cycle Mythologique Irlandais et la Mythologie Celtique, Paris 1884) является первопроходцем этой точки зрения.

¹² Выспренние и ядовитые излияния Гильды Премудрого однозначно показывают критическому читателю, что бритты в его время были гностиками, воспринявшими христианство с оговорами. Его упоминания идолов «с жесткими и искаженными

чертами, которые были обычными» в «покинутых храмах» или рядом с ними, «допуска Сатаны как ангела света», тех, кто в познании бога не возносили его до уровня бога, также четко указывают на это, как и упоминание Симона Волхва.

- ¹³ Изначально переведено с греческого на коптский язык; Г. Р. С. Мид опубликовал изложение на английском языке (на основе перевода Шварце на латинский язык с коптского и Амолино на французский язык) в 1896 году. Коптский и латинский тексты опубликовал Петерманн в 1853 году. Г. В. Кинг дает содержание книги в «The Gnostics and their Remains, Ancient and Medieval», Лондон 1887, в которой также содержится множество переводов из «Философумы» Ипполита Римского, где цитируются гностические тексты, включая труды Симона Волхва. См. также перевод Рев. Дж. Х. Макмахона, Эдинбург, 1868 год.
- ¹⁴ Так называли беженцев из древних ирландских кланов того периода.
- ¹⁵ См. Dr. Käthe Müller-Lisowski, «Texte zur Mog Ruith Sage», Zeitschr. f. kelt. Philologie, 1923, XIV, а также «Die Johanneslegende im Irischen und der Druide Mog Ruith», очерк в 1938, III, июньский номер Etudes Celtiques, Paris.
- ¹⁶ Leahhar Gabhāla, текст и перевод на англ. язык R. A. S. Macalister и John MacNeill, University College, Dublin (без даты), стр. 238.
- ¹⁷ Там же, гл. VIII, стр. 153.
- ¹⁸ Wood-Martin, в Pagan Ireland (London 1895), стр. 125 ff., и того же автора «Traces of the Eider Faiths in Ireland» (London 1902), том I, стр. 354 ff.
- ¹⁹ Это название объясняется у Langdon, «Tammuz und Ishtar», Oxtord 1914, гл. II «Die Mutter-Göttin».
- ²⁰ Histoire du Culte de Sin en Babyionie et en Assyrie, E. Comlie, Paris, Leipzig et London 1908, стр. 89. Для Син символ диска (полная Луна) и байтил, иногда с растущей Луной над ним, стр. 43. Син — это также молодой бык, стр. 73.
- ²¹ «Le culte de la grande deesse» in Revue de l'histoire des Religions, T. CVIII. 1, 1933, стр. 54.
- ²² Бриан-Михаэль в Шотландии, см. Henderson «Survivals in Belief among the Celts», Glasgow 1911, стр. 68 ff., а также Collum, «Re-Excavation of the Dehus Chambered Mound», Guernsey 1935, appendix II on «Various Aspects of the Male-Female Creative Principle», стр. 121–133.

- ²³ D'Arbois de Jubainville, «Le Cycle Mythologique Irlandais», стр. 146, выводит Бригит от санскритского «brīh», то есть «становиться сильным», что можно сравнить с ирландским «brig» (прилагательное) (сильный) и «brig» (превосходство, сила). Бриана (стр. 149) он считает более поздней формой от Бренос.
- ²⁴ Этан — это богиня, в том числе и как поэтическая композиция (de Jubainville, стр. 171).
- ²⁵ Цитата из Langdon «Tammuz and Ishtar», Oxford 1914, стр. 65. См. также Combe w. o. p. 79, текст, в котором Иштар и Шамаш являются сияющими детьми Сина, которого любила Нингал, мать богов.
- ²⁶ Carmina Gadelica, новое издание 1928 г., Эдинбург.
- ²⁷ Legends of our Lady Mary, translated from the Ethiopian by Sir E. A. Wallis Budge, London and Boston, Mass., 1922.
- ²⁸ Carmichael, стр. 175.
- ²⁹ Budge, стр. 85.
- ³⁰ Иннини в качестве имен или свойств имела имя Геш-анна, то есть «небесная Мать-Богиня вина», и Нисаба, то есть «Богиня зерна». Оба аспекта астрономически представляются Девой, созвездием, символом которого является богиня с колосом. См. Langdon, цитата выше, стр. 43, 44. Он указывает на то, что суффикс «анна» является выражением того, что божество является эманацией первого принципа. Шумеры сказали бы больше. Это специальная функция или активный аспект «Ан».
- ³¹ См. цит. выше, стр. 127.
- ³² См. стр. 127.
- ³³ Harl. Ms. No. 5280, fol. 47, V, процитировано в d'Arbois de Jubainville, Introd. à l'Etude de la littérature celtique, Paris 1883, стр. 284; и в O'Curry, On the Manners and Customs of the Ancient Irish, Bd. II, стр. 130.
- ³⁴ Leabhar Gabhála, Kap. XII, Macalister and MacNeill, R. I. A., Ms. 23 K 32, стр. 68. Этим фараоном должен был быть Нектанеб, 32-й после того, который утонул в Красном море (Ms. стр. 65). Аймергин филид в данном случае сын Голама и Скоты.
- ³⁵ Книга захвата Ирландии (Lebor Gabála Éirenn), уже упоминалась выше. См. стр. 80 Ms.
- ³⁶ Book of Leinster, стр. 186, цитата в d'Arbois de Jubainville, гл. VI, см. выше.

- ³⁷ Auraicept na n-Eces, the Scholar's Primer, being the texts of the Ogham Tract, with translation of the Ballymote Text, by George Calder, Edinburgh 1917, verses 2685, 1935, 571, 837, 3138.
- ³⁸ Там же, стр. 79.
- ³⁹ Manuscript Materials, Appendix стр. 503.
- ⁴⁰ Тексты по care о Мор Руит см. Zeitschr. f. celt. Phil., 1923, XIV.
- ⁴¹ в Etudes celtiques, 1938, III, июньский номер.
- ⁴² Aradia, or the Gospel of the Witches, Charles Leland, London 1899, append. стр. 102.
- ⁴³ Легенда о Лоэнгрине или рыцаре-лебедь намекает, что этот рыцарь (или охотник), его называют Элиасом или Хелиасом, изначально был вооружен пикой или копьем и был конным, он был одним из небесных близнецов, имеющим символическое значение. Кое-что может быть заимствовано у Асвинс или Илая-грива. Рыцарь с копьем часто изображался на ранних шотландских каменных крестах. Ср. betr. Elyas: L'Origine celtique de la Legende de Lohengrin, G. Poisson, Champion, Paris 1913
- ⁴⁴ Кармихаэль, см. выше
- ⁴⁵ Etruscan Roman Remains in Populär Tradition, London, Pop. Ed. 1892, гл. IV, о камнях, которые посвящены Диане. Факт того, что Леланд считает эти остатки этрусского происхождения, дает мне право цитировать их здесь, потому что очевидно, что отношение между такой народной верой в Италии и в кельтских странах имело в культурном глубинном слое, который был базовым для римской цивилизации.
- ⁴⁶ См. цитату выше, стр. 126—9.
- ⁴⁷ Небольшие глиняные фигурки этого смеющегося мальчика являются любимой темой галльских гончаров, как и скорбящая Венера Анадиомена и сидящая Мать-Богиня. Иногда у него действительно есть черты папосилена, а иногда невинного ребенка. Этот ребенок-провидец часто встречается в кельтских аллегорических сказаниях, например, в сагах «Талиесин» и «Мерлин».
- ⁴⁸ См. цит. выше.
- ⁴⁹ См. цит. выше. Приложение.
- ⁵⁰ См. цит. выше.
- ⁵¹ The Witch-Cult in Western Europe: a Study in Anthropology, by Margaret Alice Murray, Oxford 1921.
- ⁵² Арадия, гл. XIII.

- ⁵³ См. выше гл. X, „Madonna Diana”.
- ⁵⁴ Это покрытые травой английские известковые холмы, которые так характерны для южной и юго-западной Британии, а также соответствующих областей во Франции. Это совершенно особенная местность.
- ⁵⁵ Ее можно сравнить с Эставайе, Невшательским озером, западной Швейцарией. Краткое исследование железных топоров римско-британского и римско-галльского времени Collum, «Iron Hammer» from the Dehus Megalithic Chambered Mound, Vale Parish, Transactions, Societe Guernesiaise, 1936.
- ⁵⁶ Покойный профессор К.Т. Такагаши из Королевского музея быта, Токио, в работе на японском языке под названием «Implebients Copied in Stone from Ancient Burial Sites» опубликовал целый ряд иллюстраций каменных копий металлических ножей и мечей в ножнах, бронзовых наконечников копий и железных топоров кроме сельскохозяйственных и торговых инструментов. Он сравнил их с китайскими моделями «мин-пинь» из гробниц, для которых никогда не использовалось железо, датированных периодом от 2000 года до Р.Х. и до 7-го и 8-го столетия от Р.Х.
- ⁵⁷ Ср. Daubree, «Apercu historique sur l'exploitation des mines mAtalliques dans la Gaule», Revue Archcologique, 1881.
- ⁵⁸ Типичные примеры на иллюстрациях приводит Madsen в «Antiquites prfhistoriques du Denmark: l'Age de Pierre», Copenhagen 1869, Plates 31—33.
- ⁵⁹ См. исследование погребального ритуала в моем труде The Tresse Iron-Age Megalithic Monument (Sir Robert Mond's Excavation): its Quadruple Sculptured Breasts and their Relation to the Mother-Goddess Cosmie Cult, London 1935, франц. издание L'Allee Couverte de Tresse, Paris 1938; и в моей работе The Re-Excavation of the Dehus Chambered Mound, Guernsey 1935.
- ⁶⁰ Carnac, Fouilles faites dans la Region: Tumulus du Mont St-Michel, 1900 — 1906, Z. Le Rouzic, Vannes 1932.
- ⁶¹ «Bijoux en or decouverts dans les dolmens du Morbihan», Z. Le Rouzic, Conser- vateur du Musee de Carnac, Edition de la Revue des Musees, Fouilles et Decou- vertes Archfeologiques, Dijon 1931.
- ⁶² См. цит. выше.
- ⁶³ См. рис. 3 и 4 цит. в части I отчета.
- ⁶⁴ См. рис. XXI цит. отчета.

- ⁶⁵ См. цит. выше. труд (часть I).
- ⁶⁶ См. рис. XXIX, цит. выше труд. Показано в Aseona.
- ⁶⁷ Excavations at Ephesus: the Achaic Artemisia, D. G. Hogarth, M. A., Puhl, by the Brit. Mus. 1908.
- ⁶⁸ Определенное количество других votivных топориков происходит из Кастеннека, среди них известные как «haches à bouton», конец которых имеет фаллическую форму.
- ⁶⁹ Bulletin de la Socifeth Polymathique du Morbihan, 1904, стр. 265.
- ⁷⁰ No. 16, 822, стр. 257.
- ⁷¹ T. I, стр. 181.
- ⁷² Саму статую я не видела.
- ⁷³ Издано в Париже в 1860 году.
- ⁷⁴ Discoveries at Ephesus, 1877.
- ⁷⁵ L'A116e Couverte de Tresse, par V. C. C. Collum, avec Introduction de Sir Robert L. Mond, Paris 1938.
- ⁷⁶ The Garland ol Letters (Varnamälä), Studies in the Mantra-Shästra, Madras and London 1923.
- ⁷⁷ Collection de Figurines en argile, ceuvres premieres de Fart gaulois, Edmond Tudot, Paris 1860.
- ⁷⁸ The Gnostics and their Remains, Ancient and Medieval, C. W. King, London 1887.
- ⁷⁹ I. 20.
- ⁸⁰ Handbook of Engraved Gems, 1885, PL XVIII.
- ⁸¹ «Скажи мне, кто ходит утром на четырёх ногах, днём — на двух, а вечером — на трёх?» Ответ Эдипа: «Человек: младенцем он ползает на четвереньках, взрослым ходит на двух ногах, а в старости — опирается на палку». Ямвлих цитирует в главе XXVII биографии Пифагора (перевод Томаса Тейлора, новое издание 1926 года) утверждение Платона из «Государства», «что этот эпитрит есть база, сопряженная с пятеркой и дающая две гармонии» как объяснение изобретения Пифагора; «что же касается государственного устройства, то он установил для него некие три линии, соединяющиеся окончаниями и образующие прямой угол, одна из которых имеет природу эпитрита [= 4:3], другая выражается числом 5, усиленным во столько же раз, третья же — посередине между ними обеими. Эти линии, показывает Тейлор, являются числами 4, 3, 2, где 4 является эпитритом к 3, 3 является полуторным к 2, а 3 является арифметической серединой

между 4 и 3. Тело с 4 плоскостями из равносторонних треугольников действительно дает 4 точки, если брать как вершину, так и основание, 3 — если брать основание, и 2 — если оно балансирует на одной из его 6 линий. И эта фигура является пирамидой, символом созданной формы, которая в антропоморфном смысле символизировалась Адамом, человеком (или Марти на индоевропейском языке).

⁸² Gnostics and their Remains, 2nd ed. 1887, стр. 307.

⁸³ Ancient Monarchies, III, p. 466, zit. loc. cit., von King.

⁸⁴ Является ли случайным совпадением то, что корень «ан» на санскрите имеет значение «быть»? Откуда появился этот корень изначально?

⁸⁵ The Life, перевод Тейлора. Гл. XXIX.

⁸⁶ Handbook, Pl. LI.

⁸⁷ АХХII. (Во французском издании приведен новый археологический материал, в частности статуи, но в нем отсутствует часть о сравнительном исследовании религий, которой уделено внимание в английском издании.)

⁸⁸ Оpubл. на рис. 2, табл. IV, Syria, 1929, в отчете о раскопках в Минет-эл-Бейда.

⁸⁹ Оpubл. на табл. IX, Syria, 1932, в отчете о раскопках 1931 года в Рас Шамра.

⁹⁰ Отчет о раскопках опубликован в «Sanctuaire des Dieux orientaux au Janicule» Nicole и Darier, в Melanges d'Archeologie et d'Histoire, Ecole française de Rome, T. XXIX, 1909. Фотография приведена на рис. 19-30.

⁹¹ Изображение взято из James Ferguson's Tree and Serpent Worship, Illustrations from the Topes at Sanchi and Amravati, drawings by Lt. Col. Maisev, pub. by the British Museum, London 1866, Pl. XXIV показывает скульптуры нагов в Санчи, второе и первое столетие до Р.Х.

⁹² «Le Culte de la grande Deesse», Revue de l'Histoire des Religions, T. CVIII, 1. 1933, стр. 50.

⁹³ Aradia, o. cit.

⁹⁴ Сэр Джон Вудрофф в The Garland of Letters, studies in the Mantra-Shāstra, процитировано выше, пишет на стр. 129, что в тексте из Прапанчасара-тантры говорится о том, что «парабинду» (то есть махабинду, «Великое семя») разделяется на две части, из

которых правая бинду является мужской, пурушей или ханг , а левая висагра является женской или са; в сочетании получается иланг-са или вселенная. (В другом тексте Кала делит бинду на три части), Ханг — это Шива, а Са — это Шакти. Парабинду — это Шива-Шакти, неразделенные, неразличимые принципы. Когда семя парабинду «раскрывается», бинду принимает тройственный аспект, который рассматривается как результат комбинации двух, все три разные фазы шакти в творении. Эти три генерируют Великий Треугольник (гл. XIII).

⁹⁵ Les Premiers Habitants de l'Europe d'après les Ecrivains de l'Anti-
<Juite et les Travauxdes Linguist es, Paris, 2. Изд. 1894 г., том. II,
стр. 117 ff.

⁹⁶ Полное, с примечаниями в приложении моего Dehus Re-Excavation
Report, уже цит.

⁹⁷ См. Contenau: La Civilisation Phénicienne, Paris 1926, гл. II о
«религии».

⁹⁸ Нихонги (7-е ст.) и Койики (8-е ст.). Переводы на англий-
ский В. Г. Астона и другой Басила Холла Чемберлена. Первый
опубликован Японским обществом в Лондоне, 1896 г., второй
Азиатским обществом в Японии, 1882 г.

⁹⁹ Woodroffe, цит. выше глава XXV «Солнце, Луна и огонь».

¹⁰⁰ Фотографии печатей опубликованы сэром Джоном Маршаллом:
Mohenjadarо und die Indus-Civilisation, Vol. I, Tafel XII.

¹⁰¹ рис. 28, 29, опубл. 1901, первая публ. в Journal of Hellenic Studies,
за 1900 г.

¹⁰² S. Thoth the Hermes of Egypt, Patrick Boylan, London 1922, и
примечание на стр. 109 моего отчета о Трессе, большие репро-
дукции фотографий камней Иль Лонж на рис. XXXIV, цит.
выше Тота в определенных древних ритуалах называют Быком
Маат, а также Белым Журавлем. Маат в литургиях была одно-
временно матерью и дочерью Созидающего Бога. S. Moret, в
Mysteres Egyptiens, 1927, изд., стр.134.

¹⁰³ рис. XXV и рис. 50, опубл. в Париже, 1897.

¹⁰⁴ Dct störe solukar fra Gundestrup i Jylland”, Nordiske Fortidsminder,
Heft II, 1892. Воспроизведено в Bertrand, La Religion des Gaulois,
PL XXX. В музее Сен-Жермен-ан-Ле имеется факсимиле.

¹⁰⁵ Сэр Джон Вудрофф, цит. выше, стр. 87.

¹⁰⁶ Там же. Гл. I. «Вак или Слово».

- ¹⁰⁷ «The Snake Symbol in India in connection with the Worship of Siva», Journ. Asiatic Soc. of Bengal, 1879, Tafel VII.
- ¹⁰⁸ Handbook of Carved Ornament from Irish Monuments, von H. S. Crawford, erscb. bei Royal Soc. of Antiquaries of Ireland, 1926.
- ¹⁰⁹ Aureicept na n'Eces, The Scholar's Primer, Texts of the Ogham Tract from the Hook of Ballymote and the Yellow Book of Lecan, and Text of the Trefhocul from the Book of Leinster, edited and translated by George Calder, Edinburgh 1917. Символ «b» изображается как стрела, указывающая вправо с тремя горизонтальными черточками внизу справа и четырьмя слева. Огам получил это имя от своего создателя Огмы, одного из триадических сыновей Эллаты, Мудрого, то есть Гермеса.
- ¹¹⁰ S. Woodroffe, цит. выше, стр. 196.
- ¹¹¹ «Notes on some Ancient Sculpturing on Rocks in Kumaon», Journal Asiatic Soc. of Bengal, 1877, Tat. III.
- ¹¹² Incised Markings on Stone in Northumberland and Argyleshire, and other Places, from drawings ordered to be done in 1863, 4, by direction of Algernon, Duke of Northumberland, and privately printed in 1869. Introduction by Collingwood Bruce.
- ¹¹³ В некоторых каменных ящиках были обнаружены изделия из бронзы и железа. S. Proceedings Society of Antiquaries of Scotland, vol. IV, стр. 61, цит. Георг Тет в «Ancient sculptured Rocks of Northumberland and the Eastern Borders with notices of the Romans associated with these sculptures», в Proceedings Berwickshire Naturalists' Club, том V, No. 2, 1864.
- ¹¹⁴ Цит из Borlase, The Dolmens of Ireland, 1897, vol. III, стр. 841 II.
- ¹¹⁵ Леланд в «Арадии», цит. выше, глава IV, узнает при исследовании посвященных Диане камней о том, что в Италии в свое время считалось символом ее особой благосклонности найти «pietra bucata», то есть камень с отверстием. Но кажется, что он не понимал, почему камень с отверстием был камнем богини.
- ¹¹⁶ Первый — это открытое кольцо серебряной цепочки из Ланаркшира, второй — это серебряная пластина из Норрис Ло, Шотландия, иллюстрации на рис. 32 и 25 Иосифа Андерсона, «Scotland in Early Christian Times», 2. Serie, Edinburgh 1881.
- ¹¹⁷ S. Woodroffe: The Serpent Power, being texts and translations with Introduction of two Sanscrit works on Laya Yoga, 3rd ed. 1931, Madras and London.

- ¹¹⁸ Раскопано в 1922 году Le Rouzic und M. et Mme. St-Jusl Pequart.
- ¹¹⁹ Опубликовано Henri Basset в «Deux pictrographes du Maroc Occidental (region des Zaer) Hesperis, III (2) 1923, p. 141.
- ¹²⁰ Цит. в связи с символом в Kings The Gnostics and their Remains, p. 260, 70. Надпись также показывает, что высшая сила могла почитаться под девизом «тысяча имен и много форм».
- ¹²¹ Изд. 1932, стр. 115 ff.
- ¹²² Цит. выше. Рис. 48.
- ¹²³ Оубл. Kendrick, цит. выше Рис. V.

ГЕНРИХ ЦИММЕР

ИНДИЙСКАЯ МАТЬ МИРА

I

Сборник народных басен и историй «Хитопадеша», то есть «Полезные наставления», является вариантом известной «Панча-тантры», благодаря которой индийские темы в переводах на разные языки представлены в мировой литературе. В нем обращает на себя внимание история одного раджпута, который предложил свои услуги царю за огромное жалованье в 400 золотых в день. Я хочу привести эту историю для примера.

То было на пруде при дворе царя Шудраки. Пришел туда однажды откуда-то раджпут и сказал:

— Я раджпут, ищу заработка: пустите меня к царю.

Когда ему дана была аудиенция, он сказал:

— Ваше величество! Если вам нужна моя служба, то возьмите меня на жалованье.

— А сколько же ты хочешь жалованья? — спросил Шудрака.

А Виравара отвечал:

— Четыреста золотых в день.

— А какое у тебя оружие? — поинтересовался царь.

— Две руки, третий — меч, — ответил Виравара.

Царь услышал это и отказал раджпуту. После чего Виравара поклонился и ушел. Тогда советники сказали царю:

— Ваше величество! Наймите его на четыре дня, чтобы узнать, какой в нем толк, стоит он таких денег или нет.

Послушавшись этого совета, царь призвал Виравару, дал ему бетеля и четыреста червонцев и тайно велел разузнать, что он с ними сделает. Оказалось, что половину их он отдал

в дар богам и брахманам, половину остатка роздал бедным, а остальное истратил на пищу и удовольствия. Он считал своим долгом так поступать ежедневно, а в царские покои и домой к себе отправлялся, только когда царь сам отпускал его.

И вот на четвертую ночь царь услышал жалобный крик и спросил: «Кто там на страже?»

— Я, Виравара! — последовал ответ.

И царь сказал ему:

— Пойди и узнай, что это за крик.

— Слушаюсь, ваше величество! — сказал Виравара и побежал.

А царь подумал: «Нехорошо, что я послал раджпута одного в такую непроглядную тьму: пойду и я узнаю, что там случилось». Тогда и царь взял меч и следом за Вираварой вышел за ворота. А Виравара, идя на голос, встретил молодую и красивую женщину, всю в дорогих украшениях. Она стояла и горько плакала. Он спросил ее:

— Кто ты и о чем плачешь?

Женщина отвечала:

— Я — богиня счастья царя Шудраки. Долго я отдыхала в великой радости под его сенью, а теперь должна покинуть его.

Виравара спросил:

— А как сделать, чтобы ты снова соблаговолила возвратиться?

— Если ты принесешь в жертву Всеблагой Богине Сарасвати своего сына, Шактивару, у которого на теле тридцать два знака счастья, тогда я снова останусь здесь, и надолго, — отвечала богиня.

С этими словами она исчезла. Тогда Виравара отправился к себе домой и разбудил жену и сына. Когда они проснулись, Виравара рассказал им, что сказала ему богиня счастья. Услышав это, Шактивара обрадовался и воскликнул:

— Как я счастлив, что могу послужить спасению царства моего повелителя! Чего же медлить, отец? Ведь так редко наше брренное тело может пригодиться для такого благого дела. И деньгами и жизнью разумный человек должен жертвовать ради другого: ведь и то и другое неизбежно погибнет, так лучше отдать их на доброе дело.

А мать Шактивары сказала:

— Если этого не сделать, то чем другим можно оправдать ту большую плату, которую мы получаем?

После этой беседы все отправились в храм и обратились к богине с такими словами:

— Богиня! Будь милостива! Да будет благополучие великому царю, Шудраке! Прими эту жертву!

Сказав так, он отрубил сыну голову. А затем подумал: «Теперь я оправдал жалование, которое получил от царя. Но без сына и мне жить не стоит», — и отрубил голову и себе. После этого зарезалась и жена его в тоске по мужу и сыну. Царь, который все это видел и слышал, был так поражен, что подумал: «Живут и умирают подобные мне мелкие людишки, а такого, как этот человек, не было на свете и не будет.

К чему же и мне царствовать, если его больше нет на свете». И Шудрака поднял уже было меч, чтобы отсечь себе голову, но Всеблагая Богиня остановила царя и обратилась к нему с такими словами:

— Сын мой! Довольно убийств! Теперь твое царство будет непоколебимо.

Царь пал на землю и взмолился:

— Богиня! Не нужно мне ни царства, ни жизни, и если ты милостива ко мне, то отдай остаток моей жизни ему, его жене и сыну. А я сделаю то, что хотел.

Богиня отвечала:

— Я довольна твоим благородством и вниманием к слуге. Иди и будь победоносен. А этот раджпут с семьей будут живы.

Тогда Виравара с женой и сыном вернулись живыми к себе домой, а царь возвратился во дворец, ими не замеченный, лег и заснул. Когда потом царь позвал Виравару, снова стоявшего на страже, тот сказал ему:

— Ваше величество! Той ночью плакала женщина. Увидев меня, она исчезла в темноте, и больше ничего не произошло.

Услышал царь эти слова, обрадовался и подумал: «Какой похвалы достойно такое необыкновенное благородство! Не скупись на доброе слово; будь героем и не хвастайся; будь щедр, но не с теми, кто этого не стоит; будь смел, но без грубости. И все эти признаки великого человека есть в нем».

Наутро царь собрал всех мудрецов, рассказал им всё, что случилось, и в знак милости к Вираваре отдал ему Карнатское царство.

Эта кровавая история, которая имела место ночью в храме богини Кали и закончилась хеппи-эндом, потому что все были готовы к безграничной жертве, соответствующей кроваво-жестокому желанию богини, является одной из многих. Она излагается и в известном собрании сказок, историй и легенд «Катхасаритсагара» («Океан сказаний», буквально «Океан рек повестей»), в котором его автор Сомадева представил своего рода энциклопедию древнеиндийских преданий; там она изложена в «Книге о Шашанкавати»¹, в одном из 25 рассказов ветапы, то есть демона, вселившегося в мертвеца, а также в ещё одном похожем рассказе, который представлен в версии Шивадаса²:

Два друга отправились к священному месту купания Кали и увидели там прекрасную девушку. Один из них воспылал любовью к ней и заявил, что умрет, если не возьмет ее в жены. Его друг обратился к родителям девушки и договорился о свадьбе. Вскоре после свадьбы молодожены вместе с другом отправились к родителям молодой жены. По дороге они приблизились к храму Кали. Молодой супруг попросил жену и друга подождать у храма, пока он не почтит богиню.

Внутри храма он увидел ее кровавое триумфирующее изображение, когда она восемнадцатью могучими руками разрывает на куски разъяренных демонов, а ногой повергает демона в образе быка, и на него — согласно божьей воле — снизошло просветление: «Народ многими жертвами живых существ почитает Богиню, — как я могу не получить ее милость для своего спасения, ведь я могу принести ей в жертву себя»³. Он поднял меч, лежащий в тихой целе, и сам отрубил себе голову.

Его друг не дождался его снаружи у храма и вошел внутрь, чтобы посмотреть, где он. Когда он нашел его обезглавленного в луже собственной крови, его охватило отчаяние и он также сам отсек себе голову. В конце концов в храм зашла и молодая жена, чтобы посмотреть, где же оба спутника. Когда

она увидела два обезглавленных тела в море крови, она с горя хотела повеситься на лиане на ближайшем дереве, но голос Богини остановил ее и повелел оживить обоих. Для этого она должна была приложить отрубленные головы к их телам.

Она поспешила сделать это, но в спешке ошиблась и перепутала головы: она приложила голову своего супруга к телу его друга. Но кому она теперь принадлежала? — Мудрый король, которому вела задавал вопрос, ответил так. Тот, кто носит голову ее мужа, и является ее супругом, как жена является величайшей из услад, так и голова является величайшей из членов тела.

Так молодая супруга получила тело друга с головой мужа, — может она втайне желала этого, перепутав головы? Может брак был несчастливym и супруг именно поэтому был готов к смерти и желал избавления? В истории нет ни единого намека на это, в ней просто рассказывается, что произошло, а дикий ошибка могла случиться просто из-за волнения в кровавой атмосфере храма. Пугающая готовность к смерти перед лицом Богини являются тем, что так волнует и изумляет западного слушателя или читателя в народных сказаниях Индии.

Для индуизма они являются привычными, а для нас просто ошеломляющими. Культы Великой Богини и мифы о ней отмечены в Индии потоками крови, проливаемой в ее честь. В Деви Патан, «городе Богини», — сегодня это деревня в округе Гонда, область Ауд — находится одно из древнейших святилищ Лунной Богини северной Индии; остатки строений эпохи Гуптов конца четвертого столетия от Р.Х. свидетельствуют о том, что ее древний культ уже в те времена был брахманизирован. Мать Земля почитается здесь как Дурга, то есть «труднодоступная» и «опасная», или как Парвати, то есть «дочь горы», имеются в виду Гималаи. На ее великий храмовый праздник весной — то есть во время нового оплодотворения природы — прибывают паломники с окрестных равнин и с гор, расположенных к северу. Один англичанин, который в 1871 году присутствовал на празднике, сообщает, что в храме каждый день забивали около 20 буйволов, 250 коз, а также такое же количество свиней. Под жертвенником была выкопана глубокая яма, наполненная свежим песком; песок впитывал кровь обезглавленных животных. Песок меняли два раза

в день, а пропитанный кровью закапывали в землю как удобрение. Все происходило в чистоте, без кровавых остатков и тошнотворного запаха. Сок жизни, кровь, должен был придать новые силы и плодородие древней Богине Земли, дочери горы, земная сила которой очень сильно ощущалась на фоне близких вздымающихся к небу вершин, чтобы она обеспечила новый урожайный год.

В наше время храм Кали под названием Калигат в Калькутте известен в качестве главного места принесения ежедневных кровавых жертв; вероятно, это самая кровавая святыня на Земле. Во время крупных паломничеств на ежегодный праздник Дурги или Кали (Дурга-пуджа) осенью в течение трех дней забивают до 800 коз, при этом храм служит просто как бойня, жертвователю достается туша, храм берет себе только голову в качестве символического дара, а кровь идет Богине. Ведь ей в качестве жертвы причитается кровь всех существ, — это ведь ее дар, — поэтому животное должно забиваться в ее храме; поэтому храм и бойня едины.

Естественно, все это сопровождается ужасом и грязью; на пропитанной кровью земле горой перед образом Богини как трофеи складываются головы животных, а жертвователь с тушей животного отправляется на праздник в кругу семьи. Богиня желает только крови жертв, поэтому обезглавливание является формой преподнесения, жертвы истекают кровью быстро и основательно. Поэтому персонажи историй из «Хитопадеша» и «Катхасаритсагара» отсекают себе голову; голова подразумевает целое, полное самопожертвование.

В «пугающем образе» (гхора-рупа) Богиня как «Кали», «Темная», подносит к своим губам наполненную свежей кровью чашу из черепа: один из ее образов для внутреннего преклонения отличается кроваво-красным одеянием, она стоит на лодке в море крови: в потоке жизни, жертвенного сока, который ей нужен, чтобы в своем милостивом образе (сундара-мурти) Матери Мира (ягад-амба) дарить жизненным образам бытие, чтобы в качестве Мировой Кормилицы (ягад-дхатри) кормить их своей грудью и давать им питание (анна-пурна).

Древнее воззрение, начало каменного века: природе следует повсеместно помогать, само собой и в ней ничего не происходит. Изначальный человек мог мало, а она уже тогда могла многое сама по себе. Ничего не происходит само по себе, ни в космосе, ни в человеке. Нужно поднимать шум, чтобы освободить Луну из когтей затмения и прогнать его демонов,

девочка должна в образе молодого Солнца все выше и выше взлетать на качелях в небо, чтобы Солнце скорее вышло из своей зимней бессознательности и начало подниматься все выше и выше в небо. Мать Земля должна оплодотворяться и напитываться соком жизни, она должна вынашивать плод и давать питание жизни. Изначальный человек нуждается в своего рода «обряде вступления», небольшом волшебстве для всего: чтобы быть охотником, воином, даже любовником. Ему необходимы побуждение и силы для всех действий. Так и древние силы нуждаются в том, чтобы их пробуждали вновь и вновь и давали им энергию на все действия, которые являются их вечной сутью.

Так гонды освежали плодovitость земли человеческой кровью, пока британское правительство не прекратило такие деяния; человеческая жертва (мериа) Богине Земли Тари Пенну обеспечивала хороший урожай и защищала от бедствий и несчастий. Жертву покупали, ее хорошо кормили, принесению жертвы предшествовали торжества. Ее умащивали животным маслом, растительным маслом и порошком из корней куркумы, торжественно водили от дома к дому, а затем душили. Мясо жертвы распределялось между участниками праздника, которые закапывали его на своих полях или сжигали, а пепел рассеивали по полям — так они оплодотворяли почву. Все части тела жертвы, волосы и слюна обладали чудодейственными свойствами, — ведь это больше не был просто человек, как все остальные; он, пройдя посвящение посредством волшебства, становился своего рода гением плодородия.

Главным божеством центральных провинций Индии является Дхарни Деота, «Земля, Богиня»; ее муж и спутник, Бхатарси Деота, является богом охоты, он родственен Шиве, властелину диких животных и джунглей, который держит лук. Деревянный треугольный столб представляет Богиню: символ лона (йони) и божественной мировой силы (шакти) в Тантрах, — символ Великой Богини. Каменный образ в ногах обозначает мужского Бога: сестра лингама, который символизирует Шиву. Камень поливают кровью буйвола, который заменил человеческие жертвы из прошлого. В Калаханди вместо человека в жертву приносят ягненка, мясо которого режется на кусочки, зарываемые в землю на полях, чтобы сделать их плодородными. «Кадамбари» Бану, санскритский роман седьмого столетия от Р.Х., намекает в описании храма «гневливой Богини» (Чандики) на человеческие жертвы; а в патетической любовной драме Бхавабхути

«Малати и Мадхава» в пятом акте описывается попытка жрицы Чамунды — грозной формы Богини — принести в храме Чамунды в жертву девушку, которую она похитила. Богиня в качестве универсальной жизненной силы неумолима как и сама жизнь, она питается кровью своих собственных созданий.

Происхождение Богини теряется в древних временах, которые в Индии все еще являются современностью в народных обычаях и крестьянских культах плодородия. Ее самые ранние идола были открыты в Мохенджо-Даро, городе доарийской цивилизации долины Инда третьего тысячелетия до Р.Х. Здесь найдены изображения, которые приобрели большое значение в более позднем индуизме: изображение божественного йога, владыки зверей с рогами оленя, которого можно сравнить с Шивой, а также божественные культовые символы полов: лингам и йони.

В брахманистский мир переселенцев-ариев Богиня триумфально приходит в одной из младших Упанишад Веды, в которой объединяются ранее эксклюзивная жреческая традиция пришлых ариев и древняя традиция индийской земли: там парабола объясняет даже сущность «брахмана», таинственной, приводящей все в движение силы. Для этого используется основной мотив индийских мифов, вечная борьба богов и демонов за владычество над миром³. Брахман принес богам победу, но они не осознали этого и начали превозносить свое Я: «Это мы победили, нам принадлежит слава»! — И тут таинственная сила стала видимой для них, но они не узнали ее и начали спрашивать друг друга: «Что это за таинственное чудесное существо»? — Они отправили к нему Бога Огня, чтобы кое-что разузнать; он назвался и начал похваляться тем, что может все сжечь, — но не смог ничего сделать соломинке, которую ему дал брахман. Потом прибыл Бог Ветра, который окружил себя вихрями, — но он не смог сдвинуть соломинку с места. Тогда боги попросили своего царя Индру разобраться с таинственным чудесным существом; он поднялся в небо, но встретил там прекрасную богиню Уму, дочь Гималаев. Он спросил у нее: «Что это за таинственное чудесное существо»? И дочь горы, Парвати, чуждая миру ведических богов, но издревле принадлежащая индийской земле по своему отцу, знала ответ: «Это брахман», — вы похваляетесь победой, которой добился брахман.

Лишь богиня знает о движущей все мировой силе, которая помогла богам победить, проявившись в них, при этом они сами не заметили

этого. Они думали, что сильны сами по себе, но они ничего не смогли сделать против этой силы, даже против соломинки, наполненной этой силой. Богиня знает о вселенской силе, которая на жаргоне ведических жрецов называется «брахман», а в индуизме «шакти», ведь «шакти» — это и есть сила, это сущность и имя самой Великой Богини, поэтому она может рассказать богам о чудесном существе и спокойно выступает в качестве учителя, приобщающего их к тайне: ведь это ее собственная тайна.

Позднее в индуизме все боги будут знать об этой высшей женской силе, а также о том, что их мужские ум и гордость ничего не значат без нее, — об этом рассказывает миф о возникновении Богини⁴. В этот раз боги были побеждены в борьбе с демонами; демон-бык захватил всю власть над миром; изгнанные из своих мест обитания бессмертные бессильно направляются во вселенную к Вишну и Шиве, Великим Богам, которые выше мировой игры и ее перипетий. Они вмешиваются в борьбу божественных и демонических сил только чтобы помочь снова привести к победе божественный порядок. Яркое пламя гнева вырывается из обличий обоих богов, когда они узнают о победе антибога, и у всех остальных богов бессилие превращается в ярость, огненные лучи вырываются из их тел; обжигающий жар становится сияющим образом и Великая Богиня предстает перед взором всех как объединение их самых глубинных сил. Она берет оружие всех богов в свой лес рук и украшает свое тело всеми их символами и чудесами: в качестве символа всех космических сил, которые, разделенные на множество образов богов, были побеждены неизмеримой силой демона-быка. Она вступает в битву и побеждает его, хотя он, чтобы противостоять ей, принимает все новые и новые обличья.

В данном случае боги признают, отдавая свое оружие и символы, что вся божественная сила вселенной, которая проявляется в массе образов, является единой силой: силой Шакти и Матери Мира.

Миф, собственно, не может рассказывать о возникновении великой Матери-Богини, в нем просто показывается, как она возвышенно появилась перед взором богов. Мифологическое сознание уверено в ее безначальности, которая дана в понятии «мать»: она является матерью всего проявленного и сущего. Спрашивать о ее происхождении на мифологическом уровне — это так глупо и дерзко, что может привести к потере дара речи от ужаса, как это случилось с адептом, который поднял покрывало богини в Саисе. Богиня

в Саисе — это ведь Мать-Богиня, которая говорит: «oudeis emon perlon anheile» — «никто не приподнял мое покрывало»: речь идет о покрывале, которое скрывает ее женскую наготу, под покрывалом имеется в виду одежда, — никто не приподнял мою одежду и не посмотрел на мое лоно, — не посмотрел на меня, не победил меня, не сделал меня беременной. Я мать без мужчины, прамать, все являются моими детьми. Кто решится на то, чтобы поднять мое покрывало, тот обесчестит мать. (Он должен будет заплатить за это как Хам, который глазел на наготу праотца Ноя.)

О ее происхождении, ее рождении не может быть и речи, говорят только о ее разнообразных проявлениях: из гнева и жара всех богов, возвративших взятую у нее силу, которую она собрала снова и стала всепобеждающей, или ее внезапное появление на небосводе, чтобы произвести посвящение Индры и других богов в таинственную мировую силу, которая неожиданно стала видимой для них, дала им почувствовать их бессилие и которая собственно является тайной самой богини.

Она непостижимым образом удерживает в своем плену одного из верховных богов Вишну как Великая Майя (Маха-Майя) или «Йога-Нидра», находящегося в дреме, в которой он видит всю полноту мира как собственный сон и приводит его в движение. Это похоже на медитацию йогина. На лотосе, который вырастает из пупка дремлющего бога, возлежит Брами, плод его чистейшей ясности, который созидает миры, но из обеих ушей Вишну выходят два могущественных демона. Это хищная страсть и животная тупость, игра которых приводит в движение мир и ведет его сквозь все великолепие и дикость, через сражения, ужас и уничтожение. Оба демона хотят в клочки разорвать Брамму как своего великого противника, но чтобы игра мира не окончилась, верховный бог должен выйти из дремы и спасти Брамму от них. Для этого Брами взывает к Темной Богине, чтобы она пробудила спящего Вишну, и славит ее: «О, Великая Мудрость, Великое Наваждение, Исток Всего и Ночь Смерти Вселенной, Сила Всех Существ, высшая Мать-Богиня!» И она выходит из спящего как дым изо рта и носа. После этого он пробуждается, чтобы победить обоих демонов, являющихся плодом его всесущности⁵.

Великая Богиня — это жена всех богов, это их сила, которая приводит их в движение и делает их тем, чем они являются, без нее они не могут ничего. В качестве женской силы (шакти) Браммы она

является богиней речи (Вак, Сарасвати), стихии откровения и учения мудрости; ее часто называют «Майя Вишну», потому что Вишну, Блоститель, со своими аватарами является главной фигурой мифов индуизма во время его расцвета, и лишь в последнюю эпоху его затеяет Шива, Разрушитель. И в конце концов Великая Богиня, супруга Шивы, перерастает их обоих.

В качестве Гаури (Светлой, Благой) она покоится на Шанкаре, то есть Благом, Благодатном Шиве, избавляющей смерти, который как неподвижная гора распростерт под ней. В ненасытных объятиях она охватывает его как его жизненная сила (шакти) и наслаждается им, как в египетском мифе Исида в образе ястреба парит над мертвым Осирисом, возбуждает его умершую силу к новой жизни и в итоге рождает от него Гора. Вечное переплетение божественной пары, Гаури и Шанкары, воплощено в горе Гауришанкар, очень высокой горе с ледниками, охватывающими устремленную ввысь вершину.

В качестве Кали, «Черной» она стоит в венке из отрубленных голов и рук своих жертв вместо цветов на лежащем мертвым Шиве, в руках она держит открытый лотос, исток жизни, и меч смерти (или ножницы Парки). Без нее Шива всего лишь труп (шава): его сила поднялась над ним, и он лежит безжизненный под ее ногами; но ее стопа касается его. На тантрических миниатюрах эти образы могут изображаться и чуть иначе⁶: на земле лежит мертвый бородатый аскет: это покой Божественного, обращение его к самому себе, когда не происходит ничего; а на нем находится обращенный к Богине, оживленный ее стопой образ юноши, вечная молодость бога: он поднимает руку как во сне и касается головы, — в нем встречаются равная смерти вечность отдалившегося от мира Бога и вечная живость божественной силы как мировой игры.

В другом месте, в мифе об Андхаке⁷, «Слепом», Богиня является размноженной как целый древний хор Матерей-Богинь, которые были характерными для доарийской индийской народной религии. Андхака, «Слепой», это асура, антибог или демон, воплощение слепой, необузданной жизненной силы (асу) в противостоянии богам, у которых больше ума и света, чем глупой силы. Он был черным как тени для век и благодаря пламенной аскезе получил бессмертие. Однажды он подслушал, как Великая Богиня занималась любовью с Шивой, и захотел ее похитить. Началась битва бога и демона, но Шива с помощью своего чудесного оружия «стрелы владыки зверей»

может всего лишь ранить противника, а не победить его. Каждая капля крови из ран превращается еще в одного слепого, сотни и тысячи их окружают Шиву, он разит их своим копьем, но подобно гидре они возрождаются, увеличиваются в количестве и бросаются на него.

Тогда Шива призвал Чамунду или Сапта-Матрик (Семь Божественных Матерей) для того, чтобы они выпивали кровь Андхаки. Эти ужасные матери, силы всех богов, носящие их имена — «вепре-головая» по Вишну в образе вепря, подобная ветру, солнцу и луне (в целом называется больше 190 разных имен), — бросаются на кровь и выпивают ее; но сок жизни, который они выпивают, делает их плодовитыми, из них появляются новые демоны, нападающие на Шиву. Тогда Шива обращается с мольбой к Вишну, блюстителю, и тот создает «высохшую Ривати», — она за одно мгновение выпивает кровь всех демонов; но чем больше она пьет этой крови, тем больше высыхает. Она — это смерть вследствие жгучей жажды, из которой не рождается ничего живого. Так гибнут все демоны кроме первого, который был неуязвим для смерти. Шива поднял его на свой трезубец. В последний момент Андхака воздал ему хвалу, благодаря чему получил прощение и стал главой ганов, слуг Шивы.

Но войско матерей закричало от ненасытной жажды крови, они хотели проглотить все миры, включая богов и демонов. Напрасно Шива обращался к ним: «Ваше дело заключается в том, чтобы защищать все существа, откажитесь от своего мерзкого намерения!» — но они не слушали его. Шива снова был вынужден обратиться к Вишну-Блюстителю, чтобы противостоять силам уничтожения, которые он сам призвал. Ужасное проявление Вишну (гхора-мурти) получеловек-полулев (нарасимха), разрывающий когтями тело поверженного врага⁸, смогло противостоять своим гневом их ужасу. Из своего языка он сотворил «госпожу речи» (Вак, Сарасвати, шакти Брахмы), из собственного сердца «Майю», свою собственную шакти-блюстительницу мира, и из своего полового органа «украшенную венком цветов форм бытия» (бхавамалини), — а из своих костей Кали, Темную, поглощающее всё время, госпожу мест казни в венке из костей. О ней говорят: это она выпила кровь демонов и ее называют на земле «высохшей Ривати». Эти богини набросились на буйствующих матерей, которые вышли из Шивы, и вынудили их обратиться за защитой к Вишну. Вишну приказал им: «Как люди и животные долго лежат порожденное ими, так и вы должны беречь миры, защищать благочестивых и выполнять

их желания». — Так ужасные умиротворяются, их яростная дикость уходит; в мифе их изначальная ужасность превратилась в привязанность к Богу-Блюстителю: они вошли в круг благословляющих божеств, которые в рамках культа близки к благочестивым людям. Умиротворение как в греческом мифе, когда гневные эринии превратились в милостивых эвменид.

А Андхака, демон неистощимой жизни, каждая пролитая капля крови которого превращается в нового Андхаку, напоминает Лернейскую гидру, змеино-хтоническую жизненную силу, у которой на месте каждой отрубленной головы выросло семь новых. И только пламя огня, который Прометей украл на небе, в руке Геракла помогло победить ярость этого земного существа. В индийском мифе никакой Геракл в ходе выполнения своих подвигов не убивает гидру, — в любом случае уничтожение гидры является всего лишь одним звеном в цепи противостояния с его врагом Герой, Богиней Луны и Матерью Землей, которая не хотела отпускать его и послала к его колыбели чудовищных змей, которых младенец Геракл задушил и таким образом впервые продемонстрировал свою сверхчеловеческую силу.

Победа над гидрой в одном случае и над Андхакой в другом имеют, так сказать, противоположные знаки. В Элладе имеет место действительно победа над материнским принципом, а в Индии он умиротворяется и вводится в круг священных сил. При этом матери не теряют ничего из своего величия и мощи.

Преодоление земного и материнского жизненного принципа Гераклом (и Тесеем), посредством победы Аполлона и небесных богов, как Бахофен выразился по поводу Античности, находит свое христианское соответствие в Спасителе, нога которого раздавливает змею. Эта христианская победа мужского и небесного принципа над женским и материнским наиболее мягко описывается в определенных изображениях вознесения Марии, например, в Сьене⁹. Мария лежит бездыханной на своем ложе, окруженная апостолами, Божий Сын со свитой ангелов спускается с небес, чтобы забрать ее душу с собой. Он стоит у ее ложа и держит на руках ее душу в образе младенца: сын держит свою крошечную мать, прижав ее к груди, как однажды мать держала на своих руках его новорожденного. Женский земной принцип, в котором божественное в форме сына нуждалось для того, чтобы спуститься с небес и обратиться в земного человека, стал «*Mater purissima*», «*Vas spirituale*», то есть

духовным сосудом¹⁰, у нее забрали все земное, в том числе изначальную земную силу. Божий Сын берет земную мать как невинного ребенка на свое небо, чтобы возложить на нее там корону: материнское и земное при этом полностью уничтожается противоположной мужской и небесной силой и она поглощается небесной сферой. Триумф, с которым Кали попирает труп Шивы, является полной противоположностью этого, своего рода ответом Индии на христианскую Мадонну на руках сына, который берет ее с собой к небесной жизни.

II

Идея избавления всюду связана с мистериями Великой Матери, — как душа в своем высшем стремлении может не обратиться к древней Великой Богине и не ожидать от нее материнского утешения, сил, которых ей иначе взять неоткуда? Естественно, всемогущество Матери в качестве Великой Майи и неистощимого лона творчества вызывает такой вопрос: «Кто избавит мир от матери?» или: «Кто избавит мать от самой себя? От этой немой одержимости самой собой? От неистового материнства, в равной степени поглощающего, но и питающего все?»

Геракл и Иисус являются двумя мужскими ответами Запада на этот вопрос. Йог, который воспринимает всех богов как скованных майей владык космических пределов и поднимается к освобождению от мира в целостности его связей и содержания, к полному отъединению индивидуального духа от первоматерии (кайвалья), — это индийский мужской путь. Наиболее известным в мировом масштабе представителем этого пути является Будда.

Миф о Будде также намекает на освобождение от матери: она умирает на восьмой день после рождения Избавителя и в одном из преданий ее называют Майей. Будда не рождается из лона матери, как другие живые существа, он, как и другие носители нового мирового порядка, например, Индра в Ведах, выходит из ее бока и с первого вдоха обладает сознанием. Он совершает торжественные шаги во все четыре стороны света и провозглашает: «Я самый старший, я величайший в мире»! — праматерь без мужчины устраняется в качестве первоначала бытия, покончено с почтенным материнским лоном, которого не видели ни одни глаза.

Младшая сестра матери, которая воспитывает осиротевшего Будду, называется в палийском каноне буддизма Махапраджапати — это имя становится понятным, если прочесть его на санскрите как Маха-Праджавати, то есть «Великая богатая творениями». Но само это имя приобретает смысл только если перенести его как «майю» на мать Будды как отражение Великой Праматери, как преодоленную мифическую мировую силу: «Великая богатая творениями» — это естественное название для великой Матери Мира, чье принуждение к производству на свет и принятию в себя жизни во все новых существах на протяжении эонов было разрушено просветлением Будды.

Естественно, Великая Мать не была бы приводящей все в движение мировой силой (шакти), которая воплощается во всех образах индийского пантеона и которая в каждом творении и в любых проявлениях творений рождает самой себя, если бы ее представляли только в виде костлявой фигуры со смертельным оружием в поднятых руках и пьющей кровь уничтожительницы; начальная молитва Калика-пураны славит ее «как Спасительницу (тарани), как Выводящую за пределы из темноты незнания и как изначальную силу победы над самим собой и освобождения» — и одновременно превозносит ее в качестве «чаровницы (вимохини), которая очаровывает всех живых существ и поэтому является майей раскрывающегося Бога, уничтожающей простое сознание существ». Всесильная завораживает и запутывает в качестве Майи и незнания (авидья) и выводит за пределы (тарани, Тара) в качестве просветляющего знания (видья).

«Тара» — это Великая Богиня как защитница и избавительница. «Тарати ити Тара» — «она дает счастье, поэтому имя ей Тара¹¹». — Рельефное изображение Тары (1096 год от Р.Х.) показывает ее в качестве спасительницы в беде: она защищает от воды, огня и ветра, от слонов, львов и змей, от демонов и несчастья в открытом море, от тюрьмы, воров и королей. — Брахманда-пурана называет Тару (в ее воплощении Курукулла) «владычицей судов» (Наукешвари), «которая может успокоить наводнения¹²». У нее есть бесчисленные прислужницы на судах, которые занимаются спасением попавших в кораблекрушение. В этом она похожа на Мадонну в качестве «Стелла Марис», то есть «Звезды Морей», у которой христианские мореплаватели просят защиты и помощи. — Всеспасительница говорит о себе: «Из океана многих страхов я хочу спасти существ, поэтому мудрейшие среди мудрых почитают меня как Тару¹³».

В своем духовном образе посвящающей мудрости и освобождения от сансары она родственна христианско-гностической Софии. Подобно Лакшми, богине земного счастья и изобилия, появившейся из мирового океана, когда боги его пахтали, чтобы получить напиток бессмертия, Тара появилась при пахтании океана мудрости, как его квинтэссенция¹⁴.

Великая Майя охватывает в качестве «Спасительницы» (Тарини) в вечных любовных объятиях Шиву, «Неподвластного», который в кристаллической невозмутимости своего погружения в йогу божественным образом представляет позу освобожденного (его двойник — это космический Будда Акшобхья).

В качестве «совершенства познания» — Праджня-Парамита, — которая дает просветление и нирвану, Тара является высшей женственностью в кругу будд и бодхисаттв. Она особенно почитается в матриархальном Тибете. — Тара считается шакти избавителя Авалокитешвара (в Китае Гуаньинь, в Японии Каннон), если этот бодхисаттва имеет мужское воплощение. — В тантрическом буддизме она поднимается до зенита пантеона: в качестве Праджня-Парамита она является матерью всех будд, — она является собственно просветлением, которое делает буддой; «парамита»: «переход (ита) на другой берег (парам)», она переводит через поток сансары на потусторонний берег нирваны. Ее символ как мудрости просветления — это книга на лотосе рядом с ее плечом, она держит руки как колесо внутреннего наблюдения за истинным учением (дхармачакра-мудра). — Так она в итоге становится (она уже является Великой Майей Вишну и шакти Шивы в качестве верховного бога) шакти Ади-Будды, космического олицетворения всех будд и бодхисаттв, их вневременного единства.

Буддист космического толка видит будд в нирване в вечных объятиях с их шакти, как индуи видит божественную пару Гаури и Шанкара. Эти вневременные любовные объятия являются высшим «четвертым» телом будд, превышающим три остальные: чувственный мир, в котором будды появляются перед внешним взором; внутренний взор, которым космические будды одаряют за погружение в йогу; «алмазная сфера» кристаллической отрешенности, которая подразумевает просветление и свободу¹⁵. В этих парах будд с их шакти находят трансцендентальное отражение пары древних Богинь-Матерей или Матери-Земли с их мужскими образами (демон плодородия, небесный, владыка зверей и т. д.). Но эротический образ этой пары

указывает на триумф вечно-женского над мужской аскетичной духовностью учения Будды. Так поднятие Великой Богини в качестве шакти в позднем индуизме выше Брахмы, Вишну и Шивы, а также всех остальных мужских богов брахманистского пантеона указывает на победу ее образа над всеми остальными в Индии.

«Совершенство познания» — Праджня-Парамита — считается «белой» формой Тары; другая благотворная форма — это «зеленая» Тара. Но у матери-«спасительницы» есть и ужасные образы: «синий», «желтый» и «серый». Сине-черный — это цвет смерти; синяя Тара сидит верхом на трупе, в руках у нее меч и ножницы, а на шее ожерелье из черепов. У нее оскаленные зубы и свисающий язык, короткое тело и отвисший живот. Она представляет темную, уничтожающую сторону Всебогини, уравнивающую ее милостивые стороны. Избавительные светлые цвета являются всего лишь одной частью спектра ее сущности, они внутри связаны со своими противоположностями: с темной стороной, которая как действительная часть жизни также достойна почтения и близка человеку не меньше светлой стороны.

Волшебница Великая Майя, которая в вожделии удерживает всех в ужасе сансары, не может быть обвинена в этом как искусительница к многообразно-всеобъемлющему бытию, к океану жизни, из ужаса которого она спасает некоторых как «владычица лодки», при этом все море жизни является мерцающей, волнообразной игрой ее шакти. Из этого потока замкнутой на саму себя жизни выплывают отдельные люди, которые готовы к спасению согласно аллегории Будды: как цветы лотоса, которые поднимаются над гладью воды и подставляют себя под вечный свет неба. Остальные пребывают в глубине, полной чудовищ и темного оупения, кажущейся преисполненной сокровищами, жемчугом и кораллами. Богиня, которая «состоит из всех существ и миров» (джаганмайи), является истоком моря жизни, омывающего, удерживающего и разлагающего все формы жизни. Эти формы жизни в вечном кругообороте жадно поглощают друг друга. Тот, кто так понимает Мать, не просит освобождения от нее, он стремится к освобождению от самого себя, от представлений своего «я», к искреннему соединению с ее вечной силой.

Вишну однажды летел на солнечной гаруде, своей ездовой птице, и видел в себе высшее всесущество, которому невозможно противостоять¹⁶. Они пролетали мимо горы Нилгири, на которой восседала

Великая Богиня как «владычица всех желаний и радостей¹⁷», но ни Вишну, ни гаруда не обратили на нее внимания: «лети, лети», — говорил Вишну гаруде. Тогда Великая Майя наслала на них оцепенение, так что они не могли сдвинуться с места. Вишну пришел в ярость, ухватил гору Нилгири обеими руками и попытался сотрясти ее, но у него ничего не получилось. Он был околдован и обездвижен майей Великой Майи, и они упали вместе с гарудой в мировой океан и погрузились до самого дна. Вишну напрасно пытался подняться оттуда. Он не мог сделать ни единого движения и потерял сознание. Потому что он не почитал шакти, мировую силу, которая является истоком всякого движения, как телесного, так и духовного, она ушла от него магическим образом: и он стал неподвижным, беззащитным и бездыханным.

Брахма, Творец, пошел искать его и нашел в итоге на дне океана: он как будто растворился и вернулся к первооснове. Брахма ухватил его и хотел вынести на поверхность, но не смог этого сделать. Преисполненный удивления он застыл и сам, взятый в плен силой Богини. То же самое произошло и со всеми богами, которые вместе с Индрой отправились искать обоих и напрасно пытались поднять их из глубин океана.

Тогда Брихаспати, жрец и духовный учитель богов, который обнаружил их отсутствие в соответствующих сферах, отправился к Шиве, в одиночестве прибывающему на Гималаях, и спросил его почтительно о месте пребывания богов. Только Махадева, Великий Бог, знает о тайне Великой Богини, супругом которой он является, он дал понять жрецу богов (которые в очередной раз показали свое незнание перед лицом высшей силы вселенной): «Они проявили мало уважения к Великой Богине, Маха-Майе, из которой образован весь мир; поэтому Вишну и боги попали в плен ее майи и пребывают на дне океана. Я хочу пойти с тобой и освободить их, — без меня с тобой случится то же, что и с ними».

Они отправились к богам на дно океана, и Шива спросил: «Что вы тут делаете? Как вы стали застывшими и неподвижными как неодушевленная часть сознания?» — После этого вопроса Вишну, который опустился до самого глубокого слоя подсознания, постепенно снова обрел речь, он понял, что с ним случилось и почему это случилось с ним. Он попросил Шиву провести их всех к Великой Майе, которая пленила их на дне океана, чтобы они могли поклониться перед Милостивой (шива) и просить ее о благоволении.

Шива пообещал это; но чтобы это было возможными, он научил всех богов магической «защите» или «панцирю» (кавака) «владычицы всех желаний и радостей». Боги должны были научиться этой защите, чтобы освободиться от ее майи и наново припитаться ее силой. Именно такой панцирь защищал его самого от волшебства Майи, поэтому он не повторил судьбы других богов. И тот, кто целеустремленно тренируется в применении этого панциря, может взглянуть на Богиню. Он помогает исполниться всем желаниям. Наложением рук на все члены и органы от головы до пят, вызыванием многих образов универсальной шакти, которая действует в них, шаг за шагом все тело покрывается защитой. Скрытая в ней сила постепенно призывается к благословенному действию. Благодаря этому ритуалу ежедневного благоговения верующий поднимается к совокупности разнообразной силы Великой Майи, он транссубстанцирует свое несовершенство человека в ее священный сосуд.

Когда Вишну и боги почтительно с бормотанием призывов распределили наложением рук защиту по всему своему телу, они благодаря силе Великой Богини поднялись из глубин океана и отправились на Нилгири. Когда Вишну приблизился там к «владычице всех желаний и радостей», он осознал ее величие и начал прославлять ее как мать всех миров и существ, как исток и созидательницу вселенной, а также как знание, которое дает избавление. Тогда Богиня предстала перед ним в телесном воплощении и напоила Вишну и всех богов из потока из своего лона, а также дала искупаться в нем: «Благодаря этому ты не будешь пойман в миражи своего «я» и будешь преисполнен высшего героизма. И ты вернешься на свое место в небесном зените».

Эта церемония питья и купания в лоне Богини не означает торжественного подчинения высшему женскому принципу; это также не вынужденное униженное принятие победившего материнского лона, ведь это подчинение уже совершилось посредством ритуала «панциря» как священного принятия, — кто совершил этот ритуал, тот уже стал сосудом Богини, — полное признание Великой Богини в ее потрясающей мощи уже случилось, когда Бог-Блюститель произнес слова прославления ее. В данном случае речь идет о торжественном самопроявлении скрытой покрывалом Богини в Саисе: изначальное лоно, покрывало которого еще некто не открывал, открывает в индийском образе само себя в возвышенном акте благосклонности. Боги — и, как всегда в Индии, по их примеру люди, — почитают за честь купаться

в божественном источнике всего живого мира и пить из него, чтобы найти в его водах возрождение и высшую жизнь. Так по всей Индии паломники берут воду из священных источников или общаются у священных прудов и на местах для купания с чудесной силой бога, которая присутствует в них, например, семя Шивы в пруду золотых лотосов великого храма Мадур¹⁸. Все они являются «тиртха», то есть брод, куда можно войти, чтобы попасть через волны сансары на другой берег, к святости в боге и к освобождению от Я.

Так Вишну и боги купались в лоне Великой Богини и пили оттуда; потом, осчастливленные, освобожденные Богиней, они отправились на высокое небо. Там они увидели «владычицу всех желаний и радостей», парящую высоко в пространстве и окруженную тысячами гор Нилгири, к которым она прикасалась. И их склоны были усеяны лонами. Священное место паломничества и купания — тиртха йони — размножилось до мириад. Вполне раблезианское видение.

Боги мгновенно поднялись на тысячи гор Нилгири и повторили на их священных местах для купания общение с лоном Великой Богини. От этого они преисполнились несравненным восторгом. Избавленные от всех страданий и печалей, преисполненные священного изумления, они восхваляли лоно «владычицы всех желаний и радостей», благодарили Шиву и затем отправились своим путем.

Общение с жизненной эссенцией Богини смывает все страдания и печали. Шива, научивший «панцирю» Богини и его ритуалу, возвещает в конце: человек, который искупался в лоне Богини и испил из него всего один раз, больше не родится на земле, а достигнет высшей нирваны. Благодаря этому общению с ним происходит алхимическое превращение, транссубстанциация в божественное. Лоно Богини содержит алхимическую эссенцию философского камня, а кроме того, согласно словам Шивы, материнская кровь, которая питает плод внутри него, содержит красный мышьяк (манах-шила), минерал, который в Гималаях выступает из скал и, как говорят, обладает алхимической силой превращения. Он может превращать медь и другие обычные металлы в золото. В этом смысле он похож на ртуть как семя Шивы, которое имеет такую же силу и дает божественное бессмертие.

Он дает посвящение на всех уровнях и может трансформировать людей. При этом везде существует традиция и тенденция присвоения духовно-возвышенным практикам более высокого ранга по сравнению с чувственно-магическими. Ранга, которого в ходе развития культур

духовная стихия добилась по сравнению с материально-женской. Это развитие имело место под превалированием мужского принципа. И напротив, с культом Великой Богини в позднем индуизме архаичный бог через связанные с землей роды еще раз потрясающе поднимается в зенит. Древняя мать мира, с одной стороны, пожалуй, «избавляющее знание», «спасительница» и просветляющая сила в йогине, с другой стороны не теряет совершенно ничего из своей власти над осязаемым миром, которая в каждом образе является самопроявлением ее очаровывающей созидающей и разрушающей мир силы. Боги, которые почитают ее порождающее мир лоно, испытывают блаженство и становятся совершенными, так и культ чистых жизненных сил в тантрическом индуизме характеризуется освящением тварного в качестве осязаемого проявления непреходящей материнской силы в преходящем цветущем творении.

Так символы обоих полов, лингам и йони, становятся высшими культовыми символами, — в значительной степени они сохранили свое значение с древних времен и до современности. Вследствие этого любовная жизнь в индуизме, как минимум в шиваистской атмосфере, в отличие от полной секуляризации эротики в мусульманском и западном мире, характеризуется культовым обожествлением. Тантры учат, что мужчина и женщина должны приближаться друг к другу как к божеству. Супруг для женщины — как и учитель для ученика — является человеческой формой Шивы; безгранично принадлежать ему является воплощением ее религиозных жизненных обязанностей. Длинный миф о любви и браке Богини с Шивой, его драматические перипетии, расставания и воссоединения на протяжении эонов, ревность и жертвенная смерть Богини, ее борьба за Аскета¹⁹ являются для индийской женщины каноном образцового поведения вплоть до добровольной жертвенной смерти.

Почвой для этого мистического жизненного ритуала полов является то, что супруги воспринимают друг друга не как личность и индивидуальность, а как человеческую форму божественной мировой силы, которая проявляется в Шиве и Богине и соответственно во всех творениях. Архаическая ситуация, которую можно сравнить с ритуалом, когда в других странах король и королева как воплощенные божества Солнца и Луны торжественно соединялись, чтобы это вызывающее плодородие соединение принесло благословение стране и народу, была типичной. Возможный личный элемент склонности и игры мог вообще не приниматься во внимание.

Ситуация современного человека является совершенно иной. Он стал гораздо более осознанным что касается собственного Я. Но в результате этого он таким образом больше не умеет посредством ритуала приобрести божественность. Он знает границы между божеством и человеком, и они для него нерушимы. В этом заключается великая разочарованность более современного человека по сравнению с ранним, но именно она способствует развитию его личности: осознание и рефлексии, критика и беспокойство, вследствие этого материально-техническое владычество над обезбоженным миром, сентиментальный идеал просвещенного гуманизма с начала восемнадцатого столетия и холодная практика механизированной бесчеловечности с начала двадцатого столетия, — это потерянный рай былого, преисполненный страха и ужаса, с неограниченными взлетами и подменами, полный кровожадности и невинности.

Мужчина в этой сфере индуизма обязан видеть во всем женском, начиная с маленькой девочки, прежде всего самопроявление Великой Богини в мире форм. В эзотерическом ритуале девочка и женщина во плоти занимает место образа Богини, и в тайном ритуале тантры, открытом только посвященным, эротическое таинство полов поднимается над плотским наслаждением как высшее опьяняющее средство для освобождения при жизни. Именно в этом состоит природный смысл культа Великой Богини, несмотря на множество подозрений, отвержение и определенные ограничения.

Шива (в одной из тантр)²⁰ говорит Богине: «Как Богиня нераздельно соединена с Брахмой (символом творческой мудрости), так и призванный²¹ соединен со своей шакти (женщиной его посвящения). Я не буду удовлетворен даже тысячью кружек пенного напитка, даже сотней огромных кусков мяса, если при этом не будет хватать эссенции бессмертия²² из йони и лингама. Не сударшана Вишну является символом над этим миром, не лотос Брахмы, не ваджра Индры; лингам и йони являются его символами, в сущности это Шакти и Шива. И когда имеет место соединение Шивы и Шакти (то есть эротическое общение посвященного с его спутницей в сакральной форме, они становятся земным воплощением божественной пары), это истинная молитва посвященных²³, именно в этом случае имеет место истинное единение с божественным²⁴».

Поведение древней Матери-Земли из Каменного века и ее спутника мужского пола в данном случае перешло с космического уровня

на эзотерическое священнодействие посвященных человеческих пар, которому высокая брахманистская традиция в итоге дала место в тантрах. Больше не оружие победоносных мужских богов является превалирующим символом более позднего периода существования мира: не ваджра Индры во главе вторгнувшихся ариев, который разрушил укрепления городов обороняющихся и проложил путь победоносному шествию захватчиков на равнины Индостана, не сударшана Вишну из легендарных сражений богов и демонов и не лотос Брахмы. Господствующим символом классического мифа индуизма стали лингам и йони, древние символы полов; они после определенных этапов развития мира снова поднялись в зенит откровения, как это уже имело место в начале Каменного века. При этом они сохранились навечно в жизни народа и отражены в его обычаях.

Кольцо замкнулось и свершило оборот вокруг своей оси:

несущая на себе все и питающая все Богиня в первую очередь воплощена в земле (дхарани), поэтому она является дочерью своих великих гор: Гимавант («Гаймавати») и является их владычицей, — она восседает на горах Виндхья (Виндхьявасини) как на троне.

Но она также является ночью конца времен (кала-ратри), она является материнским лоном всей жизни, то есть яростью роста, которая сражается за каждый клочок земли и глоток воды, безмолвной яростью творения, яростью желания оплодотворения. Она побуждает все живое к движению через жизнь и смерть. Это стремление нерожденного к свету и тиранический крик новорожденной жизни в стремлении к питанию и теплу, это раздор между братьями и сестрами, а также между поколениями. Все это является безмолвной или патетически восторженной борьбой за жизнь. Бог войны является ее сыном, но также и бог возделывания риса Ганеша с головой слона, который должен устранять препятствия на жизненном пути. Воплощением борьбы за существование в ожесточенном обхвате является Гневная или Необузданная (Чандика) с оружием уничтожения в нескольких руках. Она шагает с эпидемиями, голодом и войнами по перенаселенной огромной стране в иссушающей жаре, пыльном ветру и влажном зное. Под ее ногами превращаются в пыль роскошные резиденции, густонаселенные города, цветущие местности: в индийской пословице говорится — «Тысяча лет город, тысяча лет пустошь».

Все сущее имеет две стороны, дружественное и угрожающее обличье. У всех божеств есть дружелюбный и ужасный облик

в зависимости от того, как и кто приближается к ним. Но Великая Богиня — это сила, которая присутствует в них и является их истоком. Все дружелюбные и угрожающие лица — это грани или аспекты ее сущности. У одного бога это может казаться двойственным, но у Нее это просто часть необозримого разнообразия ее целостности.

Ее ужасные черты находят свое отражение в матерях Южной Индии, в богинях болезней: они дарят жизнь, но приносят и смерть. Это всецелое матери по отношению к ее маленькому ребенку, ее обличье излучает всеобъемлющую любовь, но вместе с этим и гнев в сочетании с холодом и смертью. Она является неминуемым лоном. Отсюда происходят тоска и уныние всех привязанных к матери: жизнь как она есть в хороводе света и тени, со взлетами и падениями, отдачей и сохранением.

Она является неумолимой действительностью жизни, текущим кругом жизненных сил и образов, который обрывается вниз, находится в непрерывном превращении, переходит сам в себя — из него не так просто вырваться. И это его совершенная противоположная сторона: сила, которая поднимается, Тара-спасительница, которая выводит из сансары, из неистовых колец в спокойную середину, из бренности всех образов вечной силы, которая проявляется в них как вода в волнах, пузырях и пене. Это безмолвная погруженность жизни в самое себя. Это прорастание свежей, ненасытной травы из пепла сожженных лесов. Это скрывающаяся в разложении новая жизнь, которая не оставляет места тени смерти. Уничтожение — это всего лишь другая сторона жизни.

Все, что делается в бодрствовании и во сне, сознательно и бессознательно в кругообороте телесного, является лишь сопровождением движений души, это лишь ужимки Великой Матери — Джаганмайи: «созданной из всех миров и существ» — повторяющей все это тысячекратно своим мировым телом. Но дух, который все это понимает и принимает в себя в качестве избавляющей сущности, не является ее противоположностью, это всего лишь один из ее образов: он может быть пленяющим или освобождающим, двуличным как все сущее, все силы.

Видеть сущность Богини как обнимающую и поглощающую, как покой в падении, защищенность в гибели, — значит понять ее и быть ею хранимым. Полная бренность, горький вкус забытья, развалины и руины, поглощенные растительностью — все это адепт видит в образе Великой Матери и пропитывается познанием. Он упивается горьким

напитком познания в ее чертогах и с пренебрежением отвергает примирение вследствие переходов приукрашивающего мышления. Полное признание чувственной привлекательности жизни и беспощадного уничтожения: оба полюса и неопишное напряжение, перетекающее между ними — это она. Более позднее безмерное оскудение заключается в том, что некоторые сводят ее к националистической матери-земле, «Индии», которая воинственно-патриотическим жестом защищает своих «детей» от владычества чужеземцев.

Култ Матери Мира и Матери-Земли происходит из детства человечества в Каменном веке; с доарийскими массами индийского полуострова это детство продолжалось тысячелетия; Каменный век, давно уже принадлежащий в других частях света только археологам, в Индии зачастую является народной современностью, он придает жизнь безмолвных народных культов письменам и литературному языку Пуран и Тантр: мир предстает огромным детским садом. Очень демократично; перед материнским оберегающим принципом маленькие человечки действительно все маленькие, ведь они не могут ему ничего доказать. Крестьянская и массовая сфера, лишенная мужского начала, привязанная к земле, не воинственная, без приключения духа.

Култ чистого жизненного принципа в образе материнского-женского является демократичным, а духовные порядки мужчин склонны к аристократическому классифицированию. Самоотверженное взывание к матери является демократичным отречением от мужского, отказом от индивидуальных ценностей, которые человек получает на пути к мужественности и зрелости в процессе развития, в результате накопления опыта, становления личности и приобретения мастерства. Взывание к матери является откатом до стихийной формы подчинения и отдачи, это хватательный рефлекс младенца, возврат к состоянию маленького ребенка.

Происходит отказ от любой формы мужского превосходства: завоевателей в ведических битвах и песнях, кровавой воинской знати в Махабхарате, приносящего благо для многих героя-полубога в Рамаяне, который спасает себя и мир от власти демонов, потому что содействующие силы мира протягивают ему руку, потому что происходит то, что чуждо и опасно для других: звери пустоши становятся его лучшими друзьями. Нет больше места и духовному победителю и просветленному, йогину и его благороднейшему образу — Будде, — или: все эти образы и символы как будто проходят по сцене этого мира,

не меняя его. Как будто они потерпели поражение в качестве символа человеческого властвования над жизнью, как будто они не устояли перед ужасом жизни, которая собственно и является матерью. Или можно также сказать, что уже давно перестали рождаться адепты, которые являются воплощением этих образов, в этой последней, самой темной эпохе мира. Как будто бы мужество остальных богов помутнело и было снова впитано древней Пра-Матерью, рождающей своих видящих и мудрецов. Кругооборот эпох замкнулся, как в прологе «Сумерек богов», когда в руках у норн рвется нить. И мудрые женщины замолкают в ответ на вопрос «Знаешь ли, что грозит?», берут концы разорванной нити, обматывают ими свои тела, связываясь друг с другом, и исчезают в глубине:

«Конец вечному знанию!
Конец нашим вещим речам! —
Прими нас! Прими!»

Все мужское, всегда рассчитывающее на самое себя, на свою уникальность в качестве героя, победителя и мастера, здесь отвергается как бессильное перед пастью жизни, которая поглощает и пережевывает все, что вышло из ее собственного лона, уничтожение собственных творений для нее ничем не отличается от их рождения: это жизненный процесс мирового тела.

Откат к материнскому, возврат от приключений мужского, великие символы которого отвергнуты и разрушены, остается торжественным и спорным. Тоскливые песни мистиков Бенгалии 18-го столетия, Рампрада и других поющих йогов, их аскетическая отдача со стремлением к утешению возвращаются вокруг темы этого доверчивого и верующего детства. Мать одновременно безжалостная и жалостливая как и сама жизнь, а жизнь остается такой, какой она есть, независимо от того, воспринимается ли она как нежная мать или в своем образе Медузы Горгоны. Обращение к матери может на несколько мгновений освободить сердце от безбрежного страха перед молчаливым ужасом жизни, который неуклонно перемалывает ее цвет своими челюстями, но это обращение не меняет мать, она остается темным образом, в ожерелье из отрубленных рук и голов бесчисленных жертв, с которых капает кровь, поднимающая к губам наполненную кровью чашу, чтобы широким языком слизывать с нее дымящийся сок жизни.

В умоляющей отдаче себя ее материнским объятьям рождается печальное осознание того, что она остается тем, чем она есть: всеохватывающим целым, которое держит свое равновесие за счет противоречий, укрывающим материнским лоном, дающим пропитание в тиши, кормящей грудью и рукой и одновременно все поглощающей и перемалывающей глоткой смерти.

Успокоение на ложе с шипами этого горького светло-темного осознания является последней мудростью Рампрасада в его песнях к Матери²⁵:

«Мать, как часто еще ты будешь гнать меня по колесу бытия, как вола с завязанными глазами, который вращает масляную мельницу?»

Ты привязываешь меня к дышлу мира и без конца гонишь меня по кругу. Что я сделал? Из-за чего ты подвергаешь меня шести страстям?

Я прошел восемьдесят раз по сто тысяч рождений, но врата материнского лона еще не закрыты для меня, я смертельно ранен и приближаюсь к новым вратам.

Когда ребенок плачет и говорит слово «мама», мать берет его на колени. И это происходит, как я вижу, во всем мире, только меня это не касается.

Взывая к Дурге, многие грешники получили прощение; — сними повязку с моих глаз, чтобы я увидел перед ними стопы, попирающие любой ужас!

Бесчисленны плохие дети, но кто слышал о плохой матери?

Мать — это надежда Рампрасада: он надеется найти покой у ее ног».

Возвращение к детскому отношению к матери неизбежно несет в себе элемент иронии: непрерывно все рождающая мировая мать должна спасти своего ребенка от вневременного круга рождения и смерти, который является ничем иным как игрой ее материнства. Но к кому как не к Богине, состоящей из всех миров и существ, должен обращаться крик ее ребенка?

Материнская мировая сила всегда желает только обязательного возрождения своих творений, тупо, без вопросов; монотонность жизни, которая эпично двигается по кругу возврата одинакового, в хороводе

времен года, возрастов, поколений, смысл этого целого заключается именно в движении по кругу, — ничего мужского, внедряющего новое, кардинально меняющего времени, никакой поступи героя или снисхождения спасителя.

Из монотонности этого бормочущего жизненного потока вытекает древняя тоска человека в материнском культурном круге, которая со своего рода выцветанием мужских богов и кумиров арийско-брахманистского толка в последнюю эпоху индуизма переполняет индийскую атмосферу, наполняет ее как вода русло. Именно это с западной точки зрения представляется индийским пессимистичным отношением к жизни.

Снова и снова эта безумная весна, снова и снова эта смертельная серьезность вплоть до божественной тупости, преисполненная личными волнениями и кризисами: все это тупой ритуал, который радует Матерь мира; — снова и снова сражения, распад империй и изменение границ, вознесение и падение тронов. И все продолжается без изменений: биография и история мира. И всегда это происходит так, как будто этого не было еще никогда: *Te Deum*, колокольный звон со всех башен, победные флаги над городом и страной; снова и снова волшебное и невероятно как у Тристана и Изольды, никто раньше не любил друга друга так как мы... с амплитудой колебаний до Млечного пути и обратно в детскую кроватку, — ведь именно так это было создано произвольно благой Матерью мира, древней сводницей космоса, Великой Майей.

Так жизнь начинается в страсти и искореняется в победах, одурманивается чарами своих освобожденных демонов, — это опьяненный самоодурманенный танец Богини Мира с распущенными волосами, невинной искусительницы со всеми ее стройными прелестями. Это удар бичом, благодаря которому упряжка жизни двигается вперед через ночь вселенной.

Сыноположение по отношению к Матери мира — это покинутость и стенания. Рампрасад поет:

«Материнство — это просто слово на твоих устах? Роды не сделали матерью еще ни одну женщину, если она не понимает нужды своего ребенка.

Десять лун и десять дней находится будущая мать в тягости, но сейчас, хотя я ощущаю голод, моя мать не спрашивает, где ее ребенок.

Люди вразумляют своих сыновей, если они их обидели. Хотя ты и видишь смерть, ужасного поглотителя, который намеревается убить меня, но это не мешает тебе.»

Рампрасад говорит: «Где ты учишься такому поведению? Если ты как твой отец, Гималаи, из камня, — тогда тебе не подходит твое имя — Матерь мира».

Страстное стремление к матери может вызвать в почитателе Кали все детское и привести с его помощью к формирующему обладанию, — возможно, что он в этом возврате к отношениям мать-ребенок или в застывании в нем находит укрывающую форму жизни, как у нас верующий в лоне Матери Церкви, и вид ее разрывающего на клочки ужаса, который является противовесом ее материнства, может произвольно стать примером для скрывающейся в его природе демонической стороны. И он переживает эту свою сторону по-детски невинно, неосознанно в чертогах разнообразия своей Богини, следуя ее ошеломляющему примеру, как рыба в воде.

Но истинный адепт Лунной Богини менее наивен, так как он изо всех сил осознанно борется за ее тайну, он лишь отказавшись от любых жестов материнской любви и заботы со стороны матери, почитанию которой он посвятил свою жизнь, может найти темную компенсацию отказа и тоски в меланхоличном познании, для непреклонности которого он чувствует себя готовым к смерти. Так поет Махараджа Рамкришна из Натора, современник Рампрасада, в свой последний час Кали и Шиве:

«Когда из меня уходит жизнь,
Мне шепчут имя Кали на ухо.
Это тело не мое,
Страсти уносят его.
О, ты, Забывающий (это Шива),
Дай мне мои четки,
Когда я буду плыть мертвым в Ганге».

Рамкришна, преисполненный ужаса, обращается к Великому Забывающему:

«Ты не заботишься о моем благе,
Не заботишься о моей судьбе».

Шива, «Милостивый», «Великий Забывающий», который не помнит о своем набожном последователе в жизни и смерти, — это истина, которая пропитывает верующего и утешает своей горечью. Шива является истинным супругом Кали: она также является «Забывающей», пьяной от самой себя как Великая Майя бесконечной игры; она беспрестанно рождает и поглощает своих детей. Она производит на свет и питает с любовью, что компенсируется равнодушием и забвением. Ей свойственно и одно и другое.

Бог — это Великий Забывающий. Хранить все, даже записывать — «*liber scriptus proferetur, in quo cunctum continetur*» (в переводе «будет явлена написанная книга, в которой все содержится») — это полностью чуждо божественному. В мужские эпохи и в мужских культурах фантазмагория эпического и драматического возникает как высшее толкование бытия: жизненная гипотеза и иллюзия уникального в жизни героя и трагедия вновь и вновь переживаемого прорыва необычных образов: одаренных героев, сошедших с небес богов. Но женское сознание Индии напоминает им всем о возврате вечно одинакового: в продолжающемся на протяжении целых эонов монотонном ряду будд и во возвращающемся цикле аватар.

Каждый мальчик-герой, которого рождает мать, живет в мире и покоряет его заново для себя как Единственный, но мать спокойно смотрит на его старые игры, — игры многих сыновей всех времен, которых она забыла. Вечно свежий, вечно одинаковый смысл циклично перемалывающей бытие бессобытийности жизненного потока.

Романтизированным символом этой гнетущей идиллии материнского мира является нирвана: в ней тупой натиск жизни облагородился от подавленности своей ярости до кристаллического молчания; здесь игра материнского мира, где при всем хождении по кругу ничего не происходит, преобразилась и отдыхает от самой себя.

Но тот, кто находится внутри ее кружения и остается очарованным, может в сдержанном наблюдении непримиримых противоречий материнской любви и безжалостности как единства жизни и смерти проникнуться тайной сущности Великой Майи и быть освобожденным от любви и страха перед собственной брэнностью. В единстве мгновения и вневременности он познаёт мерцающую неподвижность несущегося по кругу колеса, вибрируя вместе с ним.

*Кали (Передняя Индия)
Музей Индии, Лондон*

*Дурга на демоне-быке
(Махисасурамардини)
Ява, муз. Лейден*

Мать-Богиня с головой вепря
Варахи в качестве шакти Вишну с головой вепря (Вараха)
Брит. музей, Лондон

*Белая Тара в качестве Праджня-парамита
Ява, муз. Лейден*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Vetâlageschichten Nr. 4.
- ² Vetâlageschichten Nr. 6. — версия Шивадаса «Перепутанные головы», на немецком языке в «Meisterwerke oriental. Literaturen», 9-й том, «Vetâlapantschavimschati», deutsch von H. Uhle, München 1024, стр. 17.
- ³ Кена-Упанишада 3.
- ⁴ В Деви-махатмья Маркандея-пурана Перевод в Н. Zimmer «Mâyâ, der indische Mythos», Stuttgart 1936, стр. 480.
- ⁵ В Деви-махатмья Маркандея-пурана Перевод в Н. Zimmer «Mâyâ, der indische Mythos», стр. 476.
- ⁶ Опубликовано и истолковано сэром Джоном Вудроффом в «The India Magna Mater» в «Indian Art and Letters», Vol. II. No. 2, India Society, London 1926 (табличка VII «Кали на Шива Шава»).
- ⁷ По Матся-пурана, рассказ из адхйайа 179.
- ⁸ К мифу о «человеке-льве» см. Н. Zimmer, «Mâyâ, der indische Mythos», стр. 142/94.
- ⁹ Например, изображение смерти Марии кисти Дуччо ди Буонинсеня (музей «Опера-дель-Дуомо» (Флоренция)), также кисти Таддео ди Бартоло в Палаццо-делла-Синьория и кисти Спинелло Аретино в Академии изящных искусств.
- ¹⁰ В лоретанской литании; дальше «Mater castissima, inviolata, intemerata, ...Virgo veneranda, ...Vas insigne devotionis» и так далее.
- ¹¹ См. Тара Упанишада в «Kaula and other Upanishads», ed. by Sîtârâm Shâstri, London 1922 (Tantrie Texts ed. Arthur Avalon, Vol. XI).
- ¹² См. (как и к надписи 1096) монографию Hirananda Shastrî «The Origin and the Cult of Târâ» — Memoirs of The Archaeological Survey of India, Nr. 20, Calcutta 1925.
- ¹³ Цитата из «Arya-Târâ-bhattarikâ-nâmâshtottarashatakastotra» Hir. Shastri, стр. 23.
- ¹⁴ По Тодалатантре (процитировано Хир. Шастри, стр. 13): «При пахтании океана возник смертельный яд калакута, древние боги и богини были потрясены от великого страха; а Шива невозмутимо выпил смертельный яд халахала (синоним калакуты), и после

этого его начали называть Неподвластным (Акшобхья). Вместе с ядом была проглочена Великая Майя, спасительница (Тарини), всегда находящаяся в радости любви (рамате)».

- ¹⁵ Нирманакая, «феноменальное тело» будд в чувственном проявленном мире; самбохакая, «тело блаженства»; ваджракая, «алмазное тело» трансцендентной истинной реальности, и в качестве четвертого махасукхакая, то есть «тело великого блаженства» в нирване любовных объятий будды и шакти (в качестве пары, тибетское яб-юм). По Махасукха в ламаистском искусстве, см. Н. Zimmer «Kunstform und Yoga» (Berlin 1926), табличка 29/30 и стр. 74—86.

- ¹⁶ Калика-пурана, 76-я адхйайа

- ¹⁷ «Камешвари» или в краткой форме «камакья», ее имя выводится от «кама», то есть желаний и радостей.

- ¹⁸ О возникновении пруда золотых лотосов из семени Шивы см. Н. Zimmer, «Mâyâ, der indische Mythos», стр. 456.

- ¹⁹ См. Zimmer, „Mâyâ, der indische Mythos“, стр. 426—89.

- ²⁰ Kulârnavâ-Tantra (Tantrik Texts, Vol. V), ed. by Târânâtha Vidyârâtna, London 1917, 8 Ullâsa, стихи 106—08.

- ²¹ Призванный: vîra.

- ²² «amritam».

- ²³ «sâ sandhyâ kulanishthânâm».

- ²⁴ «samâdhi».

- ²⁵ Рампрадас, 1718 — 75 г.г. — См. «Bengali Lyrics, Shâkta, selected and translated by E. J. Thompson and A. M. Spencer», The Heritage of India Series 1923.

ЭРНЕСТО БУАНОЮТИ

МАРИЯ
И ДЕВСТВЕННОЕ
РОЖДЕНИЕ
ИИСУСА

Конечно, не по риторическим причинам я в самом начале хочу признаться в том, что несколько смущен тем, что здесь и сегодня рассматриваю порученную мне сложную тему. Тему христианского культа Девы Марии в связи с культами богинь и женских образов, которые проявляются в общей картине человеческих верований. Мое смущение вызвано не только пространностью темы, но и тем, что между культом Девы Марии и культами богинь средиземноморского мира можно обнаружить сродство на уровне идей и исторические взаимосвязи, но несомненно имеются и различия, а также противоречия. Официальное учение католицизма различает латрию, то есть поклонение, отдаваемое одному Богу, дулию, то есть поклонение святым, и в особенности гипердулию, то есть поклонение Деве Марии; но особенно смущает меня факт того, что образованная публика не имеет четких представлений по этой теме. Совсем недавно я прочитал в первом томе *Journal of the Warburg Institute*, который переехал в Лондон, отличное эссе о «Марии в неопалимой купине», в котором тема рассматривается на примере триптиха Николы Фромана в Экс-ан-Прованс. При этом я снова был вынужден констатировать, что даже у ученых, которые вплотную занимаются историей религиозного христианского искусства, отсутствуют точные знания по настоящему христианско-католическому учению о Марии. Е. Харрис, автор эссе — а вместе с ним, как мне кажется, и девять десятых образованных людей — приравнивает догмат о непорочном зачатии Девы Марии, провозглашенный Пием IX в 1854 году, к догмату о непорочном рождении Иисуса. Но эти догматы являются очень разными. С помощью догмата непорочного зачатия церковь хотела установить непогрешимость учения о зачатии Марии в брачной связи святой Анны и святого Иоакима, которой не коснулся первородный грех — мы в своем втором докладе будем рассматривать происхождение

и развитие этого догмата. А учение о вечной девственности Марии и непорочном зачатии и рождении Иисуса, естественно, касается только Иисуса, при этом девство матери не была нарушено и она оставалась девственницей на протяжении всей жизни. Речь идет о двух совершенно отдельных учениях, которые постепенно возникли в литургическом и касающемся богослужения — еще до теологического — предании христианского общества; я хотел бы показать различные ступени и поворотные точки в развитии этих учений.

Чтобы быть совершенно честным, я должен еще добавить, что главная причина моего смущения именно в начале рассуждений заключается в одном очень странном обстоятельстве. Ведь если и существует религия, которая среди всех других меньше всего допускает возможность принять культ женского образа в свою литургию, то это как раз и есть христианство. Но это еще не все. Тот образ, который в соответствии с точными словами Иисуса среди всех прочих меньше всего мог стать предметом культа, это именно образ матери Иисуса. Здесь скрывается одна из ужасных и величественных тайн, что, впрочем, часто встречается в парадоксальной истории человеческой религиозности.

Евангелии от Луки (XI, 27) рассказывается, как одна женщина на улице слушала слова Иисуса и сказала: «блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие»! Но Иисус возразил ей четко: «Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его». Апостол Павел в определенной степени вдохновился этими словами. Он выражает новость о духовном сообществе, которое образовалось божьей милостью в Святом Духе и во Христе, следующими значительными словами: «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Галатам III, 28). Эти слова полностью искореняют все различия между людьми — социальные, этнические, культурные, национальные, даже половые. Как можно себе представить культовые различия в религии, которая основана на таком глубоком чувстве человеческой солидарности в присутствии духа, а также разделенный культ мужских и женских образов, который мог бы каким-нибудь образом быть восстановленным. Ведь цитата Павла указывает на то, что целительные и мистические деяния Иисуса уничтожили указанные выше различия.

Но в евангельских свидетельствах имеется особое обстоятельство, которое, так сказать, пережило стремительное развитие религиозных

убеждений и легенд в первом христианском обществе; это обстоятельство должно было послужить преградой на пути образования культа Девы Марии в церкви. Это обстоятельство показано в приведенном тремя евангелистами эпизоде (Марк III, 31, 85; Матфей XII, 46; Лука VIII, 19):

Родственники Иисуса ищут его и хотят забрать с собой, но слышат о его проповеди и его чудесах и думают, что он обезумел; так сказано во втором каноническом евангелии, евангелии от Марка (III, 21) И, услышав, ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из себя. А книжники, пришедшие из Иерусалима, говорили, что Он имеет в Себе вельзевула и что изгоняет бесов силою бесовского князя. И пришли Матерь и братья Его и, стоя вне дома, послали к Нему звать Его. (Около Него сидел народ.) И сказали Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои и сестры Твои, вне дома, спрашивают Тебя. И отвечал им: кто мать Моя и братья Мои? И обзрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот мать Моя и братья Мои. Ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать».

Как и в других местах своей проповеди, Иисус и в данном месте устраняет все обозначения, происходящие от обычных человеческих и социальных групп: он делит человечество всего на две большие семьи: тех, кто слушается закона Отца, и тех, кто противостоит ему. Здесь мы уже видим великое различие между градом Господа и градом Сатаны.

В последней главе четвертого Евангелия описывается торжественная сцена, которая показывает нам Иисуса на кресте, как он доверяет свою мать любимому ученику, а его — матери. Но в Евангелии от Иоанна есть и жесткие слова Иисуса, которые он сказал матери в час своего первого чуда, чуда брака в Кане Галилейской: «Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой». (Иоанн, II, 4).

Очень полезно вспомнить, как набожность греческих трагиков пятого столетия до Р.Х. попыталась свести мифы и драмы олимпийской религиозности к чистым и простым обстоятельствам человеческого значения. Ведь можно сказать, что явление Иисуса для эллинистической культуры значила примерно то же, что и греческая трагедия для эллинистической: его провозвещающее начало послание желает перенести все формы религиозной веры и все направления сакрального переживания в простое выражение мистического посвящения отношений между людьми, в присутствии высшей справедливости Царства Божьего.

Понятно, что перед лицом этих предпосылок евангельской проповеди истоки культа Марии являются как будто окруженными глубокой тайной. И каждый, кто хочет исследовать их, должен быть преисполнен робости и страха.

Но нужно вспомнить и еще одну особенность. Дохристианские культы богинь оставляют наше религиозное чувство полностью равнодушным, а культ Марии тесно связан особенной внутренней связью со всеми действительно образованными католиками. Однажды Эрнест Ренан писал Фейербаху, что он мог бы обойтись без большей части своих книг, если бы поддался нежному очарованию, которое исходит от тысяч изображений Марии в католическом культе: от Джотто и Симоне Мартини до Липпи и Перуджино — или если бы он в Риме в час заката послушал со склонов Палатина колокольный звон трех сотен римских церквей, которые приветствуют Марию.

Тот, кто в юности ежедневно воспринимал ритм лоретанской литании (который по содержанию подобен переводам древних литаний в честь Изиды, что всего несколько лет тому назад были обнаружены в древнеегипетских папирусах): *Turris eburnea, domus aurea, foederis arca, ianua coeli, Stella matutina, salus infirmorum* и т. д. — башня из слоновой кости, золотой дом, ковчег Завета, врата небес, утренняя звезда, исцеление больного, — у того внутри возник целостный образ, ведущая сила которого зачастую оказывает громадное определяющее влияние на призвание и судьбу на протяжении всей его жизни.

Мы можем сказать, что культ Девы Марии стал настоящим маршрутом для развития католического христианства. Если мы осветим разные стадии его развития, они практически будут соответствовать великим поворотным точкам переживания тысячелетнего пути истории христианства.

Это переживание уже очень рано с неисчерпаемой силой его риторики было связано с образом Марии, и это несмотря на выразительную и категорическую формулировку Иисуса, которая с самого начала должна была сделать невозможным и уничтожить любое мифографическое оформление и любое культовое преображение.

В евангелиях приводятся жесткие слова Иисуса, которые он сказал своим сподвижникам Матфею и Луке; его отношение к семье, которая для распространяющейся надежды на Царство Божие является преградой, ярко выражено в предложении «И враги человеку — домашние его» (Матфей X, 36). Но в этих же самых евангелиях

отражено и стремительное распространение веры в непорочное рождение Марией Иисуса. Сцена Благовещения у Луки (I, 26—38), сон Иосифа, в котором к нему приходит посланный Господом ангел и возвещает его о сверхъестественном характере беременности Марии (Матфей I, 18—21), эти решающие сцены предыстории Иисуса являются существенным выражением веры в чудесную природу зачатия. Естественно, это не единственные чудесные явления, которые сопровождали появление Христа в этом мире: это ангелы (у Луки), прибытие трех волхвов (у Матфея). Они добавляют сверхъестественные черты событию, которое придаст истории новый путь.

В раннем христианстве и в постепенном образовании христианского мифа нет поворотной точки, которая бы не была его отражением, даже можно сказать объяснением и причиной. Настало время нового направления в раннехристианской жизни.

Сущность изначального учения Иисуса исчерпывающе выражается словами, приведенными в Евангелии от Марка: «исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь». Проповедь Иисуса является в сущности своей мессианской и эсхатологической, предвозвестником предстоящего царства, она указывает на внутреннюю метаморфозу и превращение перед лицом великого события. Христос, провозвестник и глашатай этого царства, лишь в ограниченном смысле является мессией. Он подготавливает царство и провозвещает его. Царство Божие в определенном смысле уже тут, потому что Тот, кто провозвещает его при предвидении и поддержке Отца с призыванием и мастерством, уже присутствует среди людей с горсткой последователей. При этом его мессианство и божье сыновство, которое в одной личности резюмирует традиционное божье сыноположение Израиля, не полностью достигнуто и не существенно проявлено. Но уже вскоре страдающий служитель Яхве должен с триумфом возвратиться на Небеса, а начатое дело должно быть завершено Судом, в результате которого он искупит кровь всех праведников, от Авеля и до приговоренных на Голгофе. Иисус, сын Божий в смысле древнего библейского понимания, приобретет свое полное и действительное признание в качестве мессии только в день своего окончательного и полного возвращения. Это очень схематичная христология ранней общины Иерусалима и первых обращенных в общинах соседней диаспоры.

Но христианская проповедь уже скоро дойдет и до эллинистических городов. Здесь общины вокруг синагог являются меньшинством,

но избранным и смелым, в котором живет высокоразвитая социальная мораль, которая по существу основана на мысли об универсальной солидарности с учетом высшего религиозного плана. В эллинистическом мире, в котором рассеяны иудейские рынки и центры иудейско-монотеистической пропаганды, послужившие почвой для ранней христианской пропаганды, начатой Павлом на пути универсализма, послужившие рычагом и точкой опоры, понятие сына божьего полностью отличалось от соответствующего иудейского понятия. Эллинистический мир знает божьего сына в физическом и техническом значении слова. Антропоморфизму неиудейских религий вполне была известна мысль о сверхъестественном зачатии во взаимодействии с чудесными силами олимпийских богов.

Трудно сказать, когда именно, вследствие каких контактов и пересечений семантическое понятие общего сыноположения и особенного божьего сыновства мессии встретилось с традиционным греческим представлением о родстве среди божественных существ, героев и мифических образов и соединилось с ним: но в любом случае это указывает на решающую стадию процесса духовного осмоса, результатом которого является христианская культура.

Мы должны подчеркнуть, что в истории христианской догматики и литургической дисциплины вновь и вновь будет видно, как постепенное выдвижение образа Марии происходит вместе с продолжением разработки христологии.

Торжественные слова, которыми апостол Павел в своем собственном завещании, в послании к Филиппийцам, указывает на пресуществование Христа в Боге, без сомнения свидетельствуют о важном этапе этого процесса развития. В действительности апостол Павел делает теологическое замечание, как всегда, только с целью высокого морального учения. Как Христос, который жил в Боге, не пренебрег тем, чтобы стать плотью и быть подвергнутым величайшему унижению и оскорблению, так и христиане должны быть готовы к тому, чтобы посвятить себя своим братьям и служить им. Но человек невольно склонен к тому, чтобы превращать нравственные предписания в метафизические идеи. Это парадоксально, но можно сказать, что большая часть христианской теологии направлена только на то, чтобы дать в руки обессиленному Христу средство для того, чтобы уступить дорогу жестким и неудобным указаниям христианской морали. Гораздо проще упражняться в теологических тонкостях

или исполнять ритуальные предписания, вместо того чтобы сделать доброе дело или следовать закону прощения и сострадания.

Обычная классическая редакция евангелий демонстрирует нам, как уже наверное примерно через полвека после смерти Христа теологическая легенда стала преобладать в той части христианской жизни, которая должна была быть только практическим воплощением законов любви, братства и мира.

Неправильно переведенное на греческий язык место из Септуагинты имело величайшее значение для молодого христологического и мариинского догмата.

Речь идет о месте в каноническом тексте Книги Пророка Исайи VII, 14. Это место не только помогло появлению первых мариинских идей, но также стало и поводом для первых иконографических изображений Марии. Но чтобы полностью понять как его изначальное объективное историческое значение, так и его традиционную трансформацию, мы должны обратиться к историческим обстоятельствам, в которых было оглашено это послание пророка. В 735 году до Рождества Христова между Израилем и Дамаском существовал союз, и союзные цари Факей и Рецин предприняли попытку создать союз сирийских государств против Ассирии. Иоафам, царь Иудеи, не захотел присоединиться к союзу, а его сын Ахаз пребывал в сомнениях. Но от Иерусалима, важнейшей крепости, союзники никак не могут отказаться. В то время Тиглатпаласар вел войну в Армении; поэтому была предпринята попытка переворота. Арамейское войско вторглось в Иудею, и объединенные силы обоих царей направились к Иерусалиму; при дворе и среди простого народа распространилась настоящая паника; некоторые хотели перейти в подданство ассирийского царя и направить ему богатые дары, чтобы можно было попросить его о помощи. Великий царь, естественно, рад использовать эту первую возможность для вмешательства в сирийские дела. В это время появляется Исайя. Целый ряд явлений, в которых Яхве проявился перед ним, убедили его в том, что наступление обоих царей можно успешно отбить, и при этом не обязательно просить двусмысленной помощи от иностранной державы. Это можно сделать только лишь с помощью Яхве, в которого следует безгранично верить. Исайя отправляется к царю, чтобы передать ему императивное послание. Но в тот день царя не было в городе. Исайя, которого сопровождал его сын Шеар-Яшув, отправился к нему, направился к акведукам и встретился с царем

у самого высокого водохранилища, где канал вливался в него. Царь, который предусмотрел осаду, вероятно прибыл сюда, чтобы ознакомиться с тяжелым вопросом снабжения водой. Ахаз рассчитывал на силы людей, а Исайя сделал ставку на Яхве: это одна из многих встреч царей и пророков.

Эта встреча демонстрирует подробности, которые свойственны пророческому стилю и пророческой практике. Шеар-Яшув (имя является символическим, ведь оно значит «остаток вернется»), сын пророка, присутствует на ней. Его имя является благоприятным знаком для предстоящего возвращения народа к Яхве, как только испытание будет выдержано. Исайя начинает с насмешек над союзными царями: Рецин и Факей — это не пылающие факелы, сжигающие города, как об этом говорят боящиеся войны из Израиля и Дамаска, они являются наполовину погасшим костром, который вместо пламени дает только дым. Яхве выше их смешных угроз. Рецин — глава Дамаска, а Факей глава Самарии, но Ахаз есть и будет главой Иудеи. Он должен доверить свое спасение Яхве. Ахаз молчал и не верил Исайе. Исайя начал давить на него и призывать к тому, чтобы он выполнил предписанный ритуал. В этом случае он бы получил знамение в подтверждение обещания. Но Ахаз не захотел этого делать. Он схитрил и сделал вид, что верит в то, что просьба о знамении равнозначна недостатку доверия к Богу. Но в действительности он отказался, потому что, приняв знамение, он принял бы и само обещание, то есть вынужден бы был заключить настоящий союз с Яхве. И он был бы вынужден соблюдать этот союз. Но Исайю не заботят сомнения царя и он провозглашает, что Яхве, который хочет любой ценой спасти Иерусалим, несмотря на все сомнения даст знамение и таким образом вынудит Ахаза заключить мистический союз, которого тот так хочет избежать. Вот каким было знамение в торжественных и таинственных словах: «Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил. Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе; ибо прежде нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься, будет оставлена обоими царями ее. Но наведет Господь на тебя и на народ твой и на дом отца твоего дни, какие не приходили со времени отпадения Ефрема от Иуды» (VII, 14-17).

Это известное пророчество сыграло очень важную роль в развитии средиземноморской религиозности. Дети начинают отказываться

от худого и принимать доброе, то есть демонстрировать, что разум дает им способность выбора, еще до того как они сами попробовали пищу и до того как им исполнился год: в этом возрасте, говорит пророк, Еммануил уже будет есть масло и мед. Но молочные блюда и мед — это сельская пища, а не питание осажденных и людей, земля которых занята врагом и разорена. Следует вспомнить и о том, что в азиатско-средиземноморской литературе, включая иранскую, молоко и мед равнозначны благосостоянию и изобилию, они являются пищей богов. Иначе говоря, Исайя успокаивает царей этим своим предсказанием: Не прошел и год, даже задолго до этого, Иудея, о которой так переживал Ахаз, была с божьей помощью освобождена от захватчиков и настало благосостояние, которого не знали с того судьбоносного дня, когда было потеряно владычество над всеми племенами Израиля. Предсказание изобилия — это фактически было торжественное пророчество особого рода, которое говорило о снятии осады.

В середине второго столетия неизвестный христианский художник в подземной гробнице кладбища Присциллы нарисовал сцену, на которой пророк указывает на Божью Матерь, которая держит на руках своего Сына чуда и благодати. С этой сцены начинается целая известная последовательность изображений Благовещения и непорочного зачатия в христианском искусстве.

Девственность *ante partum* была закреплена в догматическом наследии христианской церкви. Второй этап в развитии мариологической догматики — это признание *virginitas in partu*. Согласно этому учению не только зачатие Иисуса в непорочном лоне Марии произошло в результате сверхъестественного деяния Святого Духа, который оставил нетронутым девство матери, но и рождение Иисуса оставило девственность матери ненарушенной. Факты в евангельских свидетельствах касательно этого второго этапа стали предпосылкой непримиримого конфликта. Лука (II, 23) указывает в рассказе о представлении ребенка в храме через сорок дней после его рождения на Моисеев закон (Исход XIII, 2, 12, 15), согласно которому первенец мужского пола посвящался Господу.

Первые христианские литературные свидетельства веры в девственное рождение или *virginitas in partu* (непорочное зачатие) мы находим в так называемых псалмах Соломона, а также в апокрифах под названиями «Вознесение Исайи» и «Протоевангелие от Иакова». Псалмы Соломона являются гностическим, вероятно валентинским

документом, в котором поэт, ликуя, воспеваает свое возрождение в духе Христа и восхваляет Христа как Спасителя. Псалм XIX содержит следующий обращающий на себя внимание стих: «Мария родила без боли сына и, чтобы с ней ничего не случилось, она не просила позвать себе на помощь повивальную бабку». Но в данном случае речь идет только о смелом и неопределенном поэтическом предположении. Гораздо более богатым подробностями является свидетельство, которое имеется в «Вознесении Исая», гностическом апокрифе, основная часть которого происходит из середины второго столетия. Исая рассказывает, что он видел во время вознесения на небо. В одном месте (XI, 2-14) он говорит о Марии, что она происходит из рода Давида; она была помолвлена с ремесленником из Вифлеема по имени Иосиф; вскоре после помолвки оказалось, что она беременна «от Святого Духа». Иосиф хочет отказаться от нее, но в этом мире появился Ангел Духа и Иосиф не отослал ее, он оставил ее у себя, но никому ничего не сказал. И он не приближался к Марии и охранял ее как святую деву, хотя она носила ребенка в чреве своем. И на протяжении двух месяцев он не возлежал с ней. И через два месяца, которые состояли только из дней, Иосиф был дома вместе с Марией, его невестой, и они были одни. И случилось так, что они были одни и Мария своими глазами увидела маленького ребенка и испугалась. И когда она испугалась, ее лоно стало как прежде, до того как она зачала. И когда ее жених Иосиф спросил у нее: «Что тебя испугало?», у него открылись глаза и он увидел ребенка, тогда он восхвалил Господа, потому что Господь пришел в его дом. И голос сказал им: не говорите никому о том, что вы видели. И прошел по Вифлеему слух о ребенке. Некоторые говорили: девственница родила прежде чем прошло два месяца после свадьбы. И многие говорили: Она не родила, повивальная бабка не приходила в ее дом, мы не слышали криков боли. И все как бы были поражены слепотой по поводу ребенка, все знали о нем, но никто не знал, откуда он появился».

Но самым обширным свидетельством, которое дает нам большинство подробностей о девстве Марии при рождении Иисуса, является «Протоевангелие от Иакова»: можно сказать, что все историческое мариинское предание берет начало из этого апокрифа; этот источник также является сборным, его окончательная редакция появилась не раньше пятого столетия. Рассказ о рождении Иисуса приведен в главах от XVII по XX, в которых имеется место (XVIII, 2, XIX, 1),

где Иосиф начинает рассказывать об этом от первого лица. Эта часть, вероятно, является самой ранней во всем этом произведении, отличающемся несомненными гностическими чертами. Вот это место: Иосиф рассказывает, что Мария по дороге в Вифлеем, куда они отправились согласно эдикту цезаря Августа, стала печальна, и подумал, что «находящийся в ней плод печалит ее». И нашел он пещеру, и привел ее, и оставил с ней сыновей своих, и пошел искать повивальную бабку в округе Вифлеема. Затем он продолжает: «И увидел я женщину, спускающуюся с горы, которая сказала мне: человек, куда ты идешь? Я отвечал: ищу повивальную бабку. В ответ она спросила меня: ты из Израиля? И я сказал ей: Да. Она же сказала: А кто такая, кто рождает в пещере? Я отвечал: Она обручена со мной. И она сказала: Она не жена тебе? Тогда ответил я: Это Мария, которая выросла в храме Господнем, и я по жребию получил ее в жены, но она не жена мне, а зачала от Духа святого. И сказала ему бабка: Правда ли это? И ответил Иосиф: пойди и посмотри. И бабка повивальная пошла вместе с ним. И встали они у пещеры, и облако сияющее появилось в пещере. И сказала бабка: душа моя возвеличена, глаза мои увидели чудо, ибо родилось спасение Израилю. И облако тогда отодвинулось от пещеры, и в пещере засиял такой свет, что они не могли вынести его, а немного времени спустя свет исчез и явился младенец, вышел и взял грудь матери своей Марии. И воскликнула бабка, говоря: Велик для меня день этот, ибо я узрела явление небывалое. И вышла она из пещеры, и встретила Саломею, и сказала ей: Саломея, Саломея, я хочу рассказать тебе о явлении чудном: родила дева и сохранила девство свое. И сказала Саломея: Жив Господь Бог мой, пока не протяну пальца своего и не проверю девства ее, не поверю, что дева родила. И бабка вошла внутрь и обратилась к Марии: Готовься, потому что возник великий вопрос по поводу тебя. И только протянула Саломея палец, как вскрикнула и сказала: Горе моему неверию, ибо я осмелилась искушать Бога. И вот моя рука отнимается как в огне. И пала на колени перед Господом, говоря: Господь Бог отцов моих, вспомни, что я из семени Авраама, Исаака и Иакова, не осрами меня перед сынами Израиля, но окажи мне милость ради бедных: ибо Ты знаешь, что я служила Тебе во имя Твое и от Тебя хотела принять воздаяние. И тогда предстал перед нею ангел Господень, и сказал ей: Саломея, Саломея, Господь внял тебе, поднеси руку свою к младенцу и поддержи его, и наступит для тебя спасение и радость. И

подошла Саломея, и взяла младенца на руки, сказав: поклонюсь ему, ибо родился великий царь Израиля. И сразу же исцелилась Саломея и вышла из пещеры спасенною».

Можно подумать, что в этом благочестивом романе об образе Марии, зачатии Иисуса и его чудесном выходе из лона матери просто отразилось все время улучшающееся сказительное искусство христиан, а также, что это искусство, так сказать, персонифицировалось в одаренных фантазией писателях и мистических поэтах, которые хотели придать важнейшим событиям жизни Христа отблеск высшего света, легенды и романтики. Но соответствующее исследование христологии, которое занимает все больше места в литературных произведениях самых известных церковных писателей и становится все более богатым, учит нас тому, что продолжение развития мариологии во втором христианском столетии не только находится под влиянием преисполненной фантазии произведений верующих, но и в гораздо большей степени берет свое начало в доктринальной и педагогически-практической озабоченности.

Если исходить из этого наблюдения, мы легко можем установить, что мариология в определенной степени образует точку пересечения доктринальных христианских течений второго столетия; и соответствующие высказывания разных христианских авторов зависят от их точки зрения на целостность христианских подходов к вере, на их сосредоточение, можно сказать, на антропологию и эсхатологию.

Так, мы видим, что как Ириней, так и Тертуллиан, оба явные противники гностицизма и верные сторонники реалистической эсхатологии Тысячелетнего Царства, настаивают на естественном и вполне человеческом характере появления Христа в мире. Но с другой стороны поучительно и важно наблюдать, как церковные писатели постепенно принимают веру в девство Марии *in partu* (непорочное зачатие) и в определенной степени канонизируют его. Это Климент Александрийский, Иларий Пиктавийский и Зенон Веронский. Если учесть период времени, когда жил и учил каждый из этих трех писателей, и если представить себе полемические цели, которые они ставили перед собой в соответствующей исторической атмосфере, мы можем однозначно понять доктринальную озабоченность, которая была устранена с помощью веры в девство Марии *in partu*.

Гностицизм стал великолепной попыткой перенести основанную на радикальном дуализме и на неразрешимом конфликте между телом

и духом эллинистическую антропологию в сферу христианской веры и укоренить ее там. Дуалистический пессимизм не только древней иранской религии, но и библейских сказаний был, так сказать, космическим и социальным. И напротив, греческий пессимистический дуализм больше ограничен в антропологическом смысле: эллинистическая философия и в ее орбите гностицизм видели в вечном споре прежде всего элементы человеческой конституции.

Сходный фон имеет и антропология, именно из нее и взяло начало бурное развитие мариологических теорий. Христос, восстановитель нашей целостности, ни в коем случае не должен быть осквернен плотским загрязнением, самым ярким и отталкивающим выражением которого являются зачатие и роды. Конечно, нельзя вслед за докматами утверждать, что существование Христа иллюзорно. Христианская народная легенда «Протоевангелия от Иакова», но также и склонный к гностицизму писатель Климент Александрийский довольствуются констатацией того, что вследствие чудесного вмешательства Бога Иисус был зачат не только без плотской связи между Марией и Иосифом, но и того, что он появился на свет вопреки всем законам природы, то есть его мать осталась девственницей.

В своем сочинении «Строматы» (VII, 16) Климент Александрийский пишет: «Многие и ныне согласятся, что Мария через рождение Сына стала матерью, и все же последствий материнства не испытала. Ибо, как говорят, по рождении она была осмотрена повивальной бабкой и оказалась девой». Климент Александрийский в истории христианской теологии в эпоху до Константина устранил напряжение между гностицизмом и ортодоксальной точкой зрения. Он описывает Христа как идеального гностика. Уже у Климента Александрийского возрождение вследствие христианского крещения и гнозиса заняло место раннего евангелического мнения о том, что крещенный проходил своего рода посвящение. Но это всего лишь значило, что он по закону записывался в число тех, кто имел право принять участие в будущем прославленном царстве Христа. Но для Климента, который жил в Александрии и был носителем очень возвышенной эллинистической культуры, напротив, главный вопрос жизни заключается в проблеме уничтожения материи в результате победоносного и упорного продвижения духовности. Христос, мастер гнозиса, не может подчиняться унижительным и отвратительным законам грубой материи. Уже гностики представляли его как снизошедшего непосредственно

из плероматического мира, а Маркион, который получил совершенно эллинистическое образование, утверждал, что он, явившийся благого Бога, который однажды был известен со своим собственным историческим временем, непредвиденно явился на земле, чтобы в Нагорной проповеди известить о послании добра и прощения. Так что Клименту было легко объяснить, что выход Христа из лона матери, в котором он был зачат силой Святого Духа, был чудесным отклонением от привычных законов природы. Под общим давлением требований простонародной набожности и гностической спекуляции вера в девство Марии *in partu* была официально принята в доктринальное наследие христианства.

Два столетия спустя эта доктрина столкнулась с новыми спорами и испытаниями. Возникшее в четвертом столетии арианство оспаривало возможность приравнивания Бога-Отца и Слова и сделала из Логоса подчиненную Отцу сущность, перворожденную и инструмент творения. Оно таким образом уничтожило тайну триединства и превратило христианскую теологию в чистую метафизику трансцендентности. Ортодоксия восстала против этого: она не могла позволить себе потерять тайну троицы, хотя бы уже из-за требований харизматического управления церкви. Поэтому были предприняты все усилия для поднятия образа Христа на как можно более высокий уровень. В результате он оказался в высшей сфере чудесного и сверхчеловеческого божественного творения. Иларий Пиктавийский, великий западный носитель никейской теологии, который преследовался Константином и был сослан им в Малую Азию, позднее ставший своего рода посредником между восточной и западной церковью (в результате они были снова объединены в рамках никейской веры), имеет точку зрения, которую можно сравнить с мнением Климента Александрийского. Он также был вынужден сражаться, чтобы ослабить влияние сабеллианизма Маркелла Анкирского, который можно рассматривать как мистическую противоположность гностицизму второго столетия, но одновременно с этим он вынужден был принять в свое учение все, что могло служить для того, чтобы поднять Христа до уровня образа, который принимает как можно большее участие в природе и чудесных деяниях Бога. В своем труде «О троице» (III, 19—20) он категорически заявил, что тело Марии никак не пострадало в результате рождения тела Иисуса, поэтому это рождение ни в коей мере не нарушило и не изменило вечное девство Марии. А дальше

он проводит параллель между этим девственным рождением: оно как вхождение воскресшего Христа в Сионскую горницу, хотя ее двери были закрыты.

Зенон, современник Илария, родившийся вероятно в Африке, но ставший епископом в Вероне, как и Иларий, боролся с арианством. Он также заявлял, что беременность Марии не сопровождалась никакими слабостями и страданиями, которые присущи обычной беременности, и что роды произошли без малейших болей. Зенон представляет веру в то, что тело новорожденного пришло в мир полностью чистым. И когда повивальная бабка хотела убедиться в том, что Мария осталась девственной, она почувствовала жжение в руке, которое прошло только после того как она коснулась этой рукой новорожденного. Любопытство повивальной бабки таким образом стало причиной, так сказать, официального удостоверения вечного приснодевства Марии (Tract. 1, VIII, 2).

Таким образом учение о духовном Христе отражается в учении о девстве Марии. Зачатие Иисуса стало следствием чудесного оплодотворяющего вмешательства Святого Духа, а его рождение в свою очередь также стало чудом, потому что девственность матери при этом не пострадала. Гностицизм и маркионитство были побеждены ортодоксальной церковью в области космогонии и исторического рассмотрения божественного проявления и поэтому также в споре о сущности самого христианского послания; но они в определенном смысле преодолели свое поражение тем, что обогатили каноническую точку зрения на догмат о девстве Марии. Ведь в возникновение этого догмата свою лепту внесли также требования набожности и страсти к выдумыванию христианских масс.

Можно действительно сказать, что самого развития христологических учений не хватило бы для того, чтобы догматы *virginitas ante partum* и *in partu* были объявлены официальными и признаны навсегда, одновременно с этим доктринальные требования получили поддержку от потребностей набожности, прежде всего вследствие все более широкого распространения аскетизма в христианстве после Константина.

Так, после Климента, Илария и Зенона сильнее всего поддерживал вдохновенную гнозисом апокрифической литературы мариологию Амвросий Медиоланский: в конце четвертого столетия он был наиболее эффективным заступником организованного аскетизма

и стоической этики в рамках христианского воспитания. Амвросий не всегда признавал девство Марии *in partu*, что отчетливо видно из некоторых мест его комментария в «Изъяснении Евангелия от Луки» (II, 57). Но в его направленном Папе Сирицию в 390 году письме, в котором он сообщает о мероприятиях миланского синода, направленных против Иовиниана — Иовиниан был виновен в том, что он приравнивал девство и брак и таким образом принижал значение девства — он отвергает точку зрения Иовиниана и открыто утверждает, что Мария и после рождения сына осталась девственницей и родила против всех законов природы. Эти аргументы приводятся и в главах 52 и 56 написанного через два года сочинения «De institutione virginis» (О наставлении деве). Важно отметить, что Амвросий приводит эту доктринальную точку зрения, которая противоречит его собственным более ранним взглядам. Эта точка зрения изложена именно в полемике с Иовинианом, который боролся с распространением организованной аскезы. Мы видим, что озабоченность, из-за которой Амвросий теперь занимает противоположную по сравнению со своей более ранней позицией, носит педагогически-пасторальный характер. Он совершенно открыто подтверждает это в упомянутом сочинении, когда представляет Марию образцом для всех христианских дев, которую они должны наследовать в сохранении своего безупречного девства.

Со времени Амвросия непорочное рождение Христа признано всеми христианскими писателями Запада и Востока.

Это формальное признание девства *in partu* может считаться непосредственной теоретической и практической прелюдией провозглашения Марии Матерью Божьей, Богородицей, которое имело место 22 июня 431 года в церкви Марии в Эфесе. Толпа, которая в тот день в нетерпении собралась перед воротами храма, ожидая торжественное объявление Собора, направленного против Нестория, дискредитирующего Марию, скорее всего состояла из потомков тех жителей Эфеса, которые четырехстами годами ранее под предводительством серебряных дел мастера Деметрия выкрикивали час за часом во время проповеди Апостола Павла: «Велика Артемида Эфесская!» (Деяния Апостолов XIX, 28).

Невозможно ничего сказать о том, насколько в почитании Марии возродился древний культ Девы Артемиды Эфесской, в которой, как представляется, были собраны и смешаны все черты богинь

средиземноморского мира, распространенных задолго до явления Христа. Но несомненно, это не случайное совпадение. Ведь великое и торжественное объявление Марии Богоматерью состоялось именно в Эфесе в чрезвычайно важное для развития христологической полемики время, которым были четвертое и пятое столетие от Рождества Христова.

Культ Артемиды, вероятно, пришел в Эфес в седой древности вместе с ионическими переселенцами. Артемиды была древней богиней лесов и плодородия, позже ставшей покровительницей девственности и богиней охоты; она, возможно, является слиянием образа древней богини Геи, Матери-Земли, с определенными местными божествами средиземноморских народов! В Малой Азии уже почитался целый ряд богинь, богинь земли, богинь зверей и птиц: Кибела, Ма, Атаргатис и дальше на юг, на сирийском и финикийском берегу, Астарта, в которой проявляются черты египетской Изиды. Сама Артемиды Эфесская отличается восточным влиянием, это видно по ее изображениям, по обычаю нанесения себе увечий в ее честь и по некоторым ритуалам ее культа. Историк не может определить, каким таинственным образом, в результате каких подсознательных и неосознанных связей древние ритуалы культов богинь перешли в почитание Девы и Богородицы Марии и снова расцвели в нем; он может лишь указывать на схожесть и отличия.

Теперь Дева и Матерь Божья были официально введены в культ и догматику христианства. За храмом Марии в Эфесе вскоре последовала церковь Марии в Риме, которая существует еще и сегодня. Это базилика Санта-Мария-Маджоре. Изображения Богородицы имеют те же цвета, что известны нам по изображениям древней Матери-Богини, а символы соответствуют символам античных богинь: колос Девы, усыпанное звездами покрывало Афродиты, голубь Иштар. О Марии рассказывали такие же легенды, которые распространялись в свое время о матерях-богинях их почитателями: легенда о семи покровах Марии, которые происходят из мифа об Иштар, или о молоке Богородицы, происходящий из мифа о Юноне. Коронация Марии в качестве Царицы Небесной изображалась примерно как однажды жители Вавилона изображали коронацию Иштар в качестве Царицы над богами. Но в этом культе мариинского непорочного рождения имеется и нечто совершенно новое, это символ возвышенного чистого материнства, который представляет идеал божественного плодородия и неограниченного вынашивания плода без нарушения девственности и чистоты.

Но в учении о полном и вечном приснодевстве Марии не хватало еще кое-чего. Древние христианские писатели второго столетия, Иринеи, а после него Тертуллиан, приводили захватывающее сравнение между девственной землей, из которой бог создал тело Адама, и девственным лоном Мадонны, из которого по воле Святого Духа вышло тело Иисуса. В своем сочинении «Против ересей» (III, 21–10) Иринеи Лионский писал: «Et quemadmodum protoplastus ille Adam de rudi terra et de adhuc virgine — nondum enim pluerat Deus, et homo non erat operatus terram (Быт. 2, 5) — habuit substantiam et plasmatus est de manu Dei... ita, recapitulans in se Adam, ipse Verbum existens ex Maria, quae adhuc erat virgo, recte accipiebat generationem Adae recapitulationis»: «И как сам первозданный Адам получил состав свой из земли невозделанной и еще девственной — «ибо Бог еще не одождал и человек не обрабатывал земли» (Быт.2:5) — и был создан рукою Божиею, т. е. Словом Божиим, ибо «все произошло чрез Него» (Ин.1:3), и Господь взял персть от земли и создал человека: так и Сам Он, Слово, восстанавливая в Себе Адама, справедливо получил рождение для восстановления Адама от Марии, Которая была еще девою. Если бы первый Адам имел отцем человека и родился из семени мужа, то можно было бы говорить, что и второй Адам родился от Иосифа. Если же тот был взят от земли и создан Словом Божиим, то надлежало самому Слову, восстанавливающему в Себе Адама, иметь сходство с его рождением. Для чего же Бог не взял опять персти, но произвел создание от Марии? Для того, чтобы не было другого создания, и не иное было то создание, которое требовало спасения, но чтобы тот же самый (Адам) был восстановлен, с соблюдением сходства (в происхождении)». И наследуя Иринею Тертуллиан в своем сочинении «О плоти Христа» (17) писал: «Virgo erat adhuc terra, nondum opere compressa, nondum sementi subacta; ex ea hominem factum accipimus a Deo in animam vivam (Genesis 2, 7). Igitur si primus Adam ita traditur, merito sequens vel novissimus Adam, ut apostolus dixit (I. Cor., 15, 45), proinde de terra id est carne nondum generationi resignata, in spiritum vivificantem a Deo est prolatus»: Земля была еще девственна, еще не вспахивалась и не засеивалась; из нее, как мы узнали, человек был сделан Господом душою живою (Быт. 2, 7). И если говорится, что первый Адам из земли, то второму, или последнему Адаму, как сказал апостол (ср. 1 Кор. 15,45), поэтому тоже подобало родиться от Бога из земли, то есть из плоти, еще не раскрытой для рождения, в дух животворящий».

Выразительные свидетельства Ириней и Тертуллиана показывают, насколько тесно для них и для тогдашней церкви девство Марии было связано с зачатием и рождением Слова, воплощенного в плоти Христа. В их сочинениях мы не можем найти ничего о признании и подтверждении девства, сохранившегося и после рождения Божьего Сына. В действительности Евангелие могло бы послужить преградой для такого учения. Лука говорит об Иисусе как о первенце Марии (II, 7). Что это значит? Что Мария, которая в первый раз стала матерью силой Святого Духа, позднее стала матерью естественным образом, и что брак с Иосифом был совершен только после рождения зачатого по Божьей воле сына? И уклончивые слова Матфея (I, 25): «и он (Иосиф) не знал ее, пока она не родила сына»: должны ли эти слова указывать на более позднюю плотскую связь Марии с Иосифом? А что мы должны понимать под братьями Иисуса, о которых так часто говорится в Евангелиях, в Деяниях апостолов и в Посланиях Павла (Марк III, 31; Лука VIII, 19; Матфей XII, 46; Марк VI, 3; Матфей XIII, 55; Деяния апостолов I, 14; Галатам I, 19; I. Коринф. IX, 5)? Идет ли речь действительно о родных братьях или имеются в виду двоюродные братья? Известно, что в иврите понятие «брат» используется очень широко — но можем ли мы ссылаться на особенности ивритского словоупотребления, чтобы понять упоминание братьев Иисуса у писателей, которые писали на греческом языке? Уже в христианской древности, в конце четвертого столетия, велись продолжительные споры по этой проблеме, и однозначно понятно, что тогдашняя полемика разжигалась доктринальной и практической озабоченностью. В результате казалось бы однозначные свидетельства из текстов и вероятность ситуаций толковались противоположным образом.

Начала учения о вечном приснодевстве Марии, то есть о девственности *post partum*, снова ведут нас к уже упомянутому апокрифу, «Прото-евангелию от Иакова». Первая часть этого апокрифа, согласно данным редакторов текста новейшего издания Михеля и Пеетерса, сначала распространялась отдельно под названием «Рождение Марии, славной Богоматери». Скорее всего, текст был написан в конце второго столетия и его можно приписать составителю-гностику, который был совершенно не знаком с еврейской жизнью и даже с географией Палестины, но несмотря на это он глубоко почитал еврейство и его возвышенные учреждения. В этом произведении имеется многозначительное место. Мария, которую в возрасте трех лет ее родители, Иоаким и Анна, отвели в храм, чтобы она была посвящена Богу, который таким чудесным образом подарил им этого

ребенка, проводит здесь все свое детство; когда она подросла, жрецы стали советоваться по ее поводу. «Они говорили: вот исполнилось Марии двенадцать лет в храме Божием. Что будем делать с нею, чтобы она каким-либо образом не осквернила святынь? И сказали первосвященнику: ты стоишь у алтаря Господа, войди и вознеси молитву о ней, и что Господь объявит тебе, то и сделаем. И первосвященник, надев додекакодон, вошел в Святая Святых и возносил молитву о ней. И вот явился ангел Господень и сказал: Захария, Захария, пойди и созови вдовцов из народа, и пусть они принесут посохи. И, кому Господь явит знамение, тому она станет женою (сохраняя девичество). И пошли вестники по округе Иудейской, и труба Господня возгласила, и все стали сходитьсь. Иосиф, оставив топор, тоже пришел на место, где собирались. И, собравшись, отправились к первосвященнику, неся посохи. Он же, собрав посохи, вошел в святилище и стал молиться. Помолившись, он взял посохи, вышел, раздал каждому его посох, но знамения не было на них. Последним посох взял Иосиф, и тут голубка вылетела из посоха и взлетела Иосифу во славу. И сказал жрец Иосифу: ты избран, чтобы принять к себе и блюсти деву Господа. Но Иосиф возражал, говоря: у меня уже есть сыновья, и я стар, а она молода, не хочу быть посмешищем у сынов Израиля. И сказал жрец Иосифу: побойся Бога, вспомни, как наказал Бог Датана, Абирона и Корея, как земля разверзлась и они были поглощены заслушание. Так что, Иосиф, позаботься о том, чтобы это не случилось с тобой. И, испугавшись, Иосиф взял Марию, чтобы блюсти ее».

Это место имеет решающее значение для развития мариологии в христианстве по двум причинам. Прежде всего, оно поддерживает уверенность в том, что Марии было предназначено оставаться девственницей на протяжении всей своей жизни. Во-вторых, указание на сыновей Иосифа, которые у него уже были до духовного бракосочетания с Марией, служит счастливым поводом для соответствующих упоминаний братьев Иисуса в Новом Завете, при этом не подвергая сомнению вечное приснодевство Марии. В действительности мы видим, как эти рассказы из «Протоевангелия от Иакова» очень быстро получили признание. (Не напрасно официальная церковная традиция приписывает авторство Иакову, брату Иисуса.) Так, Ориген в своих «Комментариях к Евангелию от Матфея» (X, 17) приводит апокрифическое свидетельство, цитируемое им под названием «Книга Иакова»; он в этом сочинении подтверждает, что братья Иисуса происходят из более раннего брака Иосифа. Больше чем через двести лет Иларий, также в комментариях к Евангелию от Матфея

(I, 1, 4), повторяет эту же мысль. Такую же веру мы обнаруживаем и у Эпифания, Григория Нисского и Иоанна Златоуста.

И в этом случае распространению веры в вечное приснодевство Марии и его признанию способствовали аскетические настроения. Мария стала образцом для подражания и идеалом целомудренной жизни. В период внезапного и стремительного распространения аскезы, которое сопровождает политическое обращение императора Константина в христианство и образование христианской империи, в экклезиологической литературе возникает огромная потребность в оправдании преимущества целомудренной жизни над брачной. Афористически можно сказать, что организованная аскеза в переходной период от Античности к средневековому миру являлась политикой ограничения рождаемости, которая прикрывалась особыми антропологическими теориями и своеобразными мистическими образами. В почитании Марии в качестве Приснодевы отчетливо проявляется антидемографическая политика, являющаяся ключевым признаком раннего Средневековья. Адольф фон Харнак однажды сказал, что средневековое христианство по своей сути является монашеским. В еще более общем смысле можно утверждать, что христианство стремится пресечь продолжение человеческого рода или хотя бы свести рождаемость к минимуму. И делает оно это на основании своего очень пессимистического мнения о половом союзе и браке.

Аврелий Августин пишет в одном достопримечательном месте в «О граде Божьем», что сильное размножение рода человеческого в более ранние эпохи было необходимым для того, чтобы как можно больше людей рождалось в ожидании Спасителя. В большом количестве рождаемых легче было появиться предопределенному провозвестнику Божьего Закона. Но после прихода в мир Спасителя необходимость в этом отпала. Культ Марии как Приснодевы — это не что иное, как отражение этого мнения и соответствующей средневековой демографической политики.

В конце концов, латеранский синод 649 года проклял всех, кто отрицал безупречное и вечное приснодевство Марии.

Ее девственный образ переполняет религиозное стихосложение Средневековья. Как на востоке, так и на западе она была обычной темой мистической поэзии. Песням Ефрема Сирина, Иакова Серутского и Романа Сладкопевца на западе соответствуют стихи Венанция Фортуната и Целия Седулия; христианская фантазия в сочинениях этих и других авторов

направлена на украшение девственного образа высшими мотивами, соблазнительными сравнениями и впечатляющими противопоставлениями.

Так, образ неопалимой купины, то есть тернового куста, который горит, но не сгорает, и из которого в древние времена Бог обратился в Моисею, вдохновил неизвестного христианского певца на то, чтобы представить Марию как Деву, которая горит, но не сгорает от божественного зачатия и сохраняет свое непорочное девство.

Ave Virgo Gravidata
Rubo Moysi signata
Genetrix verbigenae
Igne sacro inflammata
Per te simus, advocata,
Coelici indigenae.

Слава тебе, Дева непраздная,
О которой возвещает неопалимая купина,
Свидетельница рождения Слова,
Сияющая в священном огне,
Позволь нам взывать к Тебе,
Рожденная на небе.

А Адам, поэт аббатства Святого Виктора, поет:

Tu convallis,
Terra non arabilis,
Quae fructum parturiit.
Flos campi, convallium
Singulare lilium
Christus, ex te prodiit.
Tu coelestis paradusis,
Libanusque non incisus,
Vaporans dulcedinem.

Ты, долина и
Земля нетронутая,
Но принеся плод.
Цвет полей и долин,
Единственная лилия:
Христос вышел из тебя.
Ты — небесный рай,
Ты святая Дева,
Источающая сладость.

Sol luna lucidior,
Et luna sideribus:
Sic Maria dignior,
Creaturis omnibus.
Lux eclipsim nesciens,
Virginis est castitas,
Ardor indeficiens,
Immortalis Charitas.
Salve, mater pietatis,
Et totius Trinitatis
Nobile triclinium.

Солнце ярче Луны,
Луна ярче звезд:
Так и достойная Мария
Ярче всех творений.
Ярче света заката
Ее девственная целомудренность.
Пламя, которое никогда не уменьшится,
Любовь, которая бессмертна.
Слава тебе, мать всех благочестивых,
Ты троица
Как изысканная трапеза.

Апулей взывал к Изиде теми же словами, которыми она представляла ему себя: «*rerum naturae parens, elementorum omnium domina, saeculorum progenies initialis, summa numinum, regina manium, prima caelitum, deorum dearumque facies uniformis, quae caeli luminosa culmina, maris salubria flamina, inferum deploratum silentia, nutibus suis dispensat; cuius numen unicum multiforme specie, ritu vario, nomine multiiugo, totus veneratur orbis*»: «Породившая природу, владычица всех стихий, перворожденная времен, высшая из сил, царица манов, первая из небесных, единый образ всех богов и богинь, повелевающая сияющими вершинами небес, свежими течениями моря и подземной плодородной тишиной; многократно умножающая свою собственную волю, согласно различным обычаям, под множеством имен, весь мир». Ритмичная проза Апулея становится у анонимных средневековых авторов литургических секвенций христианскими песнопениями.

Но почитание женского образа изменилось не только потому, что он больше не был абстрактным образом, а стал конкретной фигурой и исторической личностью, с которой связаны истоки новой религиозной мистерии, — речь идет кое о чем еще. Это глубокий смысл связи между процессом индивидуального освящения и непрекращающейся драмой второго рождения человеческой общности: христианский опыт Средневековья видит, как мистерия непорочного рождения Иисуса из плоти Марии вновь и вновь повторяется в мистерии второго рождения верующих при крещении. В величайшей средневековой христианской литургии, в литургии Пасхальной субботы — именно в освящении крестильной купели, которое происходит каждый год в Риме, на рассвете этого дня, когда процессия одетых в белое крещаемых движется к Латеранскому баптистерию — содержится молитва, в которой рождение братской христианской общности, поднимающейся из священной воды, представляется подобием непорочного рождения Иисуса из лона Марии. В ней говорится: «(Deus) qui hac aquam regenerandis hominibus praeparatam arcana sui numinis admixtione foecundat, ut, Sanctificatione concepta, ab immaculato divini fontis utero in novam renata creaturam progenies coelestis emergat et quos aut sexus in corpore aut aetas discernit in tempore, omnes in novam faciat gratia mater infantiam»: «Бог делает плодотворной эту воду, которая готова создавать людей заново, благодаря таинственному добавлению своей силы, чтобы после принятого освящения из непорочного лона божественного источника поднялся небесный, возроденный в небесном творении

род, а милостивая мать объединила всех разделенных телесным полом или возрастом в новом детстве». Литургия, таким образом, проливает свет на древние слова апологета Тертуллиана, который представил христианское сообщество как общность вторично рожденных, которая вышла из единого материнского лона веры и надежды на свет Солнца.

Таким образом, христианское Средневековье видит в Марии Деву-Мать, но прежде всего Деву, образец для подражания для всех, кто принял обет целомудрия. На триптихе Николы Фромана в Экс-ан-Прованс, в центральной части которого изображена Мария в неопалимой купине, имеется надпись: «*Rubum quem viderat Moyses incombustum conservatam agnovimus tuam laudabilem virginitatem saneta Dei genetrix*» («В кустарнике, который Моисей видел горящим и невредимым, мы увидели, о святая Матерь Божья, твое сохраненное девство»). А в «*Speculum humanae Salvationis*» (Зеркало человеческого спасения) говорится: «*Rubus sustinuit ignem et non perdidit viriditatem. Maria concepit Filium et non amisit virginitatem*» («Кустарник выдержал огонь и не перестал зеленеть. Мария родила Сына и не утратила свое девство»). И наконец, «*Speculum Ecclesiae*»: «*Haec (Maria), karissimi, olim multis modis praefigurata: haec multifarie a prophetis praenunciata. Moyses namque vidit rubum igne comburi, nec tamen flamma consumi. In quo Dominus apparuit, cum populum suum ab Aegyptiaca Servitute eripuit. Hoc beatam Virginem praesignavit, quam ignis Spiriti sancti prole illuminavit, nec tamen flamma concupiscentie vitiavit*» («Мария, моя возлюбленная, была предвосхищена разными образами и в разных местах пророками. Моисей видел, как терновый куст горел в пламени, но не сгорал. В этом терновом кусте ему явился Господь и вырвал его вместе с его народом из египетского рабства: это предвещало святую Деву, которую через Сына осветило пламя Святого Духа, и которую не поглотило пламя похоти»).

А цестерцианец двенадцатого столетия в своем наставлении о вознесении Марии, как представляется, резюмировал двенадцать столетий христианской мариинской святости, когда сказал о Деве: «*Haec est illa Sion quam eligit Dominus in haeriditatem sibi: haec requies eius in saeculum saeculi: Sapientia namque Dei patris, quae in Omnibus requiem quaesivit, in hoc velut in haeriditate Domini habitare deposuit*»: «Она есть Сион, который Господь выбрал для своего пребывания: это его покой от вечности и до вечности: ведь мудрость Бога-Отца, которая искала покой везде, решила пребывать здесь, в пристанище Господа».

Но самый счастливый и возвышенный синтез этого тысячелетнего развития почитания Марии и веры в нее в античном и средневековом христианстве мы находим в первых строках гимна Марии, который Данте вложил в уста Святого Бернарда:

Vergine madre, figlia del tuo figlio,
umile e alta più che creatura,
termine fisso d'eterno consiglio,
tu se' colei che l'umana natura
nobilitasti sì, che 'l suo fattore
non disdegno di farsi sua fattura.

О Дева-Мать, дочь Сына Своего!
Смиренная, возвышена Ты боле,
Чем всякое другое существо!
Ты цель конечная верховной воли;
Тобою род наш так облагорожен,
Что сам Творец возжаждал нашей доли.

II

СВЯТАЯ НЕПОРОЧНАЯ ДЕВА МАРИЯ В ХРИСТИАНСКИХ СКАЗАНИЯХ

Развитие веры в девство Марии *ante partum, in partu et post partum* связано с христологическим догматом и постоянным возвышением Христа в сфере христианской надежды и одновременно с возникновением и преобладанием аскетических течений внутри христианской церкви, а вера в непорочное зачатие Марии и совершенную и вечную святость Девы находится в связи с учением о первородном грехе и со всеми параллельными ему и следующими из него учениями о человеческом размножении и заслугах в результате человеческих деяний.

Изначальная проповедь Иисуса не знает учения о первородном грехе. Адам упоминается в евангелиях только один-единственный раз, в месте, которое собственно меньше всего связано с духом Евангелия, это генеалогия Иисуса, описанная в Евангелии от Луки (III, 38). Сатана часто упоминается в словах Иисуса, насколько нам это известно из синоптических евангелий. Но он не искушитель наших предков и не испортил человеческой род изначально, он пытается искушить Иисуса в пустыне; он нашептывает Петру лицемерный и трусливый совет против его мастера; он разрывает тела одержимых; он во время пленения и ужасной казни Христа пытается ввести в искушение апостолов. Только в единственном месте в Евангелии Сатана представляется тем, кто в результате первоначального овладения стал владыкой мира; но и в этом месте (Лука X, 18) его

владычество не является владычеством того, кому удалось завладеть всей тысячелетней последовательностью человеческих поколений на основании одержанной над их предками победы. Сатана скорее является воплощенной персонификацией всего Зла в мире, которое нашло своего неограниченного и окончательного разрушителя в образе Сына Человеческого, пришедшего, чтобы искупить все ошибки и злодеяния, которыми пропитано все на земле. Библейское представление о несчастье, которое пришло к роду человеческому в результате первого неповиновения Адама, не имеет ничего общего с физиологически-юридическим толкованием солидарности всех людей в правовой и нравственной ответственности за первого человека, который ослушался повеления Бога.

Творцом убежденности в нашей телесной совместной ответственности за грех Адама — ведь мы все происходим от одного корня — является Павел. В этом учении апостол соединил семитское представление о жизненной общности всех, кто происходит из одного рода, с эллинистически-дионисийским представлением о наследии титанов, которое из поколения в поколение передается людям, создаваемым из пепла титанов, однажды растерзавших Загрея.

Но мы должны подчеркнуть, что также и у Павла учение о первородном грехе не является началом его теологических мыслей и христологических размышлений. Другими словами, Павел не исходил из веры в первородный грех, чтобы приподняться к сияющему лику принесенного вторым Адамом, то есть Христом, благословения, а напротив, из прочной и нерушимой веры в благословляющую силу Христа, дающую возможность окрепнуть в результате обращения к вере и преодолеть вину первого Адама, чтобы освободиться от нее. Примечательно, что у Павла Адам впервые упоминается в пятнадцатой главе Первого послания к Коринфянам. В послании, которое в своей симфонии судьбы и преданности одновременно является и итогом изложения об освобождении (XV, 45). Павел должен умиротворить сомневающихся коринфян, которые, испорченные эллинистическими проповедями в честь Аполлона, оспаривают возможность воскресения плоти: грек, для которого тело было гробом души, не мог поверить в то, что тело может принять участие в спасительном триумфе Царства Небесного. Но Павел должен выступить против таких сомнений, которые противны его инстинктивной семитской вере в чувственное продолжение верующего народа. Разве новый народ

христиан не полностью един с Христом, новым Адамом, как и древний народ Израиля был един с Авраамом, героем надежды и обетования.²

Только через несколько лет после написания Первого послания к Коринфянам Павел разрабатывает свое внезапное видение старого и нового Адама, и после того, как он, так сказать, взял все из отождествления Христа с новым и последним Адамом, он перешел к тому, чтобы сделать все возможные теологические и моральные выводы из представления первого Адама родоначальником греха, смерти и опосредованно также закона.

Христианское учение о первородном грехе точно и компактно в одном предложении «Послания к Римлянам Апостола Павла» (V, 12). «Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть». В этом месте Апостол Павел, если бы он был холодным и непогрешимым систематизатором, который взвешивает слова и в точности следует за их нитью, должен был бы сказать следующее: «таким образом через одного человека, нового Адама, Христа, в мир пришла справедливость, а через справедливость — жизнь». Но Павел не является академическим ученым-систематизатором, который следует холодной логике последовательности мыслей и строгой закономерности стройных выводов, он пишет страстно и с фантазией; его идеи, и в гораздо большей степени его чувства, оттесняют друг друга, перекрещиваются и смещаются без строгой взаимосвязи и без диалектической схемы. Мысль о том, что из-за ошибки праотца людей в мир пришел грех, а вместе с грехом и смерть, является настолько потрясающей, что он немедленно должен укрепить себя в духе, даже если при этом он на мгновение забывает о противоположности греха, о справедливости в Христе. И Павел продолжает: «так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили».

Мы сочли необходимым совершить этот краткий экскурс в историю развития учения о первородном грехе, ведь знание этого является неотъемлемым условием для более или менее точной оценки догмата о непорочном зачатии Марии и правильного понимания его возникновения и развития в рамках истории католического мира идей и святости.

В целом можно сказать, что путь этого догмата сопровождался уникальными обстоятельствами.

Некоторые из коллег, выступавших ранее, например, Пикар и Вироло, уже продемонстрировали неминуемо необходимые пути

распространения некоторых мифов в культурном мире восточного Средиземноморья. Миф об Изиде распространяется из Египта до берегов Финикии; миф об укрощающей зверей богине, символом которой является змея, путешествует с Крита в Африку и в Элевсин. История христианского догмата о непорочном зачатии Марии демонстрирует нам схожий путь. Какой таинственный закон управляет возникновением и распространением религиозных мифов и ритуалов.

Драматург-компилятор текста Бытия указывает, когда рассказывает о первородном грехе, на возможность воздаяния в далеком будущем для женщины, которая будет жертвой искусительной лжи Змия. Спустя столетия фантазмагорический автор канонического Апокалипсиса предсказал победу женщины, символ новой религиозной общины. «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Откр. Иоанна, XII, 1).

И сегодня во всех католических церквях Непорочная Дева Мария имеет на голове венец из звезд, под ногами у нее Луна, она одета в небесное одеяние и возле ее ног лежит раздавленная змея: чудесный синтез ритуалов и символов, которые пришли из тысячелетней истории средиземноморской религиозной культуры.

Но формулировка первородного греха, которую Павел изложил в пятой главе Послания к Римлянам в качестве своего рода противовеса уверенности в предстоящем триумфе последователей нового Адама в Царстве Божьем, была не сразу принята ранним христианским обществом. Можно сказать, что совершенное и органичное обоснование точки зрения Павла было дано Августином только в конце четвертого и в начале пятого столетия, когда получившее большинство христианство начало создавать особую, соответствующую его предпосылкам и целям культуру. Августин одновременно с учением о первородном грехе сформулировал идеальную теорию благодати, заслуги и предопределения. Поэтому мы должны рассматривать возникновение и развитие официальной католической доктрины о святости Марии и ее непорочном зачатии, не искаженном первородным грехом, в связи с развитием и историческими изменениями теории греха и заслуги.

До момента органичного и полного развития этой теории греха и заслуги, то есть во все то время, когда жизнь христиан в большей или меньшей степени была преисполнена ожидания Божьего Царства и в то же время в духовном смысле еще недостаточно прочна, чтобы допускать

серьезные теологические споры, Мария не появляется вне обычных людей с их несовершенством и ограничениями. То, что евангелия рассказывают о недоверчивости Марии и ее других сыновей касательно кажущейся ошибочной проповеди Иисуса, для античных писателей служило неоспоримым доказательством обычного человеческого характера Марии. В качестве представителя этой общей веры можно взять Тертуллиана, который в своем направленном против Маркиона трактате «О плоти Христа» (VII) пишет: «Братья Господа не верили в Него, как сказано в Евангелии, изданном до Маркиона. Не показано и то, что мать Его пребывала с Ним в постоянном общении; напротив, Марфа и Мария совершали это часто. Как раз здесь и проявляется их неверие: когда Он учил пути жизненному, когда проповедовал Царство Божье, когда старался исцелять недуги и пороки, — тогда родные оставляли Его, в то время как чужие были с Ним. Наконец, они приходят и останавливаются снаружи, и не входят, и, видно, не думают о том, что делается внутри. Во всяком случае, не дожидаются Его, как будто пришли с чем-то более необходимым, нежели то, чем Он тогда особенно был занят. Но больше того, они Его прерывают и хотят оторвать от столь великого дела. Спрашиваю тебя, Апеллес, или тебя, Маркион, — если бы как-нибудь тебя, сидящего за игральной доской, бьющегося об заклад в игре актеров или состязании колесниц, отвлекли подобным сообщением, — неужто ты не воскликнул бы: «Кто мать моя?» или «Кто братья мои?». А Христу, проповедующему и доказывающему Бога, исполняющему Закон и Пророков, рассеивающему мрак прежнего века, — Ему недостойно было воспользоваться такими словами для порицания неверия вовне стоящих или для осуждения неблагоприятно отрывающих Его от дела?» Жесткие слова африканского апологета отражаются эхом во всей восточной и западной церковной литературе первых трех столетий. Можно сказать, что до конца четвертого столетия Мария, конечно, признается в качестве матери Христа, но одновременно рассматривается и как женщина, которая подвержена всем слабостям своей конечной природы и своих колебаний и нерешительности в чувствах.

И в этом случае прежде всего аскетические представления неизвольно склоняются к тому, чтобы рассматривать Марию как образец христианского совершенства, и постепенно ведут к тому, чтобы сделать из нее возвышенную представительницу совершенной святости, не имеющей тени. Но этот путь совершается поэтапно, развитие панегирического почитания требует времени.

Мы уже видели в первом докладе, что Амвросий Медиоланский внес решающий вклад в продвижение идеи целомудрия и аскетического призвания и, ведь он однозначно исходил из педагогических намерений, достиг важной ступени в официальном церковном признании вечного приснодевства Марии. Но Амвросий был чрезвычайно важен и для общего церковного признания святости Богоматери.

В уже упоминавшемся трактате *De institutione virginis* («О наставлении деве»), в котором он, исходя из своих пасторальных и аскетических взглядов, стремится к тому, чтобы восхвалять девство Марии даже с использованием факта рождения Иисуса, образ Богоматери увязывается со всеми возможными достоинствами и она становится совершенным и чистым идеалом христианской девы. Из ее образа он убирает любые тени и пятна: она становится смиренной, прелестной, благочестивой девой, которая благодаря своей непоколебимой вере может преодолевать самые сложные испытания; и одновременно она по воле Бога становится достойной матерью. Именно христианское благочестие и насущная потребность оформлявшегося в то время аскетического движения стали побудительными причинами того, что Амвросий таким торжественным образом прославлял непорочную святость Марии. Амвросий сконцентрировал в Марии все достоинства, которые только можно себе представить, которые являются неотъемлемой частью женского совершенства, прежде всего что касается идеала совершенной, чистой и непорочной девы.

Августин идет по следам этого епископа, с которым он познакомился с Милане и имел возможность внимать его учениям. Он также видит в Марии соединение всех женских добродетелей и совершенств. Но Августин продвигает теологическую и мариологическую мысль на важный шаг вперед. Амвросий ограничился тем, что увидел в Марии полное достижение святости, она стала образцом для подражания для христианских женщин в выполнении всех обязанностей, особенно образцом девы. Августин идет дальше: он также берет за основу для святости Марии христологическое учение. В его работе «О природе и благодати» (*De natura et gratia*) (42) говорится: «Если говорят о грехе, нельзя думать о святой Деве. Она заслужила зачать и родить того, кто сам является святостью, поэтому мы должны придти к выводу о том, что таким образом получила милость, потому что продемонстрировала полную победу над виной и грехом».

Это решающее объяснение высочайшей важности не только для установления догмата о непорочной святости Марии, но и для показа того, как догмат проходил разные этапы развития, прежде чем был окончательно утвержден в 1854 году. Согласно Августину не имеющая тени святость Марии неразрывно связана со святостью ее божественного Сына, поэтому она началась только в момент провозглашения боговоплощения Архангелом Гавриилом. В труде Августина «О наказании и отпущении грехов, а также о крещении младенцев, к Марцелину» (*De peccatorum meritis et remissione et de baptismo parvulorum ad Marcellinum*) (II, 38) четко указывается, что только Христос был свободен от всякого греха. Только Христос смог благодаря чудесному вмешательству Святого Духа воплотиться в тело и при этом быть полностью свободным от греха. И та неизмеримо маленькая частица материи, с которой Слово ипостасно соединилось в лоне Марии, в момент ипостасного соединения сама освятилась и очистилась. Это очищение произошло именно в тот момент, когда Мария смиренно приняла потрясающую весть архангела и таким образом доказала свою веру. Акт веры Марии сделал возможным боговоплощение и является чудесной основой ее освящения и очищения.

Учение Августина о первородном грехе не допускало ничего иного. Она была рождена в брачной связи Анны и Иоакима, поэтому была зачата обычным образом; следовательно, на зачатие согласно Августину распространяется первородный грех, которым нельзя упрекать крещеных, но который все равно остается грехом. Следовательно, Мария согласно его пессимистическому учению не могла быть безупречной, как и любое другое существо, произошедшее из плотской связи.

Это один из главных моментов системы Августина, которая оказала решительное и пессимистическое влияние на возникновение и развитие средневекового церковного мышления. Принципиальное отличие наших представлений от средневековых не позволит нам даже приблизительно оценить и почувствовать тогдашний мрачный мир идей. В то время религиозная средневековая совесть находилась под существенным влиянием учения Августина о том, что душа каждого человека заражается первородным грехом через тело или, точнее, телесную похоть.

Этот мариологический взгляд Августина преобладал на протяжении всего Средневековья; еще и в Сентенциях Петра Ломбардского (III, 3, 1) мы находим его в такой формулировке, которая не допускает иных толкований.

Теология оставалась верной этому учению, ведь она приняла учение Августина о первородном грехе, но простонародная набожность, являвшаяся выражением неосознанных требований развивающегося человеческого общества, также влияла на традиционные мариологические взгляды и вызывала к жизни новые формы культа и веры, которые в итоге нашли отражение в официальной теологии и догматике.

Решение о богоматеринстве Марии, принятое на Эфесском соборе в 431 году, очень способствовало почитанию Богоматери в народе. Кажется, что в этом культе, стремительно распространившемся на востоке и западе, была реализована чувственная и практическая потребность масс, заключающаяся в том, чтобы иметь трансцендентные сущности, к которым можно было обращаться с просьбами о помощи. Образ Марии все больше поднимается в небо простонародной христианской набожности как незаменимый посредник при обращении к Богу. И при этом возвышении на небеса народной благочестивой веры Мария, что совершенно понятно, все больше становилась святым образом, который никогда не был омрачен тенью человеческой вины и слабости: потребности такой святости ни в коем случае не могла удовлетворить та Мария, которая была освящена только в момент сообщения архангелом Гавриилом о чудесном событии. В один из решающих моментов в развитии средневекового христианства, когда вместе с молниеносным распространением ордена Цистерцианцев вся структура средневекового общества, казалось бы, начала выходить из ограничений феодализма и стремиться к новому экономически-социальному равновесию, мариология также претерпела фундаментальное изменение.

Знаменосцем и вершителем этого изменения мог стать только святой Бернард (Бернард Клервоский). В экзегезе и проповеди великого аббата монастыря Клерво Мария освятилась не в момент воплощения Слова в плоть, не тогда, когда преподнесла Богу тварные элементы своей человеческой природы, что сделало возможным спасение человечества. Напротив: чтобы она была удостоена этого уникального преимущества, было необходимо, чтобы ее чудесное освящение произошло раньше, а именно в лоне ее матери Анны. В одной из своих проповедей Бернард Клервоский пишет о Вознесении Девы Марии (II, 8): «Несомненно Мария унаследовала от своих родителей первородный порок. Но христианское благочестие решительно запрещает нам верить в то, что она получила меньшую привилегию,

чем Иеремия, который был освящен в лоне его матери, или Иоанн Креститель, который еще до рождения исполнился Святого Духа. Рождение Марии не праздновалось бы так торжественно христианским обществом, если бы она не родилась уже святой. Поэтому согласно благочестию следует верить в то, что Мария никогда в действительности не согрешила».

В окружении Святого Бернарда теперь появляются светлейшие представители мариинской мистики; Ришар Сен-Викторский, Петр Пиктавийский, Иннокентий III и, наконец, Фома Аквинский принимают его объяснения и подкрепляют его идеи.

В мариологии появляется нечто новое; мы даже можем сказать, что нечто новое появляется в христианских взглядах на жизнь в целом. Средневековье было глубоко пропитано пессимистическими учениями Августина. Само упорство, с которым культ Марии превозносил девство Марии, показывает, что из очень богатого образа Богоматери был взят единственный аспект — аспект Девы, который вызывал глубокое чувство благоговения в христианской общности. То есть мнение о моральном значении человеческого размножения и непорочного аскетизма является, так сказать, основой для литургического и теологического развития христианства.

Если основа общественного и духовного развития человеческого общества в определенной мере зависит от демографических условий, можно утверждать, что любое изменение в населении после тысячного года, которое нам известно благодаря монастырским реестрам, обязательно отражалось и в проявлениях набожности, а также в интеллектуальном наследии организованного христианского общества. Немногие статистические данные, которые можно обнаружить в монастырских документах и списках населения, привязанного к монастырям и феодалам, указывают после тысячного года на оживленный рост населения, который вероятно стал одной из причин упадка сеньории: она больше не могла прокормить собственное население, занимающееся сельским хозяйством. Одновременно с этим указанный рост стал причиной внезапного расцвета монастырских учреждений цистерцианцев, которые прежде всего как крупные кооперативные организации способствовали трансформации экономики и средств производства, а также рынков, и действовали как свободные объединения, от которых закабаленные крестьяне могли получить признание их личной автономии и нравственного достоинства.

Определенно, не случайно, что именно в это время простонародная набожность меняет образ Девы образом Матери Марии: ведь и с религиозной точки зрения материнство имеет большее значение, чем целомудрие. И в этой связи также смягчается строгость учения о первородном грехе, из которого Августин сделал такой мрачный и угрожающий любой сексуальности догмат. Она допускает только одно исключение: Марию.

Преувеличенно пессимистическое отношение ко всему, что касается кругооборота человеческого размножения, всегда инспирировало ужесточение формулировки учения о непорочном зачатии и рождении Иисуса, а также о приснодевстве Марии. Но теперь растущее почитание материнства и в связи с этим рост населения неизбежно привели к смягчению, а позднее даже к полному исчезновению учения Августина о телесной похоти, которая для этого отца церкви и является первородным грехом. Первым доказательством краеугольного изменения учения о человеке в средневековом христианстве фактически являются самые ранние благочестивые и теоретические проявления того чувства, которое в итоге привело в девятнадцатом столетии к принятию догмата о непорочном зачатии Марии. По Августину первородный грех свойственен телесной связи, поэтому он бы обязательно отвергнул то, что зачатое обычным образом существо могло бы быть свободным от него. Такое освобождение для Августина было бы возможным только при условии сверхъестественного и чудесного зачатия силой Святого Духа.

Поэтому освобождение Марии от первородного греха возможно было только двумя путями: нужно было принять сверхъестественное зачатие силой Святого Духа и для нее самой или телесную связь следовало рассматривать совершенно иным образом, чем это делал Августин. Ведь средневековое христианство приняло эту его точку зрения.

Но христианские массы были не в состоянии немедленно и полностью понять эти абстрактные требования. Они гораздо больше теологов находились в непосредственном соприкосновении с физическими и материальными законами демографических изменений и социальных перемен. Можно было бы сказать, что уже праздники в честь Непорочной Девы Марии представляли собой протест против пессимистического августианского учения. И эти протесты начались на Востоке. Мы видим их на том же пути, который однажды в древние времена прошла Богиня со змеями, когда она двигалась с

Крита в Элевсин, где во время мистерий в ее честь проводился ритуал плодородия. В действительности именно Андрей Критский в первых десятилетиях восьмого столетия в своих канонах отмечал праздники церковного года и среди них девятого декабря чудесное зачатие Марии в лоне Анны. А всего несколько лет спустя Иоанн Эвбейский в Аттике в примечательной проповеди также славит чудо зачатия Марии, дома, «не построенного рукой человеческой».

С Востока праздник зачатия Богородицы пришел и в латинскую церковь: в одиннадцатом столетии он уже был широко распространен вплоть до церквей Северной Европы.

Впервые мы находим описание рождения Марии как чудесного события в древнем «Протоевангелии от Иакова». Согласно апокрифу Анна была бесплодной. И столь горько стало Иоакиму, и не пошел он к жене своей, а ушел в пустыню, поставил там свою палатку и постился сорок дней и сорок ночей, говоря: не войду ни для еды, ни для питья, пока не снизойдет ко мне Господь, и будет мне едою и питьем молитва. А дальше в тексте говорится: «А жена его Анна плакала плачем и рыданием рыдала, говоря: оплачу мое вдовство, оплачу мою бездетность. Но вот настал великий день Господень, и сказала ей Юдифь, служанка ее: до каких пор будешь ты терзать душу свою? Ведь настал великий день Господень, и нельзя тебе плакать. Возьми головную повязку, которую мне дала госпожа за работу: не подобает мне носить ее, ибо я слуга, а повязка несет знак царственности. Анна ответила: отойди от меня, не буду я этого делать: Господь унизил меня. Не соблазнитель ли внушил тебе прийти, чтобы и я совершила грех вместе с тобою? И ответила Юдифь: зачем я буду тебя уговаривать? Господь закрыл твоё лоно, чтобы у тебя не было потомства в Израиле. И огорчилась очень Анна, но сняла свои одежды, украсила свою голову, надела одежды брачные и пошла в сад, гуляя около девяти часов, и увидела лавр, и села под ним и начала молиться Господу, говоря: Бог моих отцов, благослови меня и внемли молитве моей, как благословил ты Сарру и дал ей сына Исаака. И, подняв глаза к небу, увидела на дереве гнездо воробья и стала плакать, говоря: горе мне, кто породил меня? Какое лоно произвело меня на свет? Ибо я стала проклятием у сынов Израиля, и с осмеянием меня отторгли от храма. Горе мне, кому я подобна? Не подобна я птицам небесным, ибо и птицы небесные имеют потомство у тебя, Господи. Не подобна я и тварям бессловесным, ибо и твари бессловесные имеют потомство у тебя.

Господи. Не подобна я и водам этим, ибо и воды приносят плоды у тебя, Господи. Горе мне, кому подобна я? Не подобна я и земле, ибо земля приносит по поре плоды и благословляет тебя, Господи. И тогда предстал пред ней ангел Господень и сказал: Анна, Анна, Господь внял молитве твоей, ты зачнешь и родишь, и о потомстве твоём будут говорить во всем мире. И Анна сказала: жив Господь Бог мой! Если я рожу дитя мужского или женского пола, отдам его в дар Господу моему, и оно будет служить Ему всю свою жизнь. И пришли вестника два и сказали ей: муж твой, Иоаким, идет со своими стадами: ибо ангел явился к нему и возвестил: Иоаким, Иоаким, Бог внял молитве твоей. Иди отсюда, ибо жена твоя Анна зачнет во чреве своем. И пошел Иоаким, и приказал пастухам своим, сказав: приведите десять чистых без пятен агниц, будут они для Господа Бога моего, и приведите мне двенадцать молодых телят, и будут они для жрецов и старейшин, и сто козлят для всего народа» (II, IV).

Легендарный мотив апокрифа покоился как скрытое семя в борозде старого средневекового христианского сознания. Но в чем, собственно, состояло его значение? Было ли рождение Марии чудесным только по причине того, что ее родила мать, которая долгое время была бесплодной и внезапно забеременела? Или оно было чудесным в еще одном смысле слова, то есть не в результате плотской связи?

Упомянутые комментаторы из восьмого столетия, Андрей Критский и Иоанн Эвбейский, заявили совершенно четко, что к зачатию той, которая будет Девой-Матерью Слова, привел новый брачный союз Анны и Иоакима. Андрей Критский в этой связи высказывается более подробно, чем Иоанн Эвбейский, но представляется, что оба выступают против возможности толкования «Протоевангелия от Иакова», которое бы сделало из рождения Марии чудесное событие, подобное непорочному зачатию Иисуса.

И действительно, если в связи со все еще преобладающим учением Августина исходить из греховного характера телесной похоти, которая физиологически является основанием акта зачатия, полную святость Марии в момент самого зачатия и ее совершенное освобождение от греха, который отражается в каждой человеческой плотской связи, вообще нельзя себе вообразить, не освободившись от закона, который является основой человеческого размножения.

Но в этом смысле христианское средневековое искусство, которое представлено фресками в соборах, большими витражами

и барельефами, нашло возможность остановиться на полпути, когда использовало мотивы из старой редакции протоевангелия, которая известна под названием «Евангелие о рождении Марии» (III, 4). В ней удалось соединить между собой противоречивые требования благочестивого почитания Марии — инстинктивное почитание благороднейшего момента жизни, начала материнства, и почтительное сокрытие самого волнующего момента в жизни, момента зачатия. В протоевангелии было написано, что Мария была зачата в тот момент, когда возвращавшийся с поля Иоаким и встретившая его у дверей храма Анна поцеловались. Народное сознание, которому в данном случае гений авторов пошел навстречу, верит, что существуют поцелуи, которые более плодородны, чем любая плотская связь, и что существуют плотские связи, которые полностью стерильны, несмотря на физическую способность к зачатию. Христианское средневековое искусство воспевало историю Иоакима и Анны, которая, старая и бесплодная, чудесным образом зачала дочь, ставшую Богородицею. В этих романтических историях Анна представляется главным персонажем, символом и началом двух в равной степени чудесных зачатий, в результате одного из которых сам Бог воплотился в человеческое тело, чтобы пожертвовать им на кресте во имя спасения человечества.

Между делом праздник зачатия Богородицы победоносно распространился по всему западному миру. Ансельм Младший, племянник Ансельма Кентерберийского, в первые десятилетия двенадцатого столетия стал его отважнейшим поборником: благодаря его настойчивой пропаганде литургический праздник распространился в церковной Франции. Около 1140 года лионские каноники ввели его 8 декабря в свою церковь, что, как ни странно, вызвало резкий и гневный протест Бернарда Клервоского.

Бернард в своем письме лионским каноникам подтверждает свою веру в освящение Девы Марии в лоне ее матери. Но он категорически отрицает, что потому что церковь празднует день рождения Марии, она должна праздновать и момент ее зачатия; и его аргументы представляются вполне убедительными: «Откуда можно вывести святость зачатия Марии? Разве скажут, что она была святой в момент ее зачатия? Ведь нельзя стать святым, не начав жить. А Мария, конечно же, не жила до своего зачатия. Скажут, что супружеский акт ее родителей был священным и поэтому Мария была одновременно зачата и освящена. Но эта гипотеза полностью противоречит рассудку. Может

ли присутствовать святость там, где отсутствует Святой Дух? Или может ли Святой Дух соединить свое собственное присутствие с присутствием греха? Или скажут, что греха не было там, где не было похоти? В таком случае зачатие Марии следует сразу же приписать Святому Духу, а не человеку. Но кто уже утверждал это? Если Мария не могла быть освящена ни прежде чем она была зачата, потому что она еще не существовала, ни в момент самого зачатия, потому что супружеский акт был запятнан грехом, следует признать, что она была освящена в лоне матери после зачатия, и что она уже была освящена, когда была рождена на свет, но не в тот момент, когда была зачата. Быть зачатым в святости является правом только того, который пришел спасти людей. Только он единственный является исключением из слов, которые касаются всех сыновей Адама: «В злодеянии я был зачат, и моя мать зачала меня в грехе»».

То есть мы видим, как Бернард полностью следует Августину в его чрезвычайно пессимистическом взгляде на половое влечение: несмотря на все его глубокое почитание Марии, он должен отклонить то, что кроме Христа также его мать каким-то образом могла бы быть освобождена от тлетворного влияния первородного греха. Древняя августианская теология видела истоки самой жизни загрязненными и отравленными похотью и не могла с теологической точки зрения допустить освобождение от первородного греха для зачатия Марии. Допущение этого потребовало бы решительного изменения в моральной и теологической оценке первородного греха.

Но в то время, когда Бернард писал приведенные выше строки, старое августианское учение уже смягчилось. Это стало результатом труда того, кто первым с полным успехом попытался ввести рациональное доказательство существования Бога в область теологических размышлений, то есть Ансельма Кентерберийского. В конце одиннадцатого столетия великий теолог, автор «Прослегиона» и «Почему Бог воочеловечился», не только привел знаменитое онтологическое доказательство бытия Бога, но и ввел нечто совершенно новое в сферу христианской антропологии, при этом это его нововведение практически не было замечено современниками. Согласно Ансельму первородный грех заключается не в похоти, а в нарушении изначальной справедливости: он находит свое проявление меньше в изменении и нарушении функционирования нашей телесной конституции и гораздо больше в нашей душевной структуре. Ансельм утверждал, что первородный

грех скрывается не в испорченной плоти и передается на душу не через соприкосновение тела с душой. Он в результате бесповоротно провозглашенного Богом закона действует непосредственно на душу.

Этот взгляд на первородный грех должен был оказать огромное влияние не только на развитие последующей христианской теологии, но и, так вполне можно выразиться, на все более поздние представления о жизни, ее размножении, ее способности к усовершенствованию и преображению в спасении. Схоластики, которые следовали учению Ансельма, позднее ставили вопрос о следствиях первородного греха следующим образом: мог ли Бог создать нас в состоянии, в котором мы находимся? Августин, а также его толкователи и последователи, ни секунды не колеблясь, отвечали на этот вопрос отрицательно, а схоластики, которые склонялись к учению Пелагия, точно так же не колеблясь, ответили бы утвердительно. Первородный грех согласно этому более умеренному и мягкому взгляду не изменил существенных черт человеческой природы. Он в большей степени значит потерю преимущества, а именно изначальной справедливости, а не унижение и существенное ограничение гармонической способности человеческой природы в той форме, в которой она вышла из рук Бога.

Доктрина Ансельма и ее схоластически-теологическая разработка вызвала огромную полемику и споры. Реформация способствовала мощному возрождению августианского пессимизма — хотя с точки зрения моральных и сотериологических взглядов, которые очень отличались от таких взглядов средневековой теологии — так что можно утверждать, что католической церкви удалось искоренить августианский «фермент» в своем организме только после полного уничтожения янсенизма и его великого представителя Блеза Паскаля.

Изменения в учении о первородном грехе и изгнание мрачного августианского пессимизма окончательно подготовили почву для точки зрения о том, что зачатие Марии осталось незапятнанным первородным грехом. Но признание этого исключения вынуждало и к принятию положения о том, что как минимум одно существо из рода Адама не было подвержено проклятию первородного греха, для избавления от которого Христос воплотился в мире. Но эта мысль вызвала сопротивление, которое теология сначала должна была преодолеть, для чего понадобилось определенное время.

Мы уже говорили, что великая реформа цистерцианцев была связана с сильным возрождением почитания Марии, которое касалось

больше не Девы, а доброй, сострадательной и добросердечной и оберегающей матери. Бернард говорит: «В Марии нет ничего строгого, вызывающего страх. Она является персонификацией доброты». Орден францисканцев унаследовал от цистерцианцев мягкое и стесненное почитание матери страдающего Христа. И одновременно с этим мы обязаны началам за одну из самых драматичных секвенций о возрождении мира, *Dies Irae* («День Гнева») Фома Челанского и патетическую секвенцию в честь Марии, *Stabat Mater dolorosa* («Стояла мать скорбящая») Якопоне да Тоди.

Но во время возникновения обоих нищенствующих орденов в тринадцатом столетии в теологии возникает спор о непорочном зачатии Марии между францисканцами и доминиканцами.

Великий францисканский теолог Александр Гэльский полагал, что Мария не могла быть освящена ни в ее родителях перед зачатием, ни в сам момент зачатия. Он утверждал вместе с Бернардом Клервоским, что она была освящена в момент вхождения души в ее эмбриональное тело. Даже Бонавентура, генерал ордена францисканцев, заявлял, что Дева перед ее освящением, как и все потомки Адама, совершила первородный грех. В унисон с этими францисканскими теологами Фома Аквинский также утверждал, что освящение Марии в лоне ее матери произошло только после вселения души в ее тело. Но Фома несколько колеблется. Вместо того, чтобы, как Александр Гэльский и Бонавентура, сослаться на, так сказать, физиологические аргументы с целью доказать, что Мария не могла уклониться от передачи первородного греха, он неоднократно подчеркивал мысль о том, что свободная от первородного греха Мария не нуждалась бы в спасении со стороны Христа, и Христос не был бы в этом случае универсальным Спасителем. Но несвязность и фрагментарность этой мысли Фома, которая должна доказать, что Мария не выходит за пределы круга тех существ, которые, как потомки первородного греха, все нуждаются в спасении со стороны Христа, полностью объясняется, если подумать, что Фома, в отличие от теологов противоборствующих школ Александра Гэльского и Бонавентуры, усваивает то учение Ансельма, вследствие которого первородный грех, так сказать, устраняется.

Эта теория Ансельма касательно первородного греха, широко распространенная Фомой Аквинским, нашла большую поддержку с конца тринадцатого столетия. Тем более, что она отвечала новому

взгляду на демографическую проблему и половые отношения, который, что видно по множеству источников, начал превалировать в практике социальной жизни после тысячного года. Этот новый взгляд, по-видимому, имел абсолютный успех. Ведь церковь и сегодня, как мы можем видеть сами, полностью одобряет политику в области увеличения народонаселения в определенных государствах. Августинское учение забыто полностью.

Таким образом была подготовлена почва для того, чтобы теология однажды признала введенный лионскими канониками в 1140 году праздник непорочного зачатия Марии, который вызвал такое живое сопротивление со стороны Бернарда. Сам Фома, который, как мы видели, является теоретическим противником утверждения о непорочном зачатии Марии, заявляет, что литургический праздник в честь этого события должен быть разрешен: «Церковь допускает, когда отдельные церкви отмечают праздник зачатия святой Девы Марии: поэтому этот праздник ни в коем случае нельзя порицать». Но прошли столетия, прежде чем эти литургический обычай и теологическая точка зрения были признаны папой римским официально в виде догмата.

В первые годы тринадцатого столетия Иоанн Дунс Скот нашел путь для того, чтобы обойти возражение, которое удержало Фому от признания непорочного зачатия Марии. Фома, как мы видели, не смог справиться с возражением, которое действительно сложно опровергнуть: предположим, что первородный грех не коснулся зачатия Марии. Из этого неизбежно следует, что было как минимум одно существо, которое не нуждалось в спасении со стороны Христа. И этим существом была именно его мать. Дунс Скот, в своей обычной изысканной манере, ловко обошел препятствие. Конечно, сказал он, Мария также нуждалась в спасении со стороны Христа, как и все люди нуждаются в нем, которые таким образом получают прощение первородного греха, совершенного ими всеми как потомками Адама. Но Мария нуждалась в спасении не для того, чтобы получить прощение первородного греха, а чтобы он не перешел на нее. Мы благодаря заслуге Христа освобождаемся от первородного греха, а Мария была защищена от него: в этом заключается неизмеримая разница между нею и человечеством.

Очень хорошо понятно, что орден францисканцев гордился этой чрезвычайной находкой своего великого теолога Дунса Скота: францисканцы, к которым позже присоединились кармелиты и иезуиты,

стали серьезными сторонниками праздника и догмы о непорочном зачатии Марии. Но упорное сопротивление против этого сохранялось еще долго. Печально известный Торкведама также входил в число сторонников будущего догмата.

Один из Пап впервые вмешался в полемику в 1476 году: это был Сикст IV, ранее принадлежавший к ордену францисканцев. Буллой «Cum graecis» он предоставил привилегии молитвенному правилу в честь непорочного зачатия Марии, составленному Леонардо ди Ногароле. А через шесть лет в еще одной булле он запретил называть еретической веру в непорочное зачатие Марии. В 1617 году Папа Павел V пошел еще дальше и запретил противникам учения о непорочном зачатии публично защищать свою доктрину. Через пять лет после этого Папа Григорий XV распространил этот запрет и на частные дискуссии. Многочисленные епископы на Тридентском соборе потребовали, чтобы положение было объявлено обязательной и неизменяемой истиной, которая не подлежит критике. Но эта просьба епископов в Триденте не была услышана, и прошло еще более трехсот лет, пока она не стала догматом и не вошла в список богооткровенных истин. Это было провозглашено в энциклике *Ineffabilis Deus* («Боже Неописуемый») Пия IX 8 декабря 1854 года.

Августианское учение о первородном грехе со всеми его последствиями для отдельного человека и для общества уже давно было забыто.

Мы видим, как требования народной набожности и связанной с ней христианской морали таким образом оказали сильное давление на точку зрения и выводы теологии. Но с другой стороны и теология со своими догматическими положениями и канонизациями также вполне автоматически повлияла на направленность мариинской набожности. Идеалы организованной аскезы, которые все шире распространялись в христианском обществе в четвертом и пятом столетиях, в то время оказали существенное влияние на положение мариологии, что отражено прежде всего в трудах Святого Амвросия. Теперь, в конце Средневековья, когда процесс официальной канонизации образа Марии уже почти был завершен, это отразилось и в почитании Марии, а также привело к новым вариантам поведения. История христианства всегда находится под влиянием двух сил, которые влияют друг на друга: народная набожность придает теологии свои форму и вес,

а теология оказывает руководящее воздействие на течения народной веры. И Мария, которая для христианства четвертого и пятого столетия представлялась образцом целомудрия, позднее ставшая для францисканских теологов персонификацией священного материнства и матери скорбящей, в зависимости от отдельных школ литературы и романа предстает в совершенно разных образах, чтобы в итоге стать неотъемлемой и всемогущей посредницей у престола славного Сына и Отца провидения, которая и сегодня является символом благочестия в официальном католицизме.

В немецкой средневековой вере Мария — это дева, мать, прелестная Дева, красивейшая из красивых, привлекательнейшая из всех женщин, любимая мать, знатнейшая женщина: она является олицетворением всей женственности, идеальной персонификацией женской стихии в трудной жизни человечества.

Провансальские трубадуры под влиянием церковной педагоги начинают восхвалять Марию, как настоящую живую женщину. Первые французско-готские изображения Богоматери являются выражением экстатических чувств при взгляде на волшебную и достойную любви привлекательность чистейшей женственности. Таким образом, в средневековое почитание Марии вплетается любовный мотив (минне), который именно в германской набожности нашел свое высокое и благородное выражение. Целомудренная дева и благородная дама становятся матерью нежной любви, матерью самой красивой любви. Но не только отношение верующего к Богоматери, но и отношение Марии к Христу воспринимается как любовное отношение и поэтому рассматривается по мотивам «Песни песней» Соломона. Мария — это возлюбленная в высшем смысле слова, а сам Бог — это влюбленный.

Но самый своеобразный мотив, которым германская мистика обогатила мариологию, это, наверное, параллель между божественным материнством Марии и божественным материнством каждой человеческой души. Не только Мария выносила и родила Божьего Сына. Каждая человеческая душа, которая стала частью божьей милости, своеобразно повторяет торжественную мистерию вынашивания божественного ребенка.

Гертруда Великая, Мехтильда Хаккеборнская, Маргарета Эбнер, великие носительницы немецкой мистики взяли на себя священную роль Марии в их экстазе. Формула мистика Готтшалка Люнебургского

Tu genitrix	Ты зачавшая,
In qua Deo	в которой Бог
Iunctus est homo,	соединившийся стал человеком,
Deus homini!	Бог человеку!

служит для того, чтобы выразить состояние, в котором Христос непрерывно под изменяющим воздействием веры зачинается в душах, которые освобождаются от мира и соединятся с Богом.

Это глубокое чувство непрерывного непорочного рождения Христа в лоне святых душ мы находим во всей немецкой мистике, оно отражается в почитании любого материнства, этом земном символе трансцендентного материнства.

Никто лучше Генриха Сузо не выразил и не воспел это отношение. Для него Богоматерь — это первообраз любой матери. И ее нежную любовь к своему божественному малышу он выражает поэтическими словами, которые настолько же чудесны, как и те, с которыми он передает ее неизмеримую боль из-за мук своего сына и его смерти.

Эрос миннезингеров преобразовался у Сузо в чистую христианскую агапе. Почитать Богоматерь для него — это проявлять уважение и симпатию каждой женщине, особенно беднейшим и самым униженным из них. Простой случай из его жизни, о котором рассказывает его духовная доверенная, Эльсбет Штагель, показывает нам, насколько глубоко он ощущал это безусловное почитание Богоматери. «Однажды он шел по узкой и грязной тропе через поле. Там он внезапно увидел бедную женщину, шедшую ему навстречу, которая едва тащилась под грузом вязанки сухих дров. Когда она приблизилась к нему, он поспешил отступить в сторону, чтобы уступить ей более сухую часть тропы. Бедная женщина узнала его и спросила удивленно и обескураженно: — Мой дорогой господин, как можете Вы, являясь священником и учителем, с таким унижением уступать мне лучшую часть тропы, чтобы я прошла? Это я должна была уступить Вам дорогу! — Но Сузо ответил уверенно с дружеской скромностью: — Моя сестра, это мой старый обычай, оказывать честь и уважение любой женщине, которую я встречаю на своем пути волею той, кто является уставшей Богоматерью на небесах».

Первые христиане приветствовали друг друга словами: «Ты видел своего брата? Ты видел своего господина!» Немецкий мистик говорит: «Ты видел свою сестру? Ты видел Богоматерь!»

Нельзя сказать, что реформация шестнадцатого столетия полностью отменила все мариологические сказания средневекового христианства. Объяснимо, что Лютер боролся с мнением в средневековой мариологии, согласно которому Мария в качестве аскетичной девы заслужила почитание, которое ей оказывается. Он активно боролся с церковным пелагианством и в рамках этой борьбы возмущенно отбросил такое представление о Марии. Он также порицает преувеличенные похвалы в адрес Марии, которые подняли ее выше ангелов и сделали заступницей при своем Сыне; он также активно оспаривает то, что в мариинский культ проник мотив человеческой любви. Он полностью отрицает такой перенос божественного свойства милосердия на человеческое существо как идолопоклонство. И в конце концов он выступает против необузданного стремления к аллегориям, посредством которого средневековая мариология пыталась находить множество символов Марии в Ветхом Завете.

Но Лютер ни в коем случае огульно не отбрасывает средневековую мариологию. Для него Мария всегда Дева. До, во время и после рождения. Для него она Богоматерь. Нестория он решительно осуждает. Для Лютера она Непорочная Дева Мария, именно такой ее видели францисканские теологи. И она является для него посредницей, как и все остальные святые. В области мариологии, как, впрочем, и во всех остальных областях, Лютер из трех великих реформаторов шестнадцатого столетия является тем, кто больше всего направляет свой взгляд в сторону Средневековья, воспринимает его соблазн и помнит о нем. Лютер никогда не прекращал восхвалять Богоматерь в своих проповедях и трудах. Год за годом он при случае восхвалял традиционные мариинские праздники; он защищал иконы Марии от разрушительных рук нетерпимых; в самых важных для лютеранского протестантизма трудах, прежде всего в «Апологии аугсбургской конфессии», он утверждает почитание Марии. Привычка Лютера произносить проповеди на регулярно повторяющихся праздниках в честь Марии еще на протяжении столетий после его смерти сохранилась в лютеранской церкви.

Кальвин, напротив, боролся с культом Богоматери с самыми горькими и сильными проклятиями. А Просвещение завершило дело путем раскрытия тайны и особенно мистерии воплощения. Мариинские мотивы вынужденно ушли из теологии и мистики в область поэзии и литературы. Гретхен в «Фаусте» Гете произносит простую молитву к Марии, а хор кающихся поет мариинский гимн.

В католических странах, в которых ее почитание достигло высот канонических праздников, Мария все больше становится образом, к

которому люди обращаются за помощью в любой беде, чтобы получить ее милость.

Salve, o degnata del secondo nome,
O Rosa, o Stella ai periglianti scampo;
Inclita come il sol, terribil come
Oste schierata in campo!

Наделенная Божьей милостью второго имени, слава Тебе!
О, Роза, о, Звезда: спасение в пути;
Известная, как солнце; ужасная, как стрела врага,
Прилетевшая в поле!

Эти строки написал Алессандро Мандзони в одном из своих самых известных духовных гимнов. Мария для практики католической набожности в итоге полностью стала тем, чем были богини в позднем язычестве: сверхчеловеческой силой, которую почитают и которой дают обеты, чтобы в моменты бедственного положения и страданий рассчитывать на исцеление, чудесную поддержку и всемогущую помощь. Глубокие моральные толкования, которые образ Марии получил в столетия христианской древности и средневековья, и в итоге мистерия Девы, которая рождает провозвестника общего спасения, к сожалению, самым плачевным образом были утеряны в воспевании Марии, которое сводит ее — ни больше ни меньше — к тавматургическим способностям.

Но есть еще один пункт, по поводу которого подходы набожности и догматики в католицизме не достигли согласия. Церковная литургия включает праздник Вознесения Девы Марии. Умершая естественной смертью и похороненная Мария чудесным образом воскресла и вознеслась на небо через три дня после смерти после вскрытия ее гроба апостолами. Церковь еще не дала этому набожному обычаю своей официальной санкции; взятие Девы Марии душой и телом на небеса еще не является официальным церковным догматом. Церковь в этом вопросе проявляет медлительность. То есть можно быть совершенно ортодоксальным, не рассматривая Вознесение Девы Марии в качестве догмата. В чем состоят настоящие причины медлительности римских пап в этом вопросе? Можно было бы подумать, что официальное санкционирование веры в вознесение Девы Марии душой и телом на небеса было бы признанием того, что действительно все существенно нормативное из тысячелетнего почитания Марии — переноса в религиозную

сферу священного и глубокого смысла женственности и материнства — исчезло из нашей жизни и из сегодняшнего мнения церкви.

Сакральное чувство по отношению к любви и к женщине должно вернуться. Но каким образом? С помощью какого евангелического возрождения? Один немецкий поэт сказал: «Евангелическая церковь холодна. Что мы должны сделать, чтобы удержать ценных лютеран? Мы должны согреть нашу церковь. А кто согреет ее? Мы должны вернуть Мать Марию». Но чтобы снова ввести образ Матери Марии в мир нашей сегодняшней духовности, мы должны прежде всего ввести в него дух ее Сына, дух Евангелия, Царства Божьего.

На протяжении тысячелетий один из важнейших принципов средиземноморской религиозности заключается в почитании воплощенного женского принципа.

Стены доисторических пещер, в которых зародилась жизнь людей на земле, еще несут на себе нарисованные контуры священных животных, которые служили пищей для людей, а также изображения женщины с признаками ее священного материнства. Примитивное искусство является магически-религиозным по своей сути, поэтому было бы полностью неправильно думать, что эти изображения вызваны исключительно эстетическими мотивами. Рисунки в доисторических пещерах были магическим средством для получения того, что было самым необходимым для людей в те времена: пищи и любви. Тысячелетний процесс развития и кропотливого усовершенствования ведет нас к изображениям женских божеств, которых мы находим у египтян и вавилонийцев, у финикийцев, греков и кельтов.

Целый ряд докладов в Асконе осветил важнейшие этапы этого развития; почитание Марии занимает в нем примечательное место. Разнообразные психические комплексы находят в Марии свой символ и фантастическую проекцию! И в данном случае миф является выражением того неисчерпаемого сказительного искусства, которое проявляется во всех жизненных формах человека, но прежде всего в выражении его живой религиозности.

Очевидно, что это сказительное искусство переживает сегодня своего рода затмение. Это говорит о тяжелой неполноценности нашего времени по сравнению с другими эпохами. Мы должны будем снова разбудить его выведением на уровень сознания священной сферы, в которую погрузились все решающие факторы духовной жизни людей: любви и боли, раскаяния и призрака смерти.

ШАРЛЬ ПИКАР

ЭФЕСИЯ
АНАТОЛИЙСКАЯ

ВЕЛИКАЯ МАТЬ
ОТ КРИТА
ДО ЭЛЕВСИНА

Часть I

ЭФЕСИЯ АНАТОЛИЙСКАЯ

О тличные доклады профессора Пжилуски привлекли внимание к значению культа Великой Матери в древнем мире. Это облегчило и одновременно сделало более сложной задачу исследователей, которые, как и я, поставили перед собой цель познакомить с некоторыми особенными и четко разграниченными аспектами властных полномочий этой могущественной повелительницы из мира древних верований.

Эфесия Анатолийская — вот тема моего сегодняшнего доклада. И сначала мне хотелось бы обосновать такой выбор. Если представить себе, например на основании «Деяний апостолов» (глава XIX, 13 ff.), богиню Эфесскую, напрашивается мысль о том, что божество, которое почиталось в Ионии вплоть до сумбурного времени прибытия туда Апостола Павла, вообще могло бы остаться за рамками нашего рассмотрения в этом году. Ведь оно является Артемидой только официально по имени. Как известно, выступление верующих и почитателей эфесской святыни против взволнованных и вдохновенных проповедей Апостола из Тарса началось с возгласов «Велика Артемида Эфесская!».

Но давайте поостережемся и не пойдем на поводу у определенного заблуждения. Ведь эта Артемида была всего лишь «пришлой», если уж решиться на употребление такого выражения, в Эфесе и во всей Анатолии. Эфес располагался на исходе одного из больших торговых путей, ведущих из самых отдаленных частей Азии. Город был всегда открыт всем влияниям, приходящим из Вавилона, Иранского плоскогорья, Каппадокии и, естественно, из соседних Фригии и Лидии¹. С другой стороны, жители Крита должны были использовать порт на реке Кайстрос еще до завоевания лелегами; говорили и о колонизации

финикийцами острова Сирия, который позднее обмелел². Ракий поселился в Кларосе еще до Троянской войны, а Мопс, сын Ракия и Манто, оспаривал пальму первенства среди прорицателей у Калханта.

Если мы ищем в Артемиде Эфесской только охотницу, сестру Аполлона, дочь Лето, стройную деву греческого фольклора, это грубейшая ошибка касательно ее сущности. Сначала мне хотелось бы указать на некоторые обстоятельства. Изначально эта богиня была «обнаженной богиней», например, как Орфия в Спарте; это подтверждают древнейшие изображения. Ее верховным жрецом был евнух с «иранским» именем Мегабиз. Существовали и ее монастырские общины, мужские и женские, настоящие конгрегации, у которых были такие характерные названия как эссены, мелиссы, куреты, амазонки. На горе Солмиссос под восточную музыку и крики радости устраивались мистерии с большой долей оргазма. Ее паредром (соправителем) в большей степени еще был Дионис, а не Аполлон, который только в Кларосе появился рядом с ней в качестве провозвестника будущего. Рассматриваемая имеющая множество обликов Артемиды в действительности является одной из многих богинь-матерей, это Богиня-Мать Анатолии.

В ее очень широком круге функций выделяется прежде всего власть азиатского типа. В то время как на Крите культ Матери-Земли понимался как будто в рамках религии таинственных сил природы, почитание «обнаженной богини» в Азии и в Анатолии было скорее антропоцентрическим и посвященным плодородию живых существ культом, который соотносился с размножением вообще и продолжением рода человеческого. В самом начале следует обратить внимание на одну важную особенность. В определенный период времени мы видим богиню Эфесскую в образе многогрудой (*multimammia*).

Азия является родиной богинь, которые отличались многогрудием как выражением усиленной плодovitости, хотя речь при этом и идет только о священном одеянии под названием эпандит. Это заметно сразу. Богиня, которую Рафаэль изображал в качестве опорной фигуры на фреске «Афинская школа» в станце делла Сеньятура и в других станцах Ватикана; многогрудая перепоясанная богиня, которую показал Рубенс, — несомненно получила свое символическое значение, которое подчеркивалось ее органами кормления, с Крита. Из ее полных грудей выступало «молоко человеческой нежности», как можно было бы сказать вслед за Шекспиром.

Как известно, Азия также является родиной амазонок, воительниц, о которых мы узнали от греков и которые всегда оставались таинственными. Амазонки вели сражения на территории от Скифии до Понта, в долинах рек Термодон, Кайстрос и Галис. Однажды они просили пощады у грека Геракла, они были изображены побежденными на алтарях Эфеса³. Какое значение имели амазонки, например, для греков, которые так часто изображали битвы с амазонками наряду с битвами с могучими кентаврами? Амазонки с точки зрения греков являлись воплощением социального и религиозного извращения, в отличие от кентавров, которые были воплощением извращения животного. Амазонки везде в Азии — именно здесь они обитали согласно легендам — создали такой социальный порядок (или попытались его создать), о котором греки и слышать не хотели. Они обнаруживаются вплоть до границ Сирии, так что возник вопрос — сегодня этот вывод, впрочем, считается несостоятельным — а не были ли они... хеттами⁴. Если мысленно пройти по городам амазонок в Малой Азии, окажется, что они находились в том числе и далеко за пределами Хеттского царства; Эфес был самым знаменитым из этих городов, потому что здесь в святилище Артемиды раненым и побежденным амазонкам было предоставлено убежище. Кажется, что особенность, отличающая амазонок, то что они обнажали одну грудь (отсюда предание, что вторая отрезана, так как ее не видно), является упрощенным, существенно измененным соответствием одного из критских обычаев — здесь при жертвоприношениях женщины обнажали свою грудь полностью.

Таким образом амазонки, которые сначала были приносящими жертвы воительницами с обеими или одной обнаженной грудью, стали в убежище служительницами Эфесии. Они остались непосредственными помощницами или даже жертвами многогрудой богини, на что указывает символическое увечье⁵. Сама Греция, где гораздо чаще изображали обнаженного мужчину, а не обнаженную женщину — несомненно, чтобы избежать непредвиденного влияния, исходящего от женского тела, — показала свое отрицательное отношение как к многогрудю, так и к амазонкам. Хотя в Греции местами и был воспринят культ Эфесии, это в общем происходило только по той причине, что он был «иностранным». Победа греков над амазонками воплощает — это можно утверждать с полной уверенностью — для Греции не только победу народа, но и победу этики Запада. Это не только покорение

природы (и не только азиатской природы) грекам (человеку) — но и покорение двум героям, которые символизируют Грецию: Гераклу и позднее Тесею, великим победителям чудовищ. Эти герои были преисполнены любви к тем, кого они покорили — к Пентесилее и Антиопе. Расин понял, что в богатой страданиями истории семьи Тесея сын амазонки Ипполит играет особую роль. Ведь он стал жрецом и служителем — обратите внимание! — ужасной Артемиды.

Как мне кажется, это достаточная причина для оправдания введения Эфесии в ряд богинь-матерей Азии. Чтобы понять ее лучше, я теперь хотел бы, начав издаека, рассказать, что мы знаем о ее святилище. Затем мы рассмотрим ее облик и культ. И в конце мы грубыми мазками очертим ее историю вплоть до наших дней⁶.

Английские и австрийские экспедиции дали нам знания о развалинах Артемизиона и его окрестностях. Пустынное и заболоченное место, в котором располагался Артемизион, было открыто Джоном Тертлом Вудом. Затем здесь в период с 1869 по 1874 год проводились первые несколько бессистемные исследования. Раскопки, которые более планомерно проводил Дэвид Хогарт со своими сотрудниками, привели в период с 1904 по 1906 год к открытию целого ряда изначальных храмов периода от 700 года до окончательного разрушения во время вторжений готов в третьем столетии от Р.Х. Именно благодаря австрийским исследованиям 1896—1909 годов, а также в период после 1925 года нам стало известно то небольшое, что мы вообще знаем о периболе святилища, который постепенно расширялся вокруг храмов; эти исследования привели и к обнаружению содержательных остатков эллинистического города Артемиды, который постепенно был скрыт наносами Кайстроса, как, например, Милет под илом Меандра⁷.

В этом сжатом докладе я могу лишь кратко рассказать об общей истории святыни и ее храмов. Первый храм был основан амазонками; и это было, как я уже попытался объяснить, не случайно. Каллимах поведал нам о находке древнего идола в иле Кайстроса. Почитание Матери-Земли, мы это еще увидим, было связано как в Азии, так и в Греции — за исключением крупных городов — с моховыми болотами, таинственными местами оплодотворения растений и животных. Небесные олимпийские боги в Греции обитали на вершинах, а богини плодородия охотнее селились на плодородной почве топей и разложения, в теплых испарениях, которые выдыхают гниение

и одновременно порождают жизнь, где кишат черви, черепахи и крупные голенастые водоплавающие птицы, о которых позже поведал Гомер, и которые били крыльями на болотистых берегах Кайстраса, пойманные местной Артемидой, владычицей зверей.

Здесь амазонки нашли первую статую-ксоан, которую они объявили богиней дерева. Каллимах рассказал об этом в гимне «К Артемиде» (III. 237 ff.), где он обращается, как заявляет сам, к богине «с тысячью обителей и тысячью святилищ». Автором текста является ученый поэт, который занимал должность библиотекаря в Александрии и умел черпать знания о культах из самых лучших источников — из самих святилищ. Он красноречиво напоминает о первом основании перед прибытием Андрокла и его ионийских спутников, о первом танце войны Гиппо и его спутников вокруг легендарного «бретас», танце для Упис, «Упис анасса», этой Матери-Земли с таким восточным (месо-потамским!) именем. Пронзительные звуки пастушей дудки тогда раздавались вплоть до Кари, в Сардах и на Берекинте, везде, где собирались призванные и посвященные спутники Эфесии: Геката Лагинская, Кибела-Кибеба из Пактолоса и Пропонтиса, храбрые возлюбленные Хумбаба, Комбабос и Аттис. Центром святилища был простой критский алтарь, плоский алтарь со священным деревом, бук амазонок, с изгородью вокруг него. Это храм А, доэллинистический характер которого Р. Валуа⁸ успешно доказал в споре с Э. Лёви⁹. Он находился в топи, в болотистой местности, которая благоприятна как для смерти, так и для жизни — и за то и за другое отвечает Артемиды. Эта атмосфера способствует и жажде мести, которую Эфесия продемонстрировала позже, особенно по отношению к киммерийцам Лигдамиса, когда они дерзко осквернили местность вокруг храма А. Он уже был посвящен азиатскому культу, на что указывает дипломатичное и уважительное признание со стороны ионийцев Андрокла, когда те прибыли сюда около 1045 года до Р.Х. И снова мы благодарны Каллимаху (гимн «К Артемиде» с. 251 ff.), который дал лучшее описание этих событий.

Я везде неутомимо защищал историческую достоверность текстов и преданий так называемых прапериодов греческо-восточной истории, которые неразумное современное брюзжание называет «мифическими». Это касается начала первого тысячелетия и более позднего времени, хотя уже открыто и исследовано до последнего уголка такое множество античных объектов, дающих нам соответствующую

информацию, что мы можем буквально прикоснуться руками к жизни людей того времени. Какое значение имеет для нас возможность обратиться к третьему тысячелетию и даже к более ранним временам? Длительное время современные исследователи Древней Греции боялись замечать материал, который не укладывался в их устоявшиеся взгляды, хотя этот материал и был очень богатым. Возможно, они не хотели замечать инородное влияние на культуру ранней Древней Греции? Но противоречия в таких информативных древних останках заставили их задуматься. Постепенно и только в самое последнее время современные исследователи научились правильно оценивать вещи, которые раньше несправедливо называли вымыслом.

Вторжения Лигдамиса переплетается с историей лидийских мермнадов из Сард; в этом у нас сегодня больше нет сомнений. Феодор Самосский построил на руинах храма А, возможно, за счет денег, которые он получил от города из добычи киммерийцев, храм В¹⁰, первое каменное сооружение с фундаментом; он еще был маленьким, но уже выходил за пределы плоского алтаря А. Храм В меньше чем через сто лет (точная дата еще не установлена) вероятно из-за разрушительного влияния Кайстраса был заменен новым строением. Так возник храм С, творение критянина Херсифрона Кносского и его сына Метагена; это архаичная Артемизия, которую греки хотели бы видеть как первый Артемизион Эфесский и который несомненно был как минимум одним из старейших ионических храмов с перистасисом в Азии. Когда Крез в 559 году появился на равнине перед Эфесом, чтобы изгнать оттуда своего племянника Пиндара, который восстал против него, колонны храма С, как мы знаем, уже стояли, ведь хитроумная Феста приковала себя цепью к одной из колонн перистасиса и таким образом обеспечила себе священную защиту. Так было основано первое убежище. Наверное, набожность лидийца не позволила ему нарушить эту защиту¹¹.

Храм D, который приписывали Крезу, первый огромный храм, который, как я показал¹², был и началом самого города Эфеса (это был первый храм, который особенно отличался благодаря подаренным знаменитым лидийцем колоннам с надписями), является для нас постепенным переходом к классической эпохе Артемизии. Новое здание с перистасисом, периметр которого был существенно больше (это целый лес колонн), достраивалось медленно. Точно можно сказать, что строительство началось еще до 546 года, так как в это время Кир

неожиданно напал на Креза, победил его и установил свое правление в Сардах и в Эфесе, который персы позднее признали. Можно предположить, что через 120 лет, около 430 года, храм был завершен и освящен. Продолжительный период строительства объясняется роскошью, богатством скульптурной работы и огромным размером перистасиса. Он не был увеличен даже при отстройке после того, как в 356 году безумец Герострат (который благодаря своему ужасному деянию стал известнее, чем безымянные строители — это не такой уж редкий случай!) в ночь рождения Александра поджег строение. Храм Е, который называют эллинистическим или храмом Александра (тот выделил деньги на строительство; если бы не ревнивое недоверие Эфесии, он сделал бы для этого гораздо больше), просуществовал по-видимому до вторжения готов. Он (храм) был восстановлен в середине четвертого столетия, то есть очень быстро после разрушения; похоже, что культ был восстановлен еще до 350 года. Размеры более раннего храма D сохранились; в строительстве участвовал целый ряд известных скульпторов и архитекторов — Скопас, Пракситель, Силанион, возможно Бриаксис. Храм в Сардах был построен по его образцу. Несмотря на новые несчастья — среди них сильный пожар во времена Августа — это великолепное строение, одно из чудес света, просуществовало до 263 года н. э. С тех пор оно служит — и так было уже в древние времена — каменоломней. Современным археологам удалось найти там только «*membra disjecta*» (разбросанные члены) изуродованного немого величия. До нас не дошло ничего из подсобных строений, в которых располагались административные и вспомогательные службы. В этой своей обители богиня была окружена целым сонмом слуг и последователей. Это был центр обширного убежища, которое постепенно стало таким большим, что римские власти были обеспокоены тем, как бы там не скрывались слишком многие нежелательные беглецы, политические и обычные преступники, злоумышленники и беглые рабы. Наверняка внутри перибола находился не только храм. К сожалению, о фундаментах известно очень немного. Мы видим перед собой просто хаос камней. Там находился Хестиатерион эссенов, который велел возвести софист Дамиан в конце второго столетия нашей эры. Там также должен был находиться своего рода «парфенон», остатки еще со времен амазонок, он был предназначен для проживания мелисс, этих усердных как пчелы жриц, которых охраняли эссены, ведущие настоящую жизнь трутней. Обязательным

было и официальное помещение для евнуха Мегабиза. Оно должно было быть роскошным, так как со времен Ксенофонта и «Анабасиса» служило собственно резиденцией и банком. Александр обращался с верховным жрецом Эфеса, который подобно царям был облачен в пурпур — и при необходимости даже мог возражать Александру, — с царскими почестями. Стоит упомянуть и еще одно строение, предположительно Неокорион, изображение которого Артемиды со времен Адриана возможно имела на своем калафе¹³. Артемиды была не только владычицей большого закрытого перибола, от которого осталось всего несколько обломков стены, но и почитаемой Матерью-Землей; в этом своем качестве она отвечала за источники, реки и леса. Ей принадлежала ловля рыбы в освященных прудах, например, в богатой рыбой лагуне Селинусии на северо-востоке, которую позднее у нее оспорили атталиды. У нее были и охотничьи угодья, «рай», и горы вплоть до вершины Солмиссос, на которую поднимались для торжественного празднования весенних мистерий. Камни, указывающие на границы ее владений, были обнаружены в пяти часах ходьбы от ее храма по направлению на Сарды. С другой стороны богиня была в Пигеле и Ортигии (где находилась священная кипарисовая роща с группой из Лето, Артемиды и Аполлона авторства Скопаса, как и на Солмиссосе) повелительницей орибасий и процессий.

Я должен ограничиться только существенным. Можно представить себе великолепное владение, самое большое из всех известных нам владений, принадлежавших божеству где бы то ни было и конкретно в Азии. Здесь царило неслыханное богатство, так что уже во времена Аристофана говорили о храме из «чистого золота»; никогда не прекращающаяся череда торжеств и праздников. С этим, пожалуй, *mutatis mutandis* можно было бы сравнить разве что сегодняшний Ватикан, чтобы получить примерное представление о былом. Позднее власть богини распространилась на азиатский и средиземноморский мир вплоть до Иберии, Мавритании и Великобритании; появилось понятие кафоличности, хотя само это слово еще не существовало.

В каких еще аспектах встречается нам богиня и что мы знаем о ее культе? Некоторые новые работы могут указать нам путь. Я сам в 1922 году пытался показать древнейшую Эфесию на основе доказательного

материала из золота, серебра, бронзы и слоновой кости, «сокровища», которое происходит из алтарного храма А, остатков, которые я датую временем не ранее 700 года. Мы знаем и о более поздних периодах. Естественно, я далек от того, чтобы относить такой богатый культовый материал, такое богатое собрание самых разных частей как целое к одному-единственному периоду времени. С самого начала я всегда указывал на непосредственную связь между Матерью-Землей, азиатской богиней Упис и Эфесией¹⁴. Я всегда по возможности располагал в хронологическом порядке примитивные дарственные изображения с посвящениями и различные последующие формы, особенно исходя из форм Матери-Земли¹⁵. Эфесия была, как уже отмечено, поочередно «обнаженной богиней», в таком образе она стояла и не имела атрибутов, она могла быть совершенно голой, или владычицей зверей, в этом случае ее сопровождали львы. На амулете из янтаря она изображена «широкозадой», она как бы возвышается на своем сиденье или, возможно, сидит на корточках. Если она изображается одетой, то иногда стоит и не имеет атрибутов, а иногда сопровождается животными. Иногда ее окружают священные ястребы, местные хищные птицы, от которых древняя лидийская династия Мермнадов получила свое название. В определенных случаях весьма сложно отличить богиню от ее жриц, которые по праздничным поводам могли представлять в одеяниях богини, как это уже случалось в догреческие времена на Крите. Статуэтка из слоновой кости¹⁶ несомненно представляет собой жрицу с ойнохой и зеркалом (скорее в качестве жертвенной чаши). На голове у нее своего рода жезл, завершающийся шаром, на котором сидит ястреб; это редкий тип изображения с сильным азиатским влиянием¹⁷.

Атрибуты определенных образов сильно напоминают восток. Нельзя не заметить поучительное сходство с предметами из слоновой кости из Нимруда. Лира напоминает гимнию, прялка и веретено — зеркало, атрибуты азиатских богинь, особенно хеттских, которых греки позже превратили в свою Ананке¹⁸. Иногда Эфесия изображается одетой, стоя и с угрожающе открывшими пасти животными по бокам. Возникают мысли о владычице зверей, роли, которая приписывается Дориле. Самое древнее животное в ее свите — это ястреб. Похоже, что богиня с ястребом в Эфесе берет свое начало из времен еще до конца восьмого столетия; но изображения происходят из седьмого столетия. Пластинка из слоновой кости периода около 660 года

(Th. arch. Artem. pl. XXVI, Nr. 6) дает нам первое изображение в качестве Πότνια Θηρῶν со львами¹⁹. Невозможно с уверенностью более точно классифицировать эти еще редкие статуэтки, на которых богиня давит на свои груди.

Животные, которых укротила богиня, кроме такого примитивного ястреба, напоминают о востоке. Это лев, водоплавающая птица, змея и бык. Оленеподобных существ, сфинксов и грифов начали изображать позже. Наблюдаются и другие синкретизмы; можно предположить, что Эфесия, единство и множество одновременно, также изображалась с топором с двойным лезвием. Видимо иногда она была богиней-пчелой, богиней с цветком.

Время после Креза представлено меньшим числом находок из раскопок. Сложно отследить развитие образа богини. Поверх слоя храма D были обнаружены куротрофы; это богини-кормилицы, одна рука которых повернута к груди; они могут соответствовать Артемиде-Лето или даже самой Лето. Мы не знаем почти ничего об Эфесии Эндоя. Эфесская картина «очень архаичного стиля», на которой Тимарета, дочь Микона, по данным Плиния (Ест. ист., XXXV, 147) изобразила Диану, утеряна. Скорее всего Диана на этой картине соответствовала Эфесии. Ксенофонт, который видел классическую Эфесию в конце пятого столетия, позволяет понять, что , копию которого он создал в Скиллусе, напоминал ксоан. На кистофорных монетах города Эфес или Тралл со 133 г. до Р.Х. уже встречается перепоясанный эллинистический образ. Между тем богиня по-видимому временно приблизилась в Артемиде как охотнице, греческой олимпийской богине; в этом качестве она рассматривалась, например, во времена Скопаса и Праксителя.

Но эллинистическая эпоха породила и распространила новый вид культа и новый очень важный тип пантеистической богини — это «перепоясанная Эфесия», которой в своей работе занимается Х. Тирш. Недавно он начал очень точный обзор известных материалов²⁰, при чем классифицировал типичную одежду нового времени эпандит как составную часть единства азиатской священной одежды. Из какого времени происходит эта новая форма такой большой символической важности и величия? Сравнение с карийской статуей Зевса из Лабранды (изображена уже в установленное время между 351 и 344 гг. до Р.Х. на рельефе Тегеата, приписывается подмастерью Скопаса, который работал в мавзолее Галикарнаса) показало, что она происходит

из времени между серединой четвертого столетия и эпохой кистофоров (время завещания Аттала III); многогрудая и перепоясанная богиня, пожалуй, сбросила с себя следы краткосрочной эллинизации, чтобы ей было легче (епандит напоминает таинственный ефод) главенствовать в рамках изображений с сильным восточным влиянием.

Это далеко не единственный случай: уже в эллинистическое время было видно, как целый ряд малоазийских богов, среди них Эфесия, принимали азиатский облик, который мог демонстрировать разные формы. У Кибелы д'Эсте (Вена) и Артемиды Эфесской эта новая одежда иногда состоит только из передника или нагрудного щита, иногда из своего рода облачения, которое удерживалось поясом на уровне бедер и прикрывало только переднюю часть тела и бедра. Но иногда епандит, который одевался через голову, закрывал все тело (это касается Юпитера из Гелиополиса, бога Калаа из Баальбека в первые столетия нашей эры, а также Афродиты из Афродисиаса в Кари). Это неизбежно приводит к изначально прямой и жесткой модели ксоана; она даже перепоясана, что придает ей иератическую жесткость. Ноги закрыты, стопы стоят параллельно, то есть, речь идет об отголосках архаичности, сходстве с древнейшей фронтальностью. Еще важнее: это перепоясывание является символом: одежда без рукавов, которая носится как отделанное покрывало, покрыта аллегорической отделкой; все эти отделки уже известны из архаического сокровища Артемизии времен Креза²¹. Мы снова видим здесь полисимволизм, который я попытался осветить в своих работах о происхождении греческого «политеизма» как самую главную (и как восточную!) характерную черту критско-микенской религии.

Х. Тиршу удалось собрать уже 260 изображений эллинистической Эфесии, хотя собрание все еще не полное²²; но было бы неправильно пытаться увидеть богиню всюду; многогрудые материнские богини, воплощение Матери-Земли, еще нуждаются в исследовании и классификации. Саму Эфесию изготавливали во всех возможных образах и из самых разных материалов. Фигуры из мрамора, бронзы, терракоты, мозаика, камень и картины приведены в каталоге, который Тирш подготовил с большим старанием, хотя некоторые позиции и стоило бы убрать из каталога.

Эллинистическая и греко-римская Эфесия преимущественно носит на голове высокий калаф и этим напоминает кариатид из Книдоса и Сифноса, богинь Амонтонте²³ и хеттских богов процессий Изили-Кая.

Калаф украшен символическими изображениями зверей, пчелами, сфинксами, крылатыми грифами и т. д. Во времена Адриана добавилось еще и небольшое изображение храма или другого священного строения. Это строение иногда состояло из трех частей²⁴, так что в нем при желании можно увидеть указание на тройной неокорат города, на два царских неокората и неокорат богини.

Богиня города преимущественно держит в своих выпрямленных руках, как было доказано²⁵, храм неокории. Руки Эфесии как символ с самых ранних времен использовались Клидами, этот символ в Эфесе находился на утолщенном венке на голове, иногда вместе с башнеподобной короной. В определенных случаях позади маленького наоса или на тыльной стороне простого калафа появляется пучок лучей. Он может быть в форме круглого нимба или в форме двух полумесяцев, как на статуе с виллы Альбани. Возможно, он напоминает балдахин азиатской Матери-Земли, который уже известен благодаря сирийским цилиндрам.

Многогрудость, если можно применить такое выражение, является мнимой, всего лишь внешним атрибутом, так как это всего лишь украшение эпандита²⁶, это украшение может происходить от тяжелых ожерелий (*hormoi*) с подвесками, которыми отличались ранние ионические богини. Монеты Эфеса периода со второго столетия до Р.Х. до третьего столетия от Р.Х. отличаются этой отделкой (с чрезмерным подчеркиванием силы), с аллюзиями на плодovitый и питающий характер богини несоразмерно; в любом случае расположенные друг над другом груди не имеют сосков и грудь богини покрыта снизу вверх. Следовательно, эти фальшивые груди являются просто священным украшением, которое подражает египетским и месопотамским статуям с грудями. Эта мысль связана с многочисленными азиатскими изображениями, а также, между прочим, и с тиарой с несколькими вершинами. Дэвид Хогарт самым тщательным образом исследовал различные монеты Малой Азии, на которых имеются такие украшения (*κλῆῖδες*). Эти накладки (цепи) были, как кажется, связаны с изначально укрощенными животными, которые часто встречаются у ног богини в геральдических образах²⁷.

Если говорить кратко, то тип Эфесии, даже если он претерпел изменения, выражает один и тот же полисимволизм с самого начала и до позднейших времен. Сложный архаизм, который греки называли бы варварским, был эпохой простого совмещения и взаимопроникновения

образов. Стоящие в ряд или даже соединенные как близнецы идолы, независимые друг от друга, должны как в собрании богов выражать обилие функций божества, которое было прежде всего Матерью-Землей. Затем появилась Артемида, которая временно была адаптирована к греческой сути, но более точные данные о ней у нас отсутствуют. В эллинистическую и греко-римскую эпоху вычурное впечатление от нового искусственного соединенного и перепоясанного ксоана, который широко распространился, указывает на внешнее единообразие. Нанесенные на него символы приходят на смену различиям более ранних эпох. Видно, что изменилось только выражение взаимосвязей. Еще одна констатация: культ всегда был связан с разными функциями Матери-Земли. Разве это все еще вызывает удивление? Ионические религии были очень устойчивы. Изображения Эфесии выражают вечно неизменное этой сложной сущности, которую поэты последующих эпох зачастую представляли как отражение регулярного изменения времен года, но также одновременно и как неизменное по сравнению с изменениями в человеке и нашими мертвыми.

И еще я хотел бы попробовать кратко указать на некоторые торжества культа в Эфесе, который по своей сущности никогда не был греческим, он был пронизан азиатским духом. Богиня Эфеса выделяется не только уникальностью своего святилища и особенностями своего образа. Ритуал ее почитания занимает особое место, в течение продолжительного времени мы считаем его одним из самых сложных, я бы сказал — самым своеобразным среди языческих культур, даже если мы не знаем его, а просто пытаемся разгадать.

Прежде всего верховные жрецы. Артемизион Эфесский — это теократическое господство, в котором Эфесия передавала свои властные полномочия пестрому, вполне азиатскому жреческому двору. Верховный жрец-владыка²⁸ является евнухом; как при этом не вспомнить о жертве, которой требовала от своих жрецов Кибела из Пессинунта? Впрочем, этот обычай пришел из древнейших времен; оскотение оставалось распространенным вплоть до исчезновения этого важного жречества. Мегабиз — это распространенное иранское имя, его можно сравнить с именами Баттакес и Аттис Кибелы; это официальный титул. Хотя и кажется, что надпись из Приены, единичный текст времен 334—333 гг.,

и указывает на преемственность по греческому типу, то есть семейную преемственность²⁹, существует не меньшая уверенность и в том, что в Эфесе выбор верховного священника каждый раз происходил в форме усыновления, это чуждый грекам обычай, который обнаруживается у жриц Амона в Египте³⁰. Эта традиция, как и титул верховного жреца, который указывает на персидское происхождение, видимо, пришла в Ионию из иранской Азии. Разрисованная статуя из слоновой кости, предположительно Мегабиза, была найдена в сокровище храма А в Эфесе; она происходит из времен Мермнадов из Лидии, то есть до Ахеменидов. Если в данном случае речь действительно идет о жреце-евнухе, главе культа (критические сомнения вполне могут иметь место), суть этой функции может показаться чрезвычайно примитивной: мягкое, гладкое и улыбающееся лицо несомненно говорит в пользу предположения Хогарта и его сотрудников: на голове у статуи калаф, напоминающий тиару турецких дервишей или камилавку православных священников. На ней длинное азиатское одеяние с рукавами, которое стянуто на бедрах поясом; ее руки касаются крупной цепи, которая как четки лежит на ее шее. Это символ должности предстоятеля и напоминание о клидах изначального ксоана Артемиды. Естественно, облик этого верховного жреца с такими азиатским именем и одеянием должен был претерпеть изменения в течение столетий, даже если мы и не имеем оснований судить об этом. Во время, когда Апеллес рисовал его, он, вероятно, как и его богиня, выглядел больше по греческому вкусу³¹; тогда его преимущественно называли неокором. Но и тогда он видимо сохранил свой характер азиатского жреца, что можно сравнить с лидийцами, которые в Эфесе были предшественниками магов Анахиты. Кроме Ирана Ахеменидов он очень сильно напоминает характерных первосвященников хеттских рельефных изображений, которые также отличались тиарой и длинными одеждами. Привилегия контроля за женской свитой Артемиды была весьма важной, она действовала на протяжении длительного времени и появилась еще до административных задач, которые были характерны для него, когда Ксенофонт и Александр познакомились с Мегабизом. Но ведь многим особенным отличаются и жрицы. Они несомненно назывались кораами, девственницами, неокорами, но в первую очередь мелиссами, жрицами-пчелами, и это название указывает, как и в Фере в шестом столетии, не только на теократическую организацию пчелиного роя, но и на гибридную богиню, как ее можно увидеть на подвесках янтарного ожерелья

из Камироса (Родос). Пчела, которая в Малье была известна как королевский символ на Крите, много раз встречается на изображениях на объектах сокровища Эфеса; она не менее часто встречается на перепоясанных ксоанах эллинистической эпохи³². В Эфесе имелись и эссены, «короли пчелиного роя», класс привилегированных жрецов, который в азиатском мире до сих пор известен только по Артемизиону из Эфеса; это был самостоятельный класс жрецов, а не просто обычная культовая общность. Название встречается одновременно на эллинистических надписях и в текстах. Эти эссены во времена Августа превратились в простых священников, они в этом случае занимались управлением финансами или подготовкой праздничных пиршеств, которые всегда сопровождались определенными жертвами. Тогда они назывались гестиаторами или дайтумонами. Но до времен Павсания они должны были соблюдать временное целомудрие; они и дальше напоминают древние сообщества, которые у вавилонян, хеттов и семитов вели монастырский образ жизни. С ними сравнивали иудейскую дохристианскую секту эсенов (эссеев), но было бы неправильно придавать этому сравнению слишком большое значение.

До первого столетия нашей эры, когда экзотические жрецы стали посмешищем для скептиков — впрочем, это может случиться с каждым культом — и материалом для авторов комедий, эти так сильно пронизанные азиатским духом братства обладали большим могуществом. Но не только они подчеркивают негреческий характер эфесского жречества. Не следует забывать о развитии, которое имело место в Артемизионе относительно сохранения торжественных одеяний, предметов культа и литургии службы жертвоприношений, которая всегда сопровождалась музыкой и пением. В Эфесе всегда присутствовали богословы и музыканты, хоры, а также странные служители культа, которых называли акробатами, танцоры на пуантах, о которых напоминают охранительные образы, имеющиеся на вратах героона в Трисе. Участники плясок смерти являются стражами восточного «рая». Акробаты имеются и в Магнезии на Меандре в свите Артемиды Левкофрины, она также была Матерью-Землей, которая превратилась в Артемиду. Танцоров из Котиэума можно сравнить с «*Sodales ballatores Cybelae*», братством танцоров Кибелы; их танцы напоминают танцы Аттиса Реа-Кибелы, преисполненной любви богини, и, возможно, также древние запреты наступать всей стопой при пересечении порога и освященных дворов. В 104 году от

Р.Х. во времена известного посвящения С. Vibius Salutaris в Эфесе было не меньше двадцати акробатов. Это маленькое азиатское братство, как и другие, смогло противостоять упорным усилиям греков и латинян по переформированию жречества и культа. Факт символического значения!

То, что касается жрецов храма, распространяется и за пределы братств, то есть на участников мистерий и паломников на празднествах богини. Я в 1922 году исследовал совершенно отдельное сообщество эфесских куретов, которое связано с мистериями Солмиссоса, мистериями Артемиды, являющимися в том числе и в античном мире примечательной редкостью³³. Благодаря эллинистическим надписям для времени с конца третьего столетия до Р.Х. установлена связь куретов с Артемизионом. Любые сомнения исключены, хотя раньше они были очень сильными; мы видим странную схожесть Артемиды Даитис из Эфеса с Изодантесом, Дионисом культа мертвых, обычай, который Фрина на свой страх и риск принесла в Афины после поездки со своим возлюбленным Праксителем из Книда в Эфес и Парион. Эллинистическая Артемиды Эфесская была связана в Кларосе не только с Аполлоном, но и с погруженным в тайну Дионисом, чья власть после смерти Александра возросла в самих Дельфах, в Делосе и Александрии таким образом, что с тех пор его символы обнаруживаются рядом с символами богини охоты везде, даже в Кампании и в Неми³⁴.

Дионис и Артемиды, боги благополучия, были в греко-латинскую эпоху великими защитниками культа мертвых и направленных на потустороннее надежд. Это касается всего древнего мира от Востока и до Запада. С учетом Кларосского оракула здесь кроется одна из причин, приведшая в итоге к распространению культа Эфесии с одного конца Средиземноморского бассейна до другого. Дионисийские куреты, которых можно сравнить с корибантами, чьим мифическим прародителем был Корибас, согласно преданию отец Скамандера, являются вооруженными танцорами, их можно сравнить с амазонками. Изначально они прибыли в Эфес с Дионисом, которого опекали в его детстве. В македонское время куреты начали заниматься и управлением, когда Пропелаос от имени Лисимаха (302 год до Р.Х.) занял Эфес³⁵. Но они оставались — согласно спискам, в большом количестве найденным австрийской экспедицией в 1904 году —³⁶ Κοῦρητες.. εὐσεβεῖς, обозначение святости, которое напоминает о посвященных Самотраки; у них была не только «контора»,

как бы мы это назвали, в городе: в храме они имели задачи в рамках культа. Они были посвященными, хранителями колыбели Диониса, ликнона, их также можно сравнить с «fanatici» Ма-Беллоне, ведь в их братстве был и ἱεροσαληϊστής, трубящий в рог согласно своей должности. Он сопровождал танец с оружием, который показывали по поводу мистерий на Солмиссосе, таких странных и своеобразных, что я уже однажды пробовал рассказать о них и дать их описание³⁷. Сегодня мы знаем о них все вплоть до мелочей, как минимум что касается эллинистической эпохи.

Здесь я вынужден ограничиться самым важным и примечательным. Было бы слишком пространно рассказывать о всех подробностях этих мистерий и других празднеств Артемизиона, процессий за пределами города (например, Даитис, которые проводились на море) или процессий внутри города на Священной дороге, которая соединяла город Лисимаха с Артемизионом. Характерной была большая панегирия, которая открывала священные игры. С подробностями можно ознакомиться в моих предыдущих работах; это также касается рассмотрения обычной литургии, жертв и сферы влияния богов. В повседневном культе использовалось все, что называли *aretai* (божественные доблести): божественная сила внять мольбе и исцелить. Артемиды также отличается тем, что она «являлась» (Епифания). Также я указываю на собственное рассмотрение важного предания об амазонках, которое я упомянул в самом начале³⁸. Все это могло принять в Эфесе кое-где эллинистический оттенок, при этом монашеские братства были преобразованы в управленческие группы, а черты греческой Артемиды, скрытый за ними облик изначальной Матери-Земли, стерлись. Но это было лишь временно и поверхностно.

У нас нет сомнений в следующем: Артемизион Эфесский всегда сохранял восточный характер. Это был удел азиатской Матери-Земли в атмосфере уступчивой готовности к приему, где ионические спутники Андрокла уже около 1045 года обнаружили крито-карийское население³⁹, что доказано новейшими открытиями Толоса (гробницы в форме *tholoi* в области Колофона, среди них курган Белеви). Если бы этот курган, как и соседний героон, который связывают с Антиохом II, Теосом или Антиохом III, сохранился для наших исследований, он бы, как я подозреваю, также был бы соответствующим свидетельством. Аттическое влияние могло принести в Эфес элевсинские культы тесмофорий, которые могли выйти на первое место

по значительности. Гераклит, базилевс, который мало ценил власть, еще в шестом столетии возмущался смесью восточного «оргазма», который он наблюдал в религиозных праздниках вокруг себя. Это значит, что Эфес, по-видимому, уже во времена сокровища храма А, построенного амазонками, был центром странной смешанной культуры. Когда ты хочешь возродить жизнь и исследуешь суть множества мелких найденных в иле Кайстраса предметов, можно неожиданно выявить весь изначальный восточный мир: эгейские остатки, египетское влияние, хеттское влияние и временами среднеевропейские следы⁴⁰. Вокруг Упис-Эфесии развернулась ожесточенная борьба за влияние; можно предположить, что она продолжалась вплоть до греческих времен; смесь рас, в которой «варвары» не обязательно были самыми не влиятельными, самыми беззащитными и самыми непопулярными; от фригийских и лидийских времен до ахеменидского периода, из которого в Эфесе происходят маги, издававшие продолжительные жалобные звуки, что зафиксировано и в ночь рождения Александра, когда безумный Герострат поджег своим факелом Артемизион D. Эллинизация Эонии стала ощутимой; тем не менее греко-латинский Эфес остается изолированным островом, городом с персидской сутью в своей радости и порочности. Эллинистические писатели⁴¹ охотно выбирают Эфес, как и Милет, родину «Милетских рассказов», местом, где происходит действие в их произведениях. Господство македонцев, Селевкидов, Лагидов и Атталидов разбивается о священное убежище, оставив только пару следов кое-где. Шум их голосов, их резких раздоров иногда вплетается в музыку и пение; в череде жертвоприношений между плотными благовонными испарениями в гомоне праздников — как во времена войн Митридата — слышится отчаянный вскрик массы убиваемых человеческих жертв и ощущается пряный запах крови преследуемых.

Даже имперский мир не смог ни успокоить, ни латинизировать Эфес, куда со времен Цицерона прибывали чиновники, где в начале последнего столетия до Р.Х. останавливался Марий по пути в Пессинунт в рамках своего *legatio libera*⁴². Во времена, когда город был провинцией Римской империи, Эфесия смогла под могущественной защитой западных господ, которые из суеверий или из дипломатических резонов сохранили ее мощную защиту, не потерять ничего из своих привилегий. Ее право предоставлять убежище не нарушилось и укрепилось. Ее культ продолжал существовать независимо и несколько

по-варварски с точки зрения римлян. И во втором столетии от Р.Х. в Эфесе — на азиатской окраине языческого мира, где было рождено новое будущее — во все еще вызывающей страх богине продолжала жить древняя Мать-Земля Анатолии, которая позднее едва не привела к неудаче миссионерской деятельности Святого Павла (54—57 гг.). Перед храмом таинственной Эфесии автор Откровения, созданного около 95 года, стоял в задумчивости, как и перед расположенной недалеко отсюда церковью. В качестве богини, чьи храмы и святилища со времен Сервия Туллия распространились вплоть до Рима и Марсея, и дальше до Галлии и Иберии⁴³, она на стороне Диониса и даже на стороне Митры вела последний бой против уже победившего христианства. Исследование влияний, свидетельств и перемен той эпохи открывает многое в чрезвычайно интересной истории религий античности. Сохранила ли Эфесия свое значение вплоть до современности? В эпоху Ренессанса и даже позднее создавались ее скульптуры и картины. Характерным является предание, которое делает палестинскую Марию в Эфесе почти ипостасью Артемиды «Парфенос». Традиция перенесла последнее жилище и даже могилу Богородицы на холмы Солмиссоса, который раньше был целью языческих паломников и местом проведения орибасий Эфесии. Священный Дом Богородицы, который происходит от Метер Орейне, и недалеко от него грот и часовня Девы платанов, являются серьезными напоминаниями о таком живом прошлом Эфесии. Напротив, скромная молебеня в горах, где Богородица якобы написала свое достойное почитания имя, вызывает у нас воспоминания о затерянной лагуне, в которой однажды отражались колонны «храма из чистого золота»: дар Эфесии от царя Креза, суеверного владыки золотоносных песков Пактола.

II

ВЕЛИКАЯ МАТЬ ОТ КРИТА ДО ЭЛЕВСИНА

Второй доклад называется: Великая Мать от Крита до Элевсина. Поэтому мы сначала вернемся из Анатолии в Грецию, а именно на доэллинистический Крит.

Я хочу без обиняков сразу же перейти к сути вопроса и при этом опереться на удивительное место в гимне «К Деметре» этого значительного «элевсинского» или правильнее «аттически-элевсинского»

творения, которое Т. В. Аллен, В. Р. Холлидей и Е. Е. Сайкс⁴⁴ теперь относят ко второй половине седьмого столетия. Впрочем, мне кажется, что в связи с историческими ссылками к длительной аттиче-ско-элеусинской войне⁴⁵ их можно отнести к более позднему времени: времени окончательного завоевания Элеусина Писистратидами⁴⁶. Содержание его таково: Кора была похищена из легендарных полей Нисы. Деметра, разгневанная на богов, причастных к похищению, отправляется на поиски и спускается на Землю. Богиня, одним из имен которой было Ἐליόσση, то есть «приходящая», так как она пришла в Элеусин в образе старухи (стих 101) (связывать имя с Ἑλευσίς, то есть «прибытием» неверно, это просто игра слов). Деметра, одетая как нищенка — такие ситуации популярны в народных сказаниях по всему миру, — садится около Девичьего источника, из которого дочери тамошнего царя Келеоса ежедневно брали воду как пастушки. По просьбе подошедших девушек богиня называет Дос в качестве своего имени (стих 122). Она сказала, что происходит с Крита, откуда ее похитили морские разбойники (стих 125); но, к счастью, смогла убежать от них: «Я прибыла с Крита на широкой спине моря... Меня похитили морские разбойники; после этого они на своем быстром корабле бросили якорь у Форикоса, где многие женщины с материка поднялись на борт...».

Здесь показано путешествие с востока на запад и с юга на север: Крит, Аттика, Элеусин: план путешествия, который наверняка близок к правде⁴⁷ и который точно был известен древним до шестого столетия. Было бы очень неосторожным, если бы мы, современные люди, захотели отбросить указание такого рода без проверки; тем более, что Крит, «родина церемониальных обрядов», как мы увидим, издревле имел реальные и непосредственные контакты с Атикой, ведь оттуда выступил в поход Тесей, победитель Минотавра, а также с Элеусином, который Тесей помогал покорить городу Паллады.

Деметра утверждает, что морские разбойники похитили ее с Крита: приключение, которое также напоминает о судьбе Европы⁴⁸. Любой культ в Греции привязан к определенной местности. Оторвать его можно было только насильно. Существует пример для сравнения; давайте вспомним обращение Аполлона Пифийского из гомеровских гимнов с моряками из Кносса, которых он обнаружил на корабле в открытом море южнее Пелопоннеса. Он посвятил их, против их воли, в жрецы своего храма в Дельфах. Поэтому неудивительно, что богиня

говорит о том, что ее похитили (что позднее случилось и с ее дочерью) и именно из «критской богатой округи». Туда «на три раза вспаханную новь» автор Теогонии (стих 971) перенес ее таинственное любовное приключение с Иасионом. Восток еще во времена Теокрита (III. 50) праздновал мистерии, которые касались этого приключения, а Иасиона называли «сыном Миноса».

Уже во времена Вакхилида, в начале пятого столетия, предание о похищении Кору было локализовано на Крите. Среди небольшого количества сведений, которые мы имеем о таких, как утверждалось, хорошо оберегаемых тайнах, на первом месте находится большой гимн к Деметре,⁴⁹ потому что он является самым древним литературным свидетельством, дошедшим до нас, и потому что археология, которая так и не смогла опровергнуть его содержание, сегодня его подтверждает⁵⁰. Именно благодаря ему мы, несмотря на такую неосторожную датировку Ф. Ноак,⁵¹ можем перенестись в Элевсин середины второго тысячелетия! Зачастую древние дают современным наблюдателям, которые хотели связать элевсинские мистерии с Критом, если уж не повод, так хотя бы определенное оправдание. Так Геродот (II. 171) сообщает, что дорийцы разрушили все *τελεταί* доэллинистического мира, которые смогли. И разве Диодор Сицилийский не назвал Крит с уверенностью родиной мистерий (стих 77, 3)? Он таким образом всего лишь передал эхо древней традиции; и Атика ему в этом не возражала. Около середины седьмого столетия, после уничтожения Цилонидов, сам город Тесея обратился к критянину Эпимениду, чтобы очистить загрязненный город. Это значит, что Крит остался родиной религиозных обычаев катаров. Такими фактами и свидетельствами — а это еще далеко не все — ранее пренебрегали, пока в Элевсине, недалеко от Пропилей и Плутониума, не нашли критскую надпись, а под Телестерионом даже суб-«микенское» святилище. И это еще до открытия Крита Миноса Кносского с его лабиринтом Дедала и его священным Минотавром⁵²! Сегодня мы можем видеть древнейший «элевсинский» кернос на Крите, во дворце в Малье⁵³, и изначальноную связь отрицать уже нельзя. Я хотел бы воспользоваться следующим свидетельством, которое вполне можно проверить. Еще в своих работах, опубликованных в REG и RHR в 1927 году, о родине и странствиях Деметры, а также об эпизоде с Баубо в Элевсинских мистериях, были показаны вещи и сделаны утверждения, которые оказались правильными и, как мне кажется, не были опровергнуты полученным в дальнейшем опытом.

Для начала мы коротко остановимся на теме Матери-Земли на Крите, чтобы установить отношение Элевсинии к богине «три раза вспаханной нови», возлюбленной Иасиона. Эта критская Деметра называлась в классической Греции и особенно в Олимпии также «Хаминой», то есть «Хамаи-эуне» («которая спит на земле и отдается любви») ⁵⁴. Элевсинский гимн показывает нам, как Дос на пути из Крита прибывает в Торикос и сразу после этого путешествует как ее ипостась Европа «на широкой спине» моря... или критского быка. Исходной точкой путешествия является великий остров Миноса.

Что мы вообще знаем о критском культе Матери-Земли?

Для рассмотрения мы можем привлечь новейшие открытия, которые существенно расширили наши познания. Но: начало — с Юпитера! Дополнительные исследования нужно проводить в Кноссе, столице Миноса, где имеются более богатые источники, чем в других местах. Прежде всего о великом божестве, которым для доэллинистического народа была Мать-Земля и от которой многие греческие богини, среди них также Эфесия Анатолийская, пожалуй, постепенно взяли черты и тип оргиастического культа. Среди них следует особо отметить Деметру, чье доэллинистическое происхождение П. Мартин Нильссон, к сожалению, так необоснованно поставил под сомнение ⁵⁵.

В самое последнее время сэр Артур Эванс плотнее всего занимался Великой Богиней Кносской; он осветил все ее самые разнообразные аспекты в своем шеститомном труде *Palace of Minos*, который постепенно стал всеобъемлющим руководством по критской археологии. Благодаря ему мы знаем о Матери-Земле Критской как об обнаженной богине, как о Куротрофос; при этом следует особо отметить трогательную и восторженную сторону ее материнского культа, который позднее в Сирии был искажен более сладострастной и банальной сущностью азиатских народов. В 1935 г. сэр Артур особо занимался критской Матерью-Землей в качестве покровительницы игр с быками во дворце и в качестве богини с голубем и колыбелью ⁵⁶. Он также придал ей особенное значение как Богине змей, так как змея, особенно на Крите, считалась духом дома и защитником мертвых. В помещениях храма и на первых человеческих изображениях на Крите рядом с Матерью-Землей видны голубь, змея, морские животные и даже двойной топор с солнечным диском. Такие

символы натуралистического пантеизма — который мы обнаружили и у Эфесии — позволяют без лишних слов связать культ острова Миноса с широко распространенным фольклором, который сэр Артур (хотя он сначала слишком сильно верил в египетское влияние на Крите⁵⁷) сегодня хочет для восточной части Эгейского моря соотнести с восточным происхождением. А мы сами, даже в восточной части Средиземного моря — включая касситские кудурру и месопотамские печати, — признаем за Критом собственный дух полисимилизма. Но во многих других особенностях своего изначального культа богиня напоминает о востоке. Сэр Артур Эванс постепенно показал это, в том числе совсем недавно и в святилище северо-восточнее Кносского дворца, в котором осыпалась настенная живопись M. R. I. b, вероятно та, которую он назвал «the camp-stool frescoes» (фрески с раскладными стульями). На ней были изображены жрицы Богини-Матери, которые, сидя на своего рода раскладных стульях, парами готовились к ритуальному действию, много позже представленному в элевсинской группе «Мать и дочь» на стеле из Фарсала. Эти жрицы протягивали друг другу жертвенные чаши: мистический жест, сопровождавший жертвоприношение. Он был распространен в Микенах и во многих других местах; теперь известны все последующие процессы⁵⁸. Для этого жертвоприношения могли использоваться и, например, алебастровый кубок, который был найден в пятой из ряда гробниц, известная чаша Нестора и золотое кольцо из Тиринфа с изображением жертвы, которую гении животных преподносят богине⁵⁹. Все эти свидетельства подтверждают религиозный характер таких оргиастических «причастий», праздновавшихся жрецами, которые напоминают о востоке в том числе и своими одеяниями⁶⁰. С востока происходит и обычай во время процессий носить критскую Великую Мать в паланкине, а также многие другие обычаи, которые обнаруживаются на «острове ритуала».

Не нужны дополнительные указания, чтобы показать большое количество подходящих друг к другу аспектов, среди которых и многосторонний культ доэллинистической Великой Богини. Лучше чем где бы то ни было это показано в последнем труде сэра Артура Эванса. На первом месте здесь цель и задача показать взаимосвязи в элевсинской системе культа. В этой связи я хотел бы подчеркнуть важность одной находки, которую я недавно раскопал в Малье, в 45 км восточнее от Кносса, на северном берегу. Во время раскопок,

которые проводились там под моим руководством благодаря великодушному пожертвованию госпожи Геккоп де Йонг, у Като-Хрисолаккос был обнаружен целый некрополь. На расстоянии нескольких сотен метров от царских гробниц, которые окружены чрезвычайно необычной и характерной оградой⁶¹, между прибрежными скалами находится длинная трещина, которая служила местом погребения для бедных, сюда трупы просто беспорядочно сбрасывали. В этом некрополе были найдены два произведения незначительного художественного, но неоспоримого исторического значения: ритон в форме женской фигуры Древней Мин. III, такой же как изделие из Мохлоса⁶², задуманное просто как поясной бюст; напрашивается сравнение с кикладскими идолами, например, с идолами «в форме скрипки». Позднее вспомнят и о фигурах Анодоса, которые были наполовину погружены в землю. П. Демаржн в своей публикации об этом памятнике⁶³ — руки здесь неуклюже сложены под грудью — указал на его связь с Матерью-Землей. находка дает подтверждение того, какой смысл следует приписывать маленьким женским статуэткам, которые так часто находили в гробницах древней эгейской области, иногда парами, и которые называются кикладскими идолами. Это, пожалуй, вечно повторяющееся изображение Матери-Земли архипелага, покровительницы мертвых, которая поит их из своих полных грудей, и одновременно владычицы живой природы, что очень правильно увидел в ней сэр Артур Эванс⁶⁴. Речь идет о распространенном типе, ведь он массово изготавливался как минимум в восточной части Крита, а не, как ошибочно утверждает Мартин П. Нильссон⁶⁵, о творении «свободного художественного настроения». Я думаю, что с тех пор факты не опровергли меня. Дело в том, что я в 1930 году утверждал, что представление «ушабти» египетского типа, которая была предназначена для исполнения желаний и потребностей мертвых в потустороннем мире, осталось чуждым для азиатских религий⁶⁶; они особо близки к минойским религиозным воззрениям. Кикладские идолы также не являются «эрзац-супругами» (которых давали мертвым с собой в могилу!), более вероятно это изображения Матери-Земли. Она надзирала над «бедными грешниками» язычества в жизни на земле и после смерти. Именно гробницы Мальи подтвердили общие черты религиозных обычаев и церемоний в честь Матери-Земли, как во дворце, где нашли сосуд кернос, так и в царских гробницах Хрисолаккоса, где на штукатурке

изображены маленькие чаши, которые также служили ритуалу «панспермии» — прообразу для Элевсина⁶⁷.

Вторая находка, которая была обнаружена за пределами большой трещины в скале в Малье, является еще более содержательной с точки зрения отношений между Критом и Элевсином в аспекте культа Матери-Земли. На выпуклой части фрагмента ойнохойи из М. М. II видны три силуэта, которые перед обжигом были выцарапаны в глине. Интерпретация всех деталей невозможна. Но схожесть главной фигуры (Матери-Земли, чей чувственный характер сильно подчеркивается — треугольник половых органов) с кикладскими идолами несомненна. Грудь не подчеркнута, что встречается и в других местах. Это не единственная точка, по которой это изображение напоминает материалы из гробниц архипелага. Но здесь мы впервые находим критскую богиню изображенную так, что заранее объясняется эпизод с Иасионом, правда, еще так примитивно, что ее вполне можно соотнести с существенными чертами богини плодородия. Как и другие сходные изображения, это также предназначено для того, чтобы привлечь внимание к материнским органам. Неумелый автор хотел изобразить на вазе голую женщину с раздвинутыми ногами. То, что нам сегодня кажется таким бесстыдным, обнаруживается также и в многочисленных микенских фигурах на тронах, изображенных голыми, с расставленными бедрами. Я показал, что на печати из Хараппы⁶⁸ времен древнейшей цивилизации долины Инда еще задолго до свидетельств с Крита показана эта позиция, даже еще более подчеркнута изображением ветки, которая, как кажется, выходит непосредственно из органа оплодотворения. Женщине на печати из Хараппы⁶⁹ угрожает фигура с оружием в форме серпа, оружие Анат против Мот, это напоминает греческое предание о Персее, который убивает Горгону. Правда, после обезглавливания из ее крови не выросла ветка с листьями, а вышли великан Хрисаор и крылатый конь Пегас. Это положение с расставленными бедрами, возможно, даже если оно пошлое, лучше соответствует инстинкту, ведь оно отвечает религиозному обычаю выставления на обозрение, чтобы способствовать плодovitости животных и почвы. Это обычай, который нам хорошо известен по Элевсину, но он широко распространен во всех частях мира в самые разные эпохи⁷⁰.

На изображении на ойнохойе из Мальи мы видим похожую фрагментарную процессию, которая, видимо, направляется к Великой

Матери⁷¹; первая фигура на нем — женщина (груды сильно выпячены). Такой документ, возможно, поправит впечатление слишком большой непорочности и слишком идеалистичного настроения, в которое, как кажется, сэр Артур Эванс впал во время своих занятий культом Богини-Матери на Крите. Фактически из этого культа были изъяты как минимум фаллофории и фаллизм, вероятно, от стыда. Но это было сделано только из-за отодвигания на второй план мужского; в действительности «бесстыдство», если уж это слово можно употребить, было на Крите, в Египте и в Азии скорее пороком богинь, богинь-матерей плодородия, изображение которых в религиозных целях не казалось скабрёзным. В любом случае мы благодаря находке в Малье, а также благодаря печати из Хараппы можем наблюдать очень древний обычай оголения на Крите. В результате нам становится понятнее более поздний элевсинский эпизод с Баубо, которая покладисто снимает свою одежду перед Деметрой. В этом эпизоде, как правильно заметил Р.П. Лагранж, простой служанке приписывается то, что сначала было уместно только для богини. Можно вспомнить и сальные шутки Калипсо в «Одиссее» о любовных приключениях богинь Олимпа. Она наверняка не забыла приключение богини-матери Деметры, возлюбленной «пастуха Иасиона» под открытым небом на нови; отсюда пошло и ее имя «Хамаиэуне»⁷². Эти религиозные иерогамии уже во времена Гомера⁷³ вызывали сомнения и неприятие; они давали материал в основном для философов и авторов комедий. Но в мистериях они еще встречаются во времена Теокрита. В Элевсине надолго сохранилась память об ошибочном предании, согласно которому Деметра отдалась Келеосу⁷⁴. Святой Григорий Назианзин в своих обличениях язычества, в которых он, естественно, не мог утверждать ничего ненадлежащего, зная обстоятельства, то есть подготовительное действие Баубо, когда она сняла свою одежду, многозначительно приписал это действие самой Деметре. Следует отметить, что чрезвычайно важная иерогамия завершала ночь второго введения в тайны Элевсина — ночь Эпоптии; вне сомнения чрезвычайно символическая иерогамия, как и использование иеры, освященных половых органов кроме кисты и калафа⁷⁵. Следует подчеркнуть, что рождение «божественного ребенка» в ходе Эпоптии следовало почти сразу после произношения известного выражения сладострастия: «Бримо родила Бримоса». У древних отсутствовало чувство стыда, которое мы установили сами для себя касательно процессов зачатия. Мы далеки от того, чтобы

вместе с Рейнахом⁷⁶ верить в то, что Афродита «себя показывающая» — как в случае Афродиты Книдской Праксителя, а также в случае определенных архаических Афродит, например из Орвието (Этрурия)⁷⁷ — это поведение, которое в качестве «причуды провинциального скульптора» приписано сначала Приапу, Аттис и Гермафродиту, а позднее богине. Сегодня мы видим в этом важнейший и самый основной культовый акт Богини-Матери (кикладской или другой), такой же как прижимание рук к груди. Афродита ἀναστρέμνῃ александрийского Египта является просто подражательницей; она в своем подражании и близко не доходит до смелости Пасифаи и обнаженных богинь Азии. Подготовительное значение этого ритуального эксгибиционизма сохранилось даже в эллинистическую эпоху. Определенные голые фигурки, которые были найдены в Египте, как правильно установил П. Пердрице, использовались как талисманы от бесплодия⁷⁸. У женщин дельты Нила был так называемый «распущенный» обычай, обычай Баубо, на праздник Хатхор, богини, обнажившейся перед своим отцом. Геродот видел такое действо в Бубастисе (II, 60). Но в этом месте не следует забывать и касательно самого Элевсина о гефиризмах, то есть обмене ритуальными ругательствами, и о разнужданных фантазиях, происходивших из седой древности. Именно их Аристофан так бездумно использовал в своих «Лягушках», хотя он в этой комедии и недвусмысленно ссылается на богиню священных мистерий. В Элевсине карикатурные фигурки были найдены и в самом святилище, хотя это было священное место, где для Греции царили самые возвышенные мысли о бессмертии и о предназначении души.

Я полагаю, что должен по отношению к И. Леви^{79*} защитить точку зрения, состоящую в том, что в данном случае речь вообще не идет о поздних эллинистических подражаниях обценным египетским ритуалам и мифам. П. Демаржн⁸⁰ сообщил о, так сказать, до сих пор неизвестных фигурках из Аксосу в музее Канеа, которые происходят как минимум из шестого столетия, где появляется процесс ἀναστρέμνῃ (анасирмы). Образ обнаженной женщины с раздвинутыми ногами, которая в такой позе занимает место на троне, после эпохи микенских богинь не был изгнан прогрессивной цивилизацией. Мы можем наблюдать это на примере Исиды, богини земледелия, богини «черной земли» Египта, которая в религиозных взглядах греко-римской эпохи приравнивалась к Деметре. В Египте ее также изображали обнаженной, с непристойно раздвинутыми ногами, сидящей

на перевернутой корзине⁸¹, — соответствующей корзине мистерий, на которой согласно урне Лователли (в Александрии) или саркофагу из Торре Нова сидит также и одетая Деметра. Изображения такого рода можно сравнить с другими эллинистическими изделиями из терракоты, на которых обнаженная женщина с непристойно раздвинутыми ногами сидит на свинье, животном элевсинской жертвы. Это изображения, которые раньше скорее неправильно приписывали Баубо; настоящие изображения Баубо были найдены в Приене: это демоны-гастроцефалы, живые женские *κοιλία* (утробы). — Мы указывали на родственный сказанию о Медузе миф, который изображен на очень примитивной печати из долины реки Инд, найденной в Хараппе. Женщина с раздвинутыми ногами, которую без сомнений следует представлять себе сидящей на земле, напоминает о горгоне со львом, которая была обнаружена на архаической этрусской колеснице в Перудже⁸². Она сидит в простом коротком хитоне, раздвинув бедра, и держит за шею двух молодых львов. Это поза азиатской владычицы зверей, в частности Эфесии, которая также изображалась то обнаженной, то одетой, и культ которой отличался оргиастическими чертами. Здесь слились два очень первобытных образа...

Сегодня мне кажется вообще больше недопустимым ставить под сомнение связи между культами Элевсина и острова Миноса⁸³. Они в последнее время дополнительно и блестяще доказаны с достаточной исторической достоверностью благодаря находке микенской вазы с ручками, случайно обнаруженной в углу Малых Пропилей во время раскопок К. Курионитиса и М. Милонаса⁸⁴. На вазе имеется надпись критскими буквами, которые недавно истолковал Г. Милонас. Он даже думает, что вычитал там указание на подарок «Кикеона» Коре, что очевидно является слишком смелым утверждением! Другая констатация: мы сейчас натолкнулись под древнейшим элевсинским Телестерионом на суб-«микенский» храм, один из немногих известных в Греции. К храму в Асине, где А. В. Перссон также нашел надпись на новомикенском языке, которую он интерпретирует как написанную аркадо-кипрскими буквами, и где, как он заявляет (слишком смело), расшифровал имя Посейдона и nereиды Кумовы, теперь добавляется храм Эфеса (восьмое столетие).

Предваряя рассмотрение новых основополагающих археологических находок, я хотел бы отметить, что мистерии двух богинь в Элевсине в общем были более или менее связаны с земледелием⁸⁵

и кажется, что без особых изменений схожие обычаи сохранились и в дальнейшем. Это доказывают различные доэллинистические памятники: кернос, который выставлен во дворце в Малье — своего рода круглая плита с чашечками, которая служила для обряда панспермии. Это обычай, который для Мальи в официальном культе для живших во дворце был связан с культом земледелия и одновременно в соседнем царском некрополе в Като-Хрисолаккосе⁸⁶ — с культом мертвых. Обычай носить освященные вазы спереди на голове как калаф кариатид — это обычай, который мы прослеживаем до пинакса Ниннионы пятого столетия в Афинах — напоминает (этим вероятно можно объяснить и название «тесмофории»⁸⁷) высокий калаф минойских богинь «со змеями», который иногда украшен изображением животного сверху; он напоминает насесты для птиц, фетиши элевсинских жриц. Когда Деметра в Элевсине сидит у Девичьего источника, она также напоминает богиню микенского происхождения⁸⁸ под деревом. Следует напомнить эпизод из упомянутого в начале гимна.

Оба божества, мать и дочь элевсинские, длительное время представлялись почти как две сестры. В этом смысле я толкую известную стелу из Фарсала, несправедливо называемую стелой «двух сестер», которая только своим символическим характером напоминает о культе мертвых; здесь одна из богинь изображена в положении сидя. Я вижу в этом изображение элевсинского осознания, как и в эпизоде, изображенном на так называемом рельефе Дазйры⁸⁹ (Геката наставляет сидящую Деметру). Вплоть до времен великого рельефа Ленормана из Элевсина и даже еще на восточном крыле Парфенона «обе богини» очень похожи друг на друга. Поэтому представляется, что эти образы, которые сначала были анонимными, происходят от первобытных пар близнецов, изображения которых попарно были найдены в Текке на острове Крит и которые относятся к «кикладским идолам»⁹⁰. П. Демаржн доказал, что традиция парных изображений имела место и позднее. Представляется, что как здесь, так и там, как на Крите, так и в Элевсине высшими жрецами были женщины. В Элевсине периода расцвета классической эпохи в течение продолжительного времени год назывался по имени жрицы, это напоминание о времени, когда Богиня-Мать была владычицей эгейской области⁹¹. Сейчас факт, который я обнаружил в 1927 году, кажется несомненным. Я тогда сказал о том, что на Священной дороге у врат Элевсина располагалась площадь, которая называлась Кроконс, «место отдыха», здесь

собирались посвященные; они обматывали свои конечности шафрановыми лентами. Название и обычай можно связать с ритуальным сбором шафрана на Крите⁹², который нам известен по живописи во дворце Кносса времен примерно 1500 года.

В одном из высказываний относительно перспектив происхождения Деметры⁹³, в котором я в 1927 году рассмотрел вероятность гипотез происхождения (Египет, Крит и Тессалия), я, как мне тогда казалось, сразу же нашел правильный вариант. С тех пор прошло больше десяти лет. Теперь я могу и хочу привести новые доказательства. Что касается возраста святилища Элевсина, по моему мнению ошибку Фр. Ноак в его труде *Eleusis, Die baugeschichtliche Entwicklung des Heiligtums*⁹⁴ сегодня можно отвергать еще категоричнее, чем раньше. Ведь он утверждает, что история святилища началась только в геометрический период! К. Куруниотис и его греческие сотрудники с тех пор без труда получили доказательство того, что начало стены по периметру и внутренних строений на месте Телестериона доходит до «микенской» эпохи⁹⁵. Уже тогда в Элевсине существовало суб-микенское святилище, очень маленькое, с входной лестницей и двумя колоннами внутри. Этот храм был устроен под Телестерионом. Первое строение в Элевсине имеет определенное сходство с древнейшим святилищем А в Эфесе и даже со святилищами в Дреросе (Аполлонион) и Тасосе (Гераклеон)⁹⁶. Сходство Каллихороса (освященный «источник», который упоминается в гимне к Деметре) с круглыми полыми алтарями святилищ Агригента (в храме двух богинь Сан-Бьяджо, в святилище Тиндаридов недалеко от Колимбетры) теперь также дает ценный материал для размышлений. Благодаря открытию «доисторического» Элевсина Куруниотисом и Г. Милонасом⁹⁷ теперь в нашем распоряжении имеется настоящее «введение» из второго тысячелетия к руинам классического Элевсина. Находка упомянутой выше вазы конца тринадцатого столетия с надписью критскими буквами — согласно утверждениям кадмейскими — подтверждает эту седую древность, неважно, какое прочтение предлагается⁹⁸. Я напомнил о том, что Элевсин, морская гавань между фиванской Кадмеей и Нисой Мегаридской, сначала назывался Огигией. Название напоминает фиванскую Кадмею, потому что Оксиг был сыном Кадма.

Общая история религиозных идей сегодня ведет, как и археология для Элевсинских мистерий, а также и для других мистерий, к принятию прото-эгейского происхождения, что, впрочем, не исключает более

поздних ахейских и эллинистических включений. На мой взгляд О. Керн неправ (и я надеюсь, что обосновал это в достаточной степени)⁹⁹, когда он переносит истоки преданий об элевсинской Матери-Земле в такую варварскую Фессалию¹⁰⁰. Не каждой культуре дано рождать религиозные представления для мира. Я согласен, что имя Дос (гимн к Деметре 122) напоминает равнину Дотий; а в конце гимна действительно имеется призыв к фессалийскому святилищу Антрон (впрочем, это одновременно была и святыня Пароса). Но в любом случае грубые фессалийские культы в известных примерах особенно касательно двух богинь и Асклепия в большинстве случаев являются лишь слабым отблеском критских культов. Наблюдается своего рода «дублет», который был выдуман во времена «нордических» вторжений индо-европейцев¹⁰¹, чтобы снова укоренить определенные сказания и местные или привнесенные туда обычаи Средиземноморья. Можно предположить, что в Греции никогда не имело места полное прерывание культа, даже во времена дорийского вторжения (Геродот, II. 171). Оно (вторжение) могло вынудить Деметру покинуть Анданию¹⁰² или, например, уединиться в горах Спарты либо остаться в других местах на акрополях в качестве хранительницы путей. Можно взять Фивы, Антелу или Селинус: и так каждый раз, когда мы — вместо культа в болотистых местностях или в низинах (более первобытный вид культа) — встречаем культ на акрополях¹⁰³. Так в самом Элевсине богиня после своего появления у Метанейры требует в гимне (стих 268 ff.): «Пусть же великий воздвигнут мне храм и жертвенник в храме; Целым народом под (очень примечательно) городом здесь, под высокой стеною; Чтобы стоял на холме, выдающемся над Каллихором». В этом месте гимна Деметра сообщила об учреждении для Элевсина места для проведения ее таинств (так называемых ἄρῳα), архитектурная непримечательность которого может быть связана с предшествующим религиозным преследованием.

Естественно, за обычаями — даже если принять, что они весьма консервативны, хотя и ни в коем случае не неизменны — скрывались религиозные воззрения, которые постепенно менялись со временем. Это касается не только Греции, но также и Элевсина. Стоит вспомнить о том, что в греческой церкви до сих пор используются освященные сосуды, которые напоминают минойский и элевсинский кернос. Но, впрочем, цель применения стала совсем другой. Все перемешалось как в Элевсине, так и в других местах: боги, жрецы, праздники и люди

на службе религии. Каждая культура и каждая эпоха должна вносить свой собственный вклад в путь от времен безымянных и внушающих страх первобытных героев, которых называли Теос-Тея, до Иакха, этой аллегории восклицания во время процессий, молодого бога, последнего, который столь заметно несет на себе печать классического и даже символического времени четвертого столетия.

Исследование божественного имени с точки зрения языка привело к таким же выводам¹⁰⁴. Форма Дос, которая, впрочем, является спорной, естественно, скорее напоминает о равнине Дотий; но это также критская форма ΔΗΑΙ, которая согласно *Etymologicum Magnum*¹⁰⁵ обозначает ячмень. Известно междометие φεῦ δᾶ, которое, как кажется, означает «Горе, земля!». Возможно, прочная связь между δᾶ с одной стороны, и γᾶ (γῆ) с другой не является достоверной, даже если имеются дублеты, такие как Ἑννοσίδασ, Ἑννοσίγαιος, для сотрясателя земли (который также был ее супругом!), и все обычаи сотрясения, бичевания и битья почвы изначально были ритуалами оплодотворения земли¹⁰⁶. Везде видно, что это как минимум возможно.

Е. Бенвенисте в недавно опубликованной работе, в которой рассматривается невероятная сложность «тирсенско-пеласгской» проблематики, заверил, что «культ Деметры достигает слишком далекого прошлого, чтобы толкование его названия с использованием понятия Матери-Земли было правдоподобным»¹⁰⁷; но пояснение не представляется несостоятельным, если согласиться, что Γῆ ο Δᾶ, как и αἶα относятся к доэллинистическому субстрату¹⁰⁸. Как и процесс касательно земли, который в фригийском языке обозначался индоевропейским словом δαυμαα (ср. греческое χθών λα), доэллинистическое обозначение выведено из того же корня Μῆτηρ. Эта Деметра согласно Геродоту (источник, который стоит читать и которому зачастую рекомендуется следовать!) была очень хорошо известна на Крите; она входила в число древнейших богинь, почитаемых пеласгами (II. 171). Ее имя действительно является первой составной частью в разных формах, таких как Δαμᾶτηρ, Δαμμᾶτηρ, Δωμᾶτηρ, Δηώ, Δωῖς, которые очевидно являются вариантами одного доэллинистического имени. Сходным образом и у Персефоны было эгейское имя с разными формами, такими как Περσεφόνη, Φερσεφόνεια, которые, возможно, напоминают об убийстве горгоны, а также Φερέφатта, Πηριφόνα, переход, который не удалось объяснить в достаточной мере, исходя из индоевропейской языковой системы¹⁰⁹. Аргумент

для тех, кто вместе с Виламовиц-Мёллендорф (Glaube der Hellenen, I. 108 ff.) — по моему мнению, по праву, — полагают, что Кора-Персефона должна относиться к доэллинистическим божествам, к которым они относят и ее мать Деметру¹¹⁰.

В данном месте я ограничился указанием на некоторые совершенно новые точки зрения в рамках очень комплексной старой проблемы. Не стоит снова излагать всю историю Богинь-Матерей на Крите и в Элевсине полностью. Доклада может не хватить для проверки взаимосвязей между островом Миноса и Элевсином.

Но упомянутое в самом начале сказание о морских разбойниках, которое Деметра рассказала дочерям Калеоса у священного источника, у которого она любила сидеть, вероятно, содержит очень много правды. Я не хотел бы с претензией утверждать, что хочу исходить из такой констатации. Формула из математики «quod erat demonstrandum» (что и требовалось доказать) неприменима к религиозной истории, в которой так часто встречаются необоснованные утверждения. Цель желания опираться на доказательства, если к нему стремиться, заключается только в том, чтобы усыпить сомнения, при этом разница в мнениях может возникать вновь и вновь.

Для Элевсина можно представить себе деревенский культ, который сначала был посвящен двум безымянным богиням и представлял собой продолжение сельских культов минойского Крита. Мы знаем, что другой аспект этого культа был посвящен почитанию мертвых¹¹¹. Это объясняется тем, что земля, поверхность которой дает жизненные силы для роста, принимает в свою глубину мертвых. Сон умерших, насколько мы знаем, с доэллинистических времен приравнивался эгейскими народами Крита, и в первую очередь именно ними, к сну зерна, которое погружается в землю, весной оживает и дает ожидаемый рост. Это волнующая вера в человеческое бессмертие, которое связано с предшествующей и преходящей смертью, вера, которую Элевсин принял в себя, развил и привел к славе. Понятно расширение на духовные сферы заботы, которую изначально имел земледелец. Первобытный человек думал прежде всего о пропитании; цивилизованный человек надеется победить смерть. Христианство также использует эту надежду: «Если зерно не умрет», — говорит

в элевсинских выражениях известное высказывание из Евангелия от Иоанна XII. 24: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода»: вера, которая в Элевсине заявляет показ собранного колоса, последнюю молчаливую демонстрацию в качестве заключительного акта «дроменон» — сильнейшее символическое и максимально содержательное культовое действие второй инициации, то есть элевсинской эпоптии. — Сама человеческая душа, это священное зерно, которое как Кора временно похищается в ад, представляемый нашей землей, или как семя почивает в комке земли, должна согласно крито-элевсинскому Евангелию умереть, чтобы однажды воскреснуть в духовном мире, мире Деметры, Кору и Диониса. Теперь становится более понятным следующее место в Евангелии от Иоанна: «Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную»¹¹².

Поэтому Элевсинские мистерии (они не до конца развивают и так очень примечательный для полупервобытных народов символизм, который впрочем не стоит представлять слишком сложным) одновременно были хтоническими и эпихтоническими, если можно использовать это выражение. Поэтому дарительница хорошего урожая, элевсинская Мать-Земля ὤρηφόρος, ἀγλαόφορος (Гимн к Деметре, с. 192) также называлась защитницей мертвых, по Плутарху «Δημήτρεϊοι»¹¹³. С эгейских времен в Греции и Азии народы через определенный короткий период сменяли друг друга, как и все мы сменяем друг друга на этой земле. Каждый народ давал парам богов и героев новые имена и соответствующие задачи; но они, изначально безымянные и вызывающие ужас, со временем преисполнялись сочувствия, становились дарителями вечного благословения. На такой почве роскошно развивались мистерии. Греческий город мог пробовать их контролировать; придавать их церемониям официальный характер и даже притянуть их к себе; но в итоге победа осталась за мистериями. Элевсинские мистерии, старшие чем афинские, пережили их надолго: вплоть до уничтожения готами они имели уважаемых последователей в римском обществе. В осенних паломничествах латинские цезари были среди первых. Иногда они даже организовывали для себя посвящение вне очереди. Были ли элевсинские мистерии, в основе которых скрывался культ Матери-Земли, совершенно чуждыми для политических и социальных рамок маленькой Греции? От посвященных

требовалось только знание греческого языка и заверение в том, что они не были замараны кровью.

Но мы можем извлечь из этого как минимум один серьезный урок. Вспомним о том, что маленькая Греция дала для мировой цивилизации! Началом был культ древней Матери-Земли: обожженной азиатской богини, богини плодородия для животных и людей, в этом качестве она известна во времена Гомера и показана в «Талисиях» Феокрита. Деметра отвечает за произрастание питательных зерновых культур, но в Греции она приобрела другую, еще более важную черту: она стала любящей и многострадальной матерью¹¹⁴. История человечества в самой лучшей своей части — это история определенного количества существенных восприятий, которые можно было бы назвать первородными восприятиями по аналогии с первородными грехами. В этом комплексе восприятий самая большая заслуга людей — это создание почитания материнства. Таким образом Греция сделала возможным христианство и подготовила путь для него. Шартрский собор, один из шедевров нашего французского средневековья, был построен на месте святыни, которое старше христианства: где раньше почиталась Мать-Земля, позднее она была приравнена к Богородице. В Везле языческий культ плодородия также предшествовал культу Марии Магдалины. В древней Греции почитание материнства развивалось вокруг образа Деметры, *Mater dolorosa* язычества. Предание о похищении Керы воплощает в Греции не только смену сезонов; это явление из понятийного мира земледельца одновременно выражает спасение человеческой души. Данное предание сделало возможным расцвет ощущений, которые связаны с защитой заботливого материнства. Не случайно, что богиня «тесмофорий»¹¹⁵ сначала смягчила грубый обычай любовного похищения¹¹⁶, для этого она сама создала первые законы о браке с учетом роли женщины, которые постепенно повлияли на дом и семью¹¹⁷. В Британском Музее имеется статуя, на которую я в конце хотел бы обратить внимание: Деметра Книдская; в ней скульптор создал, как было написано, «возвышенный образ Богини-Матери, который посвящен ее вечной скорби об исчезнувшей дочери». Крайняя экспрессия отражена в лице и возведенных горе очах. Кажется, что направленный в пространство между небом и землей, потерянный взгляд под тяжелыми тенями век непрестанно следует за дорогим образом. Какой символ!

Глядя на варварскую сторону примитивных идолов Азии, достаточно измерить всю глубину значения такого образа, чтобы осознать, сколь многим мы еще и сегодня обязаны этой скудной и бедной Греции: она на все времена наделила полнотой и воспитала современное человечество. В маленьких странах — и я рад сказать это в Швейцарии — временами живут величайшие народы!

Рис. 1. Владычица зверей

*Рис. 2. Геката в образе «Великой Матери» и ее «служительницы»
(на беотийской амфоре)*

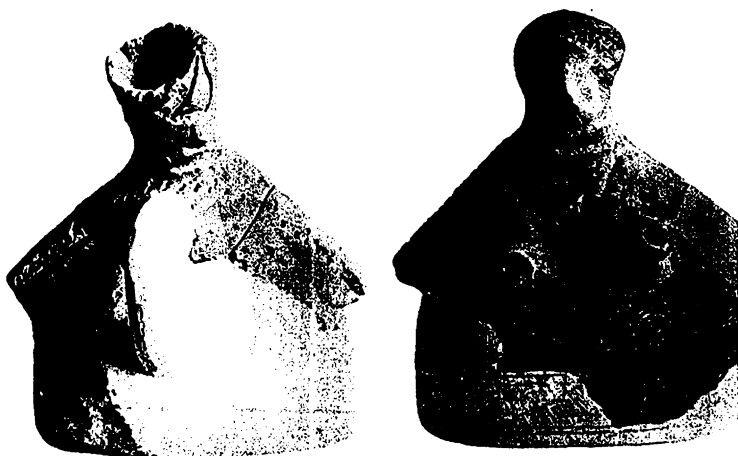

Рис. 3. Ритон из Мальи, А. М. III

Рис. 4. Великая Мать на ойнохойе из Мальи, М. М. II

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ R. Dussaud, *La Lydie et ses voisins aux hautes époques*, 1925. G. Radet, *Ephesiaca* II, 36.
- ² G. Radet, там же.
- ³ Рельеф из Эфеса, ср. F. Noack, *Arch. Jahrbuch*, XXX. 1915, pl. VI. (около 340 до Р.Х.).
- ⁴ Leonhard, *Hittiter und Amazonen*.
- ⁵ Ср. служителя Кибелы Аттиса. Покойный П. Graindor в *Rev. Arch.* 1938, 1. 193 ff. писал, что коры Акрополя являются изображениями предписанных человеческих жертв, которые были принесены богине, только в виде скульптур.
- ⁶ Впервые я занялся исследованиями темы Эфесии в период с 1908 по 1913 год. Под влиянием Поля Фукара, от которого не ускользнуло ни одно из сторонних влияний на религиозные предания Греции (можно утверждать, что он предвидел последующий неслыханный прогресс в археологических изысканиях на Крите и в Анатолии!), я предпринял определенные исследования и раскопки в Ионии. В 1913 году это привело меня к посещению Эфеса и сделало возможными исследования Кларiona, «храма-близнеца» — если так будут позволено сказать — Артемизиона, строения, которое было посвящено Аполлону Кларосскому, богу оракула, сестрой и союзницей которого была Артемиды.
- ⁷ В древнем городе амазонок (теперь: J. Keil, *Österr. Jahresh.*, 31. 1938, 33 ff.) порт начал заноситься песком примерно в пятом столетии; объемы торговли, которая изначально велась с Сардами и по царской дороге, а позднее стала морской, существенно сократились. Лисимах после смерти Александра принял радикальное решение. Он отказался от борьбы со стихиями и решил переселить людей ближе к морю, вне зоны действия реки, в район холмов Пиона и Корессоса. Этот «новый» Эфес, который был заложен по правильному плану, дает нам множество незаменимой эпиграфической и археологической информации о религиозном оформлении соседнего святилища и о священном городе, с которым эллинистический Эфес соединяли две священные дороги. — Нельзя забывать архаичный Эфес, αἰτὸ πτολίεθρον лидийцев и делегов, который демонстрировал смешанную

цивилизацию краеугольного значения. Но то, что мы знаем об истории богини лучше всего, группируется вокруг нового города Лисимаха и происходит из его развалин (в особенности все тексты о местном братстве куретов). Эти сведения мы получили благодаря развалинам театра, агоры, ворот и храмов нового портового города, который был преисполнен жизни. Он был соперником Милета и стал столицей римской провинции Азия после ее образования. Согласно текстам в нем проживали самые разные народы: месопотамцы, персы, сирийцы, египтяне и, само собой, греки, которые попеременно или вместе составляли круг последователей богини, всегда способный к обновлению. Место встречи для всей Азии. Там кишело от купцов, мудрецов и волшебников, прорицателей и жрецов, ученых и образованных людей, но также от танцоров, флейтистов, гуляк и куртизанок (ср. описание Плутархом торжественного прибытия Антония и Клеопатры). Этот космополитичный Эфес вплоть до эпохи готов в третьем столетии нашей эры оставался религиозным центром и главным торговым городом западной Малой Азии. Следы его общественных зданий, парадных помещений и монументальных аллей в настоящее время, к сожалению, покоятся как и сам Артемизион, на дне покинутой лагуны, где навсегда погребены шум и гам жизни. Но оттуда уже извлечены на свет многие исторические находки — и будут извлечены новые, ведь раскопки еще очень далеки от завершения.

⁸ Mél. Glotz, Bd. II, 1932, 839 ff.

⁹ К хронологии раннего греческого искусства: Печать с Артемидой из Эфеса: Sitzungsber. d. Akad. d. Wissenschaften in Wien, 8 июля 1931 г. (1932 г.).

¹⁰ Р. Валуа установил, что в Эфесе святыня расширялась путем достройки к ней дополнительных объектов, как это было и в Самосе; ср. REG, XLIX, 1936, 230. Это расширение вокруг основного алтаря, которое, возможно, наблюдается и в Элевсине (Телестерион), также напоминает о халдейской и египетской манере строительства (например, гробница фараона Джосера).

¹¹ Возраст святынь времен Креза недавно — я считаю это необоснованным — был поставлен под сомнение в работе Э. Лёви (ср. 67, прим. 2). Это великолепный ученый, но, кажется, он плохо разбирается в данном вопросе. Он утверждает, что в Эфесе до храма Е, который является Артемизионом Креза (и самим городом), не было других сооружений. Но мнение Э. Лёви опровергается

уже просто проверкой архитектурных следов, а еще в большей степени археологическими открытиями. Найденные на месте храмов А, В и С предметы являются свидетельством переменчивой и сложной набожности, а не связанного и самого по себе необъяснимого собрания votivных предметов. Собрания, которое пребывает в беспорядке. При надежности английских раскопок было бы несправедливым ставить под вопрос длительные последствия религиозной истории. Неужели в Эфесе они более сомнительны, чем в других местах? «Микенские» и «геометрические» святыни, которыми мы теперь обладаем в Дельфах, Асине, Элевсине, Дреросе, Приниасе, Тасосе (Гераклионе), можно *mutatis mutandis* сравнить с объектами А, В и С; они усиливают впечатление преемственности, хотя и прерываемой потрясениями и невзгодами, которые известны из исторических текстов также и относительно Эфеса.

¹² Ch. Picard, *Laographia*, 1922, 65 ff.

¹³ F. Chapouthier, *REA.*, XL, 1938, 125 ff.

¹⁴ Ephèse et Claros, 468 ff.

¹⁵ Ср. также E. Kunze, *Kretiche Reliefs*; Ejnar Gjerstad, *Studies on archaic Greek chronology*, II. Ephesos, примечательно из-за точной классификации.

¹⁶ *The arch. Artem. pl.* XXII. ср. 156—157.

¹⁷ Находятся аналогии ношения иеры на голове на Крите, в Греции и в Этрурии.

¹⁸ P. M. Schuhl, *Rev. arch.* 1930, II, 58—64: *Autour du fuseau d'Ananké*.

¹⁹ Ср. для классификации E. Kunze, E. Gjerstad, 1. 1.: 345, 2.

²⁰ H. Thiersch, *Artemis Ephesia*, I: *Katalog der erhaltenen Denkmäler*, in den *Abhandlungen d. Gesellschaft d. Wissenschaften zu Göttingen*, phil.-hist. Klasse, III. 12, Berlin 1935; *Ependytes und Ephod*, Bd. VIII der *Geisteswissenschaftlichen Forschungen*, Stuttgart 1936.

²¹ Ch. Picard, *Ephèse et Claros*, 534 ff.

²² Cf. *Rev. Arch.* 1937. II. 146; *REA*, 38, 1936, 358; 40, 1938, 125 ff. (cf. 128, прим. 1); L. Robert: *Villes d'Asie mineure*, 18, прим. 1. G. Annibaldi: *Not. Scavi*, 1935, 76—105, cf. 84 ff., no. 9 (Эфесия без головы, найденная в здании на седьмом километре Аппиевой дороги); и т.п.

²³ F. Goethert: *Arch. Jahrbuch*, 49, 1934. Anz. 70—123 (cf. 89 ff., рис. 8—9).

²⁴ *REA*. 40, 1938, 125.

- ²⁵ В. Pick: *Österr. Jahreshefte*, 1904, 1—41.
- ²⁶ Ср. уже Meurer: *Röm. Mitt.* XXIX. 1914, 200—219.
- ²⁷ Ephèse et Claros, 532—534.
- ²⁸ Ephèse et Claros, 163 ff.
- ²⁹ *Inscr. v. Priene*, 1906, no. 231.
- ³⁰ G. Lefebvre, *Les prêtres d'Ammon*, 1930.
- ³¹ Нельзя с уверенностью сказать, что в нем можно узнать жреца в шкуре леопарда со скульптуры из храма D в Эфесе: Ch. Picard: Ephèse et Claros, 180. Новейшая идентификация М. Х. Тирша: эпандит с предположительно статуэткой Мегабиза из Рима также не является более убедительным.
- ³² Ch. Picard: Ephèse et Claros, 522—523.
- ³³ Ch. Picard: Ephèse et Claros.
- ³⁴ Ch. Picard: *Rev. Arch.* 1937, II, 271—273: Artemisia alexandrins.
- ³⁵ Ch. Picard: Ephèse et Claros, 280.
- ³⁶ Ср. Pöerner: *De Guretibus et Corybantibus*. Diss. halens. 1913, опубликовано без комментария; cf. Picard, 1. 1. 277 ff.
- ³⁷ L. 1. 287 ff.
- ³⁸ Ephèse et Claros, 431—450. О значении этих легендарных спутников Эфесии эллинистической эпохи см. также В. Schweitzer: *Arch. Jahrbuch*, 1936, 158 ff.
- ³⁹ Ephèse et Claros, 540 ff.
- ⁴⁰ Ephèse et Claros, 572—589.
- ⁴¹ Еще позднее. — О романе Ксенофонта Эфесского см. G. Dalmeyda 1926, éd. Budé; о приеме Антония, см. Ch. Picard, 1. 1.
- ⁴² Ch. Picard, *BCH*, LVI, 1932, 491 ff.
- ⁴³ Ch. Picard, Ephèse et Claros, *Einleitung*, XV ff.
- ⁴⁴ *The homeric Hymns*, 2. Ausg., Oxford 1936; J. Hranbert, *Homère (Hymnes)*, Ausg. Budé: до 610, 39.
- ⁴⁵ стих 265 ff.; ср. Ch. Picard, *Rev. philol.*, 56, 257 ff.
- ⁴⁶ *REG.*, XL, 1927, 320 ff.; ср. 350 о сложностях датировки текста с упоминанием противоречащих этому взглядов. J. Humbert, *Hymnes*, 1936, 38 ff.
- ⁴⁷ Мысль связать Деметру с Критом восходит, как минимум во Франции, к работам Р. П. Лагранжа о культах Элевсина, *Rev. bibl.* XVI. 1919, 157—217; для Германии, ср. E. Neustadt, *De Jove Cretico*, 1906, 52—55; для Швеции, ср. Axel Persson, *Archiv f. Religionswiss.* XXI, 1922, 285—309.

- ⁴⁸ Иногда весьма сложно различить Деметру и Европу; очень важно: Деметра с быком и Европа на критском быке; ср. P. De La Coste-Messelière, *Au Mus. de Delphes*, 153 ff.; W. Technau, *Arch. Jahrbuch*, 52, 1937, 76 ff. — Было распространено мнение, что тема в Мидее была найдена уже в микенскую эпоху; ср. A. W. Persson, *Forsch. u. Fortschritte*, 20. Juni 1929; но это спорно; ср. W. Technau, 1. 1.
- ⁴⁹ Этот гимн был переведен заново Г. Меаутисом в труде *Les Mystères d'Eleusis*, 1934.
- ⁵⁰ Ср. труды Mylonas': *Prohistoriki Eleusis*, в *Eleusiniaka* авторства К. Куруниотиса, 1932, который согласно Филиосу является одним из самых заслуженных исследователей святилища. Того же автора, Ὀδῆγός, éd. 1934 (на греческом языке).
- ⁵¹ Fr. Noack, *Eleusis, die baugesch. Entwicklung des Heiligtums*, 1927.
- ⁵² Ср. Тесея, намеревающегося убить чудовище с головой быка, на карнеоле (поздней эпохи) из среднего Крита: Sir Arthur Evans, *The Palace of Minos*, IV. I. 1935, рис. 9.
- ⁵³ F. Chapouthier, *BCH.*, 1928, 292 ff.
- ⁵⁴ Р. Валуа вполне оправданно указал на то, что транскрипция прозвища дает первоначальную критскую форму: REA. 28, 1926, 305 ff.
- ⁵⁵ *The Minoan-Mycenaean religion and its survivals in Greek Religion*, 1927.
- ⁵⁶ Ср. уже Ch. Picard, *Rev. archéol.*, 1928. II. 47—64, где я показал, что доэллинистическая богиня возродилась в «Федре с весами» Некии Полигнота — в лесхе (месте собраний) книдцев в Дельфах.
- ⁵⁷ Ср. об этом, напр., Demargne, *Ecole Htes. Etudes Gand*, II. *Etudes d'archéologie grecque*, 1938, 31 ff. Я сам, как полагаю, одним из первых указал на важность азиатских влияний; ср. мое дополнительное примечание к G: Glotz, *La civil égéenne*, изд. 1937, 474 ff.
- ⁵⁸ Ср. идолов Лассити, *American Journ. archaeol.*, 41, 1937, Т. XXI, благодаря которым тип богини прослеживается вплоть до субминойской эпохи.
- ⁵⁹ Она изображена и на печати из Хараппы, свидетельстве цивилизации долины реки Инд III тысячелетия до месопотамских Саргонидов; ср. Ch. Picard, *Rev. archéol.* 1938, II. 5 ff.
- ⁶⁰ Следует вспомнить и о братствах Эфеса, о мистериях Солмисоса, а также пиршествах куретов.

- ⁶¹ P. Demargne, BCH., 1930, 404 ff.
- ⁶² R. B. Seager, Expl. Mochlos, 64, рис. 32 и 34 (та же дата).
- ⁶³ Mél. G. Glotz, I, 1932, 305 ff.
- ⁶⁴ Pal. of Minos, I. 115, рис. 84; особенно II. 258, рис. 153.
- ⁶⁵ The Minoan-Mycenaean Religion, 124 и 253, прим. 9.
- ⁶⁶ REA, 32, 1930, 97–105, против D. Hogarth, in Essays... presented to Sir Arthur Evans, 55 ff.
- ⁶⁷ Ср. P. Demargne, 1. 1.; в классической Греции можно сравнить чаши на скале святилища критского Геракла на Тасосе и *mutatis mutandis* «цветочные горшки» псевдо-храма Тесея в Афинах, с моей точки зрения это Элеузинион. Ср. *Hesperia* VI. 1937, 399, рис. 2; 402, рис. 5; 416, рис. 12.
- ⁶⁸ *Rev. archéol.*, 1938, II. 5 ff.
- ⁶⁹ На другой стороне видны фигуры, которые на Крите назывались «демонами с панцирем» (жрецы-танцоры в образах животных?). На обеих сторонах печати имеется почти одинаковая надпись (на одну букву больше на одной стороне).
- ⁷⁰ Ch. Picard, RHR, 95, 1927, 220 ff.; и также I. Levy, *Mél. Franz Cumont*, 1936, 817–845. Эта статья подчеркивает как минимум кажущийся большой возраст египетского предания, которое подготовило другие обычаи в Элевсине и гораздо позже в Японии. Мне кажется, автор не прав, когда утверждает, что эпизод с Баубо в Элевсине возник поздно и в качестве подражания египетской легенде о Хатхор, которая обнажается. Я уже доказал, что Баубо и Баубон в Греции были очень древними чувственными демонами, женским и мужским началом; особенно некоторые статуэтки из Приены из четвертого столетия наверняка изображают Баубо. Поэтому недопустимо предположение о том, что «египетский мотив был приписан классической сцене между Деметрой и Ямбой» лишь в александрийскую эпоху.
- ⁷¹ Ср. оговорки, которые П. Демаржн, *Mél. Glotz*, 1. 1. 308, делает по поводу своего собственного изложения. Относительно оголения груди во время церемоний на Крите и сказания амазонок см. выше сказанное об Эфесии; Адониса еще во времена Теокрита оплакивали с оголенными грудями (ср. жительницы Сиракуз, до 135).
- ⁷² Название осталось критским, как было показано ранее (363, прим. 3).

- ⁷³ Ср. A. Klinz, *Hieros gamos*, 1933, и мою рецензию, RHR, 1936, 107—110.
- ⁷⁴ К. Куруниотис полагает, что нашел священный дом; ср. Rev. Arch., 1937, I, 94 ff.
- ⁷⁵ За пределами Элевсина над этой церемонией потешались и превращали ее в посмешище тем, что ее проводили куртизанки (*pelike von Syrakus*: L. Deubner, Arch. Jahrb. 51, 1936, Anz. 341—342, рис. 5; но из-за этого она не становилась менее важной! Я не могу согласиться с мнением П. Россела (BCH., 54, 1930, 51 ff. ср. 67 ff.), согласно которому церемонии, которые были связаны с устным признанием синтемы, были частью «предшествующей» инициации: никаких доказательств этого не существует.
- ⁷⁶ Cultes, Mytes, II. 328—329.
- ⁷⁷ Ch. Blinkenberg, Knidia, 209, рис. 88—90.
- ⁷⁸ Terres-cuites Fouquet, 55; ср. Diodor von Sizil. I, 85.
- ⁷⁹ Ср. 368, прим. 3 относительно статьи Mél. Cumont.
- ⁸⁰ Mél. Glotz, 1. 1., 310, прим. 3.
- ⁸¹ P. Perdrizet, Terres-cuites Fouquet, 26 и рис. 128.
- ⁸² E. Petersen, Röm. Mitt. 1894, 256, рис. 1 и 261—263 (глиптотека в Мюнхене).
- ⁸³ Культ двух богинь, будь то мать и дочь либо мать или дочь, был известен на Кипре еще в классическую эпоху: в Кноссе, Гортине, Лаппе, Иерапитне, Лато, Олонте и т. д., в этих последних городах вместе с более поздними культами Элевсины и Илифии М. П. Нильссон, который не желал признавать Деметру в качестве доэллинистической богини (*The Minoan-Mycenaean Religion*), хотя бы признает Илифию в своем списке богинь, которые старше греческой исторической цивилизации. Но отношения между Элевсией, Элеуто и Илифией являются прямыми и неисполненными значения; ср. Ch. Picard, REG., 1927, 340 — 341. Об Элеутере из Миры в Ликии ср. L. Robert, RHR, 98, 1928, 56 — 59.
- ⁸⁴ Ср. Sir Arthur Evans, *Palace of Minos*, IV. 2. T. LXIX; и об интерпретации Г. Милонаса, Arch. Ephem., 1936, 61 ff.
- ⁸⁵ Speiser, *Die eleusinischen Mysterien als primitive Initiation*, Zeitschrift f. Ethnologie, 61, 362 (рассмотрение древнейших элементов элевсинской инициации социологом, который специализируется в области исследований примитивных народов; ср. предшествующую инициацию P. Roussel, BCH. 54, 1930, 51 ff. pl. II.

- ⁸⁶ F. Chapouthier, BCH, 52, 1928, 292 ff., и в особенности P. Demargne BCH. 56, 1932, 15 ff.; 61; H. Goldmann, Eutresis, 20, прим. 5; W. Deonna, BCH., 1934, 52; F. Chapouthier-R. Joly, Etudes crétoises, IV. von Ch. Picard и P. Roussel: Mallia, II0 Rapp. 1925—1926.
- ⁸⁷ L. Deubner, Att. Feste, 1932; Arch. Jahrbuch, 51, 1936, Anz. 337.
- ⁸⁸ Ch. Picard, Sur la patrie et les pérégrinations de Démeter, REG. 1927, 1.1.
- ⁸⁹ Из Л. Куртиус, и не по праву, Festschrift P. Arndt, 44 ff.; я не могу согласиться с мнением П. Россела (BCH. 54, 1930, 1. 1. 65), согласно которому Й. Райнах прав, когда утверждает, что тайные церемонии нельзя было изображать: против Ch. Picard, BCH. LV, 1931, 11 ff.
- ⁹⁰ Sp. Marinatos, Arch. Jahrbuch, Anz. 1933, 301, рис. 10—12.
- ⁹¹ Ср. P. Foucart, Les Mystères d'Eleusis, 1914, (для этих жреческих фигур женского пола).
- ⁹² Ch. Picard, REG. 1927, 1. 1.; ср. J. Humbert, Hymnes homériques, 27, который допускает сравнение, при этом его естественно нельзя подозревать в желании связать все в элевсинском культе с Критом. Размышления В. Деонна о возможном значении слова *χροχοῦν* кажутся мне необоснованными.
- ⁹³ REG. 1927, 1. 1. 320 ff.
- ⁹⁴ 1927; за прошедшее время труд был частично опровергнут наблюдениями и раскопками Куруниотиса и его сотрудников.
- ⁹⁵ Ср. Ὀδηγός Ελευσίς, 1934 и в особенности Archiv f. Religionswiss. XXXII, 52 ff. ср. pl. I. рис. 2.
- ⁹⁶ Ch. Picard, Rev. Archéol. 1936, I. 116—118.
- ⁹⁷ Eleusiniaka, 1932; ср. Eleusis préhistor., G. Mylonas (на греческом языке).
- ⁹⁸ G. Mylonas, AJA., XL. 1936, 425 ff.: ваза была найдена у юго-восточного крыла Малых Пропилей, недалеко от Плутонеиона.
- ⁹⁹ REG., 1927, 1. 1.
- ¹⁰⁰ Artikel Demeter, R. E. (P. W.); Die Religion der Griechen, 1. 1926, II. 1935.
- ¹⁰¹ Ср. мою работу о Кипре и гиперборейских легендах, Rev. archéol., 1927, I. 349—360.
- ¹⁰² L. Ziehen, Archiv f. Religionsw., XXIV. 1926, 29—60.
- ¹⁰³ Y. Béquignon, La vallée du Spercheios 1937. В Греции боги в смутные времена вели себя так же, как и люди!

- ¹⁰⁴ М. Brilliant, *Les Myst. d'Eleusis*, 1920 по критике определенных дифференциаций, которые П. Фукар делал между Геметрой и Деметрой.
- ¹⁰⁵ 264, 13.
- ¹⁰⁶ Ср. мою работу о жестах молитвы об умерших, *RHR.*, 114, 1936, 136—157.
- ¹⁰⁷ *Studi etruschi*, III. 249 (имя и происхождение этрусской богини Акависер).
- ¹⁰⁸ J. Humbert, *Hymnes homériques*, 30.
- ¹⁰⁹ J. Humbert, 1. 1. 29.
- ¹¹⁰ Отрицательное отношение Л. Р. Фамнелла в *Essays in Aegean archaeology presented to Sir Evans*, 1927, 21 мне всегда казалось мало обоснованным; ср. *REG.* 1927, 321, 338, прим. 3, 342.
- ¹¹¹ Ch. Picard, *RHR*, 1933, I. 150 ff. «Бог» и «богиня» были, в частности в Плутонионе предметом этого культа, в том Плутонионе, где нам Эврипид даже показал костер полубога Капанея, ради которого Эвадна пожертвовала своей жизнью. Эта пара в определенной степени «заменила» пару королей теней.
- ¹¹² Упомянуто в G. Meautis, *Les Mystères d'Eleusis*, Neuchâtel, 1934.
- ¹¹³ Ch. Picard, *Origines polyth. hellén.* I. 117. Эфесия защищает также и могилы; к ней в этом качестве часто обращались в надписях на могилах в Малой Азии.
- ¹¹⁴ Легенды азиатских богинь Иштар, Анат-Астарты и даже Изида более чем плотские! Эти царицы сражений мстят, если необходимо, за своих юных убитых возлюбленных; они больше возлюбленные, чем матери.
- ¹¹⁵ Относительно этого титула, который не обязательно значит «та, которая приносит законы», ср. дальше вверху по поводу выносимых предметов, и M. Brilliant, *Les Mystères d'Eleusis*, 1920, 136 ff.
- ¹¹⁶ Ch. Picard, *La Disgrâce des Danaïdes*, *RHR*, C, 1929, 48—84.
- ¹¹⁷ Случайно ли, что статуя Бурделя на Хартманнсвайлеркопф так сильно напоминает нам по стечению обстоятельств, которое иногда придает значение произведению искусства, жест критской куротрофы из Мавро-Спелио и некрополь Кносса?

ГУСТАВ ХАЙЕР

ВЕЛИКАЯ МАТЬ
В ДУХОВНОЙ
ЖИЗНИ
СОВРЕМЕННОГО
ЧЕЛОВЕКА

Недавно я посмотрел кинофильм¹ об оплодотворении яйцеклетки сперматозоидом.

Яйцеклетка — круглая и широкая, как полная Луна на ночном небе; в бесконечном покое, неподвижная и недвижимая. Бесчисленное войско танцующих сперматозоидов окружает эту инертную, тихую, сонную сущность. Они подлетают к яйцеклетке со всех сторон, снова отлетают от нее; все похоже на трутней вокруг королевы пчелиного роя во время свадебного полета. Это продолжается до тех пор, пока одному из сперматозоидов не удастся пробить оболочку яйцеклетки. Этот момент просто невозможно забыть. Всего один миг, доля секунды, яйцеклетка как будто перепугалась, вздрогнула и потеряла свою надменную невозмутимость; все ее тело вздрогнуло, затрепетало. Было непонятно, означает ли это наслаждение или боль, принятие или отторжение, блаженство или страдание... И звезда-сперматозоид исчез в глубине великой и глубокой круглой сущности. И кто может сказать, в ликовании ли от наконец-то достигнутой цели или победы, испуганный ли до смерти и уничтоженный первомиром, в который он вторгся или который затянул его внутрь себя.

Что двигало всеми этими миллионами звезд, что побуждало и гнало их? Может, это было древнее воспоминание о родине, о материнском мире, из которого они однажды вышли? Может, они искали этот мир? А может, искали вовсе не они, а искали их? Не было ли то, что выглядит как их собственные желание и отвага, выражением магической потребности, всасывания и тоски первомира Луны и яйцеклетки? Но как этот первомир защищался от ранения, от проникновения, от нарушения его пребывания в вечном спокойствии?²

Мы еще не опомнились от этого момента победы — который нес в себе вечность, как и ранее спящий покой яйцеклетки, — но перед нашими глазами уже началось новое развитие, ход событий, изменений

и превращений, которые одновременно были концом старого и рождением нового мира.

Начало формироваться новое живое существо: в нем нашли отражение лунный мир женского и солнечное семя мужского. И снова и снова будет повторяться эта борьба, это умирание и рождение, вечно и беспрестанно...

И как в таком случае можно различить женско-материнский мир и мужскую сферу? Была ли только эта яйцеклетка материнской и была ли она действительно только материнской? Была ли эта яйцеклетка первой, изначальной — или же она происходила от состоявшегося когда-то соединения двух принципов; не была ли она одновременно дитя женщины и мужчины, матери и отца? А сперматозоиды? Не заглянули ли наши изумленные глаза, наш *внутренний взор* в мир таинственных первосуществ, в область стихийно-темной, первопринципной природы?

Как просто звучит, каким точным представляется, когда ученые делают свои чистые разделения: тут матриархальная, тут патриархальная культура; вот солярный, вот лунный мир; тут культ Великой Матери, а тут Небесного Отца. Вот такое разделение; оно представляется понятным, точным, простым. Но — как мне кажется — если погрузиться в эти вещи глубже, думать над ними, действительно изучать их, тогда то, что было четко разделенным, становится все более размытым, загадочным, многозначным — именно таким мне виделась картина оплодотворения яйцеклетки сперматозоидом.

Нам больше недостаточно таких гениальных для своего времени представлений и учения Бахофена; согласно его учению мир с женским доминированием (такой мир отвечал божьей воле) сменился миром с мужским доминированием. Факты, которые с тех пор собрали исследователи религии и мифов, этнологи и исследователи доисторических времен, слишком сложны для того, чтобы согласиться с таким линейным историческим переходом.

Так, мы, например, знаем, что в некоторых культурах Луна является супругом женщин, то есть мужского рода, а супругой этого лунного мужчины является Солнце. А в других культурах Луна определяется женским родом, а Солнце мужским. Да, существуют и два лунных бога, один — мужского, а второй — женского рода. И так далее.

Именно такой расплывчатой, неоднозначной и переменчивой является и картина, если рассматривать Добро и Зло, благоприятный

и зловредный аспект. Не всегда и не везде — как может казаться западному человеку — Солнце является позитивным жизненным принципом, а Луна — его противоположностью. Во многих местах (если обратиться к южным широтам) ситуация является прямо противоположной: там Солнце является представителем «нижнего мира», смертельным, палящим и «злым», а Луна — наоборот...

Мы, даже если отвлечься от этих далеких стран и доисторических времен, видим эту двойственность и многозначность в том числе и у современного человека. Как только мы более пристально присматриваемся к человеческой душе, ее жизни, ее силам, образам и процессам, однозначность и разделенность размываются, все становится клубком взаимосвязей, хороводом перетекающих друг в друга образов, который никогда не прекращается... Еще пару мгновений тому назад мы могли все разделять четко и стройно: это существо женского пола, а это мужского; но вдруг мы начинаем понимать, что «определенная точка зрения» является определяющей только в определенный момент времени и может быстро измениться! Важность и правильность являются относительными. Буквально через мгновение все меняется, становится с ног на голову, все становится иным, проходит процесс превращения.

Эти двойственность, неопределенность и невыразимость, которые вьются вокруг мира Изначальности, отражаются почти во всех докладах собрания этого года, рассматривающих образ Великой Матери так, как это делалось в древние времена и в далеких странах. Так что у нас есть повод поговорить об этой Силе в духовной жизни современного человека! Взаимосвязи, вопросы и проблемы являются такими многосторонними и обширными, что я сознательно ограничусь лишь некоторыми моментами. Поэтому я буду в основном рассматривать только часть темы, которая касается задачи человека в первой половине жизни. То есть задачи взросления, выхода из материнского пространства, отделения себя от «матери», развития и пробуждения. И в рамках этой темы мы снова будем рассматривать роль мужчины. Я думаю, что это ограничение является не только обусловленной наличием места необходимостью; мне также кажется, что обсуждение этой задачи взросления касается нас особо, потому что мы как христианские европейцы кое-что знаем о возвращении зрелого и знающего, более старшего человека к истокам. Но мы мало даже на бессознательном уровне знаем об образе и влиянии Magna Mater, особенно когда это связано с аспектом взросления.

Это обосновано исторически, даже доисторически, и понятно, что *Magna Mater* в наших широтах не особенно известна. Да, именно доисторически: ведь среди трех основополагающих культур — охотников, собирателей и кочевников — материнский культ *Magna Mater* и лунный культ был присущ только растительному миру, включая все относящееся к этому астрологическое ориентирование, кровавые жертвы в магических целях, дикие экстазы и колдовство Земли, связанное с плодородием. Как охотники, так и особенно пастухи, руководствующиеся отцовским правом группы, монотеистически почитали Небесного Отца, то есть имели культ, который отличался от культа собирателей так же, как и их искусство, их инструменты, окружающая их среда и весь образ жизни. В этих доисторических началах (то есть в период от 80 000 до 12 000 лет до Р.Х.) растительное мировоззрение прорывалось сквозь мировоззрение кочевников и пастухов; даже мы в своих широтах сталкиваемся с лунными ритуалами, символикой коровьих рогов, танцами в масках зверей и т.д. Но при соприкосновении и взаимопроникновении различных культур, как мы знаем, не передается сущность культуры, а всего лишь некоторые ее черты. Так в доисторических европейских культах мы видим, что патриархально-солярная структура имеет черты, пускай и отчасти скрытые, растительных, матриархальных культов. Они являются напоминанием о существовании *Magna Mater*.

Но солярный принцип в наших широтах доминировал всегда, в том числе и в исторические времена. Я напому о двух тысячелетиях христианской культуры: всегда доминировал Бог-Отец несмотря на множество попыток увеличить значение Богини-Матери; в протестантизме ее значение даже существенно уменьшилось. Мужское начало преобладает в наше время, как это было и много тысячелетий тому назад.

Но история (как я уже пытался показать в «Организме души») одновременно является и историей нашей внутренней сущности. Поэтому я и останавливаюсь вкратце на истории.

Существует мнение Бахофена о том, что различные мировоззрения и культуры следовали друг за другом по времени, то есть — в смысле представлений о прогрессе прошлого столетия — «более высокие» развивались из «более низких». Сегодня мы знаем, что все мировоззрения (а также соответственно различные формы метафизического и социального порядка) всегда существовали параллельно друг

с другом. Различие заключается лишь в том, вокруг какой основной и базовой идеи группа концентрирует свою «мандалу»; таким образом, в центр внимания различных культур перемещаются то одни, то другие взгляды; при этом некоторые взгляды так и остаются на периферии или даже исчезают. Носители соответствующей картины мира их могут даже не замечать.

Если подумать об изложенном здесь в очень краткой форме, становится ясно, как сильно и почему при преимущественно патриархально-солярной структуре нашей сущности все факты окружающего и внутреннего мира, связанные с культом Великой Матери, в лунарном или хтоническом смысле находятся в тени сознания, и как сильно они могут проявляться в местах с другими мировоззрениями.

Получается, если мы хотим выразить эту ситуацию с применением психологической терминологии, — что сторона мира, касающаяся Великой Матери, находится у нас «в подсознательном». И эта тенденция выражена настолько сильно, что предпринимаются — естественно, неоправданные — попытки приравнивания подсознательного (в юнговском смысле) к ней.

Поэтому получается, что мы сталкиваемся со следами хтонически-лунарного бытия, наблюдений материнской первичной формы и материи в «официальной» форме и учении культов и культуре значительно меньше, чем в их побочных формах («паракультуре»): например, в так называемых суевериях (алхимии), в обычаях и предписаниях и т.д.

Так — в связи со значительной неосведомленностью о хтонической тайне первоматери — в итоге также получается, что проникающий в современный мир в эти области исследователь ощущает своего рода дискомфорт, он «учится на ошибках» — а зачастую вообще только ошибается и вообще не учится.

Ведь, мы знаем об этом, удаленные от сознания и не ассимилированные психические миры имеют персонифицированный, архаический характер. На практике это означает, что «Я» противостоят силы «форс мажор». Это силы, которые в своей стихийности являются антитезой для мира «Я»; их следует рассматривать как враждебные этому миру, как те, которые растворяют его. Приведем пример, который позволит преодолеть излишнюю абстрактность. Если кто-то приносит жертву богам крови — Деметре и Дионису — с открытой готовностью и следуя сформировавшимся на протяжении столетий мудрым обрядам,

в целом его отношение с этой силой будет более плодотворным и благословенным, чем у того, кто будет относиться к обряду как сухой и трезвый аскет, как отрицатель и оспариватель. В социологическом смысле ярким примером является опыт всех попыток введения сухого закона³; это доказывают ежедневные наблюдения за людьми, которые тайно становятся зависимыми пропорционально своей враждебности к наркотикам и спиртному. Более наркотические фантазии и более «тайные пороки» чем у многих ненастоящих святых и у бравых пуритан вряд ли можно найти.

Нам не обязательно заглядывать в истории болезней, чтобы увидеть деяния Великой Матери. Я хотел бы также привести пример, который показывает, что человек почти со стопроцентной уверенностью попадает в своего рода плен этого первомира, если он покидает обычное мужское, рациональное пространство, концентрирующееся в области логики, и ищет новые пути.

Вам всем знакома как минимум в грубых чертах базовая концепция так называемой «биоцентрической философии». Ее основатель Людвиг Клагес при изучении выразительности образа — за что мы ему безмерно благодарны — проник из пустынного и рационального механизма целеполагания дарвинистского мышления («английской болезни») в более глубокие слои души и живого существа, при этом он попал в сферу тех областей, которые он начал популяризировать как душу или биос (от греч. *bios*, то есть жизнь). И даже из этого несомненно живого духа и острого рассудка несмотря на то, что он считал себя первооткрывателем, получился, так сказать, открываемый, даже плененный, поглощенный образ. Теперь он забывал все больше и больше — он, нордический человек, который принялся за работу с помощью соответствующих средств и инструментов, солярного духа, облегчавших его труд, — о своей исходной точке и своем инструменте. Он как будто был затянут в поток магической силы; все, что не принадлежало к тому материнскому лону, к той плодородной пропасти, той плодовой первопричине, ее темному могущественному потоку, казалось ему злым, пагубным и гарантирующим бесплодную гибель...

Уже можно увидеть, с какими объективными силами имеет дело современный человек, когда он выходит из своего «логоцентрического» поля безопасности и приближается к забытым на тысячелетия сторонам мира. Было бы соблазнительно в подробностях исследовать, где и как все те черты, которые и в целом характеризуют культ

Magna Mater, появляются в «биоцентрическом» учении; например, фатализм этой концепции, ее экстатическая тенденция (здесь в качестве преклонения перед опьяняющим), ее требование кровавых жертв (здесь в качестве в других случаях почти не проявляющейся агрессивности в полемике с имяреком; в качестве дикой нетерпимости); но также в искусном владении словом. Наиболее выразительно говорит, пожалуй, смертельная вражда с — отцовско-мужским — принципом духа; для поборника биоцентризма это ведь значит враждебность по отношению к жизни и людям в мире. Не должна ли судьба этого учения вдвойне указать нам на то, насколько тяжелой является работа в Богиней Жизни, с Шакти? И насколько необходимо различение на основе знаний?

Тому, кто в наших широтах приближается к мирам, находящимся во тьме культуры, в тени сознательного, грозит судьба Эндимиона из греческого сказания. Селена своим волшебством погрузила его в состояние бессознательной слабости. Селена поцеловала его в лоб, когда он спал. При этом его преисполнил такой поток счастья, что он попросил у Отца Богов для себя вечный сон с бессмертием и юностью. Он не хотел становиться взрослым мужчиной. Зевс исполнил эту его просьбу... Сомнительный дар, как это особенно хорошо излагает П. Мэтман. Вот в чем едины все сказания и мифы: мужское божество — будь это Таммуз или Цен, Мен или некто другой, — которое является вечно юным, ребенком или юношей, но не зрелым мужчиной, воспитывается матерью, — это всегда рано умирающий бог, «puer aeternus» во всем своем очаровании, но также во всех своих нереализованности, непостоянстве, непостижимости. Мы не забываем — ведь это имеет место внутри всех нас — об очаровании Нарцисса, Диониса, Цена или Бальдура, об их весенней красоте, звучащей как прелестная мелодия на арфе жизни; о ликовании при его рождении, красоте его становления и криках скорби у его могилы — но мы произвольно помним и другие путь, образ и задачу мужского становления, примерами которых, например, являются Гекракл или Одиссей. Мы закрываем уши от песен сирен и сознательно отворачиваемся от очарования Кирки и Калипсо. Ведь мы знаем, что только после длительного, сложного, тягостного плавания по океанам жизни достойны того, чтобы вернуться к великой ткачихе Пенелопе: тогда, когда мы прошли все эти приключения, когда мы смогли противостоять всему этому женскому ведьмовству. Ведь все это волшебство — его в современную эпоху охотно называют «избавлением

со стороны женщины» — привлекает царско-божественными дарами, которым, как кажется, нельзя противостоять; все эти волшебницы манят нас обещанием вечной жизни, избавлением от заблуждений и вины, соблазном чистоты и посвящения, непреходящей юностью и страстью в их объятиях — но внезапно с необдуманно и умиротворенно засыпающим в их объятиях случается противоположное тому, что ему было обещано, тому, о чем он мечтал. Он становится просто супругом «старой бабы, которая никогда не умирает⁴»; он становится бессмертным, чистым, рассчитывающим только на милость ведьмы и волшебницы... И лишь слишком поздно он узнает то, что заметил Мерлин, когда он под цветущим боярышником был опутан пеленой Нинианы; слишком поздно он ощущает призрака ведьминских постелей в волшебном замке Клингзора и очарованный Луной претерпевает судьбу каждого сына Луны: оскпление.

Как отмечено выше, такие соображения и наблюдения являются причиной того, что мы в данном случае в основном занимаемся задачей, которая касается отличности стороны мира, названной «Великой Матерью». После уже сказанного становится понятно, что мы, когда говорим о различении, развитии, взрослении, имеем в виду понятия, которые совершенно отличаются от понятий игнорирования, изгнания или даже вытеснения. Мы говорим с психологической точки зрения; различение — это не экзистенциальное «отрывание себя» и тем более не игнорирование на основании бессознательного. Это поднятие до сих пор неосознанного бытия и существования на уровень сознающего участия, зрячей связи (видеть — значить различать!).

В этой связи мне хотелось бы заранее подчеркнуть еще одну вещь. Мы зачастую говорим очень наивно и, как будто это самая простая в мире вещь, о Матери, о Великой Матери, материнском и праматеринском, и мы при этом имеем в виду, что это, в отличие от отцовской сущности, нечто темное, широкое, горизонтальное, родственное пещере, лону или святилищу; мы также думаем о земле и море, о глубине и корнях, о грудях и пуповине. То есть: о действительно женской стороне жизни и бытия. Но с этим преимущественно смешивается нечто другое. Менее отчетливо мы представляем себе первопричину, образ того, какой она была до того, как жизнь развилась со всеми своими противоречиями и многими тысячами игровых форм. Интуиция указывает и на эту первосущность, когда мы говорим о Великой Матери. Но, как мне кажется, тот названный

первым материнский принцип — который применяется как необходимый противоположный полюс и партнер Отца-мужчины, каким бы важным или не важным он иногда ни представлялся — не обязательно является тем же самым, что и эта названная второй еще единая прасущность до начала любого развития. Эта сущность во многом не имеет пола, еще не имеет пола или одновременно является двуполой, одновременно мужчина и женщина или ни мужчина и ни женщина.

Чисто женская мать не всегда является дружелюбным и готовым оказать помощь образом, а у этой андрогинной первосущности попросту ужасный характер. Поэтому я называю эту сущность первочудовищем. Возможно, сказанное здесь и особенно разница, о которой идет речь в данном случае, станут понятнее, если я расскажу о двух снах современного человека, которые касаются этих образов.

В первом сне человек, которому снится сон, находится на собрании. Его сердце летит к герою, который как будто освещен изнутри, стоит на возвышении и обращается к окружающим его мужчинам с пламенными словами. Подходит пожилая женщина (напоминающая мать человека, которому снится сон) и тянет его с собой в подвал, глубоко в землю в третье подвальное помещение, там она натягивает ему на голову мешок. (Дальше во сне, впрочем, эта часть нам уже не интересна, плененный матерью освобождается и вновь поднимается к дневному свету.)

Это удерживающий, связывающий образ матери, который является во многих снах; он указывает на то, какое влияние мать может иметь в жизни человека.

Но этот же человек видел во сне и другой образ, который я называю первочудовищем. Он до середины двадцатых годов жизни воспитывался в атмосфере морально-пуританского католицизма; исключительно интеллектуальная оценка так называемого духовного и остатки буржуазно-мещанского аскетизма привели к тому, что другая сторона мира полностью погрузилась в тень и уснула. Он встретился с ней, когда разорвал связь с воспитавшей его традицией. Можно понять, что при этом повороте он столкнулся не только с сопротивлением личного материнского — что выражено в описанном выше сне, — но также с удерживающими и всасывающими обратно силами бывшего, защищенного и привычного (также в себе самом!); для него, как для многих или большинства из нас, новый мир был чужеродным телом в самом буквальном значении этого слова. Этот новый мир совершенно

неизвестный и непознанный, не видимый на протяжении целых поколений (а если и видимый, то только как имеющий дьявольскую природу), отличался для него архаичным, изначально неразделенным характером: характером первочудовища. Это находит свое отражение в следующем сне:

Человек, которому снился сон, лежал в комнате на одной из двух кроватей. Там также была старая карга, худая и отвратительная, но с полными грудями. Он с ужасом заметил, что у нее был и мужской член. Это существо было голым. Потом появилось более молодая фигура женского пола, которая в некоторых отношениях была похожа на древнее страшилище. Эта женщина также была худая, но не такая уродливая; ее упругие груди привлекали человека, которому снился сон. Он хотел потянуть ее к себе в кровать. Но потом все же снова оттолкнул ее от себя. Тогда старая, то есть первочудовище, ухватила более молодую и совершила с ней половой акт, при этом несколько раз. Человек, которому снился сон, с ужасом смотрел на это. Затем первочудовище исчезло, а молодая женщина бродила вокруг: она то выходила через дверь, то возвращалась в комнату. Беспокойно и будто не зная, где находится, она бродила вокруг, то выходила, то входила⁵.

Я полагаю, комментарий практически является излишним. Очевидно, дело в том, что этот человек (в связи со своей предысторией также и очень закрепощенный в сексуальном смысле) становится мужчиной, а другой женский образ соответствующей ему женщиной; при этом эта женская сторона, как и он сам, вырывается из горгонического плена первочудовища, что *nota bene* очевидно должно было бы случиться в результате любви. Но время еще не пришло. Он еще не может (что является известным мотивом сказок, даже если и преимущественно скрашенным) взять к себе, обнять то, что ему — исходя из его прежнего отношения — представляется слишком ужасным и страшным, «неприемлемым» и чужим. Поэтому новое вновь и вновь подчиняется власти неприемлемого человеком, ужасного первочудовища, поэтому оно не находит себе места и бродит туда-сюда...

Возможно, оба эти сна показывают, как уже было сказано, не совсем идентичные образы, которые тем не менее зачастую носят

имя *Magna Mater*. И, возможно, они дают указание на то, на каком потрясающем переломе находится современный человек, который выходит из логоцентрически-христианско-средневековой мандалы; какое опасное путешествие он предпринимает; и как мало нас должно удивлять, если пробужденное от тысячелетнего сна первочудовище иногда вызывает эффект, который должен представляться культурному и дисциплинированному человечеству вчерашнего дня непонятным, вызывающим страх, ужасным и варварским. «Все вещи возникают из чада и темноты». Нам, пожалуй, понятно сопротивление, которое неизбежно возникает, как только человек покидает пространство, отвоеванное у иррациональных сил, и вновь обращается к изначальным сферам. В самом себе он ощутит указанное сопротивление очень быстро, оно может привести его к психозу как выражению неуверенности; в своем окружении он также будет сталкиваться с сопротивлением, которое по праву защищает приобретенную и надежную картину мира, когда он направляется в незакрепленные и неиспользуемые предшествующие миры.

И еще по одной причине обе части лишь с большим трудом могут прийти к взаимопониманию. Для связанного с традицией его старый мир, его привычное и надежное означают защиту и материнскую сторону⁶, которые он любит и бережет. И напротив, стремящийся к новому видит в нем враждебное, то, чего следует избегать и с чем следует бороться — он также ищет материнскую сторону, но не как внук, а как сын Геи, то есть в еще неоформившемся, в неисследованном и не имеющем границ. Поэтому в данном случае мать и праматерь находятся в определенной мере в борьбе. Какой взгляд на окружающую нас жизнь: то, что вчера было новым, то, чего нужно было добиваться с мучениями и жертвами, завтра становится старым, бывшим, вчерашним... И где же здесь разница между старым и молодым, между бывшим и будущим, между утром и вечером? Как уже отмечалось при рассмотрении яйцеклетки и сперматозоидов: как только мы отказываемся от понятных вспомогательных мыслей, мы попадаем в своего рода сумеречный мир. В нем стираются понятия времени и пространства, нас окружают докатегориальные, амбивалентные сферы, темнота первовремени и примитивная погруженность в преисполненный предчувствиями сон... С одной стороны мы чувствуем его лунное волшебство и просим, как Эндимион, чтобы нам разрешили остаться там навеки, но с другой стороны мы ощущаем потребность

в различении, мы видим более жесткий, но и более светлый образ... Так в нас самих проявляется полярная противоположность ночи и дня, мужского и женского, Луны и Солнца, Земли и Неба.

Долго первочудовище было погружено в сон в своих глубинах; на протяжении многих столетий был известен только один светлый аспект материнского: Дева Мария на серебряной Луне. Все остальное, что относится к сущности «матери», было изгнано в христианско-средневековой мандале в глубины, это были дьявол и ад, земля, женщина, мир, змея, Лилит и Ева; в буржуазную эпоху все это скрашивалось, делалось излишне сентиментальным, а со времен Фрейда ему придавалась излишняя сексуальность⁷. А затем — в целом это стало более заметно на рубеже столетий — миры Луны и Земли все больше стали проявляться в нашей жизни: в искусстве появились новые темы, подходы и задачи, а философы начали вызывать настоящие потрясения общественного порядка.

Позвольте мне для примера остановиться на нескольких явлениях, в которых я вижу пробуждение активности Великой Матери сегодня и здесь.

Несмотря на интеллектуальную закоренелость и обеднение, искусственность и вырождение, несмотря на преобладание прежде всего городской жизни, человека всегда манил возврат к природе, к жизни в деревне. Старшие среди нас наверняка помнят так называемое молодежное движение, многие из нас были его сторонниками. Тогда, вскоре после начала нового столетия, все большая часть молодежи отказывалась от стиля и тона, которых желали от нас родители. Нам больше не хотелось вырастать, как того хотели старшие, в качестве «молодого человека» или «юной леди»; мы не стремились как можно быстрее начать носить взрослую одежду, пить пиво или посещать салоны; нам было наплевать на мертвую ученость, на титулы и происхождение. Мы отправлялись на природу, путешествовали пешком, спали в стогу сена и готовили пищу на костре под открытым небом. Нам категорически не нравились старые народные песни. Из — как мы это называли — обоганной эротики «хорошего общества» получалось товарищество и иногда даже больше этого в естественной привязанности общего хоровода окрыленных людей. Этот возврат к природе был отказом от прошлого, от пеленок и условностей существовавшего общества. Именно матери в большинстве случаев ужасались от такого «эмансипированного» поведения, они

были похожи на курицу-наседку, высидевшую утят и совершенно их не понимавшую. Они действительно не могли нас понять. Они не понимали, как в тот период с 1900 по 1914 годы поколение смогло вырваться из железной хватки прошлого и начало путешествие к новой свободе в поисках самого себя, новой формы, нового закона — своей истинной матери.

Но когда мы сегодня обращаем свой взор назад к тому времени и поколению «перелетных птиц», мы видим, как то, что с одной стороны было освобождением, с другой стороны имеет полярно противоположный аспект. Некоторые, именно среди основателей и лидеров, покидали родителей, дом, налаженную жизнь и обычаи не для того, чтобы восстановить связь с Великой Матерью, «*dea terrena*», с корнями, с целью достижения сильной, творческой мужественности. Наоборот, они больше и больше попадали в плен демонического колдовства широкой пустоши, скрытного леса, молчаливых озер, бесконечных дорог и вечно журчащих потоков. Они теряли себя, свой дух, свою волю, свою осознанность, свою жесткость и свое будущее в тех подземно-темных, безбрежных мирах. Незаметно их поработил своего рода сон в летнюю ночь. И через год и день из отважных активистов, борцов за свободу получалась прямая противоположность: они больше не путешествовали, они стали частью путешествия...

Но такова была судьба не только участников молодежного движения. Я вспоминаю в качестве примера того, как «назад к природе» отчетливо показывает две стороны проблемы матери, еще об одном движении, которое известно как «поселенчество». Какая чудесная, какая почти неотразимая мысль: на своем клочке земли, питаясь плодами своего труда, живя в гармонии с природными сезонами, без городского и цивилизационного переизбытка и отсутствия природы, с женой и детьми, беря дары земли! Но не все так просто! Естественно, не все потерпели неудачу; у некоторых кое-что получилось. Но это тяжелый труд! Потому что если человек не родился в качестве крестьянина с врожденными инстинктами предков, а возвращается к природе, это значит, что он должен сохранять осознанность, держаться выбранного пути, он не должен сорваться. Некоторые платят тяжелыми срывами за идеологическое ослепление, которое состоит в том, что Мать Природа является доброй, исцеляющей и готовой оказать помощь. Она является прямой противоположностью перечисленному.

Естественно, в могущественной природе (например, в тропиках) человек может стать «настоящим мужчиной, прилежным колонистом и колонизатором»; но не по той причине, что он бездумно отдается, наоборот, в результате постоянного сопротивления тем демонам. Иначе человека поглотит — в большинстве случаев с использованием рук местного населения, — и очень скоро, Большая Темная Мать, которая караулит в джунглях. В романах Джозефа Конрада это показано особенно увлекательно⁸.

Мне также кажется, что причина необычно большого количества невротизмов, которые обнаруживаются не только у представителей молодежного движения и «поселенцев», но также и у владельцев земельных участков и лесничих, заключается именно в этом; а также, что образованные люди, чья профессия связана исключительно с животными, например, ветеринары, нередко болеют (в форме алкоголизма и сильных депрессий). Не может ли это указывать на то, что они не в состоянии в течение продолжительного времени сохранять свою духовную, трезвую, человеческую сущность?

Пары примеров должно хватить. Стало популярным чернить «дух» и хвалить «первопричину, в которой содержится душа». Но в этой первопричине кроется опасная пропасть; вспомните о Шакти, которая прекрасна и излучает сладкую миловидность, но на ней еще можно увидеть и украшение из костей мертвецов. Зачастую забывают о том, что отличием этой богини являются хищные клыки! Крестьянин защищается согласно обычаям, он полагается на инстинкты, делает это организованно и сильно, с тысячью само собой разумеющихся ухваток, походами в церковь, многими строгими законами ведения жизни, ношения одежды, общего поведения. Городской житель, который бросается на грудь этой Матери Природы, как правило, ничего этого не знает.

«Возврат к природе» — как юношеская восторженность, романтика поселенцев, мечта о райских Галапагосских островах — в конкретной форме является параллелью к субтильному устремлению, которое сегодня называется «Назад к подсознательному». Наследник Ж.-Ж. Руссо в психологической форме — это представитель глубинной психологии, или он в наши дни как минимум особенно охотно ссылается на психоанализ. Пеласгов, так сказать, и их близкую к жизни умиротворенность ищут в сфере бессознательного и души. Но именно Юнг всегда подчеркивал и не устает и по сей день освещать

то, что «бессознательное» не является более истинным, настоящим и более плотным миром, это всего лишь другая полусфера, сторона, которая компенсирует наше сознание. И мы вновь и вновь видим притяжение, колдовство этой женской силы «анима», в частности у последователей хтонизма⁹.

Весь мир, прежде всего европейский — христианский — моральный — ученый Запад, так долго и преувеличенно поклонялся Богу-Отцу, мужскому принципу Логоса, Радио, перенапряженной воле и безбрежному интеллекту¹⁰, что сейчас просто пришло время реакции. Прежний бог — превознесенный только вследствие человеческой несостоятельности — изгоняется, обесценивается, оскорбляется, а до сих пор не осознаваемый принцип идентифицируется с совершенством, абсолютом и целостностью. Упадок, половинчатость и несовершенство и здесь, и там...

Полной противоположностью является пример Сократа. Он не забывал спрашивать Диотиму — но уверенно сидел среди друзей на симпозиуме, мог кутить до утра и умер как мужчина, потому что его светлый дух склонился к тому, чтобы уйти как герой — чтобы жить вечно. Он не захотел подчиниться коллективному и тупому традиционализму полиса как матери.

Это — уже несколько раз упоминавшееся — значение истинного духа в сравнении со всем возвратом к природе, к матери, к душе, к биосу и т.д. возможно станет более понятным на примере сна, который один мужчина видел в сороковые годы. Он также при первом соприкосновении с бессознательным был в опасности и мог стать жертвой указанного недоразумения; он приблизился сомнительным (и характерным) образом к оккультизму (конкретистской искаженной форме бессознательных жизненных сил):

На входе в заброшенный парк он встретил женщину. Она — хорошо известная ему во внешней жизни — была настоящей ведьмообразной женщиной: не мелкой, но полностью хаотичной; иногда у нее случались глубокие прозрения, прозрения на основе экстрасенсорики; она была близкой к психозу и при этом обладала пленительным шармом. Эту женщину он увидел со сне: она играла яйцами. Диковинная игра — яйца вылетали из ее руки, а сама рука при этом оставалась неподвижной. А потом они возвращались к ней в руку.

Одно из яиц она бросила — то есть оно полетело само — в центр туловища мужчины, в область его солнечного сплетения. Как замороженный, мужчина, которому снился сон, смотрел на это; он почти погрузился в (опасную) игру. Затем появился второй мужчина, врач и психолог, чьими разумом, духом и мышлением он всегда восхищался, завидовал ему и иногда критиковал. Этот мужчина взял его за руку и пошел с ним по берегу реки, вверх по течению.

Мы видим, как здесь женщина-волшебница играет в свою игру. И как оказывает помощь противоположная сторона: мужчина духовного типа. Он ведет нашего героя вверх по течению, то есть *contra naturam*, то есть против подсознательного. Это также имеет значение «стремиться и бороться по-мужски».

Стоит обсудить еще один мотив из этого сновидения: из области магической лунной сущности выводит мужчину. Ранняя история показывает, что везде, где царил матриархат и культ *Magna Mater*, существовали мужские союзы (и наоборот: существование мужских союзов с уверенностью указывает на то, что тогда царил матриархат). В этом сне мы видим факт того, что для отрыва от женского первосущества никогда не достаточно одного мужчины, это должны быть пара друзей или целый союз. (Перед моим взором снова возникает картина яйцеклетки в покое и множества сперматозондов вокруг нее.) Я также напоминаю о сказанном выше об институциональных формах настоящего крестьянина: многочисленные входящие в обычаи формы поведения имеют смысл разграничения, формирования и сохранения результатов труда от бесформенного. Наблюдения показывают, что зачастую собранные в течение многих поколений тайные знания и действия направлены на поддержание полного порядка. Это зачастую имеет место в виде странных обрядов, истинное значение которых преимущественно не осознается, оно носит чисто ритуальный характер.

Я хотел бы привести еще один практический пример, касающийся борьбы мужских союзов с женской силой. Я имею в виду студенческие обычаи, которые всем нам известны.

И здесь перед нами один из тех случаев, когда культ Великой Матери имел место не официально, то есть не в рамках принятых на уровне высшего слоя, требуемых, как будто царящих государственных и церковных норм, а вне их, рядом с ними, частично даже против

них. Вначале я уже отмечал, что в наших широтах почти полностью отсутствует сознательно поддерживаемый культ лунно-земного, хтонически-материнского мира. Поэтому нам нужно искать формы проявления этого почитания в «паракультурной» жизни, где неизвестное и непризнанное ищет путь для проявления. К этой жизни относится многое, что царящий порядок называет суеверием, чем он пренебрегает и что он более или менее страстно преследует. Но во всех этих вопросах существует очень значительное «но».

Во времена, когда все от Деметры и Диониса просто превращалось в чертовщину; когда великая священная свадьба, о которой мы будем говорить в конце, была неизвестна: химическое восстановление и воссоединение верха и низа, духа и материи, Солнца и Земли, мужчины и женщины, бога и дьявола; когда во всех деяниях этой Земли, материи и женского мира, плоти искали грех, а во всем трансцендентном и лишенном плоти видели священное, могли и должны были появиться суеверия, что не исполняло прямую как стрела волю «чистого духа». Все остальное, круглое и округляющее, мы находим в «катакомбной культуре», в «паракультурных» обычаях.

Такое деяние мы видим в традициях студенческого питания. Мы их упоминаем здесь — хотя они уже гораздо раньше стали частью анекдотов и по праву именно сейчас ушли в прошлое¹¹! Когда-то это были символические шествия, неспешные и сохраняющие человеческое достоинство.

Я сейчас назову один из этих обычаев, который касается нас и представляется одним из наиболее странных: это культ пива. Думаю, мы все уже не раз задумывались о том, что вытворяют многие студенты в рамках этого «культа». Попытки поверхностных объяснений — например, психологическое; это, мол, утоление жажды — сложно принять, как и аскетически-моральное негодование. Нужно сказать о том, что пиво у этих пьяниц называлось не пивом, а «материалом»; давайте подумаем о том, что материал — это фактически материя; а теперь вспомним о том, что материя — это другая материнско-ночная сторона жизни. И вот уже нам становится понятно, откуда происходит этот культ «материала» и на что, если посмотреть на него глубже, он был направлен. Люди, которые ищут пасхальные яйца, далеко не всегда осознают, что они отмечают праздник весны. Вот и члены студенческих братств не задумывались, что они делают, когда обходят питейные заведения. И то, что они не осознавали это, ничему

не противоречило, не делало обряд недействительным. Напротив. Обычай всегда направлен к подсознательному.

До мельчайших подробностей можно проследить, что кажущееся простым и непритязательным пьянство (чем оно, впрочем, и стало со временем) изначально было культом Деметры и Диониса. С этой точки зрения было бы интересно изучить обычаи питья. Но в данном случае мы вынуждены ограничиться краткими тезисами и некоторыми примерами.

Несомненно одно: древние обычаи питья и касающиеся его законы — это двойная игра: с одной стороны это утверждающее обращение к Матери Материи, с другой стороны это сопротивление по отношению к ней.

Студент во время кутежа поглощает «материал», то есть материю, как нам стало ясно. Он принимает его/ее в себя. В противоположность, например, аскету, то есть воздерживающемуся и отказывающемуся, пьющий образно этим принятием в себя производит ассимиляцию живой материи¹².

Тем, что теперь я становлюсь содержащим, а раньше я был содержащимся, ситуация меняется на 180 градусов.

В этой связи следует вспомнить и еще один обычай питья, который указывает на то, что и этот культ «материала» и его динамика в сфере Диониса и опьянения был направлен на борьбу, на сопротивление. Это значение — даже если оно постепенно окостенело и слишком омертвело — скрывается в предписании о том, что на пирушке следует сохранять последнее достоинство. Кутила мог пить как угодно, но он должен был сохранить свой последний внутренний стержень, острую личность, то есть он не должен был полностью потеряться в дурмане. Он не должен был делать ничего бесчестного и не должен был нарушать свод правил мужского братства.

Этот свод правил преисполнен характерных подробностей, обычаев, предписаний.

«Материал» считался священным, разбазаривание напитка (например, проливанием) считалось проступком, который следовало искупить. — Или: было запрещено пить из своего бокала, не поприветствовав друга (или «мир» = возлюбленную, Госпожу Мир). Тот, кто не сделал этого, терял свою «пивную честь» и должен был восстановить ее в глазах одного из старших товарищей¹³. Этот обычай следует понимать так: из каждой отдачи мужчины на этапе

становления дионисийскому миру — вспомним, опьяняющие средства, женщин, половые отношения и т. д. — чрезвычайно легко может получиться зависимость. Из рыцаря, который отправился на поиски приключений, очень просто получается рыцарь, который заблудился, то есть потерял себя. Насколько существование магического прамира может агонально обогатить человеческо-мужское ядро и впрямь общую личность в новое ярмо, настолько же может иметь место и судьба ученика чародея. Против этого направлен ритуал, который учит привлекать друга и спутника или возлюбленную: теперь опасность «тихой пьянки» предотвращена, которая — как знает любой, кто имел дело с пьющим — почти настолько же опасна, как и пуританское воздержание.

И еще мне хотелось бы напомнить о высокой мессе пира Коммерсена, о «Главе государства»: смысл целого в качестве институционального мужского посвящения становится еще более понятным.

Естественно, тяжело увидеть на примере такого изменившегося и искаженного обычая его изначальный, сейчас скрытый смысл. Это я признаю. Но в упреке, что это, мол, не имеет никакого отношения к мужскому становлению и что неумеренное употребление пива распространено не только у мужчин после становления, я вижу только своего рода подтверждение моего утверждения. Каждый рискованный шаг — в том числе и алхимическое превращение — может потерпеть неудачу. Но неудача — это еще не опровержение рискованного шага. А кроме того, ведь любая существующая долгое время институция может отказаться, в ней, так сказать, накапливается усталость; а без чудесной силы любое посвящение может превратиться в пустую суету — это, в частности, доказывают и наблюдения за церковью. И при этом воздействие церемонии превращается в противоположность того, к чему стремились изначально — обычай питья стал символом поражения от материи, вместо символа зрелой победоносной мужской силы. И я никак не могу согласиться с тем, что неосознанность церемонии становится поводом для ее критики. Я в своей статье для журнала Юнга пытался обосновать, что существует и всегда будет существовать не только индивидуальная, но и коллективная психология¹⁴. Поэтому круг выпивох (это не признак «некачественной психологии»), потому что речь идет о молодых людях. Но это еще не все:

Братское сообщество мужчин и друзей, на которое имеется намек во сне, о котором уже рассказывалось, имеет, как мне кажется, очень

существенное значение в борьбе с Magna Mater, которое нельзя недооценивать. Это подтверждает и взгляд в историю и мифологию. Я хотел бы напомнить об образах древнейших времен, о Гильгамеше и Энкиду. Я назову вам друга Геракла Иолая, который в античности почитался так, что, например, гимназия в Фивах, располагавшаяся перед воротами Прета, называлась его именем до гораздо более поздних времен; в память об этом любовном союзе там праздновали Иолаю, игры гимнастов и эквилибристов, победитель которых получал оружие и металлические сосуды в качестве приза. Мужскую пару мы можем увидеть и в образах Геракла и Персея. Персей повелевает¹⁵ высотами, он является основателем Микен, которые по его повелению построили циклопы; но Микены с огромным кольцом стен были построены над болотом — и возле него, у входа в Аид Геракл победил лернейскую гидру как символ болота, подземного мира с его беспредельным ростом, отличающимся вечным зачатием, который снова поглощает все.

Как светлый Персей и темный Геракл, так и согласно древнему сказанию Аполлон и Дионис также были тайными братьями; как известно, существует два Диониса: один, которого Зевс зачал с дочерью Деметры Прозерпиной, и второй, который был рожден Семелой. — Еще в одной мудрости древности рассказывается об этой двойственности света и тьмы, о том, что светлый Аполлон соединяется с темным подземным миром: в Дельфах, как мы знаем, треножник Пифии стоял над темной расселиной в земле; глубоко внизу лежал дракон Пифон, его ядовитые пары вдыхала пророчица и, впадая в экстаз, пророчествовала, издавая бессвязные речи. Эти речи, которые были непонятны для других смертных, слушали жрецы, наклонявшиеся к Пифии, они истолковывали их как пророчества оракула и в таком виде передавали вопрошающему. То есть, вот еще одно указание: только темный мир дурмана Диониса и светлый духовный мир Аполлона вместе давали сокровище; только из воссоединения темной материнской души и светлого отцовского духа человек обретает знание и мудрость¹⁶.

Можно назвать несколько таких пар друзей. Но еще более выразительными, чем эти, так сказать, удачные союзы, являются мифы и сказания, в которых оба мужчины не заключают союз, а имеет место разделенность и вражда (нередко по воле женщины), где даже случаются убийства.

Перед каждым проходит круг мифов и сказаний, который особенно близок нам, германцам, когда мы говорим о темном и светлом, об их противоречивом напряжении: Локи и Бальдур, Хаген и Зигфрид являются такими враждебными братьями, чье соединение ищется в душе народа, но из их неудачных встреч получается не великое достижение, а вражда и спор, борьба, смерть, убийство и гибель. Там, где не достигается целостность, где сумерки богов, праночь поглощает все, пока великое достижение не удастся.

Дополнение: Шеллинг однажды сказал, что миф народа не возникает из его истории, его мифы определяют его историю, они сами являются его судьбой, как и характер человека является его судьбой с самого начала. В этой связи возникает вопрос, не является ли этот миф об убийстве Локи (или Хедуром) Бальдура¹⁷ основополагающей немецкой проблематикой? Я мог бы, как мне кажется, подтвердить эту мысль аналитическими наблюдениями. И не повторяется ли эта трагичность в песне, которая рассказывает о Зигфриде, Гунтере и Хагене? И не женский ли мир снова приводит к вражде двух мужчин? Снова и снова, если посмотреть в историю, возникает это трагическое положение вещей. Можно назвать еще одно: Ницше и Вагнер были разделены, как видно из документов, не в последнюю очередь из-за роли госпожи Козимы...

Поэтому Юнг учил видеть символический образ «puer aeternus» с мудрым взглядом: человека, который является солнечным юношей, околдованным и околдовывающим ребенком чуда. Ему противостоит образ старых железных мужчин¹⁸, заостренных фигур Хагена, Олимпийцев. Но получается следующее: отсутствует человек и мужчина середины, который бы устранил противоречия между теми, кто все еще живет Великой Матерью и ее волшебством, и теми, кто снова погружается в ее дающую знание бездну. Молодой герой; то есть беспокойный, всегда неопределенный, разносторонний, взрывной, одаренный и непредсказуемый, восторженно восхваляемый, вызывающий любовь и опаску — или старец и мудрый, классический в веймарском стиле, по-олимпийски прохладный, взвешенный, отстраненный от мира, даже чуждый миру и иногда педантичный и поучающий...

Так, мне кажется, должно быть, когда пара друзей в мужском союзе не побеждает Великую Питательницу — как говорит Георг, — а разрывается сама.

С другой стороны, мифический оракул скрывает и другие, более дружественные образы. Пары сражающихся друзей существуют и среди так много значащих для нас индейцев. Я в своем сочинении *Von der Seele im Stoff*¹⁹ (О душе в материи) уже рассказывал о так называемой индианской Эдде, в которой речь идет о союзе светлого и темного сына земли, и только этим двум союзникам удастся выиграть в мяч у «нижних». В эскимосских сказках Расмуссена этот же мотив встречается очень часто. А в песне, которую я считаю глубочайшим откровением и провозвестием немецкой судьбы, достижение мужского становления также удастся паре друзей; имеется в виду «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха. Мне представляется вполне отчетливым следующее: когда Парцифаль в первый раз находит Священную Гору, это происходит в определенной степени случайно, в любом случае без четкого намерения и понимания. Согласно тексту он искал вообще не Монтсальват, а свою мать. Понятно, что такой персонаж не может поднимать вопрос, который приведет к смене старика, короля, и который сделает его самого рыцарем и королем. Он едет дальше, как путешествующий юноша (вечное путешествие является типичным для ищущей сущности юноши). Но затем происходит единение с другой, темной стороной, что совершенно понятно. И это даже двойное единение: Парцифаль побеждает своего противника, Гавана (который говорит ему: «во мне ты победил самого себя»), и он «узнает» своего единокровного брата Файрефиза. Теперь путешествие удастся; больше речь не идет о поиске матери; теперь он сам мужчина, рыцарь, который может стать королем.

Но, конечно, эта древняя песнь полна предвещания, но как тяжел такой путь, такое свершение, когда мифические мотивы Бальдура и Локи, Зигфрида и Хагена соединяются со вторым создающим душу мифом, христианским мифом! Ведь, в данном месте я хочу лишь прикоснуться к вопросу, не видим ли мы такое же напряжение между Иоанном и Иудой Искаротом? На груди Иисуса покоится голова любимого апостола, Иоанна; а в темное и враждебное отодвинута голова того представителя другой стороны, который надеялся на власть также и в этом мире и который совершил предательство. Как все обстояло бы, если представить себе — или это просто сакральная фантазия? — что Спаситель принял Иуду Искарота, как и блудницу?

Конечно, для женщины в истории со Спасителем указан путь (как мне кажется, впервые в истории религий²⁰): эта женщина

умасливала — в образе Марии Магдалины — ноги Спасителю; и он принимает это пожертвование гетеры, которая добровольно отказывается от своей древней магической лунной силы; она вырывается из плена лунарного демонизма, принимая другой, солнечный закон, она добровольно и осознанно отказывается от поглощающей силы Земли и Луны и принимает Спасителя. «Смотрите, я дева Христова». В празако́не, в котором существует пражени́ца, женщина-природа, все женское хочет только кругооборота, только вечных объятий, только возврата мужчины обратно в свое вечное лоно. Это то, что Юнг называет «анима». Но если она учится подчиняться солнечному закону Божьего Сына, она отходит от идентичности с Великой Матерью-Землей, теперь у нее ног лунный диск и змея. Женщина может с любовью и осознанно подчиняться высшему и при этом не впадать в типично мужской грех: она остается связанной с аспектами матери и гетеры, с миром Земли и Луны²⁰. Настоящая женщина никогда не согласится с тем, что отказ от телесного является чем-то высшим; руки, рот, лоно возлюбленных богов всегда имеют значение. Единственная легитимная форма вырасти из этой ее первосущности — это любовь. Жест самоотдачи для женщины является неотъемлемым, ничем не заменимым — он может только трансформироваться, как у Гризельды или Марии Магдалины, вплоть до невидимого, но только и единственно из любви. Не обязательно нужна личная любовь, это может быть самоотдача полу, где каждый мужчина является заместителем остающегося невидимым образа Бога. Что решает — в смысле древней Лунной Матери, — хочет ли она что-то получить или отдаться высшему, так это, если мы можем сказать, образ святой блудницы.

Из рассказанного здесь видно, почему мы видим Великую Мать в ее негативном, разрушительном аспекте везде там, где не имеет места эта самоотдача праженского другому полюсу и другому закону. Ставшие старыми девами — как часто из-за привязанности к родителям! — так называемые существа женского пола; ставшие только физически матерями женщины, постоянно поглощающие свое потомство; метафизические гувернантки (которые профессионально хотят дать избавление); и многие-многие виды таких существ: они все пропустили момент самоотдачи. И теперь они стали злыми (под все еще благородной маской). Конечно, они непрерывно говорят о том, что жертвуют собой. Но где и как они жертвуют собой. Зачастую они делают это, чтобы иметь возможность требовать больше; ненасытность

никогда не исполненного требования самоотдачи перекрывается ненасытной алчностью, направленной на пожирание и поглощение. Такой образ действий вызывает противоречия как минимум у склонных к инстинктивному существованию людей. Аффект, который именно мужчины ощущают по отношению к этим чудовищам, это не только защита, в том числе вынужденная. Некоторые хотят подчиниться бессознательному, некоторые хотят сражаться и победить, подчинить. Но ведь победа женского состоит в том, чтобы подчиниться.

Мы, аналитики, знаем этих благородных бестий. И я должен в своем отчаянии — в большинстве случаев слишком поздно — помочь им понять, как дела обстоят реально. Зачастую это, к сожалению, невозможно...

Это мне хотелось сказать об отношении женщины с (Великой) Матерью²¹. Но для мужчин, как отмечено выше, такой привязывающий душу и перспективный миф отсутствует. Мне кажется, что — и это подтверждает опыт аналитика — нам следует присмотреться к обычаям, которые я называю паракультурными. Именно в них мы можем найти следы рассматриваемых здесь явлений.

Выше мы говорили о парах друзей и мужских союзах; в этой связи следует назвать и явление, которое редко рассматривается с такой точки зрения. Я имею в виду армию и ее роль мужского союза. Эта роль зачастую понимается только как направленная против третьих сторон, так сказать наружу, опасная и служащая агрессивным целям — при этом забывают, что речь идет в большей степени о формах проявления, о процессах отражения самой души народа. Начало марша колонн — это уже выражение тяжелой поступи по земле, которую мы рассматриваем как покорение Magna Mater²². Это тот аспект, который касательно армии должен отделяться от воинственных целей²³.

Мы можем также обратить внимание на символику человеческого образа и движения — в частности, строгая, прямая осанка, которая является характерной для военнослужащих; характерной особенностью военной осанки является выпрямленное колено.

Раньше я уже подчеркивал, что хорошая часть душевного развития происходит ниже уровня сознания (при обсуждении инстинктов, обычаев и т. д.). Еще гораздо ниже любых слов, понятий, мышления, даже видимых образов; там, где дух и смысл еще не противостоят жизни, а вплетены в нее и представляются как одушевленная жизнь плоти. Это сложно описать парой слов. Но можно исходить

из понятия «положение тела». Многочисленные наблюдения морфологии, истории развития позволяют понять это как неосознанный процесс образования. (Например, А. Мюллер очень хорошо показал это на дифференциации церебрального и генеративного принципа в своем исследовании о происхождении половых органов²⁴.) В определенном смысле переход человека от горизонтального к вертикальному положению тела является выражением «поднятия себя» из материнской первопричины, на широкой земле. Животные ходят по земле горизонтально. Поэтому всё «*potentia erecta*» — всё прямостоячее — шест, башня, колонна, обелиск и (понятый в этом смысле!) фаллос являются символами такого первого разделения солярно-мужского и хтонически-женского принципа.

По этой причине я назвал вертикальное положение тела²⁵ и теперь пытаюсь в рамках нашей темы остановиться несколькими словами на процессах в неосознанном живом, на стороне плотско-душевного, которые также являются проявлением противостояния с Великой Матерью.

Колени, если рассматривать их в плотско-символическом смысле, являются первой позицией нашей сущности, которая находится над землей. Наша стопа еще находится на ней, привязана к ней; стопа (ахиллсова пята!) всегда анонимна, равна корням и связана с землей²⁶. Историческое языкознание говорит о том, что «пада» (древнеиндийский язык) значит не только «шаг», но еще и «след», «место». Совсем иначе дело обстоит с коленом. Я могу опуститься на колено или на колени, это является символом унижения, добровольного или вынужденного унижения. Когда колено опускается на землю, одновременно, как правило, опускается и голова. Таким образом я временно возвращаюсь к первичному, к материнскому (в то время как стопа может оторваться от него лишь мимолетно, в прыжке). Движением коленей я могу играючи, эластично изменять свое отношение к земле. Максимальной антитезой является полное выпрямление колена, в первобытных танцах или парадном марше это выглядит как топание по земле²⁷.

В исследованиях Вайцзеккера и его школы, а также в публикациях нашей Мюнхенской рабочей группы²⁸ уже даны наблюдения о том, что эти отношения играют определенную роль в том числе в болезнях. — В качестве примера я приведу всего один случай: молодой человек в возрасте 26 лет, привязанный к матери (и страдающий наркоманией),

в ходе сеансов аналитического развития сначала был освобожден от женщины материнского типа, у которой он проживал; затем удалось освободить его и из рук кровной матери. При этом имел место примечательный рецидив. Он как раз перешел к решению последней задачи, но заболел ревматическим воспалением обеих ног и вынужден был провести две недели в постели. Я еще раз хочу указать на случай, о котором сообщил Юнг²⁹ (я уже комментировал его в *Reich der Seele*), когда у пациента, который также был привязан к матери, имело место заболевание пят. Мотив «вертикального» принципа и значение коленей в отделении от «горизонтального» бытия виден и из сновидения, которое видел молодой человек, в нем речь шла о становлении мужчины и отделении от матери: «в подвижной темноте я вижу в четырехугольном разграниченном пространстве нечто, стоящее вертикально. Прямоугольное пространство как земля, но также как манеж для маленьких детей. Стоящее вертикально может быть ребенком или также фаллическим образом; это нечто постоянно меняется. — Позднее передо мной появляется друг, который, как кажется, сошел с ума, я боюсь с ним говорить». Что касается ассоциаций, человек, который видел этот сон, сообщает, что этот друг как раз написал ему, он, мол, собирается отказаться от всех достижений последних лет; он ощущает сильное давление в душе и собирается отстраниться от повседневной жизни, от профессии и от жены и вернуться в родительский дом; там хоть будет кому о нем позаботиться. Это получалось и согласно его сну — упомянутый друг написал человеку, который видел сон, что вследствие оказываемого на него давления бедро и голень его левой ноги вдавливаются друг в друга. Человеку, сон которого я анализирую, приходит в голову, что прежде всего исчезает колено; и по поводу колена: «это как первое осязающее примитивное лицо, которое пускается в дорогу из прасна». — Я думаю, без многих слов ясно, что в обоих снах (из которых сон друга вообще не относится к моей практике) мотив колена виден в том смысле, который мы рассматриваем.

Мы уделим еще немного внимания этой символике плотско-душевного, и по этому поводу можно сказать: в колене впервые отделяется от совершенно общего, от материнской первопричины нечто особенное. Естественно, это особенное или отделенное еще не является индивидуальным, оно еще коллективно в качестве группового существа. Если снова начать мыслить этимологически, можно вспомнить о «geni»,

колене, и «genus», роде (в смысле «из рода оттуда-то, такого-то»). Конstellация сущности колена имеет значение, если так смотреть, первого выделения из «только природы», первого частичного и коллективного освобождения от нее. Естественно, еще далеко «ниже» всего личного, «свободного» «духа», также еще «ниже» всего, что мы обычно называем полом в обычном смысле³⁰.

Наш пол — это одна из форм проявления этого более общего «желания» *deus terrenus*; но уже его явление в самостоятельном, подвижном, ставшем более свободным живом существе. В рамках нашей темы я должен говорить о поле, потому что я хочу подчеркнуть следующее: пол — понимаемый таким образом — является одним из путей, на котором человек этой земли встречается с Великой Матерью, связан с ней и отличен от нее.

В данном аспекте также приходится возражать одному распространенному заблуждению. Нашим преданиям в культурно-институциональном смысле соответствует положение о том, что причастность к генеративным мирам означает исключительно упадок под воздействием неосознанных, природных сил. Но такое мнение не учитывает, что решительность генеративного долженствования — это дифференциация и изначальный вход в развитие «только природы». Эта «только природа», как называли ее романтические натурфилософы, еще неполяризована. Женское и мужское еще не разделились, в великой первотайне покоятся, не приняв конкретного образа, все семена; во сне и невидимые. Великая прамать Исида еще не отпустила своего сына, который должен стать ее супругом и отцом. Еще даже не разделены светлый и темный аспект лунной сущности. Мы уже встречались с этим первосостоянием во сне о «первочудовище». Только когда разделяются свет и тьма, расходятся вода и твердь, женское и мужское, низ и верх, возникает жизнь, развитие, становится возможным напряжение между противоположностями, возникающими при саморазделении первоединства (которое Шеллинг называет богом «ненастоящего монотеизма»). И только их воссоединение является настоящим рождением Абсолюта. Так развивается изначально неразделенное, мы видим это в растительном, в животном мире и в мире человека: всегда и постоянно разрыв и раскол как условие для того богослужения, которое состоит в воссоединении. Чем поляризованнее, чем дальше первопричина, тем храбрее и решительнее живые существа, тем сильнее их стремление к воссоединению. Камни вырастают, они еще почти не разделены.

Растения мечтают друг о друге, их пыльца переносится в воздухе бабочками и пчелами. Они как братья и сестры, как близнецы в утробе матери. Холоднокровные животные, например рыбы, еще так близки друг к другу, что им не нужен физический союз для того, чтобы стать едиными. Только теплокровные, человек и зверь, настолько отделились от темной земли и ее материнской окруженности, что у них существует настоящее чудо воссоединения.

Конечно, существует много уровней этого *unio mystica* — также нематериального рода. Но нельзя забывать о том факте, что первая ступень взросления из райской первозащищенности является не чисто духовно-душевным познанием, а — в Библии об этом сказано, что они осознали, что являются голыми — пробуждением сферы инстинктов! И неужели мы верим в то, что этот этап можно перепрыгнуть? Разве это только «грех»? Не скрывается ли в таком испытании и таком представлении — и можно привести доказательства! — опасность того, что таким образом упускается осуществление того мощного первого разделения, пробуждение из растительного сна детской невинности, возникновение «вражды» между противоположностями? В данном месте это зашло бы слишком далеко, если бы я начал в подробностях излагать, какой эзотерический фон имеет так называемое сексуальное развитие человека, насколько оно в самом буквальном смысле слова имеет большое значение, во всех своих фазах. Я просто очерчиваю тему.

В так называемой нарциссической фазе взрослый, если смотреть с точки зрения сексуальной психологии, берет свой собственный пол из общего генеративного, из «первочудовища»; он находит его в себе самом, тот, как раньше, проявлялся в нем как в растении. — Можно также сказать: он принимает свою часть материнско-природной прасущности и стремления и берет его в себя. На следующем после этого гомоэротическом этапе мужчина преобразует эту природу в собственную мужественность, а женщина — в собственную женственность. Мы уже видели раньше, что эта фаза зачастую нуждается в партнере снаружи, чтобы вместе с ним мог быть реализован алхимический процесс сродства³¹. И только на этом этапе может создаваться гетеросексуальный мир, в котором находится та другая сторона — «лучшая», то есть дополняющая половина. Она была вынуждена временно отступить на задний фон, пока наша задача не заключалась в том, чтобы отделиться, основаться, построиться преимущественно в мужской или женской манере.

Все эти процессы *de natura* сущностно привязаны к генеративному, к эротически-плотскому. И ни в коем случае не означают ergo только обратное поглощение во власть Праматери, это еще и отделение от ее спящей и неразделенной тупости. Решились бы так многие на такое болезненное расставание с детским раем, ведь многие на него так никогда и не отваживаются? И не остаются ли именно эти так называемые «чистые» вечными детьми? Не храбрее ли те, кто переступает разные пороги — не являются ли они подвижниками другой, новой и истинной чистоты? Те, кто отваживается на борьбу? Ведь то, что дает развитие, не является просто похотью? Оно ведет через борьбу и лишения в одиночество и жесткость?

Опыт глубинной психологии также говорит о том, что именно привязанные к матери зачастую оступаются на порогах, которые ведут в генеративное пространство. И если посмотреть на это с другой стороны, окажется, что удерживающая при себе сына мать (то есть та, кто идентифицирует себя с Magna Mater) больше всего мешает пути сына к другу и к женщине. Это сдерживание, естественно, очень хорошо маскируется.

Одна из таких матерей сказала мне, когда я высказался в духе, что ее сын должен все-таки покинуть родительский дом и найти себе женщину, весело и с хитринкой: «Ну конечно, доктор, я так этого сама хочу. И Вы же видите, как мало я привязываю Фрица к себе: я как раз подыскиваю для него подходящую супругу...». Фриц до сих пор не женат и стал гомосексуалистом.

В связи с этой историей тяжело удержаться от рассказа о некоторых клинических наблюдениях. Количество случаев, когда привязанность к матери (будь то реальная мать или желаемый образ матери) становится препятствием на пути становления сына как мужчины, из-за чего он терпит неудачу в жизни, в профессии и в отношениях с противоположным полом, просто огромно. В частности, многие гомосексуалисты (обоих полов) становятся таковыми из-за этой нерешенной проблемы; это касается и остановившихся на еще более ранней стадии хронических онанистов, страдающих нарциссизмом (в социологии их еще охотно называют «эстетами») — то есть всех, кто на детском уровне и на уровне зародыша остался на уровне нерожденного. Они, естественно, страдают от сложностей в отношениях; ведь как могут возникнуть отношения (которые требуют разности, промежуточного пространства) между существами, которые еще не дошли

до уровня отделенного Я? Мы уже подчеркивали в другом месте, что характерным образом матери таких людей часто заболевают, если, например, с помощью психотерапии удастся побудить такого сына к дополнительному развитию, к зрелости.

Не стоит забывать и о том, что то, что сегодня называется завтрашним днем, послезавтра становится днем вчерашним... В самом начале я уже говорил, что образ Великой Матери нельзя понимать конкретно и косно, этот образ должен пониматься как относительный и подвижный. Автоэротически-нарциссическая фаза является развитием для чего-то юного, а для более старшего это опасность, плен и проклятье — так и эротически-сексуальный, генеративно ориентированный отрезок нашего жизненного пути является всего лишь этапом нашего общего задания. Эротически-сексуальный аспект — это всего лишь одна — хотя и очень существенная — сторона постижения жизни вообще. Например, в Индии говорят, что человек должен зачать сына, построить дом и приобрести имущество.

Когда этот закон выполнен (но только если он действительно выполнен!), когда осознание жизни поднимается, так сказать, «выше диафрагмы», возможно добровольное расставание, «уход в леса» — который снова ведет «к матерям». В этом случае (я напоминаю о сказанном выше о коленях) колени не только научились стоять прямо, они могут даже танцевать. И теперь, как в собственном дыхании, противоречия, которые раньше были снаружи, оживают внутри: в двойственной милости того дыхания, которое непрерывно двигается вверх и вниз, от копчика к голове...

Я считаю нужным еще раз указать на то, что те формы и пути жизни, которые отличаются индивидуализирующим аспектом, включают в себя и прямохождение по этой земле и стояние на ней. Это не просто дурная неизбежность или порок, которого следует избегать. Напротив, в свое время они являются прогрессом, становлением и сущностным ростом.

В принципе все, о чем я уже сказал, касается процесса взросления, то есть сначала освобождения от первочудовища, а затем от материнской удерживающей сущности и последующего пути к себе. Я попытался рассказывать об этом не абстрактно, а на примере конкретных случаев из жизни³².

Так же долго и еще дольше следовало бы говорить о каждом из этих двух следующих этапов жизни. За этим первым, который

в основном определяется различием, следует еще один, который определяется творческим становлением в качестве мужчины; Великая Мать также меняется: материя становится материалом для активного задания, творческой самореализации. И в итоге из человека и его творчества получается новая сеть, «мандала», которая на надличностном уровне содержит своего творца, включает его в себя и обволакивает его как паутина. И теперь траектория жизни достигла своего конца, оборот завершен. Мужчина снова попал в окружающее его, он находится «внутри». Только теперь он осознает это «внутри», ощущает его с помощью своих органов. Так он становится знающим и мудрым, провозвестником и учителем. (Черты Великой Матери в облике таких посвященных свидетельствуют с точки зрения физиогномики о происшедшем.) Теперь Magna Mater стала храмом, а человек ее — надполовым — жрецом. — Или мне можно попробовать выразить это образно? Первый образ: мы видим новорожденного человека, который лежит в створках раковины как в колыбели... Он медленно поднимается; он учится стоять и ходить; и при этом две створки раковины внезапно превратились в крылья, с помощью которых он поднимается ввысь и летит далеко-далеко. Это второй образ, при котором уже никто не думает о том, откуда взялись и выросли крылья. Но давайте посмотрим на третий, последний образ; тут человек стоит на том же месте, где он когда-то вышел из раковины. Его крылья больше не распростерты, он собирается обернуть их вокруг себя как защитный кокон. И так он снова стоит перед лицом нового возврата к изначальному.

Но нельзя сказать ничего более совершенного по сравнению с XX-й песнью Лао-цзы; в ней ощущается вся глубокая связь темного благословения позднего возврата к Великой Матери. «В стороне от толпы» древний мудрец поет следующую песнь³³:

Велика ли разница между одобрением и хулой?
Велико ли расстояние между добром и злом?
Того, чего боятся люди, нельзя не бояться.
Пустынное! Оно не имеет границ.
Все люди радостны,
будто захвачены
праздником императорского угощения
или прогулкой по весенним террасам.

Лишь я один безразличен и не подаю знаков,
будто младенец,
который еще не научился улыбаться;
утомленный, словно странник,
не имеющий дома, куда бы мог возвратиться.
Люди все имеют с избытком,
лишь я один подобен отказавшемуся ото всего.
У меня сердце невежды — столь замутнено!
Простые люди пресветло-светлы,
лишь я один погружен во тьму.
Простые люди пречисто-чисты,
лишь я один невежественно-безыскусен,
безграничен, словно море,
неудержим, будто яростный ветер.
Все люди знают об использовании,
но я один глуп и ограничен.
Лишь я один отличаюсь
от других и ценю
матерь Благодати.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Учебный фильм Имперского агентства учебных кинофильмов (Берлин).
- ² В этой связи вспоминаются стихотворные строки Ф. М. Хюбнера из его произведения «Magna Mater»: Кто добивается? Кто отдается? Это ты убегаешь? Это я догоняю? Кто противится? Кто настаивает? / Ты колеблешься перед прыжком? Глубина страшит тебя? / И ты пробудишься только в гибели / (Würfelbücherei, Darmstadt).
- ³ Не характерным ли является то, что зачастую сторонниками сухого закона являются женщины? Они не дают мужчинам права участвовать в культе Вакха-Орфея-Диониса. Но не стоит забывать и о том, какой страшной бывает месть обиженного божества!
- ⁴ У индейцев сиу.

- ⁵ Я благодарен госпоже Х. Зупан за информацию о поучительной параллели касательно этих женщин и образа первочудовища из мистического труда Парацельса: «Следующая по стопам за матушкой девица является дочерью старухи, она рождена из ее тела, рождалась еще до начала творения и продолжает рождаться ежедневно... Пусть тебя не страшит отвратительная одежда старой матушки; ее дочь одета гораздо красивее...; хотя ее первые одежды перед обнажением совершенно безобразные, черные, грязные, с дурным запахом, ядовитые; также у нее под ногами лежит приданое... Старуха называется «*elementum terrae nostrae*», «*centrum mundi*», «*et aliorum elementorum et omnis seminis (omnium rerum) Nutrix et Matrix*», «природа»; в ней скрываются «девственная земля»; и эта дева, содержащая «*secunda materia*», может дать ключ к «*ultima materia lapidis*». Если присмотреться к этой деве надлежащим образом, можно «открыть замки и печати сокровищницы природы и добраться к золотым и серебряным рубиновым и алмазным сокровищам с их сильным воздействием...» (Из: А. В. С. vom Stein der Weisen, I., Berlin 1778; p. 78 ff.)
- ⁶ Ведь прошлое в качестве закона имеет отцовский характер, а в качестве обычая — материнский.
- ⁷ Я не буду останавливаться на этой теме дополнительно, но этот доклад сам по себе может послужить для того, чтобы поставить на место искаженную концепцию З. Фрейда, в частности эдипов комплекс.
- ⁸ Но даже если отдельный человек в определенной степени останется в целостности и сохранности, смешение с цветными представляет собой опасность владычеству белых проклятием этой связи, метисами, что состоится рано или поздно. Это показывает, например, Роберт Гамильтон Брюс Локхарт («Снова в Малайе»).
- ⁹ Когда видишь и слышишь адептов и поклонников «бессознательного», просто удивляешься глупости, сумасшествию и гротеску, которые они демонстрируют. То, что я сейчас расскажу, может показаться выдуманной историей, но это действительно и, к сожалению, правда. Несколько лет тому назад двое взрослых мужчин шли по Курфюрстендамм в Берлине. Один спросил другого, куда бы им пойти вечером, в кинотеатр или в хороший ресторан. Второй остановился (на Курфюрстендамм!), погрузился в себя и задумался. А когда первый мужчина озадачился, второй пробормотал:

«Я как раз спрашиваю свою аниму»... Конечно, это смешно. Но можно и заплакать; кто частенько видит жертв таких недоразумений, тот скорее именно заплачет.

¹⁰ Это, пожалуй, отчетливее всего видно по психиатрии. В этой сфере еще и сегодня есть представители мировоззрения полного рационализма, отрицающие саму возможность существования подсознательного!

¹¹ Именно сейчас мы говорим об этом также и по той причине, что хтонический культ сейчас больше не является только парapsихологическим!

¹² Этот смысл культовой еды и питья настолько известен, что дополнительно его разъяснять, пожалуй, не стоит. Я только напомним, что Циммер часто сообщает о том, что в одном из языков Индии говорят, что жизнь должна «съедаться». Когда мы говорим «наслаждаться», это слово имеет такое же значение.

¹³ = на языке студенческого свода правил это называется «löffeln» (черпать ложкой). Использование этого слова указывает на возраст всех этих обычаев. «Löffel» = в средневерхненемецком языке «laffel», происходит от корня «пить». Подразумевается ли в данном случае и широко распространенное в период с 16-го по 18-ый век значение «löffeln» = флиртовать, я не могу сказать с уверенностью. Но в этом нет ничего невозможного, учитывая (гомо)-эротические черты мужского союза.

¹⁴ Heyer: «Die Institution...» в «Die kulturelle Bedeutung der komplexen Psychologie», Berlin 1935, см. также статью Weipperts в «Reich der Seele», Bd. I (München 1937).

¹⁵ Так красиво написал Эшманн в своем греческом дневнике (Йена, 1936).

¹⁶ См. по этому поводу также доклад Люси Хайерим «Reich der Seele», Bd. I: Erinnyen und Eumeniden (München 1937).

¹⁷ Стрелу из ростка омелы — которая убивает Бальдура — Локи, как известно, получает (переодетый старухой!) от Фригг.

¹⁸ B. Goetz: Reich ohne Raum. — Die Pferde gehen durch (Stuttgart).

¹⁹ «Reich der Seele», Bd. II (München 1937).

²⁰ Вот что говорит — конечно, на профанном уровне — леди Мильфорд Шиллера: «У нас, женщин, выбор один: властвовать — или покоряться. Но даже упоение самой неограниченной властью — это только жалкое самоутешение, если мы лишены наивысшего

счастья — быть рабыней любимого человека». И только так называемому движению за права женщин удалось привести к тому, что этот мировой закон временно забыт.

²¹ В своем докладе К. Г. Юнг на собрании подробно занимается этим вопросом.

²² Отчасти мы видим это, например, в танцах первобытных народов.

²³ Моя старая подруга, крестьянка из Тёльца (я ее цитирую достаточно часто), сказала мне недавно, когда мы дискутировали о боге и мире: «Знаешь, доктор, ты недавно прислал ко мне еще одну женщину, которая сетовала, что ее старший сын должен идти в армию. Ну я ей и ответила! Эти ср... матери, которые не хотят отпускать от себя своих вечно маленьких мальчиков! У нас на селе говорят, что в армию идут мальчишки, а обратно возвращаются мужчины*».

²⁴ A. Müller: Individualität und Fortpflanzung als Polaritätserscheinung (Jena 1938).

²⁵ Эта часть моего изложения стала поводом для критики, состоявшей в том, что я слишком перехожу из уровня духовно-научных размышлений на уровень обыденного. Предъявляющие такие претензии не только не замечают того, что наша тема касается проявления Великой Матери в современном человеке; они также забывают о том, что все архетипы являются актуальной, заряженной энергией реальностью. Конечно, удобнее романтически проецировать все «далеко в Турцию», чтобы назвать рассматриваемое «духовным».

²⁶ Поэтому закаленный почти до бессмертия Ахилл остается смертным на пятке (там, где его держала мать). И человека под древом познания змея кусает в пятку, это значит, что он не полностью может стать «как Бог».

²⁷ Господин Эшманн обратил мое внимание на то, что кое-что из сказанного выше о значении пьющего мужского союза, а также мотив топанья по земле имеют хорошее соответствие в оде Гарадия «Пить, пить давайте! Каждый напейся пьян! Хоть и не хочешь — пьянствуй!», эта ода посвящена триумфу победы римлян над Клеопатрой, над «fatale monstrum».

²⁸ Heyer: Organismus der Seele, 2. Aufl., München 1937; Prakt. Seelenheilkunde, München 1935; Heyer und Seifert: Reich der Seele, München 1937 u. a. m.

²⁹ Юнг: Проблемы души нашего времени.

³⁰ Я полностью осознаю, что я говорю необычные вещи, которые отчасти далеки от обычных представлений. Ведь при нашей — культурно обусловленной — чуждости и слепоте по отношению ко всему природному, всему вещественно-живому, плотско-душевному мы мало привыкли дифференцировать разные слои, которые неизбежно становятся заметны при более пристальном рассмотрении вопроса. Со времен Каруса символика человеческого образа нигде не рассматривалась так серьезно. Но время, которое снова обратится к власти и действительности «крови» и «почвы», без такого опыта не вернется. В параллели с Индией эта наша программа могла бы называться «создание хатха-йоги» — но западного образца и западными методами.

³¹ Здесь имеет место положительная сторона гомоэротики (что мы уже упоминали, рассуждая о мужских союзах); но зачастую эта продуктивная, духовная эротика переходит в свою отрицательную противоположность, тогда она становится гомосексуальностью.

³² Мне вспоминается примечание П. Хофманншталя, которому он дал название «Умный ребенок»: «Умного ребенка спрашивают: Ты можешь прикоснуться к звезде?» «Да», — отвечает он, наклоняется и касается земли».

³³ В переводе А. Маслоу.

ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ —
уникальный проект
со множеством граней:

- Ежемесячно обновляемый
эксклюзивными переводами САЙТ
WWW.CASTALIA.RU
 - Еженедельно собирающийся
КЛУБ КАСТАЛИЯ,
где читаются лекции
о самых разных эзотерических
и психологических
традициях
 - ШКОЛА КАСТАЛИЯ,
регулярно проводящая
открытые обучающие лекции и семинары
- МЫ БУДЕМ РАДЫ ОБЩЕНИЮ
СО ВСЕМИ ЗАИНТЕРЕСОВАВШИМИСЯ
ЛЮДЬМИ!

ISBN 9785519605519

АРХЕТИП
ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ

CASTALIA

